

Б. Я. СТАВИСКИЙ

КУШАНСКАЯ

БАКТРИЯ:

ПРОБЛЕМЫ

ИСТОРИИ

И КУЛЬТУРЫ

Б. Я. СТАВИСКИЙ

КУШАНСКАЯ БАКТРИЯ:

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор

Б. И. Вайнберг

В книге Б. Я. Ставиского обобщены материалы изучения истории Бактрии кушанского периода (I—IV вв. н. э.). Основное внимание обращено на анализ данных археологии, которые восполняют пробелы в сведениях источников, помогают сделать ряд важных заключений относительно социальной, политической и культурной истории кушанской Бактрии.

Книга рассчитана на историков-востоковедов, а также историков культуры широкого профиля.

С $\frac{10603-220}{013(02)-77}$ —126-77

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бактрия, одна из ведущих историко-культурных областей Средней Азии в древности, вот уже более двух веков привлекает к себе внимание исследователей. Но до недавнего времени этот интерес был главным образом связан с той ролью, которую древняя Бактрия играла в истории ахеменидского Ирана, империи Александра Македонского и его преемников в Азии и особенно — Греко-Бактрийского царства.

Однако нет никаких оснований считать гибель Греко-Бактрийского царства, рухнувшего под натиском кочевых племен, заключительной страницей истории Бактрии. Изыскания последних десятилетий, в том числе археологические открытия советских ученых на юге Узбекской и Таджикской ССР и на севере Афганистана, продемонстрировали большое значение Бактрии, известной с IV в. уже под названием Тохаристан, для сложения и исторического развития Кушанской империи — одного из наиболее могущественных государств древнего мира, однако долгое время почти неизвестного современной науке. Круг вопросов, связанных с историей, культурой и искусством этой забытой империи, получивший название «кушанской проблемы», приобрел особую актуальность в наши дни, когда в работу кроме западноевропейских, североамериканских и японских ученых включились исследователи из СССР, Индии, Пакистана и Афганистана, т. е. тех стран, на чьих территориях некогда располагалась Кушанская империя.

К сожалению, ограниченность известных ныне источников все еще тормозит разработку различных аспектов «кушанской проблемы», успешное решение которой во многом зависит от объединения усилий специалистов разных дисциплин и стран. Учитывая это, совещание экспертов ЮНЕСКО, обсуждая в апреле 1972 г. в Париже проект по изучению цивилизаций Центральной Азии¹, выделило исследование истории и археологии Центральной Азии в кушанскую эпоху как одну из ключевых задач проекта. Серьезными шагами по координации работы ученых разных стран над «кушанской проблемой» стали международные встречи в 1968 г. в Душанбе и в 1970 г. в Кабуле.

---

¹ Под Центральной Азией подразумевались Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и советские среднеазиатские республики.

Сейчас наступило время систематизировать и обобщить имеющиеся материалы как по отдельным дисциплинам (например, по языкам и письменности Кушанского царства), так и по регионам.

Такого рода попытки уже начались. Так, материалы по истории и культуре кушанской Индии не только рассматривались вкратце в сводных трудах по истории Индии, но и послужили темой монографии Б. Н. Пури (B. N. Puri). Советские ученые публиковали краткие сводки материалов по отдельным областям Средней Азии кушанского времени. Но Средняя Азия в целом и Бактрия-Тохаристан кушанского периода еще не стали предметом специального монографического исследования. Цель настоящей работы, по замыслу ее автора,— в какой-то мере восполнить этот пробел, познакомить с неизвестными иногда даже специалистам материалами и итогами историко-археологических исследований Бактрии, наметить выводы, которые можно сделать сейчас по истории и культуре этой области в кушанскую эпоху.

В основу работы положены археологические материалы, которые на нынешнем этапе наших знаний остаются главным источником для изучения не только культуры и искусства, но и истории Бактрии и даже всей Средней Азии кушанской эпохи. При этом наряду с опубликованными материалами других исследователей используются и те данные, которые были получены во время моих собственных полевых изысканий в Согде и в северной части Бактрии, в том числе не публиковавшиеся ранее (или опубликованные лишь частично) материалы из раскопок Кара-тепе в Старом Термезе.

Я полностью сознаю, что история Бактрии в кушанский период представлена в предлагаемой вниманию читателя книге местами отрывочно, местами — дискуссионно или гипотетично. Весьма неполно освещена также культура кушанской Бактрии. Причинами этого следует считать (наряду с подготовкой и научными интересами автора, не являющегося, например, искусствоведом) состояние известных к настоящему времени источников. «Кушанская проблема» еще отнюдь не решена, поэтому и автору книги приходится в ряде случаев лишь обозначать направление исследований Бактрии кушанской эпохи, проблемы ее исторической географии, истории и культуры.

Москва, декабрь 1975 г.

Б. Ставиский

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Эта работа посвящена Бактрии кушанского периода, когда она, пройдя уже немалый путь исторического развития, входила в состав Кушанской империи. Таким образом, наша тема связана как с древней историей Бактрии, так и с историей Кушанской империи. Поэтому рассмотрению вопросов истории Бактрии в собственно кушанский период предпослан краткий обзор некоторых аспектов истории этой области в докушанское время и справка о современном состоянии наших знаний о Кушанской империи.

1. Бактрия до кушан. Краткий обзор

Слава Бактрии и ее связи со многими странами и областями древнего мира восходят к гораздо более раннему времени, чем период сложения Кушанской империи, хотя в древнейшей истории этой области многое еще остается гипотетичным и спорным.

Письменные источники о Бактрии до вхождения ее в середине I тысячелетия до н. э. в состав Ахеменидской (Древнеперсидской) державы почти не сообщают. Только Ктесий Книдский, младший современник Геродота, приводит сведения (восходящие, по мнению исследователей, к мидийской или восточно-иранской устной традиции) о походах ассирийского царя Нина и царицы Саммурат (по Ктесию — Семирамиды) на Бактрию, которая-де в их время, в конце IX — начале VIII в. до н. э., была могущественным и богатым царством с сильно укрепленной столицей — Бактрами и множеством городов¹. Эти сведения в сочетании с данными поздней зороастрийской традиции о покровительстве, которое якобы оказывал Заратуштре правитель Балха (Бактр) Кави Виштаспа (по Авесте) или шах Гуштасп (по «Шах-наме» Фирдоуси)², породили гипотезу о существовании могущественного доахеменидского Бактрийского царства.

¹ Диодор, II, 2, 1—4; 5, 1—4; 6, 1—8. Ср. И. В. Пьянков. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душ., 1975, с. 46—61 (текст и перевод фрагментов), 144—174 (комментарий). К Ктесию, вероятно, восходит и упоминание осады Бактр ассирийским царем в «Киропедии» Ксенофонта (I, 5, 2).

² См.: С. Н. Соколов. Духовная культура. Религия.— ИТН, с. 171; В. Г. Луконин. Комментарий.— Фирдоуси. Шахнаме. Т. 4. М., 1969, с. 410, 413—415.

В XIX в. этой гипотезы придерживались В. Томашек и В. Гейгер³, сейчас она принята рядом советских ученых⁴, которые при этом говорят не о царстве, а о союзе племен или объединении, стоявшем на раннем этапе развития государственно-сти. В работах советских исследователей как косвенное свидетельство существования Древнебактрийского государства рассматриваются находки на Древнем Востоке поделок из лазурита, который считается происходящим из Бадахшана, т. е. из восточной части Бактрии⁵.

Однако поскольку сведения Ктесия, равно как и данные зороастрийской традиции, носят легендарный характер, а находки лазурита на Древнем Востоке (вплоть до додинастического Египта) могут свидетельствовать лишь о каких-то (возможно, опосредствованных) связях Бактрии с передневносточным миром⁶, гипотеза о доахеменидском Бактрийском царстве остается предметом научных споров. Решающее слово в этих спорах будет, вероятно, принадлежать археологии.

Недавние открытия советских археологов как на правом, так и на левом берегах Амударьи уже дают основание утверждать, что в конце II тысячелетия до н. э. здесь существовали довольно крупные оазисы с поселениями, окруженными мощными крепостными стенами, в которых наряду с рядовыми жилищами были и крупные храмовые комплексы и постройки дворцового

---

³ См.: W. Tomaschek. *Centralasiatische Studien. I. Sogdiana*. Wien, 1877, с. 5; W. Geiger. *Ostiranische Kultur im Altertum*. Erlangen, 1882, с. 66—67.

⁴ См., например: С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии.— ВДИ. 1938, № 1, с. 183; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. Изд. 3-е. М., 1955, с. 46; В. А. Лившиц. Древнейшие государственные образования.— ИТН, с. 154—159; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 1. М., 1964, с. 48—50; И. В. Пьянков. Ктесий о Зороастре.— МКТ. 1, 1968, с. 55—58 (особенно с. 63—64).

⁵ М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л., 1934, с. 16—17. Выводы М. Е. Массона были приняты многими советскими учеными; см., например: С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии, с. 182; Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душ., 1954, с. 28; В. И. Сарнианиди. О Великом Лазуритовом пути на Древнем Востоке.— КСИА. Вып. 114, 1968, с. 3—9. Однако следует отметить, что пока эти находки не будут подвергнуты сравнительному минералогическому исследованию, их определение как бадахшанского лазурита остается недоказанным. (Я уже указывал на это в статье «О культурных связях древней Средней Азии с домусульманским Египтом».— Древний Восток. 1. М., 1975, с. 299—300, прим. 2.)

⁶ Новым вещественным свидетельством ранних (III—II тысячелетие до н. э.) связей между районом разработки бадахшанского лазурита и классическим Древним Востоком может служить найденный летом 1966 г. неподалеку от сел. Фуллол в бассейне р. Сурхаб, к юго-востоку от Баглана, клад золотых и серебряных сосудов и их обломков. См.: M. Tosi, R. Wardak. *The Fulloil Hoard: A new Find from Bronze-Age Afghanistan*.— EW. N. S. Vol. 22. № 1—2, 1972, с. 9—17.

типа с колоннадами⁷. Вполне вероятно, что значительную часть их населения составляли индоевропейские, индоиранские или даже восточноиранские племена. Однако на данном этапе наших знаний мы еще не можем убедительно доказать или опровергнуть это предположение, равно как и вывод о генетической связи культуры этих древнейших земледельцев с культурой последующего, собственно бактрийского населения.

Более определенно о Бактрии, ее населении и культуре можно судить начиная с VI—IV вв. до н. э., времени вхождения ее в состав Ахеменидского государства. В этот период, согласно единодушным свидетельствам письменных источников, на землях Бактрии жили бактрийцы, входившие вместе с согдийцами, хорезмийцами, саками (а также скифами) в восточноиранскую этнолингвистическую группу, родственную западным иранцам — персам и мидянам⁸.

Яснее представляется в этот период и роль Бактрии в жизни древнего мира, прежде всего Древнеперсидской державы. Рассказывая о событиях, последовавших за разгромом основателем этой державы Киром Великим царя Мидии Астиага (550 г. до н. э.) и лидийского государя Крёза (546 г. до н. э.), Геродот указывал, что на пути Кира к созданию большой державы теперь лежали «Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне»⁹, т. е. ставил Бактрию, равно как и могущественных кочевников саков, в один ряд с Вавилонией и Египтом. В данном случае «отец истории» скорее всего отразил представления своих современников о значении Бактрии, уже входившей в то время наряду с Вавилоном, Египтом и частью сакских племен в состав Древнеперсидского государства.

О большом значении, которое придавали Бактрии Ахемениды, свидетельствует и то, что управление ею часто (или обычно?) поручалось членам царского дома, ближайшим родственникам «царя царей»¹⁰. При этом фактическая власть в ахеменидской Бактрии находилась, видимо, в руках местной знати. Во всяком случае, античные авторы, весьма подробно описывавшие завоевание Бактрии и Согды Александром Македонским, не упоминают о персидских гарнизонах и персидской администрации, кроме сатрапа и его ближайшего окружения. Зато постоянно называют представителей местной знати, осуществлявших власть в своих краях и непосредственно подчинявших-

⁷ См. публикации И. Т. Кругликовой и В. И. Сариниди о работах Советско-Афганской археологической экспедиции, особенно «Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий». — СА. 1971, № 4, с. 154—162, а также: В. И. Сариниди. Бактрия в эпоху бронзы. — СА, 1974, № 4, с. 49—71 (там же приведен перечень ранних публикаций).

⁸ В. А. Лившиц. Иранские языки народов Средней Азии. — Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 131—133.

⁹ Геродот, I, 153.

¹⁰ Е. А. Мончадская. О правителях Бактрии и Согданы VI—IV вв. до н. э. — ТГЭ. Т. 5, 1961, с. 111—112, 115.

ся сатрапу Бактрии Бессу. Иными словами, власть Ахеменидов в Бактрии к моменту прихода Александра (вероятно, и ранее) держалась не столько на постоянных персидских гарнизонах и администрации, сколько на лояльности местной аристократии. Лояльность же эта, видимо, обуславливалась не только могуществом и авторитетом ахеменидской власти, но и определенной заинтересованностью местной знати в принадлежности их области к этому мощному и обширному государству¹¹.

По имеющимся данным, в ахеменидский период значительно укрепилась связь Бактрии с Ираном, а также с Индией, Месопотамией и Восточным Средиземноморьем. Через Бактрию, в частности, пролегла дорога из Малой Азии в Индию¹². Все это, безусловно, способствовало росту внешней торговли, доходы от которой частично доставались бактрийской верхушке. Знакомство с передовыми странами Ближнего Востока (Вавилонией, Мидией и др.), где существовало не только развитое хозяйство, но и более четко сформировались классовые отношения¹³, введение разработанной налоговой системы также, очевидно, способствовали усилению позиций бактрийской знати. Возможно, ей перепадала и некоторая доля добычи от участия бактрийских отрядов в военных походах Ахеменидов.

О богатстве бактрийской знати позволяет судить знаменитый Амударьинский клад, принадлежавший, видимо, сокровищнице местного храма или аристократического рода и насчитывающий более 170 ценнейших изделий из золота и серебра¹⁴.

¹¹ См.: Б. Я. Ставиский. Средняя Азия под властью Ахеменидов.— ИТН, с. 209—211. Местная знать была, видимо, связана с Ахеменидами также брачными узами. Так, Оронт, сатрап Армении, сын бактрийца Артасира, занимавшего высокий пост «царского ока» при Артаксерксе II, был женат на дочери этого царя (см.: И. В. Пьянков. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия, с. 35). По предположению В. В. Тарна, жена согдийского вождя Спитамена была дочерью того же Артаксеркса II (см.: W. W. Tarn. Queen Ptolemais and Arama.— «The Classical Quarterly». Vol. 23. № 3—4. Ок., 1929, July—October, с. 139—141).

¹² А. Т. Е. Olmstead. The History of Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1959, с. 31; И. В. Пьянков. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия, с. 98—99 (текст и перевод) и 35.

¹³ О том, что бактрийцы в это время вполне познакомились с ближневосточным рабовладением, свидетельствуют упоминание в одном из вавилонских деловых контрактов ахеменидского времени о продаже в 512 г. до н. э. в Вавилоне бактрийских рабынь (см.: F. H. Weissbach. Die Keilinschriften der Achämeniden. Lpz., 1911, с. 144) и сообщение Геродота (IV, 203—204) о переселении в Бактрию Дарием I обращенных в рабство жителей ливийского города Барки. Попытку использовать оба эти сообщения, равно как и сведения о саках среди зависимого населения на западе Ирана, для анализа общественных отношений в Средней Азии VI—IV вв. до н. э. см.: Б. А. Литвинский. Социально-экономический строй древней Средней Азии.— ИТН, с. 468—469.

¹⁴ Этот клад был найден в 1877 г. на территории современной Таджикской ССР и после ряда приключений оказался в Британском музее; возможно, он попал туда не полностью или, напротив, с добавлением находок из других мест. Однако все же Амударьинский клад дает яркое представление и о богатстве, и об эстетических запросах его бывших владельцев.

А о немалых хозяйственных возможностях Бактрии дает представление приводимый Геродотом перечень податей, которые ежегодно вносили в казну двадцать округов державы Ахеменидов¹⁵. По Геродоту, двенадцатый округ, т. е. Бактрия, выплачивал 360 талантов (около 10 тонн) серебра, больше, чем соседние округа: седьмой — Гандхара и Арахосия, вносящие 300 талантов; пятнадцатый, включавший саков и каспиев и плативший 250 талантов. Показательно, что подать Бактрии превышала долю таких округов, как пятый (Сирия, Финикия, Палестина и Кипр) — 350 талантов и восьмой (Сузы и Элам) — 300 талантов¹⁶.

Итак, Бактрия, входя в состав Ахеменидской державы, обладала внушительным экономическим потенциалом и важным военно-политическим значением. Свидетельством роли Бактрии как основной политической силы на востоке ахеменидского Ирана может служить и то, что именно бактрийский сатрап Бесс возглавлял в период борьбы Дария III с Александром отряды не только бактрийцев, но и согдийцев, и индийцев¹⁷. Сходный смысл имеют и сообщения о волнениях и восстаниях в ахеменидской Бактрии. В нашей литературе их принято считать свидетельством бактрийского сепаратизма, стремления бактрийцев освободиться от персидского господства¹⁸. Иногда, как, например, при восстании 522 г. до н. э. в Маргиане, которая была в тот период частью Бактрии, дело, по-видимому, обстояло именно так, поскольку это восстание носило поистине массовый народный характер¹⁹. Однако в тех случаях, когда Бактрия (точнее, бактрийская знать) выступала (или готова была выступить) на стороне своего ахеменидского правителя, поддерживая его притязания на престол «царя царей», речь явно шла не об отделении от Древнеперсидского государства, а о попытке, посадив на трон своего ставленника, приобщиться к власти над всей державой Ахеменидов.

Когда в конце 331 г. н. э., разгромленный войсками Александра, Дарий III бежал на восток и был свергнут заговорщи-

Публикацию см.: O. M. Dalton. *The Treasure of the Oxus* (3rd ed.). L., 1964; см. также: D. Schlumberger. *L'Orient hellénisé*. P., 1970, с. 170—171; М. И. Артамонов. *Сокровища саков*. М., 1973, с. 14—15; Б. Я. Стровский. *Искусство Средней Азии. Древний период*. М., 1974, с. 19—25.

¹⁵ Геродот, III, 90—97.

¹⁶ Примерную карту податных округов (по Геродоту) см., например: М. М. Дьяконов. *Очерк истории древнего Ирана*. М., 1961, вклейка между с. 90—91.

¹⁷ Арриан, III, 8, 3.

¹⁸ См., например: В. М. Массон, В. А. Ромодин. *История Афганистана*, с. 70—71.

¹⁹ Заключение о народном характере этого восстания обосновала, анализируя сведения об убитых (55 243) и пленных (6572 или 6972) «мятежниках», К. В. Тревер («Борьба Согда за свою независимость.— ИАНУ, с. 50—51; ср. В. В. Струве. *Восстание в Маргиане при Дарии I.*— МЮТАКЭ. Вып. 1, 1949, с. 22—27).

ками, а новым «царем Азии» был провозглашен сатрап Бактрии Бесс, царем его, по сообщению Диодора Сицилийского, провозгласил «народ» Бактрии, т. е., видимо, именно бактрийская знать²⁰. После того как македонский царь, встретив ожесточенное сопротивление среднеазиатских народов, в 328 г до н. э. стал приближать к себе представителей восточной аристократии, принял ахеменидские придворные обычаи, включил в свою армию бактрийцев и согдийцев и, наконец, породнился с одним из бактрийских аристократов — Оксиартом, женившись на его дочери Роксане, бактрийская верхушка пошла на союз с Александром²¹. Цель, которую она преследовала, осталась прежней — приобщиться к власти в «мировой империи», теперь уже империи Александра.

Той же цели бактрийская знать осталась верна и после смерти завоевателя. Группируясь вокруг вдовы Александра Роксаны и малолетнего наследника престола, представители бактрийцев, пожалуй, оказались наиболее упорными приверженцами идеи единства империи. Достаточно было, например, Эвмену, в прошлом секретарю Александра, в борьбе за власть ухватиться за эту идею и бросить призыв о помощи, как бактрийские отряды проделали путь в несколько тысяч километров, чтобы встать под его знамена²².

Эти разрозненные данные подводят к заключению, что бактрийская знать, еще недавно преданная если не Ахеменидам, то их державе, в последние годы жизни Александра и во время борьбы за власть диадохов явно шла на сближение с греческой верхушкой, следуя тем самым провозглашенному македонским завоевателем курсу на объединение эллинов и «азиатов».

Об отношении коренной бактрийской знати к ранним Селевкидам, унаследовавшим после ожесточенной борьбы власть над азиатскими владениями Александра, пока ничего не известно. Но когда около середины III в. до н. э. селевкидский наместник Диодот провозгласил себя царем самостоятельной эллинистической Бактрии, эта знать, видимо, приняла его. Во всяком случае, Диодот I, порвав с Селевкидами, смог удержаться на троне, тогда как в соседней Парфии наместник, отделившийся

²⁰ Диодор, XVII, 74, 1—2. О свержении Дария III и воцарении Бесса см.: Арриан, III, 21, 1; III, 21, 10; III, 25, 3; Квинт Курций, V, 10, 1—15; V, 12, 14—20; V, 13, 15—18; VI, 6, 13.

²¹ На этот поворот среднеазиатской знати от борьбы против македонцев к союзу с Александром обращали внимание уже не раз. См., например: К. В. Тревер. Борьба Согды за свою независимость, с. 78—80; Б. А. Литвинский. Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков.— ИТН, с. 267; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 88; Б. Г. Гафуров, Таджики. М., 1972, с. 97—98. В. В. Тарн отмечал, что контингенты бактрийцев и согдийцев были первыми азиатскими отрядами в армии Александра, которая дотоле включала только македонцев и греков. См.: W. W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I. Cambridge, 1948, с. 72.

²² И. Г. Дройзен. История эллинизма. Т. 2. М., 1893, с. 142—144.

ся от Селевкидов, был вскоре свергнут представителями Аршакидов, местной парфянской династии.

Из сообщения Полибия известно, что около 230 г. до н. э. власть в Бактрии захватил Евтидем (вскоре после смерти основателя Греко-Бактрийского царства он свергнул Диодота II и истребил весь его род). Он оказал упорное сопротивление Антиоху III и при переговорах с этим селевкидским царем указывал на угрожавшее им обоим вторжение «огромных полчищ кочевников». По приводимым Полибием словам Евтидема, «если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими»²³. Что скрывалось за этой фразой, к сожалению, сказать трудно. Не исключено, что эта «угроза Евтидема», как назвал ее С. П. Толстов²⁴, была лишь тактическим приемом греко-бактрийского царя, стремившегося избавиться от Антиоха III, безуспешно осаждавшего в течение двух лет (в 207—206 гг. до н. э.) столицу Бактрии. Но вполне вероятно также, что Евтидем действительно опасался вторжения кочевников. Оснований для таких опасений было вполне достаточно, так как, хотя коренная местная знать была эллинизирована и составила вместе с греческими колонистами единую в культурном отношении верхушечную прослойку Греко-Бактрийского царства (само слово «эллин» в тот период зачастую носило не этнический, а именно историко-культурный характер²⁵), для основной массы населения соседние ираноязычные кочевые племена оставались, вероятно, достаточно близкими и по языку, и по культуре. И хотя Греко-Бактрийское государство продержалось еще более 70 лет и даже предприняло в начале II в. до н. э. при Деметрии, сыне Евтидема, успешные завоевания индийских земель, культурный разрыв между правящей эллинизированной верхушкой и основной массой коренного бактрийского населения был, видимо, весьма велик.

Таков в самых общих чертах исторический путь, пройденный Бактрией до возникновения Кушанского государства. Этот путь был достаточно долог, и к кушанскому периоду население Бактрии имело уже богатые культурные традиции и широкие историко-культурные связи, а бактрийская верхушка накопила немалый опыт борьбы за политическую власть, участвуя в управлении как своей областью, так и обширными государствами древности.

2. Кушанская империя. Краткая справка

Кушанская империя в последнее время привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Свидетельством тому

²³ Полибий, XI, 34, 2—5.

²⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 231.

²⁵ Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э.—ВДИ. 1972, № 11, с. 69, прим. 42.

могут служить три международных совещания, состоявшиеся за десять лет: симпозиум по кушанской хронологии в Лондоне (1960 г.)²⁶, конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху в Душанбе (1968 г.)²⁷, семинар по кушанским исследованиям в Кабуле (1970 г.)²⁸. Кроме многочисленных статей и заметок в свет вышли монографии и сборники, посвященные разным аспектам изучения Кушанской империи²⁹. Немало внимания истории и культуре этого государства уделили и советские исследователи³⁰.

Живой интерес к Кушанской империи вызван в первую очередь той ролью, которую она сыграла в истории древнего мира и культурной истории всего человечества. Созданное потомками кочевых племен, которые сокрушили власть греко-бактрийских царей — наследников Александра Македонского и Селевкидов — в сердце Азии, это государство в период расцвета охватывало среднеазиатские, афганистанские, североиндийские, пакистанские и, возможно, восточнотуркестанские земли. В глазах современников оно было одной из тех «мировых империй», которые в начале нашей эры объединили под своей властью наиболее развитые в экономическом и культурном отношении страны и области Старого Света. Достаточно показательно в этом отношении сообщение китайского лазутчика в Индокитае, который, описывая политическую ситуацию в двадцатых годах III в., отмечал, что весь мир поделен на три части, подчиненные трем «сынам неба» (императорам): китайскому, римскому и кушанскому³¹.

Высокая оценка современниками роли Кушанского государ-

---

²⁶ Papers on the Date of Kaniska. Ed. by A. L. Basham. Leiden, 1968.

²⁷ Труды конференции см.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1—2. М., 1974—1975. См. также: В. J. Stavisky, G. M. Bongard-Levin. Central Asia in the Kushan Period. Moscow, 1968; В. A. Litvinsky. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968; Культура и искусство Средней Азии в кушанский период. Каталог выставки. Л., 1968.

²⁸ См.: International Seminar on Kushan Studies. Kaboul, 1970.

²⁹ См., например: R. Ghirshman. Begram. Recherches archeologiques et historiques sur les Kouchans. Cairo, 1946; J. E. Lohuizen de Leeuw. The «Scythian» Period. Leiden, 1949; B. N. Puri. India under the Kūshānas. Bombay, 1965; J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley—Los Angeles, 1967; B. Chattopadhyay. The Age of the Kushanas. A Numismatic Study. Calcutta, 1967; G. R. Sharma (ed.). Kusana Studies. Allahabad, 1968.

³⁰ Обзор и аннотации работ, вышедших до 1967 г., см.: Б. Я. Ставский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография. Ч. 1—2. М., 1968. См. также: В. J. Stavisky. The Study of Kushan Central Asia and some questions concerning the Chronology of the Kushan in Soviet Historical Science.—Papers on the Date of Kaniska, с. 293—303, 394—403; В. J. Stavisky, G. M. Bongard-Levin. Central Asia in the Kushan Period.

³¹ См.: P. Pelliot. La Théorie des Quatres Fils du Ciel.—T'P. T. 24, 1923, с. 121.

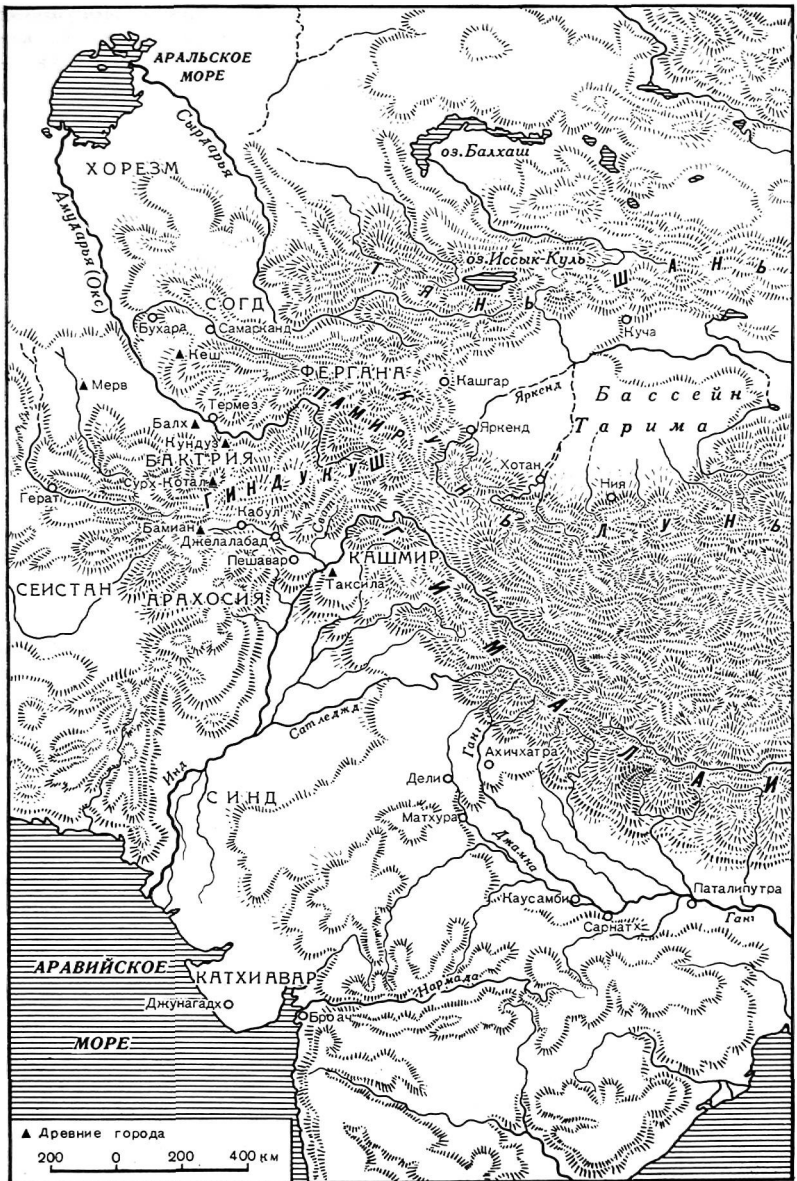

Рис. 1. Кушанская империя (по Дж. Розенфилду)

ства отнюдь не была преувеличением: обширная и могущественная среднеазиатско-индийская держава кушан (рис. 1) какое-то время действительно стояла в одном ряду с Римом, ханьским Китаем, парфянским, а позднее сасанидским Ираном и занимала важное место в политической жизни древнего мира. Эпоха существования Кушанского государства характеризуется также оживлением международных связей. Упрочились торговые и культурные связи между различными областями и странами Азии, равно как и между Востоком и Западом, во взаимодействие вступали весьма отдаленные народы, ранее почти не знакомые друг с другом. О широте и размахе международных контактов того времени красноречиво свидетельствуют письменные источники и археологические материалы.

Известно, что именно в кушанский период был проложен первый в истории нашей планеты трансконтинентальный Великий шелковый путь, протянувшийся из империи Хань, через земли Кушанского и Парфянского царств, к римскому Средиземноморью. Тогда же, за полторы тысячи лет до Васко да Гамы, отважные мореплаватели, используя сезонные ветры-муссоны, проложили регулярную водную трассу от завоеванного Октавианом Августом Египта к морским воротам кушан — портам Западной Индии. Можно предполагать, что в это время наладились также контакты между Средней Азией, племенами Урала и Приуралья и населением Северного Причерноморья³². Из сообщений античных авторов известно об индийских, бактрийских и скифских купцах в египетской Александрии³³ и о поездке римского торговца Маэса Тициана к западному рубежу Китая³⁴, о том, сколь широко потреблялись в Риме индийские специи и как ценились там восточные шелка³⁵. Археологические раскопки открыли римскую факторию на восточном берегу полуострова Индостан³⁶, резную индийскую костяную статуэтку в Помпеях³⁷ и замечательные сокровища кушанского дворца в Каписе-Беграме (на юге Афганистана), где наряду с изделиями

³² Б. Я. Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим (К вопросу о международных связях в кушанский период).—Индия в древности. М., 1964, с. 177—180.

³³ М. М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, с. 394—396.

³⁴ Птолемей, I, II; 6; ср.: М. С. Боднарский (сост.). Античная география. М., 1953, с. 299; Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, с. 407, 410, 428—429; Р. Хенниг. Неизвестные земли. Т. I. М., 1961, с. 401—405.

³⁵ М. М. Хвостов. История восточной торговли, с. 118—122, 138—155, 403, 408—411, 417, 419, 434.

³⁶ R. E. M. Wheeler a. o. Arikamedu: an Indo-Roman Trading Station.—AI. 1946, № 2.

³⁷ U. Monneret de Villard. Le monete dei Kushana e l'impero Romano.—«Orientalia». N. S. Vol. 17. Fasc. 2. Roma, 1948, с. 245; R. E. M. Wheeler. Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955, с. 135 и табл. XIX.

ремесленников римских провинций Египта и Сирии были найдены китайские лаки и индийская резная кость³⁸.

Исследования последних десятилетий показали, что с кушанским периодом связан также расцвет «кушанского искусства», повлиявшего на последующую историю художественной культуры многих стран и народов Востока. На этот период падает и широкое распространение буддизма из Индии, его родины, в страны Юго-Восточной Азии, Среднюю и Центральную Азию и на Дальний Восток³⁹.

Однако кушанская эпоха и Кушанское царство привлекают к себе внимание не только важной ролью в истории, в развитии культуры и искусства, но и некоей таинственностью, которая все еще связана с этой могущественной, но слабо изученной древней империей.

И слабая изученность, и загадочность Кушанской империи объясняются скудостью источников для исследования ее политической и социально-экономической истории. Наука не располагает какими-либо среднеазиатскими или индийскими хрониками или историческими сочинениями кушанской поры, нет даже местных преданий о Кушанской державе. До самого недавнего времени собственно кушанские письменные источники состояли из кратких монетных легенд, столь же лаконичных надписей на резных геммах-печатах и небольших, в основном посвященных, надписей с упоминанием кушанских царей, их наместников и вассалов на севере Индостана⁴⁰. Открытие знаменитой надписи «кушанским письмом» в «храме Канишки Победителя» в Сурх-Котале и других памятников «бактрийского языка»⁴¹, значительно обогатив наши знания, не дало, однако, достаточных материалов для решения многих важных вопросов кушанской истории. Отрывочные свидетельства иноземных источников — античных, китайских, сирийских, армянских и т. п.⁴², также не могут воссоздать всей картины.

Особенно досадную помеху представляет собой отсутствие определенности в вопросах кушанской хронологии. Воцарение знаменитого кушанского царя Канишки — пресловутую «дату Канишки», принятую за начало отсчета событий в период рас-

³⁸ J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bégram (ancienne Kāpīci). 1939—40.— MDAFA. T. II. P., 1954.

³⁹ Литература весьма обильна. См., например: P. C. Bagchi. India and Central Asia. Calcutta, 1955; E. Zürcher. The Buddhist Conquest of China. Vol. 1. Leiden, 1956; Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.— Кара-тепе. I, с. 54—57; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепе. М., 1971, с. 111—118 (там же обширная библиография).

⁴⁰ Новейшую сводку этих надписей см.: Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология. М., 1968, с. 15—47; А. К. Нагаин. The Date of Kaniska.— Papers on the Date of Kaniska, с. 236—239.

⁴¹ См. ниже, с. 214—220.

⁴² См. Papers on the Date of Kaniska; Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология.

цвета Кушанской державы (по этой системе почти сто лет датируются надписи кушан), разные ученые относили к 57 и 9 гг. до н. э., к 43, 60—65, 78, примерно 80, 90-м гг. I в. н. э., 103—110, 125, 128, 130, 144, примерно 200, 225—232, 248 и 278 гг. н. э. В защиту каждой из этих дат приводились всевозможные аргументы, однако нехватка фактических данных так и не позволила обосновать с должной убедительностью ни одну из них. Современной наукой отвергнуто большинство этих гипотетических определений, но «дата Канишки» и датировка многих событий кушанской истории (а также историко-культурных памятников кушанского периода) все еще колеблются в пределах двух столетий — от 78 до 278 г. н. э.⁴³

Почти совершенно не освещены источниками и, следовательно, слабо изучены социальная структура и общественный строй Кушанского царства. До сих пор оспариваются заключения различных исследователей о местонахождении первоначального ядра этого царства, его границах и других немаловажных вопросах истории и культуры.

Таким образом, сейчас скорее можно говорить о существовании в науке сложной «кушанской проблемы», чем о связной истории Кушанского государства. Поэтому мы, не касаясь многих аспектов истории Кушанской империи, рассмотрим лишь те вопросы, которые необходимы для нашей темы — истории и культуры Бактрии времени становления, расцвета и гибели этого государства.

Период крушения Греко-Бактрийского царства, павшего в конце концов под ударами кочевых племен, был временем зарождения Кушанского государства. К сожалению, доступные ныне данные не позволяют детально осветить события этого периода. Сведения античных авторов о том, что происходило в Средней Азии и близлежащих областях после середины II в. до н. э., более чем скромны. Тогда между землями «греков Бактрии и Индии» и античным миром Средиземноморья уже простиралось обширное Парфянское царство. Бактрийские или индийские, или парфянские исторические сочинения того времени науке не известны. Поэтому основным источником наших знаний о первых шагах кушанской государственности служат древнекитайские хроники. В наиболее ранней из них — «Шицзи» со слов «первооткрывателя пути на Запад» Чжан Цяня при-

⁴³ Обзор разных точек зрения см.: Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология. Попытки обосновать ту или иную датировку начала «эры Канишки» продолжают и поныне. Так, например, Ж. Фусман вновь пытается утвердить как «дату Канишки» 78 г. н. э. — на основании трактовки недавно открытой двух- или даже трехязычной надписи из Южного Афганистана (см.: G. Fussman. Documents épigraphiques kouchans. — BEFEO. T. 61. 1974, с. 1—65, особенно с. 41—50). К сожалению, бесспорную точную дату пока установить все же не удается. Однако представляется, что верхней границей «даты Канишки» может служить 166 г. н. э. (см. ниже, с. 27, прим. 81).

водится четкая характеристика политической ситуации в Средней Азии в последней трети II в. до н. э. В частности, там отмечается, что на правобережье Амударьи в это время расселились кочевые завоеватели Бактрии да-юечжи («большие» или «великие» юечжи), подчинившие себе уже и левый берег. Левобережье описывается как отдельная область Дахя (или Дася), подвластная юечжи и политически раздробленная: в Дахя есть столичный город Ланьши, но нет «верховного главы» и почти каждый город имеет «своего правителя»⁴⁴. Более поздние хроники «Ханьшу»⁴⁵ и «Хоуханьшу»⁴⁶ не приводят уже отдельного описания Дахя и свидетельствуют о переселении на левобережье Амударьи да-юечжи, столицей которых становится город Ланьши (в «Ханьшу» он назван Гяньши). Обе хроники сообщают также о возникновении в Бактрии пяти княжеств, включая Гуйшуан (Кушанию)⁴⁷.

Эти сообщения, вероятно, фиксируют два этапа завоевания Бактрии кочевыми племенами. Первый, когда кочевые завоеватели, подчинив себе правителей бактрийских городов и княжеств, взяли под свое непосредственное управление лишь районы по северному (правому) берегу Амударьи, протекал, судя по сообщениям Сыма Цяня, во второй половине II в. до н. э. Но не исключено, что этот этап мог захватить и I в. до н. э. и даже часть I в. н. э. Еще сложнее датировать второй этап, когда кочевники перенесли свою ставку (или ставки) на юг от Амударьи; этот период мог начаться и в самом конце II в. до н. э. (вскоре после путешествия Чжан Цяня), и в I в. до н. э., и в I в. н. э.

О том, как проходил процесс становления Кушанского государства, сообщает лишь «Хоуханьшу». «По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский (кушанский) князь Кюцзюю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского (кушанского). Он начал воевать с Аньси (Парфией или, что представляется более вероятным, с индо-парфянскими царями), покорил Гаофу (Кабул), уничтожил Пуду (Арахосия или район Газни) и Гибинь (вероятно,

⁴⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950, с. 148, 151, 152; E. Zürcher. The Yüeh-chih and Kaniska in the Chinese Sources.—Papers on the Date of Kaniska, с. 358—361.

⁴⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 183—184; E. Zürcher. The Yüeh-chih, с. 364—365.

⁴⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 227—228; E. Zürcher. The Yüeh-chih, с. 367.

⁴⁷ Название одного из княжеств в «Ханьшу» и «Хоуханьшу» не совпадает. О причине этого см.: А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957, с. 61. О разных попытках локализации Гуйшуан и остальных княжеств см.: А. М. Мандельштам. Материалы, с. 62—64. Ср.: Б. Я. Ставиский. О северных границах Кушанского государства.—ВДИ. 1961, № 1, с. 112. См. также ниже, с. 110—122.

Кашмир) и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжень получил престол и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени юечжи сделался сильнейшим и богатым Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский двор удержал прежнее ему название: Да-юечжи»⁴⁸.

Сопоставление этого сообщения с данными, полученными в результате изучения кушанских монет, первых вещественных памятников Кушанской империи (их первые публикации появились еще в 1823 г.)⁴⁹, позволило определить имена двух первых кушанских царей — Кудзулы Кадфиза⁵⁰ и Вимы Кадфиза⁵¹, равно как и подлинное самоназвание династии (или рода, возглавившего государство), княжества, а позднее и империи⁵². Эти сопоставления были подтверждены также эпиграфическими находками в Индостане. Так, надписи кхароштли в Панджтаре (на берегу р. Инд) и в Таксиле, датированные соответственно 122-м и 136-м годами, содержат упоминания царей (махараджей) кушан⁵³, а надпись кхароштли в Калатсе (Ладак) 187-го (или 184-го) года упоминает царя (махараджу) Увиму Кавтиса⁵⁴. К сожалению, эра, годами которой датированы все эти надписи, равно как и начало отсчета («сто с небольшим лет») в сообщении «Хоуханьшу» о деятельности отца Вимы — Куд-

⁴⁸ Цит. по пер.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах. с. 227—228; ср. E. Zürcher. The Yüeh-chih, с. 367.

⁴⁹ J. Tod. An account of Greek, Parthian and Hindu Medals found in India (June 1825).—Transactions of the Royal Asiatic Society, 1827. L., 1828. с. 313—342. Ср.: Е. В. Зеймаль. Кушанское царство по нумизматическим данным (Автореф. канд. дисс.). Л., 1965, с. 2.

⁵⁰ Отождествление Кудзулы Кадфиза монетных легенд с Киоцзюкю «Хоуханьшу» предложено А. Кэннингхемом (см.: A. Cunningham. Coins of the Indo-Scythians. Coins of the Sacas.—NC. Ser. 3. T. 10, 1890, с. 41) и подкреплено П. Пелльо (см.: P. Pelliot. Les pays d'Occident d'après le Neou Han chou.—T'P. Ser. 2. T. 8, 1907, с. 191).

⁵¹ Об отождествлении Яньгаочжэня с Вимой Кадфизом см.: A. Cunningham. Coins of the Indo-Scythians, с. 41; J. Marquart. Erānshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. В., 1901, с. 209; P. Pelliot. Neuf notes sur des questions d'Asie Central.—T'P. T. 36, 1929, с. 201—203. Недавно это отождествление вызвало возражения Ж. Фусмана, который предлагает Яньгаочжэня считать Канишкой (см.: G. Fussman. Documents épigraphiques kouchans, с. 44—46), что хотя и привлекательно, но все же маловероятно.

⁵² В греческих надписях на монетах Кудзулы Кадфиза слово «кушан» из-за отсутствия в древнегреческом буквы «ш» передавалось как ΚΟΡΡΑΝΟ или ΚΟΡΣΑΝΟ, но в индийских (кхароштли) легендах этих монет передача более четкая — *kushana* или *khushana*. После создания «кушанского письма» на монетах Канишки звук «ш» стал передаваться буквой Ρ, т. е. греческим «ро» с удлинением вертикальной черты вверх.

⁵³ S. Konow. Kharoshthi Inscriptions with exception of those of Asoka.—CII. Vol. 2. P. 1, 1929, № 26, 27; A. K. Narain. The Date of Kanishka, с. 237, № 14, 16; Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 20—21.

⁵⁴ S. Konow. Kharoshthi Inscriptions, № 29; A. K. Narain. The Date of Kanishka, с. 237, № 118; Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 21.

зулы Кадфиза, остаются неизвестными, и абсолютная хронология кушанской государственности, как уже говорилось выше, до сих пор не может быть определена.

Кушанская нумизматика, развившаяся в самостоятельную научную дисциплину, подтвердила сведения «Хоуханьшу» об именах двух первых кушанских государей и об экспансии кушан в годы их правления к югу от Гиндукуша: уже на монетах Кудзулы Кадфиза наряду с греческими появляются надписи индийским письмом кхароштли, существующие и на монетах Вимы Кадфиза⁵⁵; монеты обоих этих царей получили широкое распространение на северо-западе древней Индии — в Гандхаре и близлежащих районах (так, в Таксиле найдено около 2500 монет Кудзулы Кадфиза)⁵⁶.

Данные нумизматики позволяют также полагать, что процесс консолидации и оформления Кушанского царства, начавшийся при Кудзуле Кадфизе, не был завершён при нем: в чекане этого царя часто видно явное подражание, в одних случаях монетам греческого царька Гермея; в других — монетам Аза I, правителя из так называемой индо-сакской династии; в третьих — римскому чекану⁵⁷. При сыне Кудзулы — Виме Кадфизе была осуществлена важная денежная реформа, стали выпускаться помимо медных четыре категории золотых монет, номинал которых основывался на римских «денариус ауреус» эпохи Августа, и завершено создание «собственного кушанского монетного типа, закрепившегося (с некоторыми изменениями) во всей последующей чеканке»⁵⁸.

Можно считать установленным, что ядром Кушанской империи было Кушанское княжество, правитель которого Кудзула Кадфиз (Кадфиз I), покорив соседние четыре княжества в Бактрии и победив в вооруженном столкновении с парфянами (или индо-парфянами), приступил к завоеванию земель на юге современного Афганистана и на севере Пакистана. Нет оснований сомневаться, что при сыне и преемнике Кудзулы Кадфиза — Виме Кадфизе (Кадфизе II) кушаны, в соответствии со свидетельством «Хоуханьшу», продолжали завоевательные по-

⁵⁵ Е. В. Зеймаль. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже.— ТГЭ. Т. 19, 1967, с. 57, рис. 2; J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts of the Kushans, с. 12—15, 22—24. Ср.: R. Göbl. Die Münzprägung der Kušan von Vima Kadphises bis Bahram IV.—F. Altheim, R. Stiehl. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main, 1957, с. 185, 250.

⁵⁶ J. Marshall. Taxila. Vol. 2. Cambridge, 1951, с. 785—786. Ср.: В. М. Массон. Монетные находки из Таксилы.— ИАН ТаджССР. ООИ. Вып. 14, 1959, с. 179—181.

⁵⁷ Е. В. Зеймаль. Монеты Великих Кушан, с. 56—61; J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 12—16.

⁵⁸ Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 48. Ср.: R. Göbl. Die Münzprägung der Kušan, с. 176—186; D. W. Mac-Dowall. The weight Standards of the Gold and Copper Coinage of the Kushana Dynasty from Vima Kadphises to Vasudeva.— JNSI. Vol. 22, 1960, с. 63—70; Е. В. Зеймаль. Кушанское царство по нумизматическим данным, с. 8.

Рис. 2. Статуя Канишки из святилища в сел. Мат

ходы (в частности, в глубь Индии) и, судя по данным нумизматики, осуществили ряд мер по оформлению своего государства в единую могущественную империю.

В то же время точная датировка всех этих событий из-за недостаточности данных пока не может быть установлена, и в связи с этим не ясно, вправе ли мы связывать с каким-либо из Кадфизов или кем-нибудь из иных кушанских государей сведения китайских источников о событиях последней четверти I в. н. э., когда в Восточном Туркестане действовал знаменитый китайский полководец Бань Чао. Источники упоминают о неоднократных контактах Бань Чао с юечжи, которые активно

вмешивались в восточнотуркестанские дела. Они же сообщают, что в 90 г. н. э., после того как Бань Чао задержал и отправил обратно посольство юечжийского государя, просившего руки ханьской принцессы, недовольный царь юечжи (имя его не приводится) послал в Восточный Туркестан своего наместника Сэ с семидесятитысячным войском; этот поход, однако, успеха не имел⁵⁹.

По единодушному мнению исследователей, расцвет Кушанской империи приходится на время царствования Канишки, третьего кушанского государя (после Кудзулы и Вимы Кадфизов), известного нам по имени. Однако, как это ни парадоксально, именно об этом кушанском императоре и о его непосредственных преемниках Васишке и Хувишке нет никаких сведений у современных им авторов. Странное отсутствие в китайских династийных хрониках даже простых упоминаний их имен до сих пор не находит себе убедительного объяснения. Между тем от этих государей до нас дошло более сорока надписей (в основном индийскими алфавитами кхароштки и брахми), датированных годами «эры Канишки». Факт создания нового летосчисления по воцарению Канишки свидетельствует о значимости этого государя в истории Кушанской империи. Сам Канишка упоминается в надписях, датированных с 1-го (или 2-го) по 23-й год.

В ходе археологических раскопок были открыты «храм Канишки Победителя» в Сурх-Котале (на севере Афганистана, в Бактрии)⁶⁰ и династийное святилище кушанских царей в Мате (возле Матхуры, в долине Ганга)⁶¹ со статуей Канишки. Эта статуя (рис. 2), голова которой не сохранилась, тем не менее столь выразительна, что, по мнению некоторых исследователей, может служить своеобразным символом величия Канишки и его империи⁶².

Память о Канишке жила в течение многих столетий, о чем свидетельствуют упоминания о нем в средневековых текстах. Правда, в основном эти сообщения носят легендарный характер. Они стремятся подчеркнуть покровительство, которое Канишка оказывал буддизму, его «благие», с точки зрения буддистов, деяния. Подобные сведения о Канишке сохранены буд-

---

⁵⁹ Подробнее см.: Л. С. Васильев. Бань Чао в Западном крае.— ВДИ. 1955, № 1, с. 108—125. При пересказе сведений об этом походе Г. М. Бонгард-Левин спутал Бань Чао с Сэ, назвав первого командующим кушанской армией. См.: Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия (Исторический очерк). М., 1969, с. 489.

⁶⁰ Об этой замечательной постройке см. ниже, с. 198—202.

⁶¹ Новейший анализ материалов из святилища в Мате осуществлен Дж. Розенфилдом. См.: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 140—142, 149—151. Статуя Канишки и надпись на ней публиковались и исследовались многократно.

⁶² J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 27; М. Уилер. Пламя над Персеполем (Поворотный пункт истории). М., 1972, с. 124.

дийской традицией и дошли до нас в китайских, тибетских, согдийских и уйгурских текстах ⁶³.

Буддийская традиция приписывает Канишке руководство IV буддийским собором в Кашмире и сооружение огромной ступы и монастыря в Пурушапуре (Пешавар) ⁶⁴. Как показал критический анализ источников, первое вполне может быть «благочестивой фальсификацией» (выражение Дж. Розенфилда) средневековых буддистов. Второе же подтверждено в ходе раскопок в Шах-джи-ки-дхери близ Пешавара, где действительно были открыты остатки большой ступы и монастыря, найдены образцы каменной и гипсовой скульптуры и извлечен (из ступы) знаменитый бронзовый реликварий с надписью, упоминающей Канишку ⁶⁵.

Те же поздние источники сообщают о величии Канишки, именуя его миродержцем (*чакравартин*), упоминают его победы над царями Южной и Восточной Индии и не названным по имени парфянским государем, о походе (или походах) на восток от Памира, в результате чего племена из пограничных областей к западу от Хуанхе выдали ему в качестве заложников своих наследных принцев.

К сожалению, не ясно, насколько можно доверять этим сообщениям. Многие детали их явно легендарны. Однако в целом эти сведения не только свидетельствуют о почитании Канишки буддистами, но и подтверждают данные о его крупной роли в истории Кушанского государства, а возможно, и всей Центральной Азии.

Говоря о Канишке, следует иметь в виду, что, судя по одной из надписей, датированной 41-м годом и упоминающей «Канишку, сына Ваджешки», это имя носили два или, судя по монетным данным, даже три кушанских государя. Весьма вероятно, что, хотя основная часть сообщений о Канишке явно связана со знаменитым Канишкой I, отдельные известия могут относиться к более позднему царю (или двум царям) с тем же именем.

Уже давно исследователи обратили внимание на существен-

---

⁶³ Сводку этих сведений см. в Papers on the Date of Kaniska, в статьях Х. В. Бейли (с. 36—38), Л. Петеча (см. 244—246), А. К. Вардера (с. 327—336), Ф. Вильгельма (с. 337—345) и Е. Цюрхера (с. 346—380). Разбор их см. также: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 28—41; Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 68—71.

⁶⁴ О ступе Канишки в Пешаваре упоминает и ал-Бируни. См.: Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. 2. Индия. Таш., 1963, с. 360.

⁶⁵ Отчет о раскопках см. ASIAR, 1908—1909, с. 35—39; 1910, с. 25—32. О реликварии Канишки писалось многократно, в том числе почти во всех сводных работах по истории, эпиграфике и искусству кушанской эпохи. См., например: A. Foucher. L'art gréco-bouddhique du Gandhara. Т. 2. P., 1922, с. 531; H. Ingholt. Gandharan Art in Pakistan. N. Y., 1957, № 494; J. E. Lohuizen de Leeuw. The «Scythian» Period, с. 98—106; J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 259—262.

ные изменения в политике и культуре Кушанского государства, происшедшие после воцарения Канишки, объясняя это тем, что после Вимы Кадфиза наступил период междоусобицы и смут. Он окончился лишь с приходом к власти новой династии, чьи представители (в отличие от двух первых кушанских царей, носивших родовое имя или титул «Кадфиз») имели тронные имена с окончанием на *-шка*⁶⁶. Действительно, воцарение Канишки, как упоминалось, ознаменовалось введением нового летосчисления. Об изменении религиозной политики кушанских властей при Канишке (по сравнению со временем Вимы Кадфиза), кроме буддийской традиции, открытой в Пешаваре и последних по времени — в Бактрии, свидетельствуют монеты. В отличие от Вимы Кадфиза, на монетах которого (на оборотной стороне, где со времени греко-бактрийских царей помещали изображения божеств-покровителей) изображен только Шива, монеты Канишки I (и Хувишки), показывая веротерпимость, демонстрируют синкретический пантеон, который включает около 30 божеств иранско-среднеазиатского, индийского, ближневосточного и античного происхождения, в том числе и Будду (рис. 3)⁶⁷. Анализ монет подтвердил также, что при Канишке I происходит замена применявшихся ранее (при Кадфизах) греческих и индийских надписей легендами, выполненными «кушанским письмом»⁶⁸.

В то же время тщательное исследование кушанского монетного дела показало тесную связь чеканов Вимы Кадфиза и Канишки, что «совершенно исключает существование какого-либо перерыва между этими двумя царями»⁶⁹. Этот вывод, однако, не отрицает того, что Канишка мог быть основателем новой кушанской династии. И хотя такое предположение остается не более чем гипотезой, оно, видимо, имеет право на существование, так же как и предположение Стена Конова о связи Канишки с Восточным Туркестаном. С. Конов опирался на данные тибетской традиции о походе на Индию трех восточнотуркестанских владетелей: правителя Ли (Хотана) Виджаякирти, безымянного государя Гу-зана (по П. Пелльо — Кучи) и царя Каники (Канишки)⁷⁰. Правда, Дж. Розенфилд указы-

⁶⁶ См., например: R. Ghirshman. Begram, с. 162—163.

⁶⁷ См.: A. Stein. Zoroastrian Deities on Indo-Scythian coins.— The Babylonian and Oriental Records. Vol. 1. L., 1887, с. 155—166; Е. В. Зеймаль. Кушанское царство, с. 14—15; он же. Монеты Великих Кушан, с. 63—83; J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 55—57, 60—66, 69—103.

⁶⁸ О «кушанском письме», основанном на греческом алфавите, см. ниже, с. 214—220.

⁶⁹ Е. В. Зеймаль. Кушанское царство, с. 15.

⁷⁰ S. Konow. Kharoshthi Inscriptions, с. LXXV. Новый перевод этого текста см.: L. Petech. Kashmiri and Tibetan Materials on the Date of Kaniska.— Papers on the Date of Kaniska, с. 244, где вопреки С. Конову (а с его слов и Дж. Розенфилду) отмечено, что дата этого похода остается неопределенной.

Рис. 3. Монеты кушанских царей с изображениями государя и божеств: а) царь Канишка; б) Гелиос; в) Селена; г) Сарapis; д) Митра; е) Мао; ж) Атио; з) Фарро; и) Хванинда; к) Лроасп; л) Вахшу; м, н) Ардохшо; о) Будда; п) Шива; р) Вишу (Шива)

вает, что этому предположению противоречит сообщение, содержащееся в одной из рукописей, привезенной экспедицией П. Пелльо из Дунхуана (текст составлен на санскрите и продолжен в хотанском переводе); согласно этому тексту, Канишка происходил из императорского рода правителей Балха⁷¹. Однако у нас нет никаких оснований отдавать предпочтение этому сообщению, тем более что лингвистический анализ имени Канишки, равно как и Хувишки и Ваджешки/Васишки, позволяет все-таки связывать этих кушанских царей с Восточным Туркестаном: по заключению В. В. Иванова, среди тех языков, с которыми исторически могли соприкоснуться кушаны, суффикс *-шк(а)* в личных именах характерен лишь для кучинского (иначе — «тохарского Б»), т. е. древнего языка, засвидетельствованного для района восточнотуркестанского города Кучи⁷².

В отличие от Канишки имя Хувишки было забыто буддийской традицией. Единственное упоминание этого имени встречается в кашмирской династийной хронике XIII в. «Раджатирангини»: в ней перечислены, среди прочих государей Кашмира, три царя турушки (т. е. тохары, или тюрки) — Хушка (предположительно Хувишка), Джушка (предположительно Ваджешка/Васишка) и Канишка⁷³. Надписи Хувишки (письмом кхароштли и брахми), как уже отмечалось, датированы по «эре Канишки», а ранние монеты с этим именем тесно примыкают к чекану Канишки I и свидетельствуют, в частности, о продолжении той же религиозной политики (признание различных по происхождению божеств), которую проводил знаменитый кушанский царь⁷⁴.

Восемнадцать надписей с именем Хувишки, из района Матхуры, датированных от 28-го до 60-го годов «эры Канишки», свидетельствуют о сохранении в это время в глубинной Индии власти кушан⁷⁵. В Джамалпуре существовал большой буддий-

---

⁷¹ J. M. Rosenfield. *The Dynastic Arts*, с. 287, прим. 54. Перевод и комментарий текста см.: Н. W. Bailey.—*JRAS*, 1942, с. 18—19; ср.: Н. W. Bailey. *Kaniska.— Papers on the Date of Kaniska*, с. 35.

⁷² В. В. Иванов. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема.—*НДД*, 1967, № 3, с. 106—118 (особенно, с. 110—115).

⁷³ R. Ghirshman. *Begram*, с. 141—144. Ср. также: L. Petech. *Kashmiri and Tibetan Materials*, с. 244. Опираясь на это сообщение и легенды о связи Канишки с Кашмирским IV буддийским собором, Р. Гиршман пытался доказать, что Канишка I и его династия происходят из Кашмира. Однако из сообщения «Раджатирангини» не ясно, о каком Канишке (I, II или III) идет речь, что делает гипотезу Р. Гиршмана по меньшей мере сомнительной.

⁷⁴ См., например: Е. В. Зеймаль. Шива на монетах Великих Кушан.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1962 год. Л., 1963, с. 40—41; он же. Кушанское царство, с. 14—15.

⁷⁵ В чекане с именем Хувишки различаются две фазы, между которыми можно поместить медные монеты с именем Канишки. Последнего связывают с упомянутым в надписи 41-го года (из Ара) Канишкой II, сыном Ваджешки, а разделенные его кратковременным чеканом (соответствующим, видимо,

ский монастырь — «вихара Хувишки», как называют его найденные здесь надписи: наиболее ранняя надпись относится к 51-му году, наиболее поздняя — к 77-му году, т. е. ко времени Васудевы⁷⁶. Еще одна надпись кхароштки с именем Хувишки (51-го или 28-го года) найдена в Вардаке, близ Кабула⁷⁷. К 31-му году, т. е. ко времени царствования Хувишки, относятся также крупные работы по восстановлению «храма Канишки Победителя» в Сурх-Котале.

Таковы сведения, которыми располагает сейчас наука о царе или царях по имени Хувишка. Эти данные позволяют утверждать, что во время его (или их) царствования кушанские власти придерживались той же политической линии, что и при Канишке I, а Кушанская империя все еще находилась в зените своего могущества.

К периоду расцвета Кушанской империи мы вправе относить также время правления царя или царей, носивших имя Васудева.

Это имя содержат семь надписей письмом брахми из района Матхуры; в других частях Кушанской империи несомненных надписей с именем Васудевы пока не найдено⁷⁸. Надписи из Матхуры датированы от 64-го (или 67-го) по 98-й годы «эры Канишки», т. е. охватывают срок в 32—35 лет, который вполне мог вместить не одно, а два (если не три) царствования; не исключена также вероятность, что кушанский царь по имени Васудева мог править и некоторое время спустя даты последней, матхурской надписи 98-го года. Что же касается монет, то нумизматы обычно различают два-три типа или фазы в чекане с именем Васудевы, предполагая существование двух или трех царей с этим именем. Наиболее убедительным представляется деление монетного чекана с именем Васудевы на две части и соответственно признание Васудевы I и Васудевы II, в промежутке между которыми царем кушан был еще один государь по имени Канишка⁷⁹.

правлению) монеты с именем Хувишки относят к двум государям — Хувишке I и Хувишке II. Это построение принимается почти всеми исследователями. Ср.: Е. В. Зейм аль. Кушанское царство, с. 15.

⁷⁶ H. Lüders. Mathura Inscriptions. Ed. by K. Janert. Göttingen, 1961, § 29—63, с. 57—105.

⁷⁷ S. Konow. Kharoshthi Inscriptions, с. 165, № LXXXVI; H. W. Bailey. Kusanica.—BSOAS. Vol. 14, 1952.

⁷⁸ Я. Харматта предполагает (см.: J. Harmatta. Minor Bactrian Inscriptions.—ААН. Т. 12. Fasc. 1—2, 1965, с. 161), что имя Васудева значится в одной из малых надписей Сурх-Котала, на которой он читает 299-й год так называемой неизвестной эры, предположительно той же, что отмечена на надписях Кудзулы и Вимы Кадфизов; ранее эта дата определялась как 285-й (по А. Марику) или 279-й (по А. Бивару) год. Однако, поскольку Я. Харматта читал эту надпись, пользуясь лишь ее фотографией, его предположения о дате и особенно об упоминании имени Васудевы нуждаются в подтверждении лингвистов, изучавших надпись в подлиннике.

⁷⁹ Этого государя исследователи обычно называют Канишкой II или

К сожалению, пока невозможно определить, который из Васудев упоминается в матхурских надписях. Не удастся также установить, с каким из этих царей можно связывать единственное известное науке упоминание кушанского царя послекадфизского времени в китайской хронике династии Вэй. В этой хронике, составленной в конце III в. н. э., сообщается о прибытии ко двору Вэй в январе 230 г. н. э. посольства с дарами от царя да-юечжи Бо-дью⁸⁰; это имя, по утверждению китаистов, представляет собой закономерную китайскую передачу имени «Васудева» (в монетных легендах ВАЗДНО)⁸¹.

Монеты кушанских государей, носивших в отличие от всех их предшественников индийское имя Васудева⁸², демонстрируют разрыв с религиозной политикой Канишки I, Хувишки I и

Канишкой III. Е. В. Зеймаль отвергает возможность существования двух кушанских царей с именем Васудева (см.: Е. В. Зеймаль. Шива на монетах Великих Кушан, с. 12; он же. Кушанская хронология, с. 50). Вместе с тем Е. В. Зеймаль согласен с выделением двух разных «фаз» чекана Васудевы и помещает «на рубеж между первой и второй фазами золотой чеканки Васудевы» начало выпуска золотых монет Канишки III (см.: Kaniška.—Papers on the Date of Kaniška, с. 258. Следует отметить, что над исследователем в данном случае довлеет желание, укоротив список кушанских царей, подтвердить свои доводы в пользу самой поздней даты начала «эры Канишки» (278 г. н. э.). На подобный субъективизм других ученых при подходе к проблемам кушанской хронологии неоднократно указывал сам Е. В. Зеймаль (см., например: Кушанская хронология, с. 60, прим. 12).

⁸⁰ Новейший перевод этого места китайской хроники см.: E. Zügghe. The Yüeh-chih, с. 371.

⁸¹ E. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Wei liou.—T'P. Ser. 2. Vol. 6, 1905, с. 489; E. G. Pylleblank. Chinese Evidence for the Date of Kaniška.—Papers on the Date of Kaniška, с. 258. Следует отметить, что Э. Пэллибленк в первоначальном (машинписном) тексте своего доклада, разосланном участникам симпозиума по «дате Канишки» (Лондон, 1960), высказывал некоторые колебания в отождествлении Бо-дью с Васудевой. Это дало повод Е. В. Зеймально отметить, что подобное отождествление «бесспорным считается не может» (см.: Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 89, 91, прим. 8). Но печатный текст доклада Э. Пэллибленка показывает, что и этот исследователь не сомневается в лингвистической обоснованности отождествления Бо-дью с Васудевой; Э. Пэллибленк колеблется лишь в определении того, какого из кушанских царей, носивших это имя, упоминает китайская хроника. Признание же уравнения Бо-дью=Васудева позволяет отвергнуть поздние даты «эры Канишки». Самая ранняя надпись Васудевы относится к 64-му (или 67-му) году «эры Канишки». Если даже считать ее одновременной упоминанию Бо-дью в китайской летописи (январь 230 г. н. э.), то воцарение Канишки не может быть датировано позднее 166 г. н. э. О том, что правление этого императора нельзя отнести ко времени позже II в. н. э., свидетельствует и клад из Бард-и Нишанде, где медная монета Канишки найдена вместе с парфянской тетрадрахмой первой половины II в. н. э. и 5 тыс. монет Элимаиды II в. н. э. См.: R. Ghirshman. Bard-e Nechandeh,—centre religieux iranien.—AAH. T. 19, 1967, с. 13—14.

⁸² Хотя А. Л. Бешем предлагал объяснять имя Васудевы как санскритизированную форму кушанского Васишка (см.: A. L. Basham. The Succession of the Line of Kaniška.—BSOAS. Vol. 20, 1957, с. 78), более правильно, видимо, считать его индийским, тем более что в Индии оно отмечено еще в докушанский период и связано с культом Кришны и Вишну. См.: J. M. Rosefield. The Dynastic Arts, с. 104.

Хувишки II. Так, в качестве божества-покровителя почти на всех монетах с именем Васудевы помещен лишь один Шива⁸³ (см. рис. 3), причем иконографически он отличен от изображений этого божества на монетах Канишки и Хувишки.

Нумизматические данные, по мнению Е. В. Зеймалю, позволяют не только говорить о переходе от почитания разнообразных богов и богинь синкретического пантеона к поклонению одному божеству — индийскому Шиве, но также предполагать, что при Васудеве восторжествовала та разновидность культа Шивы, которая отличалась нетерпимостью к другим религиям и культам⁸⁴.

Однако если религиозная политика царей по имени Васудева и переменилась, то легенды монет первого из них по-прежнему выполнялись «кушанским письмом», как на монетах Канишки и Васудевы II (хотя на последних уже появились отдельные знаки письма брахми), а матхурские надписи датировались по «эре Канишки». Судя по надписям, при Васудеве (во всяком случае, до 77-го года «эры Канишки») продолжала существовать и «вихара Хувишки». Иными словами, во время Васудевы I (возможно, и Васудевы II) не произошло полного разрыва с культурными традициями Канишки I, Хувишки I и Хувишки II.

Возвращаясь к матхурским надписям с именем Васудевы, следует подчеркнуть, что они свидетельствуют о прочности вплоть до 98-го года «эры Канишки» власти кушан на берегах Ганга (во всяком случае, в среднем его течении), т. е. о сохранении в этот период мощи всей Кушанской империи.

Крушение Кушанской империи освещено источниками столь же скудно, как ее расцвет. Правда, трудами многих исследователей для изучения этого времени привлечены довольно разнообразные данные. Однако как сам процесс ослабления Кушанской империи, так и его хронология все еще остаются объектом дискуссий, более или менее остроумных гипотез, поскольку данные, привлекаемые для освещения последнего этапа истории кушан, и, главное, интерпретация этих данных разными учеными крайне противоречивы. При рассмотрении политической истории Бактрии кушанского периода мы еще вернемся к свидетельствам краха кушан в колыбели их империи. Здесь же коснемся лишь вопроса об ослаблении власти кушан на периферии и о территориальных утратах империи.

⁸³ Судя по изображениям на монетах Вимы Кадфиза Шивы с быком Нанди, близким к изображениям на монетах Васудевы, последний в данном случае как бы вернулся к религиозной политике предшественника Канишки.

⁸⁴ Е. В. Зеймалю. Шива на монетах Кушан, с. 40—41; он же. Кушанское царство, с. 14. Говоря о переходе от изображений многих божеств-покровителей к одному божеству, следует отметить, что помимо монет с именем Васудевы то же явление отражают и монеты Канишки III, на которых помещено также одно божество, но не индийского, как на монетах Васудевы, а иранско-среднеазиатского происхождения — Ардохшо (см. рис. 3).

Матхурские надписи с именем Васудевы, по-видимому, самые поздние из известных ныне, где упоминаются цари кушан. (Предположение об отнесении четырех надписей с именем Канишки и двух с именем Васишки к гипотетическому второму веку «эры Канишки» хотя и возможно, но слабо обосновано: по мнению И. Э. ван Лохвизен де Леев и Дж. Розенфилда, в этих надписях не проставлены цифры сотен, отнесены же эти надписи к более позднему, чем надписи Васудевы, времени на основании далеко не бесспорных стилистических и палеографических данных⁸⁵.) Поскольку большинство открытых кушанских надписей сосредоточено именно в Матхуре, то отсутствие здесь более поздних кушанских надписей едва ли может быть случайностью⁸⁶: по всей вероятности, это свидетельствует об утрате кушанами своих былых владений в долине Ганга⁸⁷.

Напомним, что надписи в Каушамби и Сарнатхе датированы 2-м и 3-м годами царствования Канишки, т. е. традиция составления надписей по хронологии «эры Канишки» с именами кушанских царей в долине Ганга насчитывала около столетия. Прекращение этой традиции хорошо согласуется с упоминанием в буддийском тексте, переведенном на китайский язык в 266 или 281 г. н. э., уже не трех (китайского, римского и кушанского), а четырех (с добавлением индийского) «сынов неба» — императоров⁸⁸.

По-видимому, и отсутствие в долине Ганга надписей кушанских царей, относящихся ко времени позднее 98-го года «эры Канишки», и упоминание в 60—80-х годах III в. н. э. «индийско-

---

⁸⁵ Список этих надписей см.: J. M. Rosenfield. *The Dynastic Arts*, с. 270—273. Убедительную критику гипотезы об отнесении их ко второму веку «эры Канишки» см.: Е. В. Зеймаль. *Кушанская хронология*, с. 30—31.

⁸⁶ Показательно, например, что в районе Пешавара, который принято рассматривать как столицу Кушанской империи при Канишке, найдена лишь одна надпись с его именем — на реликварии из Шах-джи-ки-дхери, в то время как район Матхуры дал около 15 надписей с упоминанием Канишки, а прилегающие с востока Каушамби и Сарнатх — еще 4 (не считая оттиска печати из Каушамби).

⁸⁷ О распространении власти кушан на долину Ганга к востоку от Матхуры свидетельствуют, в частности, материалы из раскопок в Каушамби (см., например: G. R. Sharma, J. S. Negi. *The Saka-Kuşānas in the Central Gangā Valley.*—*Kuşāna Studies*. Ed. by G. R. Sharma. Allahabad, 1968, с. 43—66; *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. 2. М., 1975, с. 15—41). Как далеко на восток простирались владения кушан — не ясно, но территорию современного Бихара принято считать входившей в состав Кушанской империи, см., например: A. Banerji. *Eastern Expansion of the Kushana Empire.*—*INQ*. Vol. 27. № 4, 1951, с. 294—303; Б. Я. Ставиский. *О северных границах Кушанского государства*, с. 110; Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. *Древняя Индия*, с. 488.

⁸⁸ Об упоминании трех «сынов неба», поделивших всю землю, см. выше, с. 12, прим. 31. О четырех «сыновьях неба» см.: P. Pelliot. *La Théorie des Quatres Fils du Ciel.*—*T'P*. T. 24, 1923, с. 97—139; S. Lévi. *Devaputra.*—*JA*. Vol. 224, 1934, с. 1—21. Ср.: Б. Я. Ставиский. *Средняя Азия в кушанский период*, с. 368.

го императора» связаны с потерей кушанами значительной части их индийских владений и возвышением какого-то собственно индийского государства. К сожалению, определить, какого именно, сейчас невозможно: история Индостана в III в. н. э. освещена источниками весьма слабо, сведения о местных государствах этого времени в Центральной и Восточной Индии ограничиваются часто лишь их названиями⁸⁹.

Утрата кушанами их владений в долине Ганга приходится, скорее всего, именно на вторую половину III в. н. э., об этом свидетельствуют данные многолетних раскопок Каушамби⁹⁰.

Материалы этих раскопок показывают, что захвату Каушамби Самудрагуптой (350 г. н. э.), фактическим основателем империи Гуптов, предшествовал период правления различных государей, который в целом продолжался не менее 75—100 лет⁹¹. Сейчас невозможно с уверенностью утверждать, как и в какие сроки теряли кушаны свои индийские владения, но есть основания полагать, что их власть над отдельными районами Индостана длилась тем более, чем дальше на запад располагались эти местности⁹². В таком случае районы Варанаси (Бенарес), Сарнатха и Каушамби были потеряны раньше, чем район Матхуры и Дели, после утраты которых под властью кушан к югу от Гиндукуша оставались лишь Пенджаб и бассейн верховьев р. Инд.

В III в. уже не входил в Кушанскую империю и Восточный Туркестан: как свидетельствуют китайские источники, в 202 г., после долгого перерыва, в Китай прибыло посольство из Хотана; в 220 г.— из Хотана и Карашара; в 222 г.— из Хотана, Кучи и Шаньшаня; в 227 г.— из Карашара; в 240 и 270 гг.— из Карашара; в 280 г.— из Турфана; в 283 г.— из Шаньшаня; в 285 г.— из Карашара и Кучи⁹³.

В последней трети III в. начинается собственный медный хорезмийский чекан, и к концу III— началу IV в. выходят из обращения в Хорезме кушанские медные монеты Канишки,

---

⁸⁹ Ср. сведения по истории Индии этого времени: Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия, с. 500—503.

⁹⁰ См. *Kuṣāṇa Studies* и указанную там (с. 40, прим. 1) литературу.

⁹¹ A. K. Naga in. *The Date of Kaniska*, с. 232. Ср.: G. R. Sharma. J. S. Negi. *The Saka-Kushanas*, с. 73, прим. 123, где авторы высказывают предположение, что часть этих государей могли править в кушанское время, будучи зависимыми от кушанских императоров.

⁹² A. K. Naga in. *The Date of Kaniska*, с. 232.

⁹³ См.: E. G. Pylleblank. *Chinese Evidence*, с. 256—257. Э. Пэлл-бленк полагает, что наиболее вероятным временем захвата кушанами части бассейна р. Тарим в Восточном Туркестане был промежуток между 175 и 202 г. н. э. Он отмечает также, что в Восточном Туркестане встречаются медные монеты только Канишки и Хувишки, и полагает, что это может свидетельствовать о распространении здесь кушанской власти именно при этих государях и об утрате кушанами этих владений в конце правления Хувишки (там же, с. 257—258).

Хувишки и Васудевы (без надчеканов)⁹⁴. Даже если оспаривать, что довольно обильные находки кушанской меди в Хорезме свидетельствуют об определенной зависимости этой области Средней Азии от Кушанской империи⁹⁵, надчеканка, перечеканка и выпадение из обращения этих монет в Хорезме, очевидно, показывают ослабление связей с кушанами, а появление здесь монет позднего типа чекана сасанидского царя Шапура I и некоторые косвенные данные позволяют предполагать усиление иранского (сасанидского) влияния, очевидно, в ущерб кушанскому⁹⁶.

С приведенными данными увязывается и упоминание Кушаншахра (т. е. Кушанского царства) в надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» (262 г. н. э.). Приводя перечень областей и стран, которые ему «платили дань и подвластны были», Шапур называет и Кушаншахр, «вплоть до Пашкабура и дальше до Каша, Согда и гор Чача». Вероятно, у Шапура I были какие-то основания для включения в список «подвластных» областей Кушаншахра: скорее всего, военные или дипломатические успехи на востоке, в результате которых кушаны либо временно признали верховную власть Шапура, либо выплатили ему контрибуцию⁹⁷.

Итак, по имеющимся сведениям можно полагать, что III век знаменовал ослабление Кушанской империи и, по-видимому, ряд территориальных потерь, после которых под властью кушан остались лишь Бактрия, Гандхара и прилегающие к ней районы современного Пакистана и Афганистана.

---

⁹⁴ См.: Б. И. Вайнберг. Археологические материалы из Хорезма в связи с проблемой кушанской хронологии.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975, с. 280.

⁹⁵ Опираясь на находки кушанских монет и некоторые археологические материалы, С. П. Толстов полагал, что Хорезм одно время входил в состав Кушанской империи, и даже пытался доказать, что знаменитые хорезмийские документы конца III—IV вв. н. э. из дворца в Топрак-кале датированы по «эре Канишки», которую он отождествлял с «эрой Сака» (см.: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 151—161; он же. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры Шака» и «эры Канишки».— ПВ. 1961, № 5, с. 54—71; он же. Dated Documents from the Toprak-kala Palace, and the Problem of the «Saka era» and the «Kaniska era».— Papers on the Date of Kaniska, с. 304—326). Как установлено последними работами, начало «хорезмийской эры», т. е. эры документов из Топрак-калы и более поздних хорезмийских надписей, не совпадает с 78 г. н. э., с которого начиналась «эра Сака», и вообще не связано с кушанской хронологией (см.: Б. И. Вайнберг. Археологические материалы из Хорезма, с. 280). В. М. Массон и М. Е. Массон считают, что нумизматические и археологические данные не дают права говорить о зависимости Хорезма от кушан (см.: В. М. Массон. Хорезм и кушаны.— ЭВ. 17. М.—Л., 1966, с. 79—84; М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «великих кушан».— ОНУ. 1968, № 8, с. 17, 22—23). Однако их доводы представляются мне неубедительными.

⁹⁶ В. И. Вайнберг. Монеты Древнего Хорезма, с. 87—91.

⁹⁷ См. ниже, с. 133—135.

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Глава I

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ БАКТРИИ

Бактрия заняла прочное место в научных трудах, посвященных древнему миру, почти 250 лет назад. Однако по сей день представление о том, что следует понимать под этим названием, у разных авторов оказывается весьма различным. Не останавливаясь на откровенных ошибках, вызванных слабым знанием исторической географии, перенесением в древность современных политико-административных границ¹, следует подчеркнуть, что отсутствие четкого определения Бактрии как историко-культурного и географического понятия обусловлено противоречивостью сведений известных в настоящее время письменных источников.

Бахтриш клинописных текстов ахеменидского Ирана, равно как Бактриана и Бактрия античных авторов и Бахлика индийских источников, — все эти разноязычные и разновременные названия применялись для обозначения области, заселенной бактрийцами, и отражали, по всей видимости, самоназвание народности (народа) и местное название страны. Для докушанского времени Бактрия — вполне определенное историко-культурное понятие, обозначение этнокультурной области и ее населения.

Такое же значение сохраняется за словом «Бактрия» у большинства античных авторов на рубежах нашего летосчисления. Среди них авторы трудов, посвященных походам Александра Македонского, Квинт Курций Руф (конец I в. до н. э. — середина I в. н. э.), Диодор Сицилийский (ум. в конце I в. до н. э.), Арриан (ок. 90—175 гг. н. э.); историки Помпей Трог (писал между 19 и 2 гг. до н. э.), Тацит (I — начало II в. н. э.), Юстин (конец II в. н. э.); географ Страбон (ум. в 23/24 г. н. э.); эн-

¹ См., например: Э. А. Юркевич. Кушанская культура на территории Афганистана, Пакистана и Индии (Автореф. канд. дисс.). М., 1968, с. 7 и 14, где автор относит к Бактрии Капису/Беграм, т. е. центр области Паропамисад, лежавший южнее Гиндукуша. Э. А. Юркевич фактически рассматривает весь Афганистан как Бактрию, а Пакистан как Гандхару.

циклопедист Плиний Старший (ум. в 79 г. н. э.); римские поэты, писатели и ораторы I—IV вв. н. э.²

Однако следует отметить, что Клавдий Птолемей (вторая половина II в. н. э.), опиравшийся при составлении своей «Географии» уже не только на авторов докушанского времени, но и на информацию, полученную римскими купцами в I—II вв. н. э., обозначая определенную географическую область как Бактриану³, ни словом не обмолвился о бактрийцах, а при перечислении населявших эту область 13 отдельных племен или народностей особо выделил тохаров, указав на их многочисленность⁴.

Создается впечатление, что в период расцвета Кушанского государства уже не существовало народа, именовавшего себя бактрийцами. Не ясно также, сохранялось ли в это время старое название «Бактрия» для обозначения древней области в иранской и местной — среднеазиатской среде; хотя топоним Бахл и встречается в среднеперсидских и древнеармянских источниках вплоть до VII в. н. э., похоже, что им пользовались не для передачи названия всей древней области, а лишь для обозначения ее столичного города Бактры (Балх)⁵.

Китайские источники, дающие наибольшую информацию о Средней Азии кушанского и послекушанского периодов, вообще не содержат названия, созвучного «Бактрии», они пользуются названиями Дахя/Дася, Да-юежжи и Ту-хо-ло.

Значение слова Дахя/Дася еще не выяснено⁶. Оно было использовано впервые Чжан Цянем (ок. 130 г. до н. э.) для обозначения земель современного Северного Афганистана, уже подпавших под власть кочевых завоевателей да-юежжи, ставки которых, однако, оставались на северном берегу Амударьи⁷.

² См.: Квинт Курций Руф, VII, 3—11; VIII, 1—8, а также III, 10; IV, 5, 6, 12, 13; V, 8, 9, 13; VI, 6; IX, 2, 7; X, 10; Диодор Сицилийский, XI, 69; XVII, 74, 83, 99; XVIII, 3, 39; Арриан, Анабазис, III, 28, 30; IV, 1—22; а также III, 8, 11, 16, 19, 21; 23, 25; V, 5, 25, 27; VII, 9, 16; Помпей Трог, XII, 1—7; XLI—XLII; Тацит, *Анналы*, II, 60; XI, 8; Плиний Старший, *Естественная история*, VI, 13, 33—52; VIII, 18, 66—67; 40, 143; XII, 6, 25; 8, 33—36; XV, 18, 68; XVIII, 7, 70; 21, 186. Сведения о Бактрии (и Индии) поэтов, писателей и ораторов I—IV вв. собраны М. Рэно, см.: М. Т. Reipaud. *Relations politiques et commerciales de l'Empire Romain avec l'Asie Orientale.*—JA. Ser. 6. T. 1, 1863, с. 93—234, 297—441. См. также: М. М. Хвостов. *История восточной торговли греко-римского Египта.*

³ Птолемей, VI, 10, 1; III, 1—9; 12, 1; 17, 1; 18, 1.

⁴ Птолемей, VI, 11; 6. Позднеримский историк Аммиан Марцеллин (вторая половина IV в.) при описании Бактрии (XXIII, 6, 57) пересказал эти сведения Птолемея.

⁵ Ср. сведения древнеармянских авторов (см. ниже, с. 132, 136, 137).

⁶ См.: А. К. Nagain. *The Indo-Greeks*. 2nd ed., Oxf., 1962, с. 131, где приведены три предложенные разными авторами гипотезы (Дахя=тохары или Тохаристан; Дахя=эллины; Дахя=дахи или дан).

⁷ Н. Я. Бичурин. *Собрание сведений о народах, с. 151, 152; E. Zücher. The Yüeh-chih, с. 360—361. Ср.: Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1974, с. 103.*

В том же значении китайские летописцы применяли это слово и позднее, в «Ханьшу»⁸.

Термином да-юечжи Чжан Цянь обозначал как племя или народ завоевателей, так и район их расселения к северу от Амударьи⁹, а авторы «Ханьшу» и «Хоуханьшу» — племя или народ завоевателей, область их обитания к северу и к югу от Амударьи и Кушанское государство в целом¹⁰, причем летописцы ясно сознавали, что применение названия к Кушанскому государству было чисто условным¹¹.

Топоним ту-хо-ло восходит к обозначению кочевого племени (народа) тохаров, известных и по другим источникам. Их упоминают в связи с событиями II в. до н. э., крахом Греко-Бактрийского царства и вторжением кочевников в пределы Парфии Помпей Трог¹² и Страбон, причем последний указывает, что они переселились (вместе с тремя другими племенами) из-за Согдианы, с другого берега Яксарта (Сырдарья)¹³. Птолемей называет тохаров трижды — как многочисленный народ, живущий к югу от Окса (Амударья) в Бактрии¹⁴, как обитателей Согдианы, соседей ятиев, живущих на Яксарте¹⁵, и как народ на границе Серики¹⁶, в чем следует видеть отражение сообщений разновременных авторов. Тохаров упоминают и другие античные авторы — Плиний Старший, Дионисий Периегет и Авиен¹⁷. На интересующей нас территории¹⁸ тохаров знают также

---

⁸ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 183—184; E. Zügcher. The Yüeh-chih, с. 365.

⁹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 151; Н. В. Кюнер. Китайские известия, с. 103, 106; ср. также E. Zügcher. The Yüeh-chih, с. 360—361.

¹⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 183—184, 227, 228; E. Zügcher. The Yüeh-chih, с. 367, 371; E. G. Pulleyblank. Chinese Evidence, с. 247—248. Более поздние упоминания да-юечжи см.: E. Zügcher. The Yüeh-chih, с. 371—374. Упоминаются они и в «Землеописании Китайской империи» (см.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960, с. 575, 579), однако это лишь дань традиции династийных китайских хроник.

¹¹ Хоуханьшу, гл. 118, 9а: «Соседние государства называли его гуйшу-анским государем, но китайский двор удержал прежнее его название: Большой Юечжи» (цит. по: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 228; см. также: E. Zügcher. The Yüeh-chih, с. 367; E. G. Pulleyblank. Chinese Evidence, с. 248).

¹² Помпей Трог, XLI—XLII.

¹³ Страбон, XI, 8, 2.

¹⁴ Птолемей, VI, 11, 6.

¹⁵ Птолемей, VI, 12, 4.

¹⁶ Птолемей, VI, 16, 2, 5, 8.

¹⁷ См.: И. И. Умняков. Тохарская проблема.—ВДИ. 1940, № 3—4, с. 183. См. также: W. W. Tarn. The Greeks, с. 515—519 (Appendix 21. The Greek names of the Tochari); Ю. М. Десятчиков. Сатархи.—ВДИ. 1973, № 1, с. 142—143.

¹⁸ Помимо Бактрии тохары упоминаются и в Восточном Туркестане, где с ними связывают язык документов V—X вв.

индийские и тибетские источники¹⁹. Приведены они и в согдийском «Списке народов» IX в.²⁰.

Термин ту-хо-ло, как и да-юечжи, носил не только этнический, но и географический характер. Однако, в отличие от да-юечжи, он обозначал не политическое, а этнокультурное единство, что особенно четко видно из описания путешествия знаменитого китайского паломника-буддиста Сюань-цзяна, который по пути в Индию и обратно прошел во второй четверти VII в. н. э. через Среднюю Азию и Афганистан. Сюань-цзян, широко пользовавшийся расспросными данными, отмечал, что страна Ту-хо-ло политически не представляла собой единого целого (по его словам, здесь было 38 владений, разделенных «природными границами»), но отличалась от Согда (страны Су-ли) и других соседних областей именно своим этнокультурным обликом, в первую очередь языком и письменностью²¹. Земля тохаров — Тохаристан упоминается и раннемусульманскими авторами, сообщающими о завоеваниях Средней Азии арабами в VII—VIII вв.²².

Термины ту-хо-ло и Тохаристан имели, таким образом, ярко выраженный этнокультурный характер и отражали название народа тохаров и занятой ими области. Наиболее раннее упоминание Тохаристана засвидетельствовано одним из текстов, переведенных на китайский язык в 383 г. н. э.²³, что позволяет предполагать его распространение в последней четверти, а возможно, и середине IV в. Учитывая, что к этому времени относятся последние (к тому же, вероятно, уже ставшие традиционными) упоминания Бактрии как определенной историко-географической области²⁴, естественно поставить вопрос: не эта ли область стала теперь выступать под новым названием Тохаристана?

Описывая страну Ту-хо-ло (Тохаристан), Сюань-цзян четко указывает ее географические пределы: по его словам, она вытянута с запада на восток примерно на 3000 ли — от границ Персии (т. е. сасанидского Ирана) до Памира, а с севера на юг примерно на 1000 ли — от Железных ворот, прохода в горах современного Байсунтау (отрог Гиссарского хребта) до Гиндукуша; посредине этой страны, по его данным, протекает

---

¹⁹ См., например: Ю. Н. Перих. Тохарская проблема.— НАА. 1963, № 6, с. 118—123; он же. Память о тохарах в Тибете.— КСИНА. № 65, 1964, с. 140—143.

²⁰ W. B. Henning. *Sogdica*. L., 1940, с. 8, 9.

²¹ S. Beal. *Si-Yu-Ki*. Vol. I, с. 36, 37 (сп. 2-е изд., 1957, с. 102—103).

²² В. В. Бартольд. *Сочинения*. Т. I. М., 1963, с. 118; т. 2. Ч. I. М., 1963, с. 455.

²³ T. W. K. Müller. *Toxri und Kusan (Kūsàn)*.— SPAW. Phil.-hist. Klasse. Bd 28, 1918, с. 575; ср.: Б. Г. Гафуров. *Таджики*, с. 225.

²⁴ Например, сообщения Аммиана Марцеллина (ср. выше, прим. 4, на с. 33).

«великая река» Амударья²⁵. В таких же пределах фигурирует Тохаристан и у мусульманских авторов²⁶.

По довольно широко распространенному в научной литературе мнению, Бактрия/Бактриана античных авторов охватывала лишь южную часть этой территории, ограниченную на севере Оксом (Амударьей). Земли по правому берегу Амударьи в этом случае относят то к Согду/Согдиане, то к некоей надуманной области Трансоксиане²⁷. Вопреки этому мнению еще В. Томашек полагал, что древняя Бактрия простиралась на севере до Гиссарского хребта, охватывая тем самым и правобережные амударьинские земли²⁸. Точка зрения В. Томашека получила признание и поддержку у большинства советских исследователей Средней Азии²⁹. Разделял ее и столь авторитетный зарубежный специалист по истории и археологии эллинистического Востока и Кушанской империи, как Д. Шлюмберже³⁰.

Представление об Оксе/Амударье как о северном рубеже Бактрии восходит к сообщениям Страбона и Птолемея, оставивших, казалось бы, ясные указания о ее географических рубежах. Страбон неоднократно подчеркивает, что Окс служит границей между Бактрией и Согдианой³¹, называя, правда, эту границу восточной, так как полагает, что Окс течет с юга на север. Птолемей также проводит рубеж между Бактрией и Согдианой по Оксу³², но отмечает, что последний течет сначала с юга на север, а затем с востока на запад, т. е. ограничивает Бактрию с востока и с севера. Представления Птолемея об Оксе/Амударье кажутся довольно верными (ему неизвестны лишь верховья этой реки), но при описании размещения отдельных племен, народов и географических пунктов Бактрии и соседних областей он явно путается. Как уже отмечалось выше, Птоле-

²⁵ См.: S. Beal. *The Life of Hiuen-Tsiang*. L., 1888, с. 37.

²⁶ См. прим. 22 на с. 35.

²⁷ R. Ghirshman. *Begram*; F. R. Allchin. *The Cultural Sequence of Bactria*.—*«Antiquity»*. Vol. 30. № 123. L., 1957, с. 131—141 (особенно—карта на с. 133); K. Fischer. *Gandharan Sculpture from Kunduz and environs*.—*«Artibus Asiae»*. Vol. 21. № 3—4. Ascona, 1958, с. 231—253. Северным рубежом Бактрии считает Амударью и Д. Сиркар. См.: D. Sircar. *Some Problems of Kushan and Rajput History*.—*«Journal of Indian Historical Society»*. Vol. 2. Calcutta, 1968—1969.

²⁸ См. W. Tomaschek. *Bactra, Bactrianoi, Bactriane*.—PW. Bd 2, с. 2805.

²⁹ Наиболее четко это отражено в работах М. М. Дьяконова и С. П. Толстова. См., например: М. М. Дьяконов. *У истоков древней культуры Таджикистана*. Сталинабад, 1956, с. 22; С. П. Толстов. *Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры Шака» и «эры Канишки»*, с. 70, прим. 26 (ср. английский текст этой статьи в *Papers on the Date of Kaniska*, с. 324, прим. 1).

³⁰ D. Schlumberger. *Aï Khanoum, une ville hellénistique en Afghanistan*.—CRAIBL-1965. 1966, с. 40—41; он же. *L'Orient hellénisé*, P., 1970, с. 52.

³¹ Страбон, II, 1, 15; XI, 8, 8; II, 2.

³² Птолемей, VI, 11, 1; 12, 1.

мей упоминает тохар и в Бактрии и в Согде, дважды называет он также хомаров/комаров — в Бактрии и в стране саков³³, в Бактрию он помещает столицу Согдианы — Мараканду и протекающий близ нее Даргом³⁴, а к городам Согдианы причисляет Александрию Оксианскую и Драпсу³⁵, которые есть основания (см. ниже, с. 90—92) считать бактрийскими городами.

Предполагается, что основу географических представлений Страбона и Птолемея о Бактрии, Согдиане и соседних с ними областях и странах составили данные соратников Александра Македонского, описывавших его походы. Их сведения вошли, в частности, в географическую концепцию Эратосфена (ок. 276—194 гг. до н. э.), на которого ссылается Страбон. Птолемей же присовокупил сведения о торговых путях своего предшественника Марина Тирского (начало II в. н. э.) и его информатора купца Маэса Тициана (I—II вв.) к общей картине, позаимствованной у Страбона и Эратосфена³⁶. Вполне возможно, конечно, что при Александре (и в другие времена) граница между Бактрией и Согдом на каком-то участке действительно проходила по Оксу/Амударье (например, в районе современного г. Керки), но оснований проводить ее по всему среднему течению реки античные авторы все же не дают. В дошедших до нас сочинениях о походах Александра четких указаний на этот счет нет; у Курция Руфа³⁷ к Согдиане отнесена даже полоса пустынь (Согдианская пустыня) шириною 400 стадий (около 74 км), которую Александру пришлось преодолеть, прежде чем он достиг берегов Окса, направляясь из столицы Бактрии — Бактр в Согдиану, т. е. с юга на север.

Следует также учесть, что, хотя «античные авторы, как правило, проводили границу крупных областей и этнических групп по рекам... эти границы, как показали тщательные исследования, были весьма условными и принимать их без оговорок и проверки нельзя»³⁸. Этот вывод, сделанный Д. А. Мачинским в отношении Рейна, Дуная, Вислы, Днестра, Дона, вполне согласуется с отмеченным Г. М. Бонгард-Левиным³⁹ противоречием в данных античных авторов об Инде: по словам Страбона⁴⁰ и Арриана⁴¹, по этой реке проходила западная граница Индии, однако тот же Арриан упоминает в войске Дария

³³ Птолемей, VI, 11, 6; 13, 3.

³⁴ Птолемей, VI, 11, 2, 9.

³⁵ Птолемей, VI, 12, 5.

³⁶ См., например: Дж. О. Томпсон. История древней географии. М., 1953, с. 327—328; А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору, с. 32—34.

³⁷ Квинт Курций, VII, 5, 1—2; 17—18.

³⁸ Д. А. Мачинский. О времени первого активного выступления сарматов.— АС. Вып. 13, 1971, с. 41.

³⁹ Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. с. 682—683.

⁴⁰ Страбон, XV, 1, 11.

⁴¹ Арриан. Индика, II, 1, 5.

при Гавгамелах индийцев «с этого (т. е. западного.— Б. С.) берега Инда»⁴².

Подтверждением вывода об Амударье как северном рубеже древней Бактрии, казалось бы, может служить свидетельство Чжан Цяня о Дахя/Дася, ограниченной с севера этой рекой. Однако, как мы это уже видели, Чжан Цянь фиксировал не устойчивую границу историко-культурной области, а временный рубеж между да-юечжи, обосновавшимися на правом (северном) берегу, и землями левобережья, которые хотя и были покорены ими, но находились еще вне пределов расселения основной массы этого племени или союза племен.

Вся известная нам история приамударьинских областей вплоть до современности свидетельствует, что Амударья в среднем ее течении, не однажды оказываясь временным военно-политическим рубежом⁴³, в то же время никогда не была устойчивой этнокультурной (и историко-культурной) границей. По сей день ее левобережные земли (на севере Афганистана) заселены таджиками, узбеками и туркменами, родственными населению правобережья, а основным южным этнокультурным рубежом, как и в древности, и в средние века, служит Гиндукуш⁴⁴.

Все это, во-первых, дает основание сомневаться в справедливости определения Окса/Амударьи как северного рубежа Бактрии, во-вторых, позволяет предполагать, что таким рубежом этой историко-культурной области был Гиссарский хребет и его западные отроги⁴⁵. Как уже отмечалось, такое предположение было высказано давно и имеет в науке немало сторонников. Но для окончательного решения вопроса о северных пределах Бактрии необходимы были дополнительные показания каких-либо новых источников. Такие источники, во всяком случае для кушанского периода, теперь появились. Это археологические данные, полученные советскими учеными в ходе интенсивных исследований на обоих берегах Амударьи, а нашими зарубежными коллегами — к югу от этой реки.

В результате указанных исследований мы можем утверждать, что все поддающиеся учету вещественные выражения этноса и его культуры: архитектура и архитектурный декор, строительные материалы и приемы, керамика, терракота и, наконец, монеты и эпиграфические находки — свидетельствуют об этнокультурном и хозяйственном единстве земель к северу и к югу от Амударьи. На всем пространстве от Гиндукуша на

⁴² Арриан. Анабазис, III, 8, 3—6.

⁴³ См., например, раздел сфер влияния Сасанидов и тюрков после разгрома Эфталитского царства.

⁴⁴ См., например, врезку «Народы» в карте «Афганистан». Изд. 2-е. ГУКК. М., 1966.

⁴⁵ К Бактрии тяготели, видимо, и земли по берегу Амударьи, тянувшиеся к северо-западу от Термеза до района современного Келифа, а в кушанский период, возможно, и далее, по направлению к Чарджоу.

юге до Гиссарского хребта на севере они составляли в период расцвета Кушанского царства единую историко-культурную область.

Отметим здесь сходство в планировке «храма Канишки Победителя» в Сурх-Котале (см. рис. 29) и наземного храма в буддийском культовом центре кушанского Термеза того же времени — Кара-тепе (см. рис. 26)⁴⁶. Удивительную близость обнаруживают каменные детали архитектурного декора «храма Канишки Победителя» и буддийской «платформы статуй» в Сурх-Котале, капители из Шам-калы (Северный Афганистан) с капителью и другими деталями декоративной пилястры из Кара-тепе в Термезе (см. рис. 42)⁴⁷. Характерно, что эти особенности устройства храмовых построек и их декора, сближающие багланские и термезские памятники, в то же время отличают их от гандхарской и какой-либо иной (вне территории Бактрии) локальной школы кушанской эпохи.

Об историко-культурном единстве этих территорий свидетельствуют и такие специфические архитектурные сооружения, как буддийские ступы. Как это показала Г. А. Пугаченкова⁴⁸, ступы кушанского времени в Айртаме и в самом Термезе (Зурмала) по строительным материалам и приемам сходны со ступами Балха — Шахри-Фолак и Топи-Рустам⁴⁹. И айртамская, и термезская, и балхские ступы были возведены из крупного квадратного сырцового кирпича и облицованы жжеными кирпичными плитками или плитами известняка, а по форме представляли собой цилиндр со сферическим верхом, опирающийся на прямоугольный стилобат. Обе эти группы построек отличны именно строительными материалами и техникой от буддийских ступ других областей Кушанского царства⁵⁰.

На правом берегу Амударьи в кушанское время были распространены также типы терракот, аналогичные терракотам левобережной Бактрии⁵¹.

Но особенно показательны, пожалуй, эпиграфические находки. Как известно, в центральных районах Бактрии в кушанское время и позднее были распространены своеобразное кушанское письмо и «бактрийский» язык. Недавние находки на правом берегу Амударьи показали, что здесь то же письмо и

⁴⁶ См.: Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 56—57.

⁴⁷ См.: Б. Я. Ставиский. Капители древней Бактрии.—СА. 1972, № 2, с. 41—50.

⁴⁸ См.: Г. А. Пугаченкова. Две ступы на юге Узбекистана.—СА. 1967, № 3, с. 257—264.

⁴⁹ M. Le Berre, D. Schlumberger. Observation sur les remparts de Bactres.—MDAFA. T. 19. P., 1964, с. 101—102.

⁵⁰ См.: Г. А. Пугаченкова. Две ступы, с. 263—264. Такой же характер — сырцовый массив с облицовкой известняком — имела и ступа на Кара-тепе (см. ниже, с. 187).

⁵¹ См., например: В. А. Мешкерис. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху.—ИАН ТаджССР. ООН. 1968, № 2 (52), с. 14.

тот же язык применялись не менее широко⁵². Отметим, кстати, что «кушанское письмо», также использовавшееся в общегосударственном чекане Кушанской державы в период ее расцвета (начиная с Канишки), не получило широкого распространения ни в Гандхаре, ни в Матхуре, ни в прочих индийских владениях кушан. Характерно, что даже в царском святилище в Матхуре все дошедшие до нас надписи выполнены лишь индийскими алфавитами. Не исключено, конечно, что в дальнейшем в Индии будут найдены отдельные надписи «кушанским письмом»⁵³, но вывод о преимущественном распространении этой письменности (и «бактрийского» языка) именно в Бактрии вряд ли будет поколеблен.

Не менее красноречив и состав монетных находок на правобережных землях Амударьи. Не касаясь вопроса о раннекушанских чеканах, напомним лишь, что денежное хозяйство и монетное дело были развиты здесь еще до сложения Кушанского царства⁵⁴. Со времени же Вимы Кадфиза на правобережье обращались лишь те же кушанские монеты, что в левобережной Бактрии⁵⁵. Единственным возможным объяснением этого факта может быть вывод о денежно-хозяйственном и политическом единстве обеих территорий⁵⁶.

Таким образом, вопрос о северных пределах Бактрии в кушанский период можно, видимо, считать решенным достаточно однозначно. Вполне обоснован также вывод о совпадении географических пределов Бактрии в кушанское время и послекушанского Тохаристана, т. е. о сохранении этой древней историко-культурной областью присущих ей этнокультурных черт.

Итак, мы вправе считать Бактрию/Тохаристан вполне определенной историко-культурной областью, охватывавшей бас-

⁵² См. сводку памятников этой письменности: В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе.— Кара-тепе. II, с. 47—81 (там же основная литература).

⁵³ На такую возможность указывают находки надписей курсивным «кушанским письмом» в долине Точи в Пакистане (см.: Х. Хумбах. Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал.— Кара-тепе. III, с. 122—128) и на юге Афганистана (последние находки см.: G. Fussman. Documents épigraphiques Koushans, с. 8—19).

⁵⁴ См.: В. М. Массон. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным.— ВДИ. 1955, № 2, с. 37—47.

⁵⁵ См.: Б. Я. Ставиский. О северных границах Кушанского государства, с. 112—113; он же. Средняя Азия в кушанский период.— ИТН, с. 356. Последующие монетные находки подтверждают этот вывод. См., например: Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии.— ВДИ. 1967, № 3, с. 74—88; М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг.— ЭВ. 21, 1972, с. 82—83; Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г.— АРТ. 10 (1970). М., 1973, с. 274.

⁵⁶ Ср. вывод П. Бернара (P. Bernard. Campagne de fouilles de 1970.— CRAIBL-1971. 1971, с. 439) о зонах обращения греко-бактрийских, греко-индийских и индийских монет: первые господствовали к северу от Гиндукуша, вторые и третьи — к югу от него.

сейн древнего Окса/Амударьи в среднем и отчасти в верхнем его течении. Южная (левобережная) часть этой древней области располагалась между Гиндукушем и Амударьей, на землях современного Северного Афганистана. Северная же (правобережная) часть Бактрии лежала между Амударьей и Гиссарским хребтом, на южных землях нынешних Узбекской и Таджикской ССР. В состав Северной Бактрии, как мы покажем далее, следует включить и небольшой участок Туркменской ССР — полосу правобережья Амударьи от Келифа до Керки.

Приведенные выше данные и доводы показывают, что в кушанский период интересующую нас историко-культурную область, известную во времена, предшествовавшие сложению Кушанской империи, как Бактрия, скорее всего, называли так лишь приверженцы античной традиции. Но поскольку местное название ее в то время пока не известно, а термин Тохаристан впервые засвидетельствован только для времени крушения империи, допустимо и далее обозначать эту область как Бактрию кушанского периода или, для краткости, как кушанскую Бактрию. Это обозначение принято нами условно и временно — до будущих эпиграфических находок.

Глава 2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАКТРИИ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА И ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ

Немногочисленные и лаконичные письменные источники (античные, китайские и пр.) содержат об отдельных районах и городах Бактрии кушанского периода так мало сведений, что их можно использовать лишь как дополнение к археологическим материалам. Поэтому историко-культурная характеристика основных районов, а в известной степени и разработка исторической географии кушанской Бактрии, в настоящее время базируются именно на данных археологии. Однако использование археологических материалов в историко-культурном плане требует в первую очередь научно обоснованной локализации и классификации памятников. Между тем нередки случаи, когда эти положения игнорируются, в результате возникают досадные неточности или ошибки.

Так, Э. А. Юркевич отнес к кушанской Бактрии ряд памятников, лежащих к югу от ее естественного рубежа — Гиндукуша, на территории современного Афганистана. Разумеется, выводы этого автора о характере культуры Бактрии кушанского периода и приводимые параллели с культурой других областей Кушанской империи (в частности, Гандхары) оказались явно ошибочными¹. Г. А. Пугаченкова в тезисах одного из своих докладов при характеристике долинных оазисов Бактрии отнесла Узбекон-тепе к Гиссарской долине, а Шахринау к долине Каратага², хотя оба памятника лежат в верхней части Сурхандарьинской долины, причем Узбекон-тепе — западнее, т. е. дальше от Гиссарской долины, чем Шахринау³.

Известную путаницу вносит и нечеткость определения археологических памятников, когда, например, термином «городище»

¹ См. выше, прим. 1 к гл. 1.

² Г. А. Пугаченкова. Культура бактрийских городов в свете исследований в Южном Узбекистане.— Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, с. 44.

³ Следует отметить, что в нашей археологической литературе верховья р. Сурхандарья, лежащие на территории ТаджССР, часто включают в состав Гиссарской долины. См., например: Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г.— АРТ-55. 1956, с. 75—86.

называют не только руины древних городов, но и остатки больших и малых поселений сельского типа и даже отдельных небольших усадеб.

Очевидно, что избежать неточностей и недоразумений, подобных перечисленным, можно, если, во-первых, рассматривать археологические памятники в пределах той или иной историко-культурной области и, во-вторых, опираться при их характеристике на единую систему классификации типов древних поселений.

О границах Бактрии как историко-культурной области уже говорилось в предыдущей главе. Вполне четко можно определить и основные районы этой области при кушанах. Для этого следует в первую очередь учитывать, что в условиях Бактрии не только продуктивное земледелие, но и само существование постоянных населенных пунктов обычно зависит от источников водоснабжения. Соответственно определяющими признаками для районирования служат долины рек, по которым размещались большие и малые оазисы. Наряду с крупными долинными районами в Бактрии существовали и более мелкие единицы — отдельные оазисы, или «ирригационные районы», как назвал их В. М. Массон⁴. Применительно к Бактрии, точнее к ее северной части, попытки такого районирования в отечественной науке уже предпринимались (одной из них, в частности, явился упоминавшийся ранее доклад Г. А. Пугаченковой). Таким образом, основа для соответствующей современному состоянию науки локализации и группировки археологических памятников Бактрии по их местоположению уже есть.

Немалые успехи достигнуты нашими учеными и в разработке типологии древних поселений Средней Азии. В последнее время появились, в частности, несколько работ Э. В. Ртвеладзе, в которых предложена типология городских и сельских поселений Северной Бактрии кушанского времени⁵. Учитывая размеры остатков древних поселений и такие характерные их черты, как наличие укреплений, крепостных стен и цитаделей, исследователи различают поселения городского и сельского типов, выделяя среди них еще несколько видов. Опираясь на опыт этих работ, можно предложить условную, но достаточно четкую классификацию поселений Бактрии кушанской эпохи, включающую такие понятия:

---

⁴ См.: В. М. Массон. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 4—5.

⁵ См.: Э. В. Ртвеладзе. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхан-Дарьинской области.— Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 24—25; он же. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана.— Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 83—85; Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973, с. 33.

- 1) крупный город (площадью более 100 га, с городскими стенами и укрепленной цитаделью);
- 2) город (площадью от 15 до 80 га, с городскими стенами и укрепленной цитаделью);
- 3) городок/небольшой город (площадью от 5 до 13 га);
- 4) крупные поселения (площадью от 1,5 до 4 га, с крепостной стеной и замком или небольшой цитаделью);
- 5) поселение (площадью менее 1 га);
- 6) усадьба (площадью менее 0,6 га).

Помимо этих основных типов поселений следует, видимо, различать еще:

- 7) оазисный тип расселения;
- 8) горные поселения.

Исходя из приведенных положений о локализации и типологии археологических памятников кушанского времени на территории Бактрии, я предлагаю далее как перечень памятников с указанием их размещения, так и археолого-топографический обзор основных районов этой историко-культурной области в кушанскую эпоху. Однако по ряду причин — субъективных и объективных — такая попытка не может пока дать совершенных, однозначных результатов.

Как и другим исследователям древней Средней Азии, автору хорошо известно, что многие материалы по археологии Бактрии, полученные разными учеными за последние десятилетия, все еще не обработаны и не опубликованы, доступная же информация часто отрывочна и носит характер предварительных сообщений⁶. Более того, в ряде случаев опубликованные сведения о тех или иных памятниках существенно расходятся: так, например, размеры городища Дальверзин-тепе Г. А. Пугаченкова без каких-либо объяснений определяет то в 80—90, то около 40 га⁷, а Э. В. Ртвеладзе — в 28 га⁸. Столь же разноречивы зачастую данные о более мелких поселениях⁹. Датировки поселений на основании лишь подъемного материала, в ос-

⁶ Так, например, все еще не изданы чрезвычайно ценные материалы раскопок Яванского городища, могильника Туп-хона и т. п.

⁷ См.: Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чаганна-на.— «Труды ТашГУ». Вып. 200, 1963, с. 52: «С юга к крепости (цитадели площадью ок. 7 га.—Б. С.) примыкает собственно город прямоугольного плана (1000×800 м); ср.: она же. К изучению памятников Северной Бактрии.— ОНУ. 1968, № 8, с. 32: «...городище включает возвышенную цитадель площадью до 9 га... собственно город площадью до 80 га... и загородную зону»; она же. Новое в изучении Дальверзин-тепе.— СА. 1971, № 4, с. 187: «...цитадель площадью до 9 га... Собственно город имеет прямоугольный план размером 650×500 м».

⁸ См.: Э. В. Ртвеладзе. К вопросу о типологии, с. 25; он же. Разведочное изучение, с. 84.

⁹ Так, размеры сохранившейся части поселения Анжир-тепе (Б-22) в Шерабдской долине у Э. В. Ртвеладзе колеблются от 0,2 га (см.: Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 18) до 2,0 га (см.: Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 76), а высота Ак-тепе (Б-23, в той же долине) от 8 до 0,8 м.

новном фрагментов керамики (иногда вовсе не публикуемых и даже не описываемых, но *a priori* отнесенных к греко-бактрийскому и кушанскому периодам¹⁰), весьма условны. Степень изученности различных районов Бактрии также весьма различна. Поэтому сводка, которая предлагается вниманию читателя, будет не полной, не охватывающей всю совокупность данных, известных разным исследователям. Вместе с тем она, как мне кажется, все же позволяет с известной степенью приближения представить историко-археологическую карту Бактрии в кушанский период.

Следует отметить также, что автору, естественно, были более доступны материалы археологического изучения северной (правобережной) части Бактрии. Кроме опубликованных работ здесь можно было использовать доклады, сообщения и прочую устную информацию. Мне удалось также побывать почти во всех основных районах Северной Бактрии, а личное, пусть даже краткое, знакомство с местностью и памятниками служит неоценимым дополнением к литературным сведениям. Поэтому характеристика правобережных районов будет более детальной, чем районов левобережной (афганской) части Бактрии. При обзоре ее помимо зарубежных изданий и немногочисленных отечественных работ оказалось возможным привлечь лишь материалы совместной Советско-Афганской археологической экспедиции в Северный Афганистан, возглавляемой И. Т. Кругликовой.

А. ПРАВОБЕРЕЖЬЕ АМУДАРЬИ

Правобережную (северную) часть территории древней Бактрии составляли пять основных речных долин и ряд более мелких долин и оазисов. Основные долины (в современных названиях, поскольку кушанские неизвестны): 1) Сурхандарьинская (вместе с Шерабадской), 2) Гиссарская (точнее, Среднекафирниганская), 3) Нижнекафирниганская (вместе с Бишкентской), 4) Вахшская (вместе с Явано-Обикиикской), 5) Пархарская (вместе с Дангаринским плато). В каждой из этих долин выявлены памятники кушанской эпохи, которые группировались в нескольких ирригационных районах.

Помимо этих долин и районов отдельные памятники кушанского периода или небольшие их группы известны сейчас на правом берегу Амударьи и Пянджа (между Керкичи и Келифом) и далее на восток, вплоть до устья р. Кызылсу, а также и в горах Западного Памира.

¹⁰ См., например, датировку поселения Дабил-Курган (Б-25) в Шерабадской долине «с V—IV вв. до н. э.» (Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 17) и «с первых веков нашей эры» (Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 77).

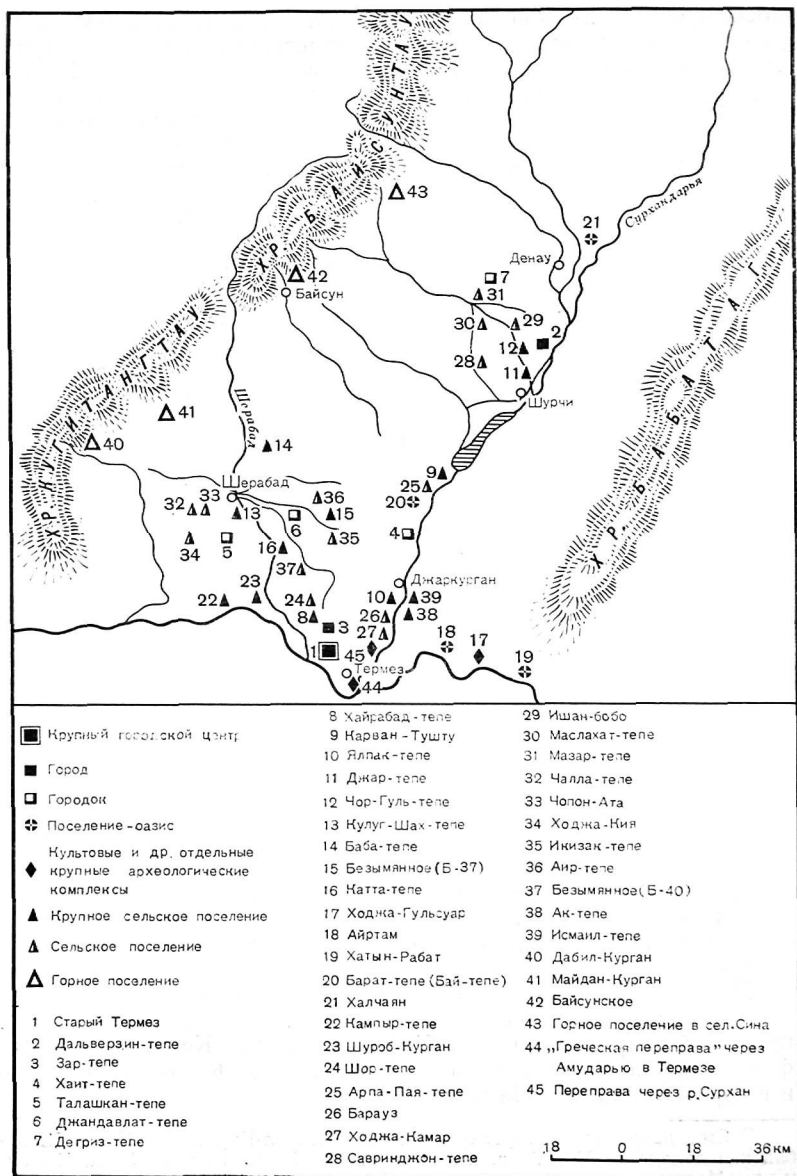

Рис. 4а. Размещение археологических памятников в средней и нижней частях долины р. Сурхандарья

1. Сурхандарьинская долина

Самой значительной из речных долин северной части кушанской Бактрии была, безусловно, долина Сурхандарьи, протянувшаяся вдоль этой реки от впадения ее в Амударью к Гиссарскому хребту, с юго-запада на северо-восток, примерно на 180 км (при ширине 5—6 км). На севере эту долину замыкают высокие (до 4 тыс. м над уровнем моря) горы Гиссарского хребта и его западного отрога — Байсуна. На северо-востоке незначительный водораздел отделяет ее от Гиссарской долины. Сейчас этот водораздел пересекает Большой Гиссарский канал, так что переход от Гиссарской долины к Сурхандарьинской почти не заметен: обрабатываемые земли тянутся непрерывной полосой. Однако еще в 30-х годах здесь лежал массив невозделанных земель; можно полагать, что в кушанский период рубеж между двумя долинами был более ощутимым. На востоке долину Сурхандарьи ограничивают безводные степи и горы Бабатаг, отделяющие ее от низовьев Кафирнигана. На западе — невысокий хребет Хаудаг и сыпучие пески Каттакум, через которые, однако, еще в древности проходил выведенный из Сурхандарьи канал. Орошаемые им земли и в кушанский период соприкасались с Шерабадским ирригационным районом, который поэтому следует рассматривать в связи с долиной Сурхана (этот ирригационный район лежит в плоской и широкой долине Шерабаддарьи, на востоке местами сливающейся с Сурхандарьинской, а на западе ограниченной горным кряжем Кухитанг-Тау).

Сурхандарьинская долина в настоящее время орошается сетью каналов, выведенных из самой Сурхандарьи, ее притоков — Тентексай, Кызылсу, Тупаланг-Сангардак и истоков — Каратаг и Ширкент (не считая Большой Гиссарский канал, по которому перебрасывается часть вод бассейна Кафирнигана). Расположение памятников кушанского периода (рис. 4а,б) свидетельствует, что те же реки использовались для орошения земель долины и в древности. Можно также предполагать, что в северо-восточной, наиболее возвышенной части долины, где выпадает больше осадков, наряду с поливным земледелием были распространены и богарные посевы.

Всего в долине Сурхандарьи можно выделить, включая Шерабадский, шесть основных ирригационных районов и оазисов.

Термезский ирригационный район располагался в треугольнике (со сторонами ок. 10 км каждая), образуемом Амударьей, песками Каттакум и низовьями Сурхандарьи. Почти вся удобная для орошения территория здесь в кушанское время была, видимо, занята оазисом. Основу его составлял большой город Термез (Тармита), лежащий на берегу Амударьи, на западном краю оазиса (см. рис. 11). Его остатки на городище

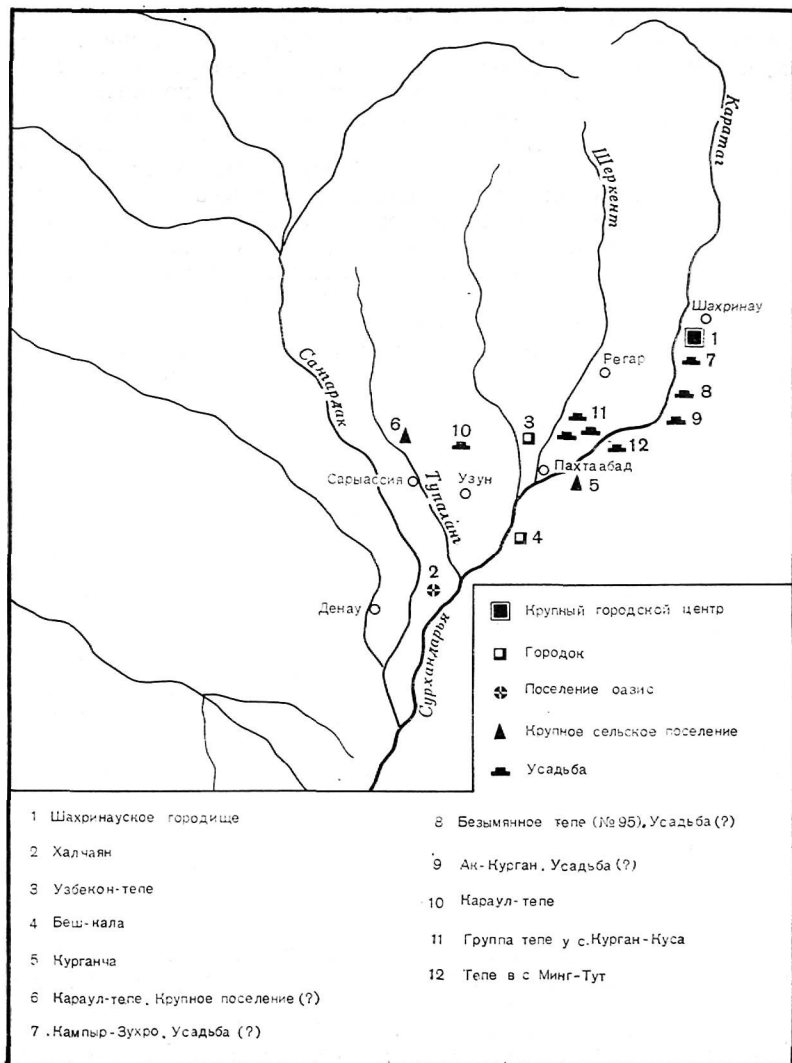

Рис. 46. Размещение археологических памятников в верхней части долины р. Сурхандарья

Старого Термеза занимали площадь не менее 350 га, включая укрепленную, прямоугольную в плане цитадель (примерно 10 га) и пригороды, окруженные внешней оградой (см. Приложение II). За пределами этой ограды, вблизи от города, располагался еще ряд крупных построек, в том числе такие буддийские памятники, как загородный монастырь (бугор Фаяз-тепе), огромная ступа (Зурмала) и неопознанное сооружение на территории современной городской свалки; здесь найдено подвальное помещение с лестницей и сводом, сложенным из жженных кирпичных плит. Какие-то постройки располагались и в южной части треугольника, на территории современного Термеза — об этом свидетельствуют случайные находки монет и керамики, зафиксированные местным музеем. Возможно, здесь располагались небольшие сельские усадьбы, подобные тем, остатки которых в виде двух бугров (*tene*) можно видеть в северо-восточной части треугольника, близ Термезского аэродрома. Здесь же, скорее всего возле современного речного порта, где также отмечены случайные монетные находки, могла располагаться «греческая переправа» через Амударью, упоминание о которой сохранилось у Хафизы Абру (XV в.). Он обозначает ее греческим словом *пардагви* («гостиница») ¹¹. В восточной части оазиса, в двух км выше устья Сурхандарьи, находилась, видимо, другая переправа, тоже отмеченная монетными находками ¹². Севернее, примерно в 10 км от устья Сурхандарьи, известен другой памятник (*tene*), который относится, судя по находкам здесь монет «сотер мегаса», к кушанскому времени ¹³.

Древний Термезский оазис, занимавший, вероятно, площадь до 4 тыс. га, орошался водами Сурхандарьи при помощи канала, головные сооружения которого, по мнению Д. Д. Букинич и Л. И. Альбаума, находились примерно в 10 км от современного Термеза ¹⁴, а по Б. Н. Кастальскому, — в районе Джаркур-гана или севернее его ¹⁵. Поскольку на территории Старого Термеза и его окрестностей, в том числе в современном Термезе и у переправы через Сурхандарью, отмечены находки не только

---

¹¹ См.: В. М. Минорский. Греческая переправа на Амударье.— Восточная филология. 2. Тб., 1972, с. 119—126 (ср. английский текст в BSOAS. Vol. 30. P. 1, 1967, с. 45—53).

¹² Э. В. Ртвеладзе (Разведочное изучение, с. 78), отмечая это место по монетным находкам (Б-41), предлагает считать, что оно «соответствует переправе Буртгуй, упомянутой Хафизы Абру», о которой он знает по работе В. В. Бартольда (Сочинения. Т. 3. М., 1965). Это отождествление вряд ли может быть принято, так как у Хафизы Абру речь идет о переправе не через Сурхандарью, а через Амударью.

¹³ Л. И. Альбаум. Занг-тепа (раскопки 1962 г.).— ИМКУ. Вып. 6, 1965, с. 88.

¹⁴ Там же; Д. Д. Букинич. Каналы древнего Термеза.— ТАН УзССР. Серия 1. Т. 2, 1945, с. 191—194.

¹⁵ Б. Н. Кастальский. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин.— «Вестник ирригации». Таш., 1930, № 3, с. 16.

кушанских (и более поздних), но и греко-бактрийских монет¹⁶, вполне вероятно, что древний оазис и орошавшие его каналы возникли еще в период расцвета Греко-Бактрийского царства (середина III — первая половина II в. до н. э.)¹⁷. Возможно, впрочем, что сначала появилось поселение близ удобной переправы через Амударью (греческое название она могла получить лишь до падения Греко-Бактрийского царства). В любом случае в кушанский период Термез/Тармита явно представлял собой не только стратегически важный пункт, но и центр довольно обширного оазиса.

С древним Термезом, видимо, связаны и памятники, расположенные в зоне Зангской оросительной системы. Если прав Б. Н. Кастальский, помещавший главные сооружения древнего Термезского канала возле (или севернее) Джаркургана и рассматривавший этот канал как одну из ветвей ирригационной сети, включавшей также древний Зангский канал¹⁸, то все эти памятники нужно просто относить к Термезскому ирригационному району. Если же следовать Д. Д. Букиничу и Л. И. Альбауму, полагавшим, что древний Термезский канал выведен из Сурхандарьи в 10 км выше ее устья, то памятники, связанные с Зангской системой, составят отдельный — Ангоро-Джаркурганский ирригационный район. Правда, и в этом случае возведение и функционирование древнего канала придется рассматривать в тесной хозяйственной и административной связи с Термезом, так как значительная группа памятников — в хвостовой части канала, около современного сел. Ангор — расположена всего лишь в 15—20 км от городища Старого Термеза, в его округе.

Древний Зангский канал, по данным Л. И. Альбаума, мог быть проложен в последние века до н. э. Он брал начало севернее Джаркургана, протекал вдоль правого берега Сурхандарьи, отклоняясь на юго-запад, и затем, пройдя через пески Каттакум, шел на запад к Ангору. Возле современного сел. Занг от основного канала отходила северная ветка, которая огибала южную оконечность гор Хаудаг¹⁹. вполне вероятно, что возле Джаркургана от древнего Зангского канала отделялся также южный рукав, орошавший полосу земель между песками Каттакум и правым берегом Сурхандарьи²⁰; по

¹⁶ К настоящему времени известны находки в Термезе 3 монет Диодота, 4 монет Евтидема, 1 монеты Деметрия, 2 монет Евкратиды, 1 монеты Антимаха и 1 монеты Гелиокла.

¹⁷ См. ниже с. 89—90.

¹⁸ См. прим. 15 на с. 49.

¹⁹ Л. И. Альбаум. Занг-тепа, с. 88; он же. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников.— ТИИА АН УзССР. Вып. 7, 1955, с. 135—136.

²⁰ Здесь расположены Ялпак-тепе (Б-45), безымянный холм (Б-46), Кори-Шах-тепе (Б-47) и Ходжа-Камар (Б-48). См.: Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 79; Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 25—29.

Б. Н. Кастальскому, этот рукав был частью древнего Термезского канала.

Близ сел. Ангор сейчас известны пять памятников кушанского периода: городище Зар-тепе (площадь 16,9 га) с цитаделью (площадь 1 га) (см. Приложение II); крупное поселение Хайрабад-тепе (площадь 1,5 га) с небольшой цитаделью (50×50 м)²¹, поселение (по мнению Г. А. Пугаченковой, крупное храмовое хозяйство) Шор-тепе (90×70 м)²²; безымянное поселение Б-86 (70×60 м)²³, укрепленная усадьба Тешик-тепе (площадь ок. 200 кв. м)²⁴.

На северной ветке канала, около юго-западного края гор Хаудаг, лежало поселение Урады-тепе, а юго-западнее его — Занг-тепе/Кулаглы-тепе (2,5 га)²⁵. Возможно, что северная ветка продолжалась и за Урады-тепе, в сторону «вновь орошаемого Талимаранского массива»²⁶, где расположены три бугра (тепе) кушанского периода (Талимаран, Абыдабад-тепе и Джалпак-тепе), которые, однако, могли орошаться также водами Шерабадары²⁷.

В головной части древнего канала, вблизи от современного Джаркургона, известно восемь памятников кушанского периода: городище Хаитабад-тепе (площадь 16 га — по Альбауму²⁸, или 6—7 га — по Ртвеладзе²⁹) с небольшой цитаделью (50×40 м); поселения Карван-Тушту (площадь ок. 2 га) с цитаделью (170×66 м), Арджапая-тепе (площадь ок. 1 га) с небольшой цитаделью или замком, Кара-Кульмат/Кала-Кульмет³⁰;

²¹ См.: Л. И. Альбаум. Некоторые данные, с. 129—133; он же. Балалык-тепе, с. 41—54; В. Д. Жуков. Находка сестерция Нерона в кушанских слоях в Южном Узбекистане.—ЭВ. Вып. 13, 1960, с. 125—127; он же. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе.—ИМКУ. Вып. 2, 1961, с. 177—191.

²² Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии, с. 74—88; она же. К изучению памятников Северной Бактрии, с. 29—30; она же. Новые данные о художественной культуре Бактрии.—Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973, с. 97—98.

²³ Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 82—83.

²⁴ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Таш., 1960, с. 58—59. Ср.: В. А. Нильсен. Тешиктепе близ Ангора.—ИМКУ. Вып. 5, 1964, с. 57—66.

²⁵ См.: Л. И. Альбаум. Некоторые данные, с. 133—135, 136, где возникновение этого памятника относится к последним векам до н. э. Однако в свете последующих работ (см., например: Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, с. 54—56; он же. Занг-тепе, с. 87, 90—108) можно, видимо, говорить лишь о том, что он существовал в раннее средневековье.

²⁶ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, с. 59.

²⁷ Краткие сведения о них, со слов Л. И. Альбаума, см.: Н. С. Сычева. Керамика нижней Сурхандарьи в кушанское время (Автореф. канд. дисс.). М., 1972, с. 13.

²⁸ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, с. 12.

²⁹ Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 79: «свыше 6 га» (ср. там же, с. 84: «7 га»).

³⁰ Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 80; Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, с. 11—12.

четыре более мелких поселения или усадьбы, которые Г. А. Пугаченкова обозначала как Барат-тепе (Г. А. Пугаченкова полагала, что это остатки крупного античного города, связанного с сельскохозяйственной округой), а Э. В. Ртвеладзе — как Бай-тепе³¹. Остатки этих усадеб в виде бугров округлой или прямоугольной формы площадью 0,5—0,9 га каждый расположены неподалеку один от другого. Видимо, здесь в древности существовал небольшой оазис, включавший ряд поселений и усадеб.

К югу от этих памятников, на южном рукаве древнего канала между р. Сурхандарьей и песками Каттакум, в кушанское время располагались поселения Ялпак-тепе (площадь ок. 2 га) и безымянное — у сел. Биразуз (площадь 0,8 га)³², крупное селение Ходжа-Камар³³ и Кори-Шах-тепе (площадь ок. 0,2 га)³⁴.

В непосредственной близости от памятников хвостовой части древнего Зангского канала и его северного рукава находилась юго-восточная часть Шерабадского ирригационного района, орошавшегося большими и малыми каналами, выведенными из Шерабаддарьи.

В отличие от Термезского и Ангоро-Джаркурганского ирригационных районов, где самое раннее поселение — Термез возникло, очевидно, не ранее конца IV—III вв. до н. э., в Шерабадской долине земледельческие поселения и оазис существовали уже с эпохи поздней бронзы³⁵.

По берегам Шерабаддарьи, ее притоков и каналов выявлено большое число различных памятников с материалами кушанского периода. Почти все эти памятники относятся к двум группам — западной (правобережной) и восточной (левобережной). Первая включает 11 памятников: городище Талашкан-тепе II (площадь ок. 5 га); поселения Кулуг-Шах-тепе (площадь более 2 га) с цитаделью, Чалла-тепе (0,8 га), Чопон-ата (0,8 га), Ак-тепе (сохранился лишь центральный бугор, площадь более 0,4 га); усадьбы Ходжа-кия (до 0,7 га), Ак-Курган (0,6 га),

---

³¹ См.: Г. А. Пугаченкова. К изучению бактрийско-кушанских памятников на правобережье Сурхан-Дарьи.— АО-69. 1970, с. 408—409; она же. Работы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции.— АО-71. 1972, с. 521; Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 27—28; Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 79—80.

³² Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 25—26, 27; Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 79.

³³ Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 79. Упоминание этого тепа как Ходжа-Камал см.: Д. Д. Букинич. Каналы древнего Термеза, с. 194.

³⁴ Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 29; Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 79.

³⁵ См.: А. А. Аскарров. Сапаллитепа. Таш., 1973; он же. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии.— АО-74. 1975, с. 496—497.

Таллаган-тепе (ок. 0,5 га), Мазар-баба (0,3 га), Халынчак-тепе (0,25 га), Анжир-тепе (0,2 га).

Во вторую группу входят 12 памятников на левом берегу Шерабадарьи. Это — городище Джандавлат-тепе (площадь более 7 га) с небольшой цитаделью или замком (40×40 м), возникшее еще в ахеменидское время; поселения Баба-тепе (площадь ок. 2,5 га) с цитаделью или замком (60×60 м), безымянное Б-37 (ок. 2 га) с цитаделью или замком (40×40 м), Катта-тепе (более 1,5 га), Аир-тепе (ок. 1 га), безымянное Б-40 (1 га), Икизак-тепе (из двух построек площадью 90×90 м и 55×50 м); усадьба Айсари-тепе (0,4 га), безымянное Б-29 (из двух бугров площадью ок. 0,2 га каждый), Гилямбоб-тепе (0,3 га), Батырабад-тепе (0,3 га), Домбра-тепе (0,2 га).

Помимо этих двух основных групп известно еще два памятника кушанского периода: крупное поселение (городище?) Кампыр-тепе (площадь более 4 га) с цитаделью (80×80 м) и поселение Шубар-Курган (более 2 га) — неподалеку от Амударьи в южной части долины³⁶.

Севернее головных сооружений древнего канала, орошавшего Ангоро-Джаркурганский ирригационный район, по правому берегу Сурхандарьи лежит полоса, лишенная древних памятников. Она тянется почти до райцентра Шурчи, возле которого вновь отмечена концентрация разновременных поселений еще одного — Шурчинского ирригационного района. Этот район, как и Шерабадский, был освоен в эпоху поздней бронзы, известны здесь также поселения периода раннего железа и ахеменидского времени, причем относящееся к этому времени городище Кызыл-тепе (площадь более 20 га) явно было центром значительного оазиса³⁷.

Выявленные здесь 14 памятников кушанского времени располагаются довольно плотной группой, протянувшись от райцентра Шурчи вверх по Тентексаю; в стороне от них, к юго-западу от Шурчи, находится лишь многослойный памятник Караул-тепе, существовавший, возможно, также в кушанский период³⁸. Все памятники этой группы орошались, видимо, каналами, выведенными из Тентексяя.

Наиболее крупное поселение этой группы в кушанское время — Дальверзин-тепе (городище площадью 90, 80, 40 или 28 га) (см. рис. 44) с цитаделью (7—9 га) возникло (как, вероятно, и канал) еще в греко-бактрийский период (см. Приложение II). Помимо него в Шурчинском ирригационном районе к кушанскому периоду относятся также городище Дегриз-тепе

³⁶ Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 13—23; Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 74—78.

³⁷ Э. В. Ртвеладзе. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени.— СА. 1975, № 2, с. 262—264.

³⁸ Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 32.

(площадь 6—7 га) с цитаделью или замком (36×20 м), Джартепе (ок. 1,9 га) с замком (15×20 м), Чор-Гультепе II (более 1 га) с цитаделью или замком (60×40 м), Савринджонтепе (ок. 1 га), Ишан-Бобо (0,8 га) с отдельно стоящим замком (20×20 м), Маслахаттепе (ок. 0,8 га), Мазартепе (ок. 0,8 га), Тарагайтепе (ок. 0,5 га) с цитаделью или замком (50×50 м), Илонлитепе, Культепе-Джоильма и безымянное Б-64 в кишлаке Джалты (все три распаханы, так что размеры их определить не удалось), Культепе (0,3 га) с цитаделью или замком (50×30 м)³⁹.

Примерно в 30 км к северо-востоку от Шурчинского ирригационного района, вверх по Сурхандарье, к востоку от города Денау между впадающими в р. Сурхан речками Кызылсу и Тупаланг, открыт еще один оазис, или ирригационный район, который можно назвать Халчаянским (по имени урочища, где был обнаружен этот древний оазис; см. Приложение II). Хотя значительная часть располагавшихся здесь древних построек распахана, Г. А. Пугаченковой удалось установить, что оазис, существовавший уже в греко-бактрийский период, тянулся вдоль правого берега Сурхандарьи с севера на юг примерно на 2 км, а с запада на восток — на 1,5 км⁴⁰.

К кушанскому времени, на которое приходится расцвет Халчаяна, относятся два больших бугра — Карабагтепе и Ханакатепе, расположенные примерно в полукилометре друг от друга. В ходе осуществленных здесь раскопок выяснилось, что Карабагтепе, скорее всего, остатки крепости, а на Ханакатепе было открыто богато украшенное росписью и скульптурой сооружение дворцового или храмового назначения. Помимо этих двух крупных бугров, которые до раскопок вполне могли быть приняты за городища (площадь каждого из них ок. 9 га), среди близлежащих полей сохранилось еще девять более мелких остатков отдельных сельских поселений и усадеб — Шаитепе, Сичкантепе, Туганактепе, Кой-Турабактепе и пять безымянных. Г. А. Пугаченкова склонна рассматривать все эти 11 бугров как остатки своеобразного города, который в отличие «от крупных столичных центров», окруженных городскими укреплениями (Термез, Дальверзинтепе и т. п.), «слагался и развивался в непосредственной связи с сельскохозяйственным профилем всего района»⁴¹.

Рассматривать такую оазисную структуру как особый тип городского поселения вряд ли правомерно, поскольку и Термез, и Дальверзинтепе, и все прочие «столичные центры» той эпохи были «непосредственно связаны» со своей сельскохозяйствен-

³⁹ Там же, с. 29—32; Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 80—82.

⁴⁰ См.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 26—28.

⁴¹ Там же, с. 257—258; Г. А. Пугаченкова. Скульптура Халчаяна, с. 13.

ной округой — оазисом. Однако наблюдение Г. А. Пугаченковой очень ценно тем, что позволило выделить среди прочих поселений в Бактрии кушанского времени, а возможно, и во всей древней Средней Азии специфические оазисы, отличающиеся от оазисов с городами и крупными сельскими поселениями.

К северо-востоку от Денау, выше слияния Тупаланга и Каратагдарьи (это место считается началом Сурхандарьи), по обе стороны от границы между Узбекской и Таджикской ССР, располагается еще одна значительная группа древних поселений, орошаемых, видимо, водами Каратага и его притока Ширкента, а под зерновые использовавших также богарные посе­вы. На территории этого ирригационного района, который мы обозначим как Каратагский, вполне возможны открытия поселений докушанского времени⁴². К кушанскому периоду здесь относятся около 15 памятников: остатки крупного города — Шахринауское городище (площадь ок. 350 га; см. Приложение II), городища Узбекон-тепе (10 га) с цитаделью⁴³ и Бешкопа (более 8 га) с цитаделью (80×50 м)⁴⁴; крупное поселение Курганча (2,7 га); сельские поселения и усадьбы Кампир-Зухра, безымянное № 95, Ак-Курган, Минг-Тут, Караул-тепе (ок. 0,5 га), безымянное № 71, от которого сохранилась лишь цитадель (ок. 0,5 га) и группа бугров у кишлака Курбан-Куса⁴⁵.

Следует отметить, что на землях этого ирригационного района вблизи от Каратагдарьи и Ширкента обнаружено еще значительное число не датированных пока памятников⁴⁶, часть которых также может принадлежать кушанскому периоду.

В долине Сурхандарьи и близлежащих местностях найдено еще около десятка памятников, также существовавших в кушанский период, но располагавшихся вне названных шести основных районов. Таковы лежавшие в горах поселения Дабил-Курган (площадь более 3 га) и Майдан-Курган; усадьба Хуш-Вакт-тепе (0,06 га), безымянное поселение Б-72 у кишлака Сина и поселение Б-73, лежавшее под позднесредневековой цита-

⁴² См.: Г. В. Парфенов. Находки на Кулин-тепе и в его окрестностях, сделанные при строительстве Большого Гиссарского канала в 1941 г.— ИАН ТаджССР. ООН. № 14, 1957, с. 61—66.

⁴³ См.: Е. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине.— АРТ-58. 1961, с. 126—136.

⁴⁴ Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 32; Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 81.

⁴⁵ См.: Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда, с. 81—87; Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана.— КСИИМК. Вып. 55, 1954, с. 144; он же. Основные задачи и направления работ.— АРТ-56. 1959, с. 130—131; Э. Гулямова. Раскопки на Хаит-Гула близ Шахринау.— АРТ-56. 1959, с. 139—145; Е. В. Зеймаль. Археологические разведки, с. 121—126.

⁴⁶ Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда, с. 81—87; Э. Гулямова. Раскопки на Хаит-Гула близ Шахринау.— АРТ-56. 1959, с. 140.

делью в Байсуне. По левому берегу Сурхандарьи, вероятно, на отведенном из нее канале находились крупные поселения Актепе (более 1,5 га) с замком (30×25 м) и Исмаил-тепе (1,5 га) с замком или цитаделью, а также Джейран-тепе и Катта-тепе (или Аман-тепе, 0,9 га)⁴⁷.

2. Гиссарская долина

К северо-востоку от Сурхандарьинской долины протянулась с запада на восток Гиссарская долина, длиной около 70 км, шириной от 2—3 км по краям до 18 км посередине. С севера долина ограничена Гиссарским хребтом, с юга — крутыми склонами невысоких горных кряжей. Через долину протекает р. Кафирниган и ее притоки — Ханака, Варзоб, Илак и более мелкие речки. Однако Кафирниган для этой долины лишь «транзитная» река, оставляющая здесь очень немного воды: прорываясь через горные теснины, Кафирниган питает водой Нижнекафирниганскую долину, в Гиссарской же долине для орошения полей главным образом используются воды его больших и малых притоков. Гиссарская долина расположена выше Сурхандарьинской (на 700—900 м выше уровня моря). Климат ее прохладнее и влажнее, что создает хорошие условия для богарного земледелия, хотя в долине достаточно воды и для полива полей, огородов и виноградников, причем для орошения здесь использовались сравнительно небольшие каналы и арыки, отведенные из горных рек и речек⁴⁸.

Время возникновения первых земледельческих поселений и оазисов пока не определено, но обнаружение двух-трех погребений (в одном случае — с кремневым нуклеусом) на могильнике Туп-хона близ Гиссара и находка в Варзобском ущелье, к северу от Душанбе, медного клиновидного топора позволяют предполагать, что Гиссарская долина была заселена уже в эпоху бронзы⁴⁹.

Хотя полные результаты многолетних разведочных и раскопочных работ, проведенных в Гиссарской долине в 60-х годах, еще не опубликованы⁵⁰, известные сейчас данные дают основа-

⁴⁷ Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Маршрутные исследования, с. 12—13, 16—17, 22—23, 24—25; Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 76—77, 79, 81, 82.

⁴⁸ Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы Вахшской долины.—СНВ. 10, 1971, с. 55; она же. Вахшская долина в древности и раннем средневековье (Автореф. канд. дисс.). Л., 1969, с. 16.

⁴⁹ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда.—МИА. № 15. М.—Л., 1950, с. 157, 162, 176; Е. В. Зеймаль. Медный топор из кишлака Аракчин.—СРИКМ. Вып. 3, 1958, с. 19—23; Б. А. Литвинский. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана.—ИАН ТаджССР. ООИ, 1961, № 1, с. 59—66.

⁵⁰ Краткую информацию о некоторых из этих работ см.: Б. А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг.—АРТ. 10 (1970). М., 1973, с. 19.

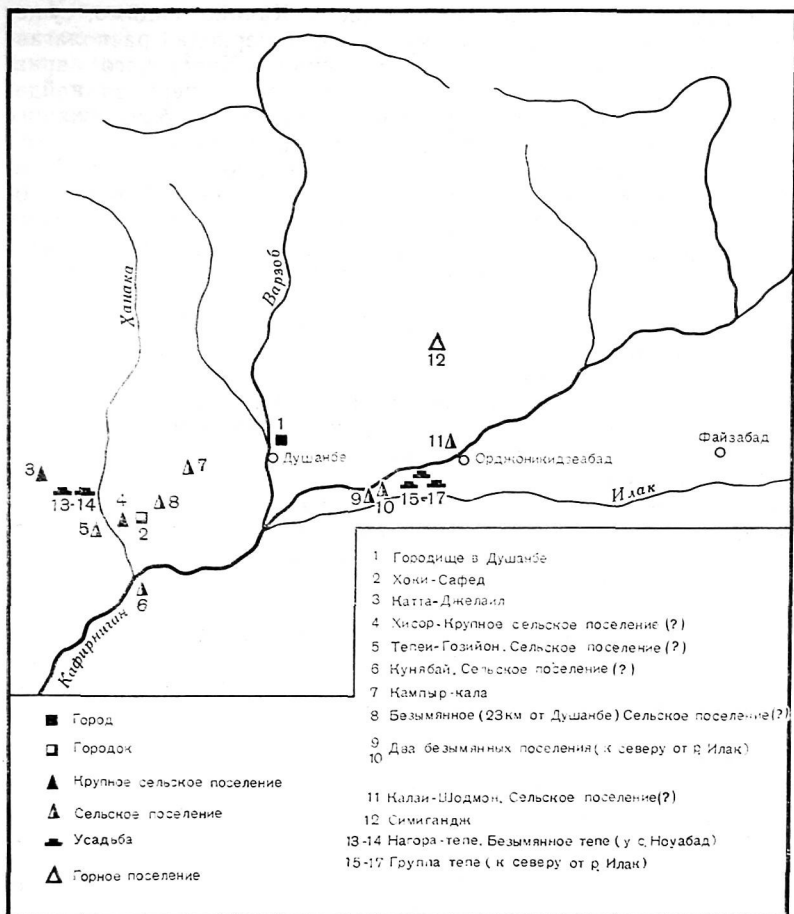

Рис. 5. Размещение археологических памятников в Гиссарской долине

ние выделять здесь три ирригационных района — Гиссарский, Душанбинский (или Варзобский) и Илакский. Помимо них в кушанский период было освоено ущелье Симигандж, от впадения одноименной речки в Кафирниган до горного селения Симигандж, а также участок левобережья Кафирнигана близ впадения в него р. Ханака/Чангоб (рис. 5).

Больше всего памятников кушанского периода известно сейчас в районе Гиссара, на обоих берегах р. Ханака.

В самом Гиссаре, на левобережье р. Ханака, видимо, существовало крупное поселение кушанского периода, располагавшееся в основании бекской резиденции — Хисарского арка. Учитывая, что образцы керамики кушанского периода найдены не только в основании арка, но и в шурфах у близлежащих позднесредневековых построек, можно предполагать, что поселение превышало размеры арка, площадь которого ок. 3 га. Неподалеку от него, сразу же за восточной стеной бекского города, находилось другое крупное поселение (возможно, город) Хоки-Сафед. Остатки его состоят из центрального бугра (цитадель или замок) и следов окружавших его построек и валов. В плане оно имело вид неправильного четырехугольника площадью примерно 5 га. Восточнее Хоки-Сафед обнаружен многослойный могильник Туп-хона, занимавший одноименную возвышенность (ее размеры 400×400 м); в ходе раскопок здесь наряду с несколькими погребениями эпохи бронзы (?) расчищены многочисленные захоронения кушанского и послекушанского времени, оставленные, по-видимому, жителями поселений на Хоки-Сафед и у Хисарского арка. Но возможно также, что Туп-хона служил могильником для еще двух соседних поселений кушанского периода: безымянного, расположенного в нескольких километрах восточнее Туп-хоны, и Тепе-гозийон, лежавшего на правом (западном) берегу р. Ханака, напротив Гиссара.

На левобережье р. Ханака располагалось еще одно крупное поселение — Катта-Джелаил (площадь 3,6 га), а неподалеку от Гиссара, у сел. Ноуабад, известны остатки двух усадеб: безымянное тепе (площадь менее 0,1 га) и Нагора-тепе (около 0,3 га)⁵¹.

Другой ирригационный район Гиссарской долины — Душанбинский (или Варзобский) — находился восточнее Гиссарского, близ р. Варзоб (в нижнем течении — р. Душанбинка). Крупнейший памятник этого района — Душанбинское городище площадью ок. 20 га — находился на левом берегу р. Душанбинки, в северной части современного г. Душанбе, но был уничтожен в ходе застройки города и при проведении здесь канала. С городищем связывается большой (не менее 20 га) Душанбинский могильник. Находки захоронений у подножия холмов, окружающих г. Душанбе с северо-востока, свидетельствуют, возможно, о расположении здесь Второго Душанбинского могильника, но кого там хоронили — жителей пригорода или окрестное скотоводческое население — не ясно.

---

⁵¹ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 147—183; Н. Н. Забелина. Новые археологические находки из Гиссарской долины. — СРИКМ. Вып. 1, 1952, с. 25—27; Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда, с. 78—85; Е. Д. Салтовская. О работах в Гиссаре в 1957 г. — АРТ-57. 1959, с. 174—176, 178; Т. М. Атаханов. О работе Гиссарского отряда в 1969—1970 гг. — АРТ. 10 (1970). М., с. 230—231.

К этому же ирригационному району следует отнести и многослойный памятник — укрепленное поселение Кампир-кала (площадь ок. 1 га) с замком (25×25 м), лежавшее к западу от р. Душанбинки⁵².

Третий район сосредоточения археологических памятников в Гиссарской долине — Илакский, к юго-востоку от г. Душанбе. Среди этих памятников кушанским временем могут быть датированы группа бугров, тянувшихся севернее р. Илак вдоль дороги Орджоникидзебад — Гулистон, и два поселения, лежавших западнее этой дороги⁵³.

Вне пределов этих трех ирригационных районов в Гиссарской долине известны сейчас еще несколько памятников. Таково многослойное Куня-байское поселение на левом берегу р. Кафирниган, напротив устья р. Ханака, и поселение Калаи-Шодмон (площадь ок. 0,5 га) с замком (30×20 м), неподалеку от впадения в р. Кафирниган р. Симигандж, восточнее Душанбе⁵⁴, а также какое-то поселение в кишлаке Симигандж, в верхней части одноименного ущелья, где засвидетельствованы находки монет «варварского Гелиокла» и кушанских государей, а также керамика кушанского периода⁵⁵.

3. Нижнекафирниганская и Бишкентская долины

В низовьях р. Кафирниган, на землях Шаартузского района Таджикской ССР, лежат Нижнекафирниганская, а западнее — отделенная от нее возвышенностью Аруктау Бишкентская долины. Эти долины, тесно связанные между собой (на севере и на юге они почти соединяются), ограничены от правобережья Амударьи сравнительно невысокими, но крутыми горными кряжами. На востоке от бассейна Вахша их отделяют горы Актау, на западе от Сурхандарьинской долины — Бабатаг. На севере обе эти горные гряды смыкаются, преграждая путь с низовьев Кафирнигана в Гиссарскую долину: р. Кафирниган прорывается здесь сквозь горы по узкому ущелью.

Нижнекафирниганская долина тянется с севера на юг примерно на 65 км, достигая в самом широком месте 10 км, Бишкентская — вдвое короче и уже. Обе долины расположены на

⁵² Е. М. Линде. Греко-бактрийский сфинкс.— СРИКМ. Вып. 1, 1952, с. 5—21; В. А. Лившиц. Тохарская надпись на хуме.— ДАН ТаджССР. Вып. 7, 1953, с. 23; К. В. Тревер. Бронзовый фалар, найденный в Сталинабаде.— СРИКМ. Вып. 3, 1958, с. 24—29; Э. Гулямова. Раскопки на Дюшанбинском некрополе.— Там же, с. 30—34; Б. А. Литвинский. Предметы из погребения на Сталинабадских холмах.— Там же, с. 35—45; Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда, с. 78—81; Е. В. Зеймаль. Археологические разведки, с. 127.

⁵³ Обследованы в 1972 г. Ю. Якубовым и автором.

⁵⁴ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 178—179, 181—183.

⁵⁵ Материалы разведки 1972 г. Ю. Якубова и автора.

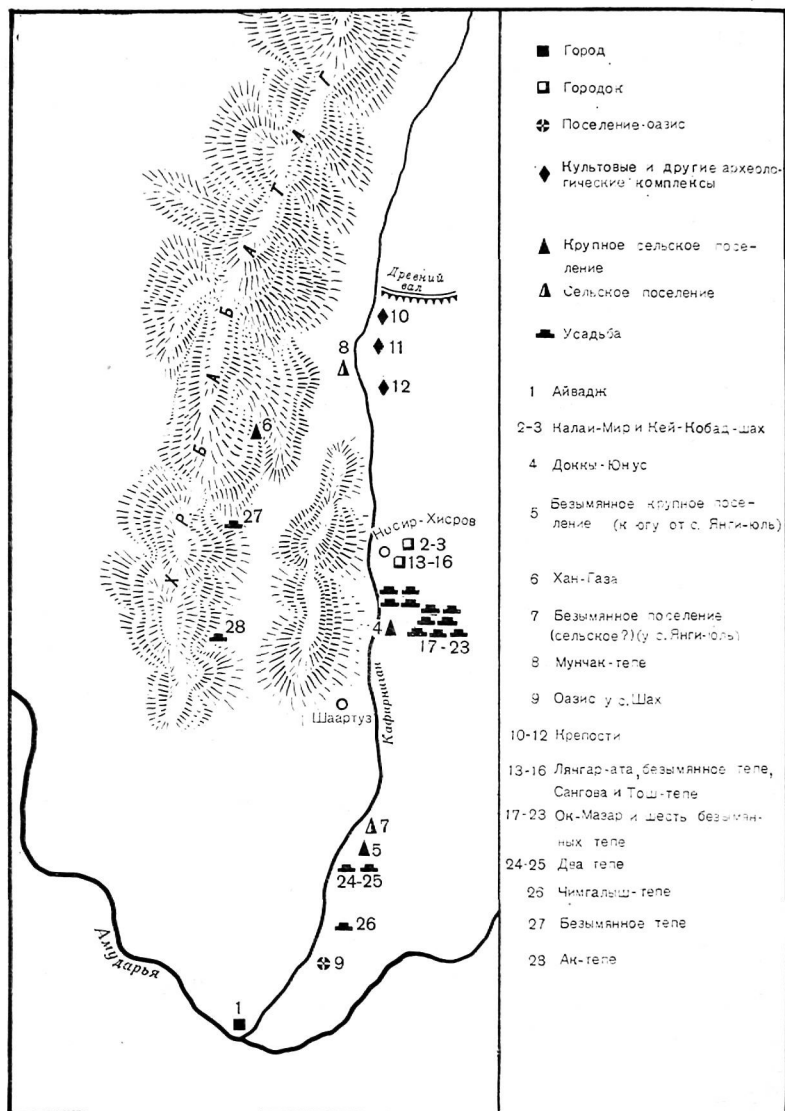

Рис. 6. Размещение археологических памятников в Нижнекафирниганской долине

высоте 300—400 м над уровнем моря и отличаются жарким и сухим климатом; земледелие здесь возможно лишь на поливных землях. При этом в Бишкентской долине своей воды почти нет: небольшие родники, образующие короткую бессточную речку, по подсчетам специалистов, могут орошать всего 1—1,5 тыс. га пашни⁵⁶. Основной источник ирригации Нижнекафирниганской долины — р. Кафирниган.

Бишкентская долина составляет отдельный ирригационный район. В Нижнекафирниганской долине до проведения специальных исследований древних каналов можно условно наметить два таких района — Кобадийанский и Шартузский (рис. 6).

На левом (восточном) берегу Кафирнигана полоса возделанных земель сейчас тянется узкой полосой с севера на юг на 55—65 км, лишь немного не доходя до северного (правого) берега Амударьи. М. М. Дьяконов, руководивший археологическим обследованием этого района в начале 50-х годов, полагал, что крупный оазис, примерно совпадающий с современным, существовал здесь и в древности: по его мнению, этот оазис орошал крупный магистральный канал, известный сейчас как Нахри-Калон или Катта-арык. Канал протекал с севера на юг, беря начало примерно в 18 км севернее пос. Носир-Хисров (ранее — Микоянабад, Кобадийан). Здесь, отмечая северную границу оазиса, от Кафирнигана к отрогам Актау идет земляной вал (прослежен на протяжении 1 км). Возможно, он скрывает остатки оборонительной стены. М. М. Дьяконов, выявивший на городище Калаи-Мир (в пос. Носир-Хисров) слой ахеменидского периода, полагал, что к этому периоду следует относить как проведение древнего канала, так и возникновение большого Кобадийанского оазиса⁵⁷. К сожалению, выводы М. М. Дьяконова слабо обоснованы⁵⁸, и не исключена возможность, что оазис вокруг поселения ахеменидского времени был маленьким и орошался не крупным каналом Нахри-Калон, а каким-либо иным, сравнительно небольшим каналом; головные сооружения старых каналов прослежены в этом районе не в одном месте, а по всей реке⁵⁹.

Более вероятным представляется отнести сооружение канала Нахри-Калон или нескольких более мелких магистральных каналов к кушанскому периоду, когда города, сельские поселения и усадьбы размещались как в пос. Носир-Хисров и в его окрестностях, так и на северной и южной окраинах современного оазиса.

⁵⁶ Таджикистан. М., 1968, с. 171—173.

⁵⁷ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадийан) (1950—1951 гг.).— МИА. № 37. М.—Л., 1953, с. 253, 258, 293.

⁵⁸ См.: Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы, с. 38.

⁵⁹ Таджикистан, с. 172.

Крупнейшие поселения в древности, как и позднее, располагались в центре оазиса, близ Кобадийана, т. е. современного пос. Носир-Хисров. Здесь, в частности, были открыты два городища: одно в самом поселке, второе в 1 км от него.

Первое из этих городищ — Калаи-Мир, почти квадратное в плане (275×270 м, площадь ок. 7,4 га), окружено крепостной стеной с цитаделью кобадийанского бека в северо-восточной четверти городища. Возникло, как уже упоминалось, в ахеменидское время: здание этого времени обнаружено здесь в ходе раскопок в начале 50-х годов под остатками бекской цитадели XIX в. и поселения XV в. Последующие наслоения датированы М. М. Дьяконовым III—I вв. до н. э., причем наибольшей интенсивности жизнь поселения, по его мнению, достигает во II—I вв. до н. э. и замирает к началу нашего летосчисления⁶⁰.

Датировка послеахеменидских материалов с этого городища оспаривается Т. И. Зеймаль, которая предлагает датировать их более поздним — кушанским временем⁶¹. В любом случае, запустение Калаи-Мир приходится на кушанский период.

Городище Кей-Кобад-шах (площадь ок. 11 га) размещается всего в 1,5 км северо-восточнее Калаи-Мир. В плане оно представляет собой правильный прямоугольник (375—390×285—295 м), окруженный валом — остатками мощных крепостных стен с часто поставленными прямоугольными башнями. Возник этот город, если следовать датировкам М. М. Дьяконова, в греко-бактрийское или раннекушанское время; первоначально он сосуществовал с поселением на Калаи-Мир, а позднее, в период расцвета Кушанской империи, стал центром оазиса⁶².

Поблизости от этих городищ располагались, видимо, уничтоженные ныне древние постройки, сельские поселения или усадьбы. Так, в пос. Носир-Хисров, на месте, где в начале 50-х годов была усадьба Микоянабадского райводхоза, были найдены три базы колонн из известняка. Еще одна база колонны подобрана на кладбище северо-западного пригорода поселка — Гузари-Боло.

В 4 км южнее, среди хлопковых полей, высится округлое в плане тепе Лянгар-ата (площадь менее 0,1 га), у края которого найдена самая крупная в Средней Азии база колонны ат-

⁶⁰ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 183; он же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана, с. 257, 259, 260—261, 272—275, 279 и сл.; Н. Н. Забелина. Раскопки на городище Калаи-Мир. — МИА. № 37. М.—Л., 1953, с. 294—301.

⁶¹ Т. И. Зеймаль. Позднекушанские слон в Южном Таджикистане. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975, с. 267—269.

⁶² М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 183; он же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана, с. 253, 254, 257—279; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. — МИА. № 66. М.—Л., 1958, с. 290—324; А. М. Мандельштам. К истории Бактрии-Тохаристана. — КСИА. Вып. 98, 1964, с. 26.

тического типа из известняка, а при шурфовке самого холма собрана керамика греко-бактрийского или кушанского времени. Поблизости находились еще три памятника — небольшой безымянный (в 1 км западнее Лянгар-ата), тепе Сангова и Таш-тепе (в 2 км южнее); все три — не датированы.

Еще южнее располагалось поселение Доккы-Юнус (площадь ок. 1,1 га), прямоугольное в плане (140×80 м), окруженное крепостной стеной, с замком (38×38 м), имевшим четыре угловые башни.

В 1 км к северо-востоку от этого поселения, у рукава древнего канала, идущего к Доккы-Юнус, стоит бугор Ок-Мазар, вблизи которого зарегистрированы еще шесть бугров.

Далее на юг отмечено безымянное поселение у кишлака Янги-юль с крепостной стеной и близко поставленными башнями, а еще южнее — другое безымянное крупное поселение, останец которого имел площадь около 4 га; вблизи него (примерно в 0,5 км) находился безымянный бугор, а в 8 км южнее — останец еще одного⁶³. В южной части оазиса, в 35 км к юго-востоку от пос. Носир-Хисров, известны остатки усадьбы Чимгалыштепе (площадь менее 0,1 га), в 50 м от которых найден клад, состоявший из 10 монет Вимы Кадфиза и Канишки⁶⁴.

И, наконец, на южной окраине оазиса, близ кишлака Шах, в ходе раскопок последних лет выявлены группа бугров, усадьба Шах-тепе и некрополь кушанского периода⁶⁵.

На противоположном, северном краю оазиса, на берегу Кафирнигана, отмечены три крепости: две, четырехугольные в плане, с остатками башен, южнее и одна — севернее головных сооружений древнего канала⁶⁶.

Культурные земли правобережья Кафирнигана занимают прибрежную полосу, более узкую, чем на левом берегу, и тянутся с севера на юг на 40—45 км. Орошаются они отводами от магистрального канала, отходящего от Кафирнигана севернее Шаартуза. По наблюдениям М. М. Дьяконова, здесь, в отличие от левобережья, преобладают многослойные и средневековые памятники, из чего этот исследователь сделал вывод, что «в древности жизнь была на обоих берегах реки, а в средние века — в основном на правом берегу»⁶⁷.

Вполне вероятно, что именно в результате интенсивной деятельности средневекового населения памятники кушанского

⁶³ М. М. Дьяконов. Археологические работы, с. 261—264.

⁶⁴ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 году. — АРТ-61. 1964, с. 89—92.

⁶⁵ Раскопки 1972 г., материал которых еще не издан. Благодаря любезности Б. А. Литвинского, Д. С. Раевского и И. Н. Медведской я ознакомился с раскопками на месте.

⁶⁶ М. М. Дьяконов. Археологические работы, с. 258.

⁶⁷ Там же, с. 265.

(или более раннего) периода здесь либо скрыты под остатками поздних поселений, либо уничтожены при земляных работах и распашке полей. Однако, поскольку находки кушанского времени отмечены как на северной, так и на южной окраине долины (всего на двух памятниках), мы вправе предполагать, что оазис или, во всяком случае, какая-то его часть существовали и в это время.

Один из памятников с указанными находками — многослойное городище Айвадж (площадь не менее 20 га) с цитаделью (50×50 м). Древний город располагался здесь близ важной переправы через Амударью, функционировавшей и в древности, и в средние века⁶⁸. Поселение Мунчак-тепе (площадь ок. 1 га) со слоями кушанского и раннесредневекового времени стояло напротив головных сооружений левобережного магистрального канала⁶⁹.

В отличие от правобережья Кафирнигана в Бишкентской долине памятники кушанского времени сохранились довольно хорошо. Более того, здесь обнаружены погребения эпохи бронзы, характеризующие своеобразную «бишкентскую культуру», выявленную и изученную А. М. Мандельштамом. Носители этой культуры, возможно, связаны происхождением с земледельческим населением Южной Туркмении, долины Сурхандарьи и Северного Афганистана, но основной их деятельностью было не земледелие, а скотоводство, и сохранились лишь их погребальные сооружения⁷⁰. Курганными захоронениями представлены в Бишкентской долине и кочевые племена III—I вв. до н. э., входившие, видимо, в состав тех союзов кочевников, которые, сокрушив власть греко-бактрийских царей, обосновались на древних бактрийских землях⁷¹.

Освоение Бишкентской долины земледельческим населением приходится, как показали археологические исследования, именно на кушанский период. В это время от источника Чиль-учорчашма, находящегося в средней части долины, был проведен на север канал общей протяженностью не менее 15 км. Он дал воду небольшому сельскому поселению (или усадьбе) Ак-тепе (площадь ок. 0,5 га), безымянному тепе и крупному поселению Хан-Газа (площадь ок. 2,5 га).

Предполагалось, очевидно, перебросить в Бишкентскую долину также воду из Кафирнигана: на севере, в узкой оконечности долины, где она соединяется с Нижнекафирниганской,

---

⁶⁸ Там же, с. 270—271; А. М. Мандельштам. К истории Бактрии-Тохаристана, с. 26.

⁶⁹ М. М. Дьяконов. Археологические работы, с. 266, 267.

⁷⁰ А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968.

⁷¹ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию.— МИА. № 136. М.—Л., 1966; он же. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.

обнаружен канал, выведенный из Кафирнигана, и цепочка воронок от колодцев подземной системы кяризов, тянувшихся через водораздел на протяжении 3 км (эта попытка, однако, не была доведена до конца: подземный туннель между колодцами пробит не был)⁷².

4. Вахшская долина

Значительную часть Южного Таджикистана занимает Вахшская долина, протянувшаяся с севера на юг более чем на 100 км и с запада на восток — от 7 до 30 км. С трех сторон долина окружена невысокими горными хребтами, с запада это горы Актау, на востоке — более пологий хребет Каратау, на севере — также невысокие и пологие горные гряды. Долина четко делится на две части — Нижневахшскую левобережную, располагающуюся к югу от длинной дуги, которую образует Вахш, и Явано-Обикикскую, охватывающую земли, лежащие к северу от этой дуги.

Левобережье, или собственно Вахшская (Нижневахшская) долина, во многом сходно с Нижнекафирниганской и южной частью Сурхандарьинской: долина лежит на высоте 350—450 м, климат жаркий, количество осадков невелико, земледелие возможно лишь на базе орошения. Северная, Явано-Обикикская долина/котловина по климату ближе к Гиссарской и верхней части Сурхандарьинской: расположенная на высоких предгорных террасах, она получает гораздо больше осадков, температуры здесь ниже, возможно богарное земледелие. Но в котловине почти нет водных источников. Самый южный участок, примыкающий к Вахшу, орошается выведенным из него протоком, остальная же часть долины, где протекают крошечные, пересыхающие летом речки Обикик и Яван-су, практически лишена орошения.

Долина Вахша, как показали раскопки могильников в низовьях этой реки, уже в эпоху бронзы привлекла к себе скотоводческое население, родственное носителям «бишкентской культуры», наряду с которым здесь обитали и степные («андроновского типа») племена⁷³. Первые земледельческие поселения здесь появились в ахеменидский период, когда на севере Нижневахшской долины, на левом берегу Вахша, был сооружен канал (современное название Болдай), по мнению Т. И. Зеймаль, длиной менее 10 км, который оросил небольшую (ок. 50 кв. км) прибрежную полосу⁷⁴.

⁷² А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 7, 149—153; он же. К истории Бактрии-Тохаристана, с. 23—25.

⁷³ Б. А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг., с. 12.

⁷⁴ Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы, с. 50—51; она же. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе.—МКТ. Вып. 2, 1971, с. 80—101.

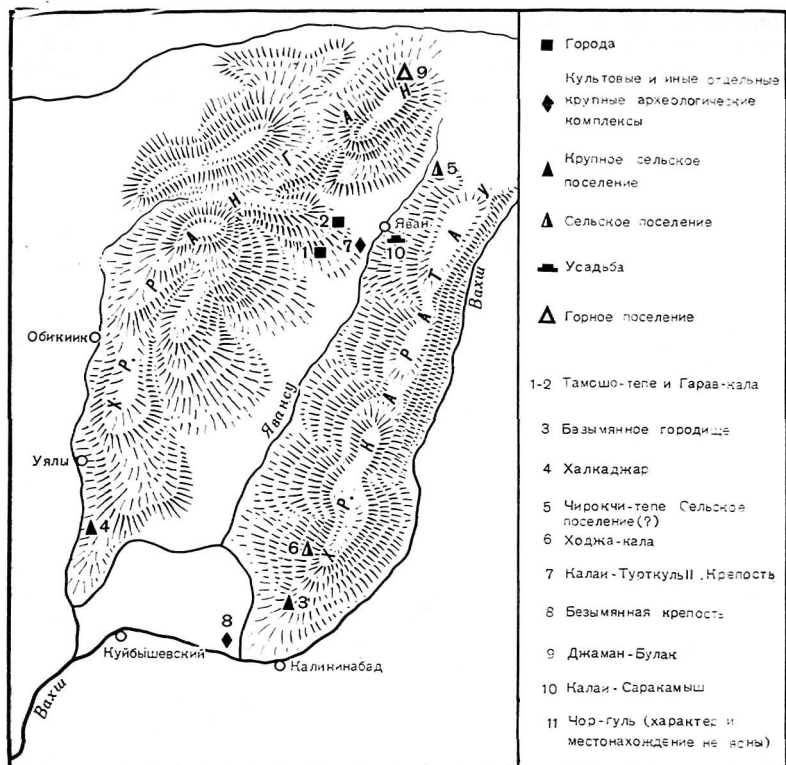

Рис. 7а. Размещение археологических памятников на правом берегу р. Вахш

Примерно в тот же период появляются, видимо, оседлые поселения и в Явано-Обикинкской долине. (Кроме речек с мутной, соленой, непригодной для питья водой там кое-где имеются небольшие пресные родники⁷⁵.) Наиболее ранний памятник здесь — городище Тамшо-тепе (площадь 16 га), возможно, сохранился до кушанской эпохи⁷⁶.

Обе части Вахшской долины использовались и в кушанский период; их памятники можно четко разделить на два района.

⁷⁵ Э. А. Юркевич. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.— СА. 1965, № 4, с. 160.

⁷⁶ Б. А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг., с. 14.

На правобережье Вахша памятники кушанского периода располагались в основном в восточной части Явано-Обикикской долины (рис. 7а). Здесь (неподалеку от современного райцентра Яван) возникло примерно во II—I вв. до н. э. новое поселение, пришедшее на смену Тамошо-тепе; позднее это поселение выросло в город, который в период его расцвета достигал 30 га. Его остатки — городище Гарав-кала, прямоугольное в плане (600×500 м) с мощной цитаделью (140×100 м), крупнейшее в северной части Вахшской долины (см. Приложение II). Поскольку посеы здесь были неполивными и жители нуждались лишь в питьевой воде, скудость речной воды мало отражалась на числе поселений, и для кушанского периода в этом сравнительно небольшом районе известны еще 6 (или 9?) памятников. Их составляют небольшое, прямоугольное в плане поселение (или усадьба) Чирокчи-тепе/Тепа-Качали (площадь ок. 0,6 га), усадьба Калаи-Саракамыш (площадь ок. 0,3 га), тепа Чор-гуль, сельское поселение Ходжа-Кала (площадь ок. 1 га) и, возможно, Калаи-Турткуль II, безымянное городище (площадь более 3,5 га) и безымянная крепость (более 2 га) на юго-востоке долины. Кроме них есть еще поселение Халкаджар (площадь около 2,5 га) на юго-западе долины и, наконец, горное поселение в кишлаке Джаман-Булак — на севере⁷⁷.

На левобережье, где без ирригационных сооружений обойтись было нельзя, жизнь земледельческих поселений прочно связывалась с каналами. Благодаря исследованиям Т. И. Зеймаль мы сейчас довольно четко представляем себе развитие ирригационной сети вахшского левобережья и размещение на нем памятников кушанского периода (рис. 7б).

В отличие от правобережья в Нижневвахшской долине не прослеживается непрерывного обитания земледельческого населения от ахеменидского до кушанского периодов. Поселение Нижний Болдай и, видимо, канал Болдай были заброшены уже в III в. до н. э.⁷⁸ Следующий, значительно более крупный по масштабу орошаемых земель и связанных с ними поселений этап развития приходится на эпоху расцвета Кушанской империи. В это время от излучины Вахша, единственного в этом районе удобного участка для выведения ирригационных каналов, протянулся на юг крупный магистральный канал Джуйбар с несколькими ответвлениями. Только с этих пор Нижневвахшская долина, по заключению Т. И. Зеймаль, «стано-

⁷⁷ Т. И. Зеймаль. Античное поселение в урочище Халкаджар. — АРТ-58. 1961, с. 159—166; она же. Разведывательные работы в Вахшской долине. — АРТ-59. 1961, с. 144, 151—152; она же. Вахшская долина, с. 6—7; Э. А. Юркевич. Городище кушанского времени, с. 158—167; он же. Разведки в Яванском районе. — АРТ-61. 1964, с. 131—134; Б. А. Литвинский. Археология Таджикистана за годы Советской власти. — СА. 1967, № 3, с. 112.

⁷⁸ Т. И. Зеймаль. Древнеземледельческое поселение, с. 80—101.

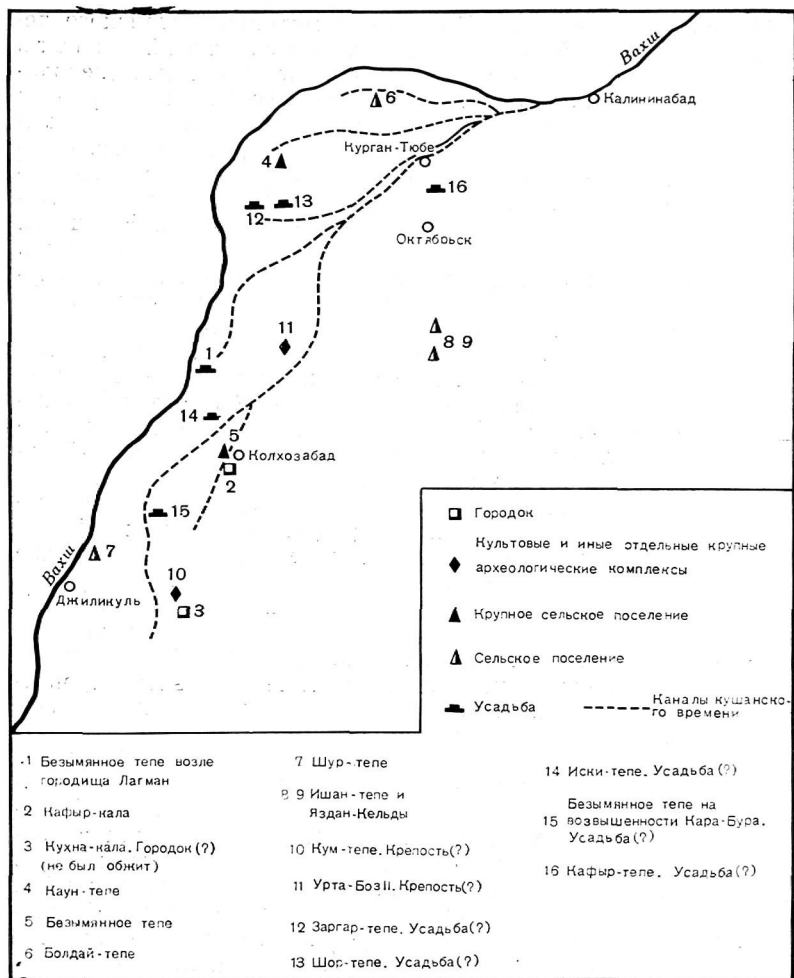

Рис. 76. Размещение археологических памятников в Нижневвахшской долине

вится заселенной и возделанной». Возможно, она права, и «основное ядро» переселенцев составляли пришельцы из Явано-Обиккинской долины, хотя нельзя исключить и другие гипотезы — вплоть до насильственного переселения жителей других районов по приказу кушанских властей. Как бы то ни было,

в левобережье Вахшской долины возник довольно обширный земледельческий район, включавший 40 тыс. га орошаемых плодородных земель⁷⁹.

На севере был восстановлен древний канал Болдай, ставший одной из правых ветвей новой ирригационной системы. Южнее его располагались еще два правых отвода — Каунский и Заргарский, восточнее их — левые отводные рукава Гаршавар и Ильты, и к югу от Курган-Тюбе основное русло Джуйбара разделялось на две ветки — Каралангскую, идущую к современному Колхозабаду, и Лагманскую, орошавшую земли, лежавшие к западу от возвышенности Урта-Боз. Севернее Колхозабада на юго-запад отходила еще Утенкалинская ветвь, в хвостовой части которой обнаружены следы отвода, проложенного дальше на юг (по заключению специалистов, вода по этому каналу так и не пошла).

По опубликованным Т. И. Зеймаль данным, в зоне Джуйбарской ирригационной системы известно около двух десятков археологических памятников кушанского периода.

К сожалению, дата возникновения крупного Кургантюбинского городища, которое как крепость сохраняло свое значение до начала XX в., пока не установлена; в средние века здесь, вероятно, был упоминаемый мусульманскими географами город Левакенд. Расположение городища непосредственно на основном русле Джуйбара делает вполне вероятным предположение, что какое-то поселение или город существовали здесь и в кушанский период, но пока это не более чем гипотеза. Нельзя считать твердо установленным и время возникновения самого крупного в Нижневахшской долине городища Лагман (площадь 42,5 га; в средние века — город Хелаверд). В пользу предположения, что поселение существовало там уже в кушанское время, свидетельствует его местоположение — в хвостовой части одной из двух основных веток Джуйбара, а также обнаруженное немного севернее городища безымянное тепе, в котором помимо слоя X—XII вв. выявлен нижний слой II—IV вв.

Уверенно можно датировать кушанской эпохой городище Кафыр-кала (площадь ок. 13 га), на Каралангской ветке Джуйбара, возле Колхозабада; верхний слой городища относится ко времени раннего средневековья. По-видимому, в кушанскую эпоху (а не в III—II вв. до н. э., как считалось ранее) было начато так и не доведенное до конца сооружение еще одного города или крупного поселения Кухна-кала (площадь ок. 4,5 га), на южной оконечности возвышенности Кара-Бура.

Крупными поселениями в кушанский период были Каунтепе (площадь 2,25 га) на северо-западе и безымянное тепе (1,75 га) неподалеку от городища Кафыр-кала, в 1 км от Колхозабада (здесь были найдены каменные профилированные ба-

⁷⁹ Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы, с. 47.

зы 11 колонн и пилястры); сельскими поселениями — Болдайтепе (менее 1 га) на одноименном отводном канале и Шор-тепе (ок. 0,8 га) на юго-западе, в зоне орошения Утенкалинской ветви; крепостями или укрепленными сельскими поселениями — Кум-тепе (0,6 га), близости от Кухна-кала, и Урта-Боз II (ок. 0,5 га), на южной оконечности одноименной возвышенности, к северу от Колхозабада; поселениями/усадебными — Заргар-тепе и Шор-тепе на Заргарском отводе, Иски-тепе на Утенкалинской ветви, к северу от Колхозабада, безымянное на возвышенности Кара-Бура и Кафыр-тепе на одном из левых отводов Джуйбара, к юго-востоку от Курган-Тюбе.

По данным, приведенным Т. И. Зеймаль, в кушанский период возникли также сельские поселения Ишан-тепе (ок. 0,7 га) и Яздан-Кельды (более 0,6 га), расположенные у кишлака Ташрабат, на землях, орошавшихся, видимо, левыми отводами Джуйбара.

Помимо перечисленных памятников Т. И. Зеймаль в своих работах упоминает, не называя поименно, другие поселения кушанского периода в зоне Джуйбара, в частности в окрестностях Колхозабада и Кафыр-тепе⁸⁰.

5. *Бассейн Таирсу — Кызылсу* (*Дангаринское плато и Пархарская равнина*)

К востоку от Вахшской долины, среди невысоких горных кражей и холмов располагаются земли бассейна р. Кызылсу (Сурхоб). К этому бассейну относятся и два основных притока Кызылсу: левый — Таирсу и правый — Яхсу, а также левый приток последнего — Кулябдарья. Все они маловодны, а Таирсу летом полностью пересыхает. Долины этих рек в нижней части расширяются, образуя обширную холмисто-грядовую Пархаро-Кулябскую равнину. В прежние времена размеры орошаемых земель здесь из-за ограниченности водных ресурсов были невелики, ведущая роль принадлежала богарному земледелию.

С Пархаро-Кулябской равниной географически связано также лежащее в верхней части течения р. Таирсу широкое Дангаринское плато. Бедное водой, но поднятое на высоту 700—800 м над уровнем моря, оно покрыто степной растительностью и используется для богарных посевов зерновых культур и для зимних пастбищ.

---

⁸⁰ А. М. Беленицкий. Отчет о работах Вахшского отряда в 1947 г.—МИА. № 15. М.—Л., 1950, с. 141—145; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г.—ДАН ТаджССР. Вып. 2, 1954, с. 53; они же. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г.—АРТ-54. 1956, с. 82—88; Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы; она же. Вахшская долина.

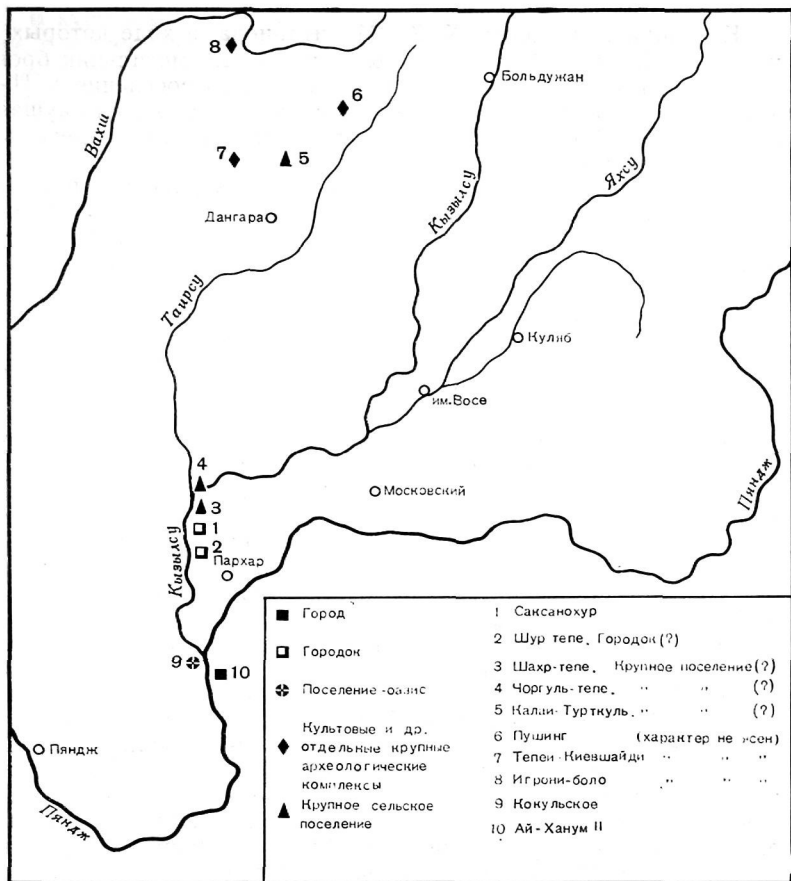

Рис. 8. Размещение археологических памятников в бассейне рек Таурсу и Кызылсу

Археологические памятники кушанской эпохи (и более ранних периодов) известны пока лишь в двух районах бассейна Кызылсу — на Пархарской равнине и Дангаринском плато (рис. 8).

На Пархарской равнине ранние, до кушанских включительно, памятники располагаются в низовьях р. Кызылсу, на холмистом правобережье и в равнинной полосе левобережья (длиною с севера на юг до 15—20 км, шириною 5—6 км), ограниченной с севера и запада руслом реки, а с востока возвышенностью Урта-Боз (Пархарская).

Как показали работы Х. Ю. Мухитдинова, в ходе которых в низовьях Кызылсу были открыты, в частности, могильник бронзового века Макони-Мор и неподалеку от него поселение VIII—V вв. до н. э., освоение этого района началось задолго до кушанского периода, но наиболее интенсивности жизнь здесь достигла в «античное» время.

Видимо, незадолго до падения Греко-Бактрийского царства возник существовавший при кушанах городок, от которого осталось городище Саксанохур/Тепе-Шафтолубог (площадь ок. 5 га). Раскопками 1966—1967 гг. здесь вскрыт крупный дворцово-храмовый комплекс с каменными колоннами, пилястрами и другими архитектурными деталями, а также квартал гончаров. К тому же времени относится поселение/усадебка Гаибшахид и какие-то еще памятники «античной поры», выявленные в Пархарском районе Х. Ю. Мухитдиновым, но еще не опубликованные.

Не исключено, что в кушанский период возникли и три других поселения этого района, расцвет которых приходится, как представляется, на период раннего средневековья: Шур-тепе/Мазар-тепе, городище площадью ок. 10 га с цитаделью (в 1,5 км юго-западнее Саксанохура); Шахр-тепе/Гулабад-тепе в 4,5 км к северу от Саксанохура и Чор-Гуль-тепе (площадь ок. 3,6 га) у старой переправы через Кызылсу, на северо-западе Пархарского района.

Судя по расположению этих памятников, их население пользовалось водой из р. Кызылсу⁸¹.

На Дангаринском плато древние поселения возникли не на берегах маловодной Таирсу, а близ родников. Таковы расположенное к северу от Дангары Калаи-Турткуль (площадь ок. 3 га) с небольшой цитаделью; Тепе-Киёвшайди/Дашти-поёни-Оксу, откуда происходят каменная торовидная двухступенчатая база и каменные капители (сам памятник ныне распахан, он находился к югу от кишлака Оксу), и Пушкинское, часть которого обнаружена у северной оконечности средневекового городища Калаи-Чильхуджраидарун в сел. Пушкин (найжены торовидные каменные базы колонн, заготовки (?) для архитектурных деталей, а также несколько фрагментов керамики кушанского периода)⁸².

---

⁸¹ Н. Н. Забелина. О некоторых археологических памятниках Пархарского района.—ДАН ТаджССР. 1952, вып. 3, с. 21—25; Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Сталинабад, 1954, с. 39; он же. Археология Таджикистана за годы Советской власти, с. 112—113; он же. Археологические работы Института истории АН ТаджССР.—АО-66. 1967, с. 314—316; Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур.—СА, 1969, № 2, с. 160—177; Х. Ю. Мухитдинов. Разведки в Пархарском районе в 1964 г.—МКТ. Вып. 2, 1971, с. 189—198.

⁸² Обследованы в 1972 г. Е. П. Денисовым с участием автора.

В кушанское время существовало, вероятно, какое-то поселение и в кишлаке Игрони-Боло, где на бугре Туп-хона найдена глиняная печать, которую Е. П. Денисов относит к I в. до н. э.—II в. н. э.⁸³

6. Отдельные памятники по правому берегу Амударьи и Пянджа

Помимо основных долинных районов на правобережье Амударьи и Пянджа более десятка памятников кушанского периода располагались еще в непосредственной близости от берегов этих рек (рис. 9).

В результате работ А. М. Мандельштама на участке между Керкичи и Келифом (крайний юго-восток Туркменской ССР) открыты два небольших оазиса. В одном из них выявлены два поселения: Ак-тепе (около железнодорожной станции Бургучи) и Гумбезлик-тепе (в 6 км юго-западнее станции Таш-рабат). Во втором — три поселения: Шор-тепе, Кум-тепе и Пультопы-тепе (между станциями Мукры и Чаршанга). В пустыне между оазисами расположен «большой курганный могильник античного времени».

Кроме упомянутых оазисов на этой пустынной северо-западной окраине Бактрии возле переправ через Амударью располагались в кушанское время «два поселения крепостного характера — в Керкичи и около Келифа»⁸⁴, перекрытые впоследствии более поздними слоями. Выше по течению Амударьи, к востоку от Термеза, находилось своеобразное поселение/оазис Айртам (см. Приложение II). Возникнув, по-видимому, еще в греко-бактрийское время как поселение на речной переправе, оно в кушанский период протянулось вдоль Амударьи на 3 км (при ширине до 300 м) и включило крупные буддийские комплексы.

В 2 км к северу от поселения на небольшом холме обнаружен могильник II—I вв. до н. э. Еще выше по течению располагалось поселение/оазис такого же характера Хатын-Рабат, растянувшийся примерно на 1 км и орошавшийся каналом, выведенным из Амударьи. Здесь в ходе раскопок Г. А. Пугаченковой выявлены жилые дома с производственными помещениями ремесленников — гончаров, каменотесов и, возможно, металлостов. Между Айртамом и Хатын-Рабатом на горе Ходжа-Гульсуар/Орлиная сопка находились каменоломни, где в кушанское время добывался известняк, который использовали для изготовления деталей архитектурного декора; другим местом

⁸³ Е. П. Денисов. Глиняная печать из Туп-Хоны (Дангаринский район). — ИАН ТаджССР. ООИ. 1974, № 2, с. 50—55.

⁸⁴ А. М. Мандельштам. К истории Бактрии-Тохаристана, с. 23, 26—27; он же. Памятники кочевников.

добычи этого материала в кушанский период была, по предположению Г. А. Пугаченковой, невысокая горная гряда в 6—7 км к северу от Хатын-Рабата⁸⁵.

Еще два памятника, существовавшие в кушанское время — поселение или крепость Тахти-Кувад и Каменное городище, лежали близ слияния рек Вахша и Пянджа, образующих Амударью. Тахти-Кувад (площадь ок. 1 га), расположенное вдоль правого берега Амударьи, напротив устья Кундуздарьи, прославилось благодаря находке на нем в 1877 г. знаменитого Амударьинского клада. Судя по этой находке, поселение могло возникнуть еще в ахеменидское время. О том, что оно существовало и в кушанский период, свидетельствуют обнаруженные на нем керамика и монеты⁸⁶. Каменное городище, названное так из-за построек, сооруженных из известняка, находится примерно в 5 км выше Тахти-Кувада, на правом берегу р. Вахш. Прямоугольное в плане (250×200 м), с цитаделью, оно, в отличие от многослойного Тахти-Кувада, существовало лишь в кушанский период (возникло, возможно, еще в греко-бактрийский) и погибло в IV—V вв. Вполне вероятно, как предполагал М. М. Дьяконов, что это городище составляло вместе с Тахти-Кувадом единый комплекс, располагавшийся у переправы, известной в средние века под названием Мела⁸⁷.

Возможно, что поселения кушанской эпохи существовали также в Нижнепанджской (Сарай-Камарской) равнине, где сейчас раскинулся массив поливных земель. В раннем средневековье здесь уже действовала ирригационная сеть, в частности крупный магистральный канал, выведенный из р. Пяндж в 20 км выше одноименного районного центра и шедший на запад примерно на 50 км, за многослойное городище Файзабадка. Т. И. Зеймаль предполагает, что этот канал может оказаться «старше Джуйбара»⁸⁸. Это предстоит проверить последующими исследованиями.

Более определенно можно говорить о Кокульском поселении/оазисе, расположенном восточнее Нижнепанджской равнины, на юге Пархарского района, в нескольких километрах выше городища Ай-Ханум. Это поселение, связанное, вероятно, с переправой через Пяндж, протянулось на 1,5 км в длину, до

---

⁸⁵ Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 85.

⁸⁶ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана, с. 264—265, 310; А. М. Мандельштам. К истории Бактрии-Тохаристана, с. 26; Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль. Еще раз о месте находки Аму-Дарьинского клада.— ИАН ТаджССР. ООИ. 1962, № 1(28), с. 40—45.

⁸⁷ М. М. Дьяконов. Археологические работы, с. 265; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 146—148.

⁸⁸ Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы, с. 55; она же. Вахшская долина, с. 16.

стигая в ширину 300 м. Судя по найденной здесь керамике, поселение Кокуль существовало в греко-бактрийское и в кушанское время⁸⁹.

Б. ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ АМУДАРЬИ

Левобережная (южная) часть Бактрии представляет собой обширную территорию между Пянджем/Амударьей и Гиндукушем, известную как Афганский Туркестан. На востоке она ограничена высокими отрогами Гиндукуша, которые подходят здесь вплотную к Пянджу; на западе (близ границы Афганистана и Туркменской ССР) — пустынной возвышенностью Карабиль и Каракумами.

Афганский Туркестан — богатый земледельческий край, житница Афганистана. Его основу составляют Приамударьинская равнина, протянувшаяся с востока на запад, от устья р. Кокча до г. Меймене, и широкая полоса северных предгорий Гиндукуша. Климатические условия последних благоприятны для богарных посевов, а обилие рек и речек, текущих с вершин Гиндукуша к Амударье, позволяют орошать значительные площади в обеих природных зонах Афганского Туркестана. Однако, как и на правобережье, богарные посевные и поливные земли тяготеют к долинам рек, образуя отдельные оазисы. К тому же Пяндж/Амударья для орошения почти не используется, а значительную часть Приамударьинской равнины занимают пески: они тянутся по северному краю равнины, от устья р. Сурхаб (Кундуз) до Каракумов, достигая в районе между городами Акча и Андхой ширины 100 км. Реки Афганского Туркестана, кроме двух наиболее крупных притоков — Кокчи и Сурхаба, не доходят до Амударьи: они теряются в песках (этому способствует широкое использование их вод для орошения).

Основных речных долин в левобережной части Бактрии шесть, они расположены вдоль рек: 1) Балхаб, 2) Дарья-Сафед (Шибарган, Сари-Пуль), 3) Хульм (Ташкурландарья), 4) Кундударья (Сурхаб), 5) Кокча, 6) Ширинтагао (Меймене).

Степень археологической изученности этих долин различна (рис. 9). Самая западная из них — долина р. Ширинтагао остается совершенно неизвестной археологам, памятники кушанской эпохи этой долины в литературе вообще не упоминаются.

1. Долина р. Балхаб

Долина р. Балхаб, по данным античных авторов, со времени Ахеменидов (а возможно, и ранее)⁹⁰ была сердцем Бактрии.

⁸⁹ См.: Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана, с. 142; он же. Археологическое изучение Таджикистана, с. 39.

⁹⁰ Если признать достоверными сведения о походе на Бактры Нина и Семирамиды.

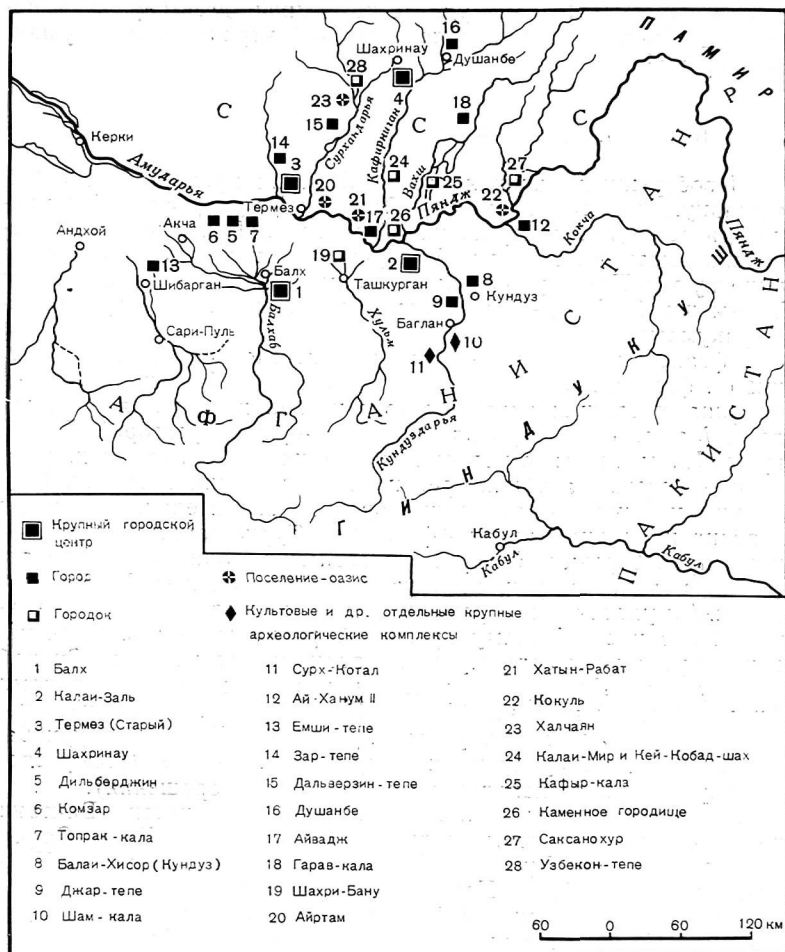

Рис. 9. Размещение основных археологических памятников кушанской Бактрии

Работами Советско-Афганской археологической экспедиции к северу от современного Балхского оазиса выявлены мертвые оазисы эпохи бронзы, располагавшиеся в ныне безводных районах, где «обширные такыры перемежаются с небольшими надувными песчаными грядами»⁹¹. В эпоху бронзы воды реки

⁹¹ В. И. Сарияниди. Бактрия в эпоху бронзы.—СА. 1974, № 4, с. 49.

(или выведенные из нее каналы) безусловно доходили до этих мест, орошая поля древних земледельцев.

Советско-Афганская археологическая экспедиция выявила, что земледельческое население постепенно отступало с севера на юг: поселения ахеменидского времени располагались южнее поселений эпохи бронзы, а оазис греко-бактрийского и кушанского времени южнее ахеменидских поселений⁹². При этом площадь орошаемых и возделываемых земель возрастала: вместо небольших обитаемых островков эпохи бронзы в кушанское время здесь существовал уже крупный оазис, простиравшийся на десятки километров с юга на север и с запада на восток. Советско-Афганская экспедиция обнаружила остатки сооруженной из пахсы и кирпича-сырца северной стены этого оазиса и расположенные близ нее три городища, крупнейшее из которых (Дильберджин) лежит в 47 км северо-западнее Балха⁹³. По примерным подсчетам, произведенным акад. Н. И. Вавиловым во время его путешествия по Афганистану, в долине Балха было 45 тыс. га орошаемых земель. Дополнительно можно оросить всего 5—10 тыс. га (если исходить из водных ресурсов р. Балхаб), т. е. максимальная площадь орошаемых земель в долине не превысит 55 тыс. га⁹⁴. Исходя из того, что поселения кушанского периода располагаются и на покинутых, ныне пустынных землях, можно полагать, что в то время площадь оазиса приближалась к максимальной цифре. Правда, помимо орошаемых земель жители оазиса могли использовать под богарные посевы еще не менее 50 тыс. га земель (по подсчету Н. И. Вавилова).

Центром этого большого земледельческого оазиса был крупнейший город и столица Бактрии в кушанский период — Балх (древние Бактры), занимавший территорию не менее 450 га (рис. 10), не считая расположенных в его ближайшей округе крупных буддийских комплексов, остатки которых известны сейчас как холмы Топи-Рустам, Тахти-Рустам, Шахри-Фолак и, возможно, Надир-тепе (см. Приложение II). На территории оазиса, а также вокруг него, на ныне покинутых «землях древнего орошения», отмечено большое число археологических памятников. Так, Советско-Афганская экспедиция выявила здесь «около 50 поселений античного времени»⁹⁵, т. е. греко-бактрийского

⁹² И. Т. Кругликова. Работы Советско-Афганской экспедиции, с. 101; И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Советско-Афганская экспедиция. — АО-73, 1974, с. 538.

⁹³ И. Т. Кругликова. Раскопки советской археологической экспедиции в Северном Афганистане, с. 111; И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Советско-Афганская экспедиция, с. 538; И. Т. Кругликова. Дильберджин. Ч. 1, М., 1975, с. 10—14.

⁹⁴ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букин и др. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, с. 157 и табл. на с. 174—175.

⁹⁵ И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Советско-Афганская экспедиция, с. 538.

и кушанского периодов, в том числе три «больших укрепленных города кушанской эпохи» — Дильберджин (площадь ок. 16 га; см. рис. 45), Комзар и Топраккала (площадью несколько меньше Дильберджина). Эти три городища имеют цитадели и мощные крепостные стены, окружены «обширными пригородными зонами», причем около двух из них обнаружены культовые сооружения⁹⁶.

Ранее (в 1960 г.) экспедиция японских ученых Киотоского университета во главе с проф. Сейичи Мицуно обнаружила в долине Балхаба небольшие города Гобакли-тепе (к северо-востоку от Балха), Кафир-Кала-тепе (к востоку от Балха), Мемлек-Кала-тепе (в 33 км западнее Балха), Салар-тепе (западнее Балха), Акча I и Акча II (в окрестностях г. Акча), Насрат-тепе (в 20 км к востоку от г. Акча), Прешон-тепе (в 15 км восточнее г. Акча), Файзабад-тепе (в 26 км восточнее г. Акча). Отмечены также небольшие города или сельские поселения: к западу от Балха — Тепе-Сала, Чиш-тепе и Шасалим-подша-тепе, к востоку от Балха — Наибабад. К этому перечню городов и сельских поселений следует добавить еще Тепе-Нимлик (в 35 км западнее Балха), исследованное французскими учеными, и Саозма-Кала (примерно в 30—40 км юго-западнее Балха)⁹⁷.

К сожалению, отсутствие фактических данных не позволяет пока сгруппировать перечисленные памятники по отдельным оазисам или выделить ирригационные районы, хотя представляется, что подобные районы, связанные с дельтовыми протоками или оросительными каналами, обязательно существовали в Балхском оазисе на всех этапах его развития, в том числе в кушанский период. В настоящее время из устья р. Балхаб «отведены 18 оросительных каналов, на которых расположены оазисы Мазари-Шерифа, Балха и Акчэ»⁹⁸.

2. Долина р. Дарья-Сафед

Долина реки, известной сейчас под названиями Дарья-Сафед, Шибарган или Сари-Пуль, лежит между долинами Балхской и Ширинтагао. Археологически эта долина изучена слабо, и мне известны здесь лишь два значительных памятника, относящихся к кушанской эпохе. Один из них — городище Емши-тепе (примерно в 5 км к северо-востоку от г. Шибарган), круг-

⁹⁶ И. Т. Кругликова. Раскопки советской археологической экспедиции в Северном Афганистане, с. 11. (О Дильберджине см. Приложение II.)

⁹⁷ R. E. M. Wheeler. Archaeology in Afghanistan.— «Antiquity». Vol. 21. № 82. L., 1947, с. 57—65; J. C. Gardin. Céramiques de Bactres.— MDAFA. T. 15, P., 1957; Mizuno E. S. (ed.). Haibak and Kashmir-Smast. Kyoto, 1962; Kl. Fischer. Neue Funde und Forschungen zur Indische Kunst in Arachosien, Baktrien und Gandhara.— «Archäologischer Anzeiger». Bd 72. B., 1957, с. 417—435.

⁹⁸ М. Г. Рейсер. Афганистан, с. 79.

лое в плане (диаметр 480 м, площадь более 18 га), с мощными крепостными стенами и укрепленной цитаделью. По данным Советско-Афганской археологической экспедиции, располагавшийся здесь город при кушанах, в период своего расцвета, был центром сельскохозяйственной округи, от которой сохранилось большое число мелких бугров⁹⁹. Второй памятник — небольшое городище Юрогли (в 16—17 км к северо-востоку от г. Шибарган, несколько дальше Емши-тепе), квадратное в плане (площадь ок. 6 га), окруженное крепостной стеной¹⁰⁰.

Судя по водным ресурсам этой долины (по подсчетам Н. И. Вавилова, в 20-х годах здесь было орошено 15 тыс. га, а всего можно оросить не более 25 тыс. га¹⁰¹), Шибарганский оазис в кушанское время едва ли входил в число важных районов Бактрии, заметно уступая по своему значению долине р. Балхаб.

3. Долина р. Хульм

Долина р. Хульм лежит к востоку от Балха, между Балхской и Сурхабской долинами. Возможности для ирригации в долине Хульма примерно такие же, как в долине Дарья-Сафед: по подсчетам Н. И. Вавилова, в 20-е годы здесь было орошено 25 тыс. га, предельная площадь орошаемых земель — 27 тыс. га¹⁰². Таким образом, эта долина, как и оазис на р. Дарья-Сафед, заметно уступает по своему значению Балхской.

Но в отличие от долины р. Дарья-Сафед в долине Хульма известно довольно много археологических памятников, причем помимо низовьев реки, где лежит Ташкурганский ирригационный район, здесь четко выделяется еще один ирригационный район, или оазис, расположенный несколько выше по течению реки, вокруг г. Саманган (ранее Хайбак, Айбак или Гейбак), где узкая в верховьях реки долина расширяется. К сожалению, большинство этих памятников остаются недатированными, определить, какие из них существовали при кушанах, позволят только дальнейшие исследования. Пока лишь два памятника могут быть определенно отнесены к кушанской эпохе. Это — небольшое городище Шахри-Бану, квадратное в плане (250×250 м, площадь 7,5 га), окруженное крепостной стеной и прямоугольными башнями (разведывательные раскопки здесь провели в 1938 г. французские археологи), и сельское поселе-

⁹⁹ И. Т. Кругликова. Городище Емши-тепе в Северном Афганистане.— КСИА. 136, 1973, с. 104—113.

¹⁰⁰ E. Barger, Ph. Wright. Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan.— MASI. № 64. Delhi, 1941, с. 54.

¹⁰¹ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан, табл. на с. 174—175.

¹⁰² Там же.

ние или усадьба Закер-тепе, где остатки построек кушанской эпохи выявлены под слоем мусульманского средневековья (также по материалам французских археологов 1938 г.)¹⁰³. Оба эти поселения располагались на северной окраине оазиса, к северо-северо-востоку от г. Ташкургана.

4. Долина р. Кундуздарья (или Сурхаб)

Эта долина — единственная на левобережье Пянджа/Амударьи, которая по площади орошаемых земель и по своему значению может состязаться с долиной Балхаба. По подсчетам Н. И. Вавилова, в 20-х годах орошаемые площади в этой долине достигали 50 тыс. га, что превышает размер орошаемых земель долины Балха, причем воды Кундуздарьи хватило бы для орошения еще такого же количества пригодных для ирригации земель¹⁰⁴.

В долине Кундуздарьи четко выделяются три ирригационных района, или оазиса: Нижнекундузский (близ впадения этой реки в Пяндж/Амударью), Кундузо-Ханабадский (выше по течению Кундуздарьи и ее правому, восточному притоку р. Ханабад, в районе городов Кундуз и Ханабад) и Багланский (далее по течению Кундуздарьи, в районе городов Баглан и Пули-Хумри).

В каждом из названных районов известны археологические памятники, в том числе и такие, которые существовали (или могли существовать) в кушанскую эпоху.

В низовьях Кундуздарьи, примерно за 10 км до ее впадения в Пяндж, расположено крупное городище Калаи-Заль (Бала-Хисар Калаи-Заль) с цитаделью, собственно городом и обширным пригородом, окруженным сырцово-кирпичной крепостной стеной с квадратными в плане башнями. Площадь городища, имевшего прямоугольную форму, с длинной стеной протяженностью 1800 м, превышала 200 га (см. Приложение II).

Особенно много археологических памятников (с учетом отдельных бугров их насчитывается около 50) известно в Кундузо-Ханабадском ирригационном районе. Среди тех, которые существовали в кушанскую эпоху, — Бала-Хисар на северо-восточной окраине г. Кундуза. Это, видимо, остатки древнего округлого в плане города, обнесенного валами стен и рвами; здесь были, в частности, найдены каменные базы колонн аттического профиля и каменная скульптура. Другое городище — Джар-тепе находится примерно в 30 км к югу от г. Кундуза. Прямоугольное в плане (площадь свыше 20 га), оно также ок-

¹⁰³ J. Hackin. L'Oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922—1923). Tokyo, 1932, с. 63; J. Carl. Fouilles dans le site de Shahr-i Banu et Sondages au Zaker-Tépé.— MDAFA. T. 8. P., 1959, с. 59—73.

¹⁰⁴ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан, с. 157 и табл. на с. 174—175.

ружено высокими валами стен и рвами. В 10 км юго-восточнее г. Кундуза японские археологи, раскапывавшие крупное поселение Шакалак-тепе (площадь 1,8 га), выявили только постройки позднего и послекушанского времени. Однако, судя по находкам кушанских монет, керамики, каменной буддийской скульптуры и аттических баз колонн, в основании этого бугра, достигающего 21 м высоты, явно лежат остатки сооружений кушанского периода. В кушанскую эпоху существовали, по-видимому, и сельские поселения Акхонзода-тепе, Мирза-Рамазан-тепе и Ходжа-Галтан-тепе (все три — возле Кундуза), а также Теморшо-тепе и Чашме-Кайнар-тепе (к югу от Ханабада). В районе Кундуза располагался относящийся, вероятно, к позднекушанскому времени буддийский монастырь, остатки которого известны сейчас как Ангур-тепе. С буддийскими постройками связаны также находки каменной буддийской скульптуры в Шахр-Дарра в том же районе.

В третьем ирригационном районе р. Сурхаб/Кундуздарья — Багланском известны культовые комплексы. Это — крупный центр династийного культа кушан, знаменитый Сурх-Котал с «храмом Канишки Победителя», расположенная поблизости буддийская «платформа статуй», так называемое Тепе-Кафе (возле г. Баглан), где случайно найдены два буддийских каменных рельефа кушанского времени, и квадратный в плане холм Шам-кала, откуда происходят каменные буддийские капители и базы колонн¹⁰⁵.

5. Долина р. Кокча

Эта долина — самая восточная из значительных речных долин современного Северного Афганистана и соответственно левобережной (южной) части Бактрии. В устье Кокчи, близ впадения ее в р. Пяндж, начиная с 1965 г. ведутся регулярные раскопки крупного городища Ай-Ханум, открытие которого Даниэлем Шлюмберже в 1964 г. явилось выдающимся достижением французских археологов в Афганистане. Располагавшийся здесь греко-бактрийский город, судя по раскопчным данным, прекратил свое существование в I в. до н. э. Отдельные находки кушанских монет на территории греко-бактрийского города связаны, вероятно, с располагавшимся поблизости городом Ай-Ханум II, который, по сообщению Г. А. Кошеленко, участвовав-

¹⁰⁵ E. Barger, P. Wright. Excavation in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan; R. E. M. Wheeler. Archaeology in Afghanistan, с. 57—65; K. Fischer. Gandharan Sculpture from Kunduz and environs, с. 231—253; он же. Preliminary Notes on some Ancient Remains at Qunduz.—«Afghanistan». Vol. 16. № 1. Kabul, 1961, с. 12—26; E. S. Mizuno (ed.). Naibak and Kashmir-Smast; он же. (ed.). Chaqalaq Tepe. Kyoto, 1970 (здесь же см. с. 4, табл. 2— Archaeological sites in Qunduz region); B. Dagens. Fragments de sculpture inédits.—MDAFA. T. 19. P., 1964, с. 36—39, табл. XXIII—XXVI.

шего в качестве советского представителя в раскопках французских археологов в 1965 г., относился к кушанскому периоду, а сейчас представляется собой круглое в плане городище (площадь ок. 50 га), с цитаделью в центре и двумя кольцами оборонительных стен¹⁰⁶.

В настоящее время основной оазис в долине р. Кокча располагается не в низовьях, а в районе Файзабада, выше по течению реки. Путь р. Кокча от Файзабадского оазиса к устью проходит по узкому горному ущелью, где нет даже пешеходных троп, и попасть от Ай-Ханум в Файзабад можно только через горный перевал¹⁰⁷. Вполне возможно, что оазис существовал здесь уже в кушанское время и в долине р. Кокча было два изолированных ирригационных района. К сожалению, район Файзабада археологически слабо изучен, и к кушанской эпохе здесь пока можно отнести (лишь предположительно) только поселение Кафир-кала (35 км к юго-востоку от Файзабада), где отмечены остатки буддийской ступы¹⁰⁸. Однако эта ступа (как и Кафир-кала в целом) могла возникнуть и позднее: нельзя исключить вероятности того, что основание поселения могло быть связано с гибелью (или резким сокращением) оазиса в устье р. Кокча после запустения кушанского города Ай-Ханум II. Поэтому вопрос о дате возникновения Файзабадского оазиса пока следует оставить открытым.

Возвращаясь к такому авторитетному источнику, как подсчеты Н. И. Вавилова, отметим, что водами Кокчи в этой долине можно оросить сверх 30 тыс. га нынешних полей еще более 15 тыс. га земельной угодий¹⁰⁹, т. е. потенциально эта долина могла быть крупным центром земледелия в любой исторический период, в том числе и в кушанскую эпоху.

В. ЗАПАДНЫЙ ПАМИР

Помимо речных долин по обе стороны от Пянджа/Амударьи памятники кушанского времени известны сейчас на западе и юге Памира (Горно-Бадахшанская автономная область ТаджССР). В отличие от собственно Памира, т. е. высокогорного плато Восточного Памира, где вплоть до самого недавнего времени не было земледельческих поселений, а основная масса населения занималась скотоводством, в горных долинах на западной и южной окраине Памира уже в кушанский период

---

¹⁰⁶ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Г. А. Кошеленко за эту информацию.

¹⁰⁷ А. А. Никонов. От Амударьи до Гиндукуша, с. 69—71 и карта на с. 55.

¹⁰⁸ E. Varger, Ph. Wright. Excavations in Swat, с. 51.

¹⁰⁹ По мнению М. Г. Рейсера, в долине р. Кокча можно было бы орошать еще даже не 15, а 30 тыс. га. См.: М. Г. Рейсер. Афганистан, с. 89.

вполне могли существовать отдельные селения. Работами А. Н. Зелинского и А. Д. Бабаева здесь вскрыты могильники, захоронения в которых производились как в послекушанское, так, вероятно, и в кушанское время¹¹⁰. Скорее всего, эти могильники принадлежат местному оседлому земледельческому населению, хотя нельзя исключить и иных возможностей. В частности, отдельные захоронения и могильники могли быть связаны с древними путями из Бактрии в Восточный Туркестан и Китай и с расположенными вдоль них охранными крепостями. Как полагают исследователи, эти крепости, составлявшие систему оборонительных сооружений, построены именно в кушанскую эпоху для защиты земель государства от возможных вторжений кочевников и китайских армий¹¹¹. Это заключение представляется вполне вероятным. Его, возможно, подтверждает и находка в 1956 г. в Хороге медной монеты Вимы Кадфиза¹¹².

---

¹¹⁰ А. Д. Бабаев. Крепости древнего Вахана, с. 41—43 (там же библиография).

¹¹¹ А. Н. Зелинский. Древние крепости на Памире, с. 120—141; А. Д. Бабаев. Крепости древнего Вахана.

¹¹² Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1956 г., с. 175.

Глава 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ БАКТРИИ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Обзор археологических памятников кушанской эпохи с учетом географических особенностей Бактрии позволил наметить основные историко-географические районы области — речные долины лево- и правобережья Пянджа/Амударьи. И хотя археологическая карта Бактрии все еще неполна и несовершенна, известные сейчас материалы дают возможность высказать также соображения о значимости основных историко-географических районов этой области в кушанскую эпоху. Как видно из таблицы 1, число городских поселений кушанского периода (особенно крупных городов площадью более 100 га и городов площадью 15—80 га) в речных долинах Бактрии обнаруживает зависимость от вероятных размеров поливных площадей этих долин, от сельскохозяйственного потенциала того или иного района. С учетом приведенных показателей можно сделать вывод, что долины Балхаба, Кундуза и Сурхандарьи играли в кушанский период большую роль, а прочие речные долины были, видимо, менее значительны. Нерешенным в настоящий момент остается вопрос о значении Вахшской долины, так как пока не установлено, существовали ли в кушанский период поселения на месте средневекового Лагмана и современного Курган-Тюбе, а если существовали, то каковы были их характер и размеры. Но если даже удастся доказать, что здесь уже в кушанское время возникли крупные поселения, эта долина все-таки будет заметно уступать долинам Балхаба, Кундуза и Сурхандарьи.

В ряде случаев мы можем отметить фиксированные археологическими памятниками изменения в размещении (и состоянии) земледельческих оазисов Бактрии. Как было указано в обзоре памятников, И. Т. Кругликова и В. И. Сариниди определили, что земледельческие поселения в бассейне р. Балхаб в греко-бактрийский и кушанский периоды размещались южнее оазисов эпохи бронзы и ахеменидского периода; зона орошения переместилась здесь вверх по течению. В долине Сурхандарьи, по данным Э. В. Ртвеладзе, зона орошения земель, напротив, смещается вниз по течению притоков р. Сурхандарьи, ближе к их устьям. На первый взгляд кажется, что сдвиги в размещении

Распределение городских поселений по речным долинам кушанской Бактрии

Виды поселений	Долины рек и предполагаемые размеры их поливных земель (в тыс. га)									
	Балхб (около 55)	Сурхандарья (более 60)	Кундуздарья (более 60)	Вахш (около 40)	Кокча (более 30)	Гиссар ¹ (менее 25)	Шибеган (менее 25)	Хульм (около 25)	Нижний Кафирган (менее 20)	Пархар (площадь не известна)
Крупные города	1	2	1	?						
Города	3	2	2	1	1	1	1		1	
Мелкие города	9	6	?	1	?	1	?	1	2	1
Всего городских поселений	13	10	3	2	1	2	1	1	3	1

оазисов в долинах Балхаба и Сурхандарьи носят различный характер. Однако, в сущности, оба случая отражают одну общую тенденцию к расширению используемых земельных массивов путем забора воды из наиболее богатых ею участков рек. Это требовало укрупнения магистральных каналов и усложнения ирригационных сооружений, т. е. больших затрат целенаправленного коллективного труда. Однако, по-видимому, бактрийское общество в эти периоды было уже готово к подобным, трудоемким, но перспективным мероприятиям.

Помимо более широкого освоения дельты р. Балхаб и земель в низовьях притоков Сурхандарьи в греко-бактрийское время, как мы видели, был сооружен город Ай-Ханум и, вероятно, возник пригородный оазис вблизи устья р. Кокча, также потребовавший сооружения мощных ирригационных каналов¹.

В тот же период или немногим позже в низовьях р. Сурхандарьи возникают город Термез и Термезский оазис, а в районе Пархара — крупное поселение Саксанохур. Иными словами, археологические памятники фиксируют заметный рост земледельческих оазисов и, скорее всего, совершенствование ирригационных систем Бактрии во время существования Греко-Бактрийского царства. Поскольку в долинах Балхаба, Сурхандарьи и Пархара этот процесс датируется обобщенно греко-бактрийским и кушанским периодами, мы пока не можем определить, полу-

¹ См. замечания о водоснабжении Ай-Ханум советского геолога: А. А. Никонов. От Амударьи до Гиндукуша, с. 48—50.

чили ли здесь кушаны системы орошения и массивы возделанных земель «в наследство», или же проводили дальнейшее совершенствование и расширение их. Возможно, что гибель или запустение крупного греко-бактрийского города в устье р. Кокча привели к уменьшению окружающего его оазиса. Однако тот факт, что здесь в кушанский период располагался хотя и менее обширный, но все же весьма значительный город (Ай-Ханум II), позволяет предполагать и существование земледельческого оазиса. Изменение его размеров (прямых свидетельств тому, однако, нет) — местное, узколокальное явление. В это же время в Бактрии возникают новые ирригационные районы: Бишкентский и Нижневахшский. В первом из них, по данным А. М. Мандельштама, первоначально обитали лишь скотоводы, во втором, по наблюдениям Т. И. Зеймаль, земледельческие поселения существовали лишь в северной части, у излучины р. Вахш.

В кушанский период в Бишкентской долине были начаты трудоемкие оросительные работы и возник небольшой земледельческий оазис, а в Нижневахшской долине был создан крупный оазис, почти равный по площади оазисам Балхаба, Сурхандарья и Кокчи (см. выше, с. 68—69).

К сожалению, письменные источники не содержат сведений, которые помогли бы уточнить характеристики историко-географических районов Бактрии в кушанский период. Упомянутые в китайских летописях пять владений (*хи-хэу*), хотя их и удается локализовать в левобережной части Бактрии (см. ниже, с. 110—120), пока еще нельзя связать более определенно с той или иной группой археологических памятников. Нет таких сведений и в античных, персидских и иных источниках.

Скудны свидетельства древних авторов и о городах Бактрии кушанского периода, хотя в современной литературе за этой областью утвердилась слава «страны тысячи городов». В. В. Тарн, наиболее детально исследовавший сведения античных источников о Греко-Бактрийском царстве, указал, что о тысяче городов, подвластных греко-бактрийскому царю Евкратиду, упомянул Аполлодор Артемидский, которого цитировал Страбон; это число городов Бактрии фигурировало также у Трога Помпея и Юстина. В. В. Тарн отметил, что это выражение не следует, конечно, понимать буквально, так как некоторые античные авторы называли городами и деревни, а число «1000» обычно служило просто круглой цифрой². Однако ставшая поговоркой фраза «тысяча городов Бактрии» свидетельствует все же о том, что, по представлению античных авторов начала н. э., число городов или просто крупных поселений в Бактрии было весьма значительным. Приведенные в гл. 2 данные об археологических памятниках показывают, что это представление отражало дей-

---

² W. W. Tarn. *The Greeks*, с. 118—120, 525. См. также: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 10 и сл.

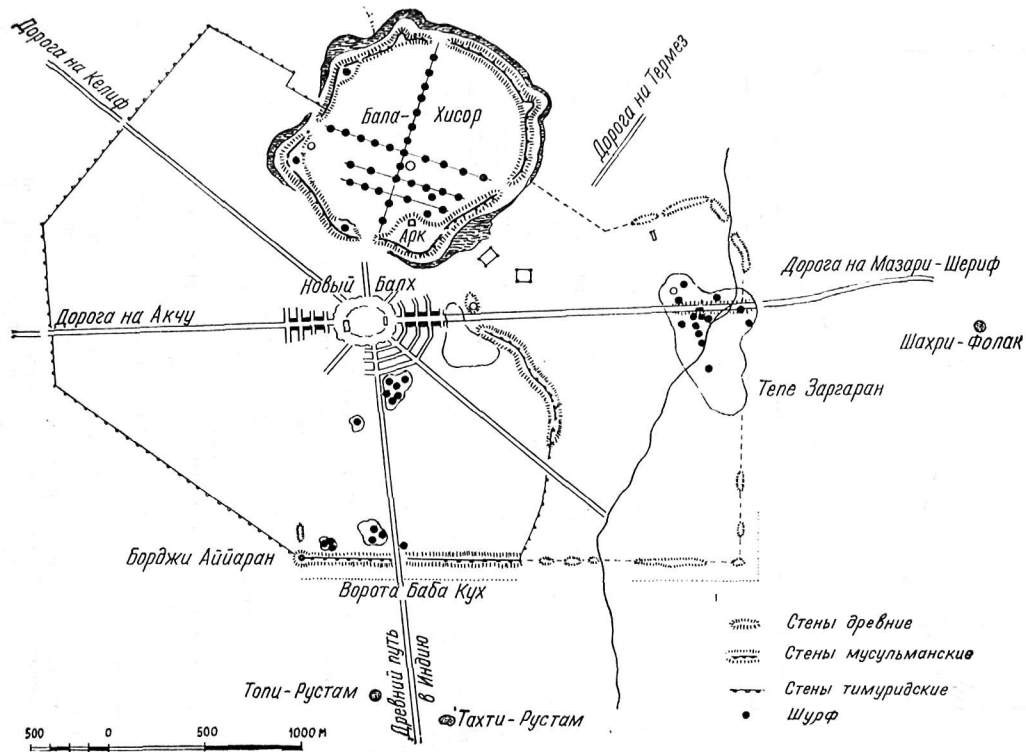

Рис. 10. Схематический план древнего Балха (по Д. Шлюмберже)

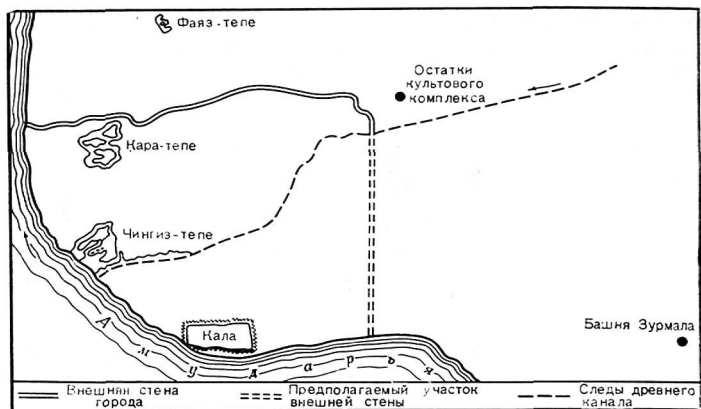

Рис. 11. Схематический план кушанского Термеза

ствительное положение дел, поскольку даже по явно неполным данным в Бактрии кушанской эпохи насчитывалось около 40 городских поселений, причем более 15 из них относились к разряду городов и крупных городов, т. е. населенных пунктов площадью более 15 га каждый (см. табл. 1). Отметим, что более 70% всех известных сейчас городских поселений располагались в трех ведущих речных долинах — Балхской, Сурхандарьинской и Кундузской, причем на долю двух первых приходилось более половины городских поселений. Таким образом, уровень урбанизации в ведущих районах Бактрии в кушанскую эпоху был действительно весьма высоким³.

Что же касается упоминаемых древними авторами городов, то сейчас вполне определенно можно судить лишь о двух из них. Это прежде всего, конечно, Балх (Бактры) (рис. 10), известный и по письменным источникам, и по археологическим данным. Античные авторы, начиная с Геродота, неизменно называют его центром Бактрии⁴. Существование Балха как крупного города уже в ахеменидский период подтверждено теперь и археологическими материалами (см. Приложение II). Согласно прямому указанию Страбона⁵, Бактры носили еще одно название —

³ На это уже указывал В. М. Массон. См.: В. М. Массон. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии.— Древний город Средней Азии (тезисы докладов). Л., 1973, с. 5.

⁴ Упоминания Бактр античными авторами многочисленны. См., например: Геродот, VI, 9; IX, 13; Еврипид. Вакханки, 15; Ктесий, 31, 63; Диодор, II, 7, 1; 16, 1—5; XI, 69, 2; XIII, 64, 2; 73, 2—3; Страбон, XI, 8, 9; 11, 2—3; XV, 2, 8—9; Полибий, X, 49, 15; XXIX, 12, 8; Юстин, XXX; XLI и т. п. О сведениях Птолемея см. ниже.

⁵ Страбон, XI, 11, 2. Ср. XI, 7, 9.

Зариаспа, которое было известно и другим античным авторам, полагавшим, однако, что это какой-то иной город⁶.

Китайские источники называют столицу Бактрии Ланьши, что, по мнению некоторых ученых, в том числе и В. В. Тарна, передает название «Александрия»⁷. Античная традиция сведений о переименовании Бактр в Александрию не сохранила (Стефан Византийский упоминает, правда, какую-то «Александрию около Бактр») ⁸, но В. В. Тарн предполагает такое переименование возможным⁹, поскольку Александр Македонский щедро давал свое имя как новым городам, так и старым центрам ахеменидских сатрапий. Однако гипотеза В. В. Тарна фактически зиждется лишь на сомнительном созвучии китайского названия и имени македонского царя. Достаточных оснований утверждать, что китайские авторы называли Бактры Александрией, пока нет.

Второй город, упоминаемый древними авторами, который можно точно локализовать,— Термез (рис. 11). Этот город назван в колофоне переведенного на тибетский язык буддийского трактата кушанского времени, автором которого был Дхармамитра из «города Тармита на берегу реки Вахшу»¹⁰. отождествление Термеза с Тармитой не вызывает сомнений.

Как было отмечено уже М. Е. Массоном, составившим наиболее подробную для довоенного времени сводку сведений о Тармите/Термезе в работах древних и средневековых авторов, а также в русской и западноевропейской литературе¹¹, китайские источники пользовались для передачи названия этого города различными транскрипциями: Та-ми, Та-мо и, по-видимому, Та-ман. Добавим, что, возможно, автор «Хоуханьшу» имел в виду Термез, называя одно из пяти владений (*ху-хэу*) Думи (или Ту-ми)¹².

В дошедших до наших дней сочинениях античных авторов Тармита/Термез не упоминается, однако на карте анонимного географа из Равенны (ок. 670 г.) и знаменитых «Певтингеровых таблицах», основанных на данных античной географии, обозначен город Антиохия/Тармита, что натолкнуло В. В. Тарна на предположение о разрушении около 293 г. до н. э. Тармиты, называвшейся-де тогда Александрией, кочевниками и восстановлении этого города Антиохом I, переименовавшим его в

⁶ Полибий, X, 49, 15; Арриан. Анабазис, IV, 1, 5; 7, 1; 16, 5—6; Стефан Византийский.

⁷ W. W. Tarn. The Greeks, с. 118.

⁸ Скорее всего, это Александрия Оксианская, которую упоминает отдельно от Бактр Птолемей (см. ниже).

⁹ W. W. Tarn. The Greeks, с. 114—115.

¹⁰ См.: Ю. Н. Рерих. Тохарская проблема, с. 122; он же. Память о тохарях в Тибете, с. 141.

¹¹ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза, с. 5—6.

¹² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 227; E. Zügcher. The Yüeh-chih, с. 367.

Антиохию¹³. Согласно этому сложному гипотетическому построению, Тармита существовала как город уже при Александре Македонском (или даже еще раньше). Подтверждением этой гипотезы, казалось, может служить предложенная еще в прошлом веке В. Томашеком¹⁴ этимология названия Термез как авестийского *Tarô maetha* — «поселение по ту сторону» (вероятно, по ту сторону Амударьи), указывающая к тому же, что название этому поселению было дано жителями левобережья. К сожалению, эта этимология тоже пока остается лишь остроумной догадкой.

Спорно и утверждение Ж. де Менаша, что название Термеза/Тармида значилось в одной из надписей знаменитого индийского императора-буддиста Ашоки из династии Маурья, найденной в долине Лагман, на юге Афганистана¹⁵. А. Дюпон-Соммер, первым издавший эту надпись, в начальной части ее видел обычную для текстов Ашоки буддийскую проповедь, а во второй — указание расстояний до нескольких географических пунктов, причем название одного из них читал как *Tdmr* — Тадмор (Пальмира)¹⁶. Ж. де Менаш, справедливо сомневаясь в таком чтении, поскольку Пальмира во времена Ашоки (ок. середины III в. до н. э.) не была столь значительным центром, чтобы индийский император мог упомянуть ее в своей надписи, прочитал это слово как *Trmd* — Тармид (Термез). Однако другие ученые предложили иные варианты чтения, как и общую трактовку этой надписи¹⁷.

Таким образом, пока не доказано, существовала ли Тармита/Термез в период походов Александра Македонского и упоминал ли ее в своей надписи Ашока. Однако это название зафиксировано ко времени Антиоха I картами географа из Равенны и «Певтингеровыми таблицами», а находки на территории Термеза и его окрестностей греко-бактрийских монет, видимо, подтверждают его существование в период расцвета Греко-Бактрийского царства¹⁸. Еще одно аналогичное свидетельство отмечено В. Ф. Минорским в сочинении Хафизии Абури¹⁹.

Античные сочинения о походах Александра Македонского помимо Бактр/Зариаспы упоминают в Бактрии всего лишь два города — Дарапсу (Адраспу, Драпсаку) и Аорн. Первый из них,

¹³ W. W. Tarn. *The Greeks*, c. 525.

¹⁴ W. Tomaschek. *Zentralasiatische Studien*. I. *Sogdiana*, c. 27.

¹⁵ J. de Menasce. *A propos d'une inscription araméenne d'Asoka*. — «Israel Oriental Studies». 2. Tel-Aviv, 1972, c. 290—292.

¹⁶ A. Dupont-Sommer. *Une nouvelle inscription araméenne d'Asoka du Laghman (Afghanistan)*. — CRAIBL-1970. 1970, c. 158—173.

¹⁷ H. Humbach. *Die aramäische Asoka-Inschrift von Laghman-Fluss*. — Indologen-Tagung 1971. Wiesbaden, 1973, c. 161—169. Ср.: М. Н. Боголюбов. *Арамейская законодательная надпись из Афганистана*. — ВЯ. 1973, № 3, с. 71—77.

¹⁸ На это указывал еще М. Е. Массон. См.: М. Е. Массон. *Городища Старого Термеза*, с. 87.

¹⁹ См. выше, с. 49.

известный со слов Арриана²⁰ и Страбона²¹, исследователи то отождествляли с Андерабом²² или Кундузом²³, то помещали в район Карши (в Южном Согде, в долине Кашкадарьи)²⁴ или Катта-Кургана (в центре Согда, в долине Заравшана)²⁵. Упоминаемый Аррианом Аорн²⁶, по убедительному предположению Х. Хумбаха, — тот же город, что и Евкратидия²⁷. Х. Хумбах подметил, что Арриан и Страбон знают в Бактрии по имени всего три города, причем, повествуя о пребывании здесь Александра, называют их Бактрами/Зариаспой, Дарасаккой (или Адраспой) и Аорном, а сообщая о событиях греко-бактрийского времени, — Бактрами, Дараспой и Евкратидией²⁸. К тому же Птолемей помещает Евкратидию вблизи от народа варнов (οαρνοι) на р. Даргоидос, которую Х. Хумбах отождествляет с р. Сурхаб (Кундуз), так как в «Худуд ал-алам» она названа Даргамом. До Х. Хумбаха В. Томашек этот город локализовал в Хульме (низовья р. Хульм, или Ташкуртан)²⁹, В. В. Тарн и К. В. Тревер отождествляли с Термезом³⁰, а И. Т. Кругликова — с Дильберджином³¹.

О существовании в кушанскую эпоху Бактр (Балха) и Термеза (Тармиты) мы можем говорить вполне определенно: это видно и из перечисленных сообщений древних авторов, и по археологическим данным, полученным в ходе изучения остатков этих городов (ср. Приложение II). Существовали ли в эту эпоху Драпса и Аорн/Евкратидия, пока можно лишь гадать, хотя оба они включены Птолемеем в перечень будто бы существовавших в его время городов. В Бактрии Птолемей называет 17 городов, т. е. больше, чем любой известный сейчас источник, указывая при этом даже их координаты. Однако его сведения о местонахождении этих городов, как правило, не точ-

²⁰ Арриан. Анабазис, III, 29, 1.

²¹ Страбон. XV, 2, 10 и XI, 11, 12. Этот город знает как Дараспу и Стефан Византийский.

²² См.: Th. S. Bayer. *Historia regni Graecorum Bactriani*, с. 20; Н. Н. Wilson. *Ariana antiqua*. L., 1841, с. 161. Ср.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 10.

²³ См.: J. W. McGrindle. *Ancient India as described in Classical literature*. Westminster, 1901, с. 90, прим. 4; A. Berthelot. *L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée*. P., 1930, с. 196. Ср.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 10.

²⁴ См. ИИУ, с. 96.

²⁵ См.: W. Tomaschek. *Zentralasiatische Studien*. 1. *Sogdiana*, с. 117. Ср.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 10.

²⁶ Арриан. Анабазис, III, 29, 1. Аорн упоминает также (без указания на местонахождение) Диодор Сицилийский (XVII, § 35).

²⁷ См.: Страбон, XI, 11, 2. Этот город знает и Стефан Византийский.

²⁸ Г. Гумбах. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 74.

²⁹ См.: W. Tomaschek. *Bactra. Bactrianoi. Bactriane*, с. 2805.

³⁰ См.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 11, 12; W. W. Tarn. *The Greeks, с. 207—209, 529*.

³¹ И. Т. Кругликова. Раскопки советской археологической экспедиции, с. 13.

ны. Так, упоминавшийся бактрийский город Драспа (по Птолемею — Дрепса) он помещает не в Бактрию, а в Согдиану³² или в Гирканию³³, зато столицу Согда — Мараканду (Смараканд/Самарканд) описывает как бактрийский город³⁴. Зариаспу он объявляет отдельным от Бактр городом и помещает прямо на берегу Окса (Амударьи)³⁵. Эти явные неточности, равно как и приводимые выше данные (см. с. 34), показывают, что Птолемей механически соединял сведения разновременных источников, и заставляют относиться к его сообщениям с большой осторожностью. Полагаться на них можно, видимо, лишь в тех случаях, когда они находят себе подтверждение в других источниках. Поскольку же о 13 из 17 перечисленных Птолемеем городах Бактрии никто, кроме него, не упоминает, а Мараканду, естественно, надо изъять из этого списка, для обсуждения остаются три города: Бактры, Зариаспа и Евкратидия. К ним, вероятно, следует добавить Драспу и, возможно, Александрию Оксианскую, которую Птолемей, как и Драспу, отнес к Согдиане³⁶. Учитывая, что, по Страбону, Бактры и Зариаспа — один и тот же город, а существование городов с названиями Александрия и Евкратидия в кушанскую эпоху сомнительно, приходится заключить, что Птолемей практически не сообщает ничего нового о городах Бактрии, во всяком случае, не дает оснований судить, какие из них существовали в его время.

Локализация Драспы и Александрии Оксианской пока весьма неопределенна³⁷. Если принять предлагаемую Х. Хумбахом локализацию Евкратидии/Аорна в долине Кундуздарьи, то остатками этого города можно было бы считать кундузский Бала-Хисар Х. Хумбах помещает Евкратидию в район Баглана, но, судя по карте Птолемея, она могла находиться и ниже по течению реки, в районе Кундуза, однако не в его низовьях, где лежит самое крупное из известных городищ этой долины — Калаи-Заль. Связать это городище (равно как и Шахринауское), которое наряду с Балхом и Термезом по площади заметно превосходит прочие поселения Бактрии кушанского периода, с каким-либо из упоминаемых древними авторами городов пока не представляется возможным. Нет достаточных оснований и для отождествления этих городов с другими городищами, которые перечислялись в предыдущем разделе.

Наметившаяся в результате археологических исследований схема размещения поселений кушанской эпохи на берегах Пянджа/Амударьи близ удобных переправ через эту реку (см.

³² Птолемей, VI, 12, 4.

³³ Птолемей, VI, 9, 6.

³⁴ Птолемей, VI, 11, 6.

³⁵ Птолемей, VI, 11, 7.

³⁶ Птолемей, VI, 12, 5.

³⁷ В. В. Тарн, как говорилось, отождествлял Александрию Оксианскую с Термезом.

рис. 9) при всем своем несовершенстве дает некоторые основания говорить о возможных коммуникациях между районами и городами право- и левобережной частей кушанской Бактрии Так, Кокульское поселение, лежавшее возле одноименной переправы, свидетельствует о пути, шедшем из левобережной долины р. Кокча, в частности из расположенного в ее низовьях города кушанской эпохи, остатки которого известны как городище Ай-Ханум II, в правобережную Пархаро-Дангаринскую группу поселений³⁸. Возможно, что поселение у Кокульской переправы возникло еще в греко-бактрийский период, когда в устье Кокчи существовал крупный эллинистический город (Ай-Ханум), но, во всяком случае, в кушанскую эпоху эта переправа уже функционировала.

Поселение/крепость Тахти-Кувад фиксирует использование в кушанскую эпоху одной из важнейших переправ через Амударью близ устьев Вахша и Сурхаба. Судя по находкам знаменитого Амударьинского клада в Тахти-Куваде и Кундузского клада греко-бактрийских монет в Хишт-тепе (см. ниже), эта переправа была известна задолго до кушан; позднее средневековые мусульманские авторы описывали ее под названием Мела³⁹. В кушанское время Тахтикувадская переправа связывала, очевидно, древние земледельческие районы левобережной долины Кундуза и, в частности, крупный город (Калаи-Заль), лежавший в низовьях р. Сурхаб, с правобережными Нижнекафирниганской и Вахшской долинами, с освоенными только в кушанский период массивами земель.

Связь долины Кундуза с Нижнекафирниганской, а через нее, возможно, и с основной долиной правобережья — Сурхандарьинской осуществлялась также через переправу близ устья р. Кафирниган, где лежит многослойное городище Айвадж. Здесь проходил также путь из левобережной долины р. Хульм. Когда началось регулярное использование Айваджской переправы, пока сказать трудно. В кушанское время Айвадж уже существовал, следовательно, функционировала и эта переправа; мусульманские источники знают ее как Аузадж или Узадж⁴⁰.

В средние века и в новое время потеряли свое значение переправы через Амударью возле Хатын-Рабата и Айртама⁴¹, однако в кушанскую эпоху их роль, если судить по размерам этих поселений, могла быть более заметной.

³⁸ В начале XX в. через эту переправу шла дорога «из Бадахшана и Северной Индии (Пешавар) через Сарай в Бухару», — В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 19), с. 738.

³⁹ См.: В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I, с. 122.

⁴⁰ Там же. Айваджская переправа имела важное значение и в начале XX в. См.: В. И. Масальский. Туркестанский край, с. 736—737.

⁴¹ Упоминание этих переправ в мусульманское время мне неизвестно.

Так называемая Паттагиссарская переправа близ устья р. Сурхандарьи, где расположен современный Термез, еще в начале XX в. описывалась русскими авторами как одна из важнейших, лежащая «на кратчайшем пути между Самаркандом, Кабулом и Индией»⁴². Судя по случайным монетным находкам возле современного речного порта в Термезе, этой переправой могли пользоваться также в греко-бактрийское и кушанское время.

Вполне вероятно, что именно она упоминается у Хафизу Аbru под греческим названием Пардагви («Гостиница») (см. выше, с. 49, 90). В кушанский период эта «греческая переправа» могла связывать правобережную долину Сурхандарьи с левобережной долиной р. Хульм и с Балхской долиной — важнейшей на левобережье.

По-видимому, еще большее значение для пути из Сурхандарьинской долины, в первую очередь из Термеза, в Балх имела собственно Термезская переправа, располагавшаяся возле большого острова, известного теперь как Арал-Пайгамбар, и кушанского Термеза (городище Старый Термез). В средние века, по словам акад. В. В. Бартольда, «существование большого острова, облегчавшее устройство плавучего моста, и близость к Балху (2 перехода), центру всей страны, делали Термез едва ли не самой важной переправой через Аму-Дарью после Амуля (Чарджуя)»⁴³.

Судя по наличию слоев кушанского времени в многослойных «поселениях крепостного характера — в Керкичи и около Келифа», расположенные здесь переправы, известные в средние века⁴⁴ и дореволюционные годы⁴⁵, функционировали и в интересующую нас эпоху. Эти переправы соединяли не столько лево- и правобережные земли Бактрии, сколько центральную долину этой области с согдийскими городами в Зеравшанской и Кашкадарьинской долинах, хотя Келифская переправа могла служить и для кратчайшего пути из западной части долины Балхаба в Шерабадский ирригационный район.

Переправы через Пяндж/Амударью имели важное стратегическое значение, и вполне естественно, что во все времена возле них обычно стояли крепости. Однако в некоторых из поселений кушанского времени, лежавших близ этих переправ (Кокульском, Хатын-Рабате и Айртаме), судя по микрорельефу, крупных крепостных сооружений не было, причем в Айртаме, где в более раннее время (скорее всего, во II—I вв. до н. э.)

⁴² В. И. Масальский. Туркестанский край, с. 731.

⁴³ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, с. 126. Переправа близ Амуля лежала на основном пути, связывавшем центральную область Среднеазиатского междуречья — долины Зеравшана и Кашкадарьи и, в частности, Бухару и Самарканд с Мервом, Хоросаном и пр.

⁴⁴ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, с. 130—131.

⁴⁵ В. И. Масальский. Туркестанский край, с. 729, 730.

начале I в. н. э.) был возведен монументальный «форт», в период расцвета Кушанской империи на его руинах расположились буддийские постройки. Этот случай (правда, пока единственный) представляется весьма показательным как свидетельство мирного характера связей между районами лево- и правобережных частей Бактрии кушанского периода: в это время Пяндж/Амударья, очевидно, не разъединяла, а, напротив, связывала их.

Глава 4

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БАКТРИИ НАКАНУНЕ СЛОЖЕНИЯ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Крах власти греческих царей Бактрии приходится, видимо, на 140—130 гг. до н. э. В 114 г. до н. э. греки Бактрии в последний раз упоминаются в источниках как самостоятельная политическая сила: в этом году, по словам Юстина, они выступили в качестве союзников селевкидского царя Деметрия II против парфян¹. А в 128 г. до н. э. Чжан Цянь, посол ханьского императора Уди, застал Бактрию уже покоренной кочевыми завоевателями да-юечжи².

Обстановка в Бактрии в последние десятилетия перед вторжением кочевых племен во многом не ясна. Индийские походы Деметрия (рис. 12а), «сына бактрийского царя Евтидема», как называет его Страбон³, осуществленные одновременно (или даже совместно) с Менандром, знаменитым впоследствии греко-индийским царем⁴, привели к тому, что власть в Бактрии перешла к Евкратиду (рис. 12б), последнему греко-бактрийскому государю, известному античным авторам — Страбону и Юстину. Страбон упоминает о его неудачах в войне с парфянами и указывает, что, по словам Аполлодора Артемидского, Евкратиду «были подвластны 1000 городов», а по данным других писателей — «9 племен и 5000 городов» в Индии⁵. Юстин же сравнивает Евкратиду с Митридатом I. «Почти в одно и то же время,— пишет римский историк,— стали царями Митридат в Парфии и Евкратид в Бактрии, оба великие мужи. Но судьба, бо-

¹ Юстин, XXXVI, 1, 4.

² Ши-цзы, гл. 123,2а и 5в; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 151, 152; E. Zücher. The Yüeh-chih, с. 359, 360. 128 г. до н. э. — наиболее принятая дата посещения Чжан Цянем да-юечжи и Дася, хотя существуют и другие датировки (например, 126 г. до н. э.). См.: G. Haloun. Zur Ue-tsi Frage.— ZDMG. Bd 91. N. F. Bd 16, 1937, с. 249; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 143; E. Zücher. The Yüeh-chih, с. 359.

³ Страбон, XI, 11, 1. В переводе Г. А. Стратановского (см.: Страбон. География. М., 1964, с. 488) это место звучит иначе: «Деметрий сын Евтидема, царь бактрийцев».

⁴ См.: В. М. Массон. Деметрий Бактрийский и завоевание Индии, с. 39—45; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 110—111.

⁵ Страбон, IX, 9,2; XI, 11, 2; XV, 1, 3.

лее благосклонная к парфянам, довела их под водительством этого правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывные войны, потеряли не только царство, но и свободу; измученные войнами с согдийцами, арахотами, дрангами, арями, они в конце концов как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами. И все же Евкратид вел многочисленные войны с величайшей храбростью; так, уже обессиленный ими, когда ему пришлось выдерживать осаду войск царя индов Деметрия, он постоянными вылазками с отрядом в 300 воинов победил 60 тыс. врагов. Во время обратного похода Евкратид был в пути убит сыном, которого перед тем сделал соправителем и который, не скрывая отцеубийства, убил его как врага, а не как отца, и через кровь его провел колесницу и непогребенным велел выкинуть его труп»⁶.

К сожалению, далеко не все в сообщении Юстина понятно, и трактовка этого отрывка отнюдь не однозначна. Так, если приход Евкратиды к власти в Бактрии можно отнести примерно к 171 г. до н. э. (около этого времени возшел на престол Парфии Митридат I), то о дате гибели его остается лишь гадать. Не ясно, кем был Евкратид до своего воцарения⁷, были ли упоминаемые Юстином согдийцы и другие народы, восставшие против нового царя, подданными Евтидема и Деметрия или жителями независимых соседних княжеств и государств. Не ясно также, что означают слова Юстина о победе Евкратиды над шестидесятитысячным отрядом Деметрия — снятие осады и почетный мир или же полный разгром греко-индийского государя. Вызывает недоумение утверждение о покорении бактрийцев парфянами (в свете приводимых Страбоном сообщений о территориальных захватах парфянами двух бактрийских сатрапий можно, видимо, говорить о победах парфян, самое большее — о признании Евкратидом верховенства его более удачливого соперника — Митридата, но, конечно, не о подчинении всей Бактрии парфянами)⁸. И, наконец, поскольку Юстин не называет по имени сына, убившего Евкратиды, этот отцеубийца также является объектом гипотетических построений и споров.

О преемниках Евкратиды письменные источники больше ничего не сообщают, а между тем нумизматы насчитывают (за исключением Диодота, Евтидема, Деметрия, Евкратиды и Менандра) двадцать пять имен выпускавших свои монеты греческих правителей Бактрии и Индии; значительная часть этих

⁶ Юстин, XLI, 6, 1—5.

⁷ В. Тарн считает даже Евкратиды наместником одной из восточных областей Селевкидского царства, вторгшимся в Бактрию, чтобы восстановить здесь власть «законной династии Селевкидов». См.: W. W. Tarn. *The Greeks*, с. 196. Критику этого построения см.: В. М. Массон, В. А. Ромодин. *История Афганистана*, с. 112—113.

⁸ Ср.: В. N. Mukherjee. *An Examination of the Theory of the Occupation of the Greek Bactria by Mithridates I.* — *Journal of the Asiatic Society*. Vol. 11. № 4. Calcutta, 1969, с. 1—5.

царей и царьков правила, вероятно, после Евкратиды. Насколько позволяют судить известные сейчас находки греко-бактрийских монет, и особенно знаменитый Кундузский клад, включавший 627 монет, с Бактрией можно связать лишь трех таких правителей⁹.

Один из них — Антимах Теос (Антимах I). В Кундузском кладе найдено 14 его монет (две из них, возможно, отражают не подлинный чекан Антимаха I, а более поздние подражания)¹⁰. Его монеты обнаружены и на правобережье Окса (1 — в Термезе, 2 — в Китабе, 1 — в Тахта-базаре, 1 — в Пенджикенте)¹¹. По стилю и типу монеты Антимаха Теоса относятся ко времени, предшествующему царствованию Евкратиды¹².

Два других государя, чьи монеты (рис. 12в, ж) связаны с Бактрией, — Платон и Гелиокл¹³, правила после Евкратиды, и оба могут рассматриваться как его преемники¹⁴. Монеты Гелиокла гораздо многочисленнее монет Платона. Так, Кундузский клад насчитывает 221 монету Гелиокла и только 12 монет Платона¹⁵, а на правобережье Амударьи монеты Платона пока найдены не были. Однако, поскольку помимо Кундузского клада в литературе отмечено вообще лишь 4 или 5 монет Платона¹⁶,

⁹ R. Curiel, G. Fussman. Le trésor monétaire de Qunduz.—MDAFA. T. 20. P., 1965. Связь с Бактрией еще одного правителя — Агафокла — сомнительна, хотя здесь встречаются его единичные монеты (6 — в кладе индийских монет из Ай-Ханум, еще 3 — из того же городища, 3 — из Кундузского клада, 1 — из Термеза и 1, видимо, поддельная — из района Куляба). См.: P. Vergard. La campagne de fouilles de 1970 à Ai Khanoum (Afghanistan), с. 439—446; он же. Campagne de fouilles 1969 à Ai Khanoum en Afghanistan.—CRAIBL-1970, с. 347; В. М. Массон. Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики.—ЭВ. 20. Л., 1971, с. 34.

¹⁰ См.: В. М. Массон. Кундузский клад, с. 33. Монеты Антимаха были найдены также на Ай-Ханум. См.: P. Vergard. Campagne de fouilles 1969, с. 347; он же. La campagne de fouilles de 1970, с. 447.

¹¹ М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг., с. 82; М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г.—Изв. Среднеазиатского музея. Вып. 3. Таш., 1928, с. 283—284; З. А. Аляхмова. Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 по 1946 г.—МЮТАКЭ. Вып. 1, 1949, с. 129; Б. Н. Кастальский. Незданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I.—ВДИ. 1940, № 3—4, с. 339.

¹² См.: А. К. Narain. The Indo-Greeks, с. 46 (ср. табл. на с. 181). Не противоречат этому и данные о кладах из Китаба и Тахта-Базара: в первом, насчитывавшем около 100 серебряных греко-бактрийских монет, кроме монет Евкратиды «имелись несколько оболлов и драхм Деметрия и две монеты Антимаха I» (М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г., с. 284); во втором — монеты Антимаха и Евкратиды (там же, с. 284, прим. 6).

¹³ Ряд исследователей различают двух Гелиоклов, но, как это убедительно доказывает В. М. Массон, достаточных оснований для такого определения нет. См.: В. М. Массон. Кундузский клад, с. 32.

¹⁴ А. К. Narain. The Indo-Greeks, с. 71—72 и табл. на с. 181.

¹⁵ R. Curiel, G. Fussman. Le trésor monétaire de Qunduz, с. 13, 35.

¹⁶ А. К. Narain. The Indo-Greeks. с. 12; А. N. Lahiri. Corpus of Indo-Greek Coins. Calcutta, 1965, с. 170—171.

то их малочисленность следует объяснять кратковременностью пребывания у власти, а не какой-либо другой локализацией владений этого правителя¹⁷.

Обычно как отцеубийцу и преемника Евкратиды в нашей литературе рассматривают Гелиокла¹⁸. Между тем более убедительным представляется высказанное А. К. Нарайном предположение, что убийцей Евкратиды был Платон, который вскоре, в свою очередь, был свергнут Гелиоклом¹⁹. В любом случае, последним греческим правителем Бактрии, судя по имеющимся данным, был именно Гелиокл. Отметим, что кроме монет с его именем в Бактрии к моменту завоевания ее кочевниками не было других царских чеканов. Это означает, что в отличие от греко-индийских земель кочевые племена столкнулись здесь не с разрозненными, враждующими между собой, мелкими царьками и правителями, а с одним, по-видимому, верховным государем. Этот вывод можно рассматривать и как еще одно свидетельство завоевания Бактрии кочевниками ранее 128 г. до н. э., когда, по словам Чжан Цяня, в Дася (Южной Бактрии) уже не было единого верховного царя, а существовали отдельные мелкие владения.

Следует также упомянуть, что кроме чисто бактрийского чекана Гелиокла известны еще монеты с его именем, отличающиеся помимо прочих деталей наличием на них как греческих, так и индийских (письмом кхароштри) легенд²⁰. Эти монеты иногда приписывают некоему Гелиоклу II, однако более убедительна точка зрения, что их выпускал тот же царь, но для обращения в районах к югу от Гиндукуша²¹. Тогда получается, что Гелиокл накануне падения своей власти владел еще и какими-то землями к югу от Гиндукуша (предполагать, что он захватил эти земли лишь после того, как был изгнан из Бактрии, нет оснований). Таким образом, кочевым племенам, вторгшимся в пределы Греко-Бактрийского царства, противостоял

¹⁷ А. К. N a g a i n. The Indo-Greeks, с. 72.

¹⁸ Г. А. Пугаченкова, анализируя изображения Гелиокла на монетах, находит даже, что в них «психологическая острота нравственной характеристики рисует черное нутро властолюбивого отцеубийцы» (см.: Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Таш., 1960, с. 135).

¹⁹ А. К. N a g a i n. The Indo-Greeks, с. 71—72. Попутно А. К. Нарайн опровергает и распространенное в литературе утверждение, что на монетах Платона (в Британском музее) представлена якобы дата выпуска; принятая за дату (147 г. селевкидской эры = 165 г. до н. э.) монограмма включает всего две греческие буквы и, скорее, обозначает, по мнению А. К. Нарайна, «инициалы гравера или имя магистрата». Вопрос о значении монограммы на греко-бактрийских (и близких им по времени) монетах остается дискуссионным. Возможно, что на монете Платона она показывает название монетного двора, но число 147 на ней явно отсутствует.

²⁰ См., например: А. К. N a g a i n. The Coin Types of the Indo-Greek Kings. Chicago, 1968, с. 20—21.

²¹ См., например: В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 129, прим. 86.

довольно могущественный греческий царь. И завоевание Бактрии было, очевидно, не результатом случайной атаки кочевников на агонизирующее государство, а следствием мощного движения кочевых племен, сокрушивших сильное эллинистическое царство.

Как проходило завоевание Бактрии кочевниками, источники сообщают лишь в самых общих чертах. Согласно «Записям историка» Сыма Цяня, кочевники да-юечжи, обитавшие в провинции Ганьсу, потерпев поражение в борьбе с хуннами, «далеко ушли, прошли на запад через Давань (Фергану), напали на Дася и подчинили эту страну»²². При этом, как уже упоминалось, да-юечжи обосновались к северу от Амударьи, к югу от которой, по данным Чжан Цяня, лежала покоренная ими Дася (Даха), представлявшая собой ряд отдельных мелких владений. Что это были за владения, не сообщается, не исключено, что хотя бы часть их правителей были выходцами из среды местных греков или эллинизированных бактрийских аристократов²³.

Бань Гу, автор «Ханьшу», отмечает да-юечжи уже к югу от Амударьи. Повторив сведения Сыма Цяня об отсутствии в Дася верховного царя и существовании отдельных мелких владений, он дополнительно сообщает, что здесь находятся пять княжеств, которые «состоят в зависимости» от да-юечжи²⁴. О тех же княжествах пишет и автор «Хоуханьшу» Фань Е, который, однако, указывает, что эти княжества образовались в результате разделения юечжи на пять частей после их переселения в Дася²⁵. Возникает вопрос, считать ли эти пять княжеств местными владениями, подпадавшими под власть кочевников, или же рассматривать их как возникшие в результате раздела завоеванных земель между пятью племенами (или родоплеменными группами) кочевников. Если отдавать предпочтение более раннему источнику («Ханьшу»), то эти княжества надо признать зависившими от да-юечжи²⁶. Однако поскольку не только Фань Е, но и Бань Гу наделяет правителей этих княжеств титулом *хи-хэу*, которым китайские авторы обозначали кочевых вождей (по мнению синологов, это закономерная китайская передача титула кушанских правителей *yavuga*, засвидетельствованного в монетных легендах), то образование этих

²² Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 106 (см. также с. 166); Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 151, 152; E. Züchner. The Yüeh-chih, с. 359—361.

²³ Ср.: Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 134: «...в каждом городе с окружающей местностью были свои правители, оставшиеся от греко-бактрийского времени».

²⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 183—184; E. Züchner. The Yüeh-chih, с. 364—365.

²⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 227; E. Züchner. The Yüeh-chih, с. 367.

²⁶ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, с. 62.

княжеств следует, видимо, связывать с завоеванием Бактрии кочевниками, а их князей рассматривать как правителей кочевнического (по Фань Е — юечжийского) происхождения²⁷.

Китайские источники упоминают в Средней Азии кроме даюечжи также кочевые племена кангюй (канцзюй), усунь и сэ, однако ни одно из них не связывается с Бактрией, завоевателями которой, таким образом, выступают одни лишь даюечжи, выходцы из глубинных районов Центральной Азии²⁸.

Иную картину рисуют античные авторы. Так, в сохранных Юстином двух заголовках разделов труда Помпея Трога говорится о занявших Бактрию и Согдиану сарауках и асианах²⁹, об асиях — царях тохаров и гибели сарауков³⁰, а Страбон указывает, что «наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, а именно асии, пасианы, тохары и сакаравалы, вышедшие с того берега Яксарта, что подле саков и согдианов и занят саками»³¹. В завоевании Бактрии (и, видимо, Согдианы), по этим данным, участвовали не менее четырех кочевых племен: асии, пасианы (возможно, это описка вместо «асианы»), тохары и сакаравалы (вероятно, иная передача сарауков). Более того, из сообщений Юстина видно, что одновременно с Бактрией (и Согдом) вторжению кочевников подверглась и Парфия: в 128 г. до н. э. парфянский царь Фрат I погиб в борьбе со «скифами», в 124 г. до н. э. в одном из сражений с тохарами пал его преемник — Артабан I. Только сын последнего Митридат II (124—87 гг. до н. э.) вел «со скифами удачные войны и отомстил за обиды, нанесенные его предкам»³².

В свете сообщений античных авторов перед нами встает не изолированная миграция племени даюечжи, которую В. В. Тарн пытается, отождествляя даюечжи с тохарами, проследить от Великой китайской стены до берегов Окса³³, а могучая волна кочевников, хлынувших во второй половине II в. до н. э. на юг и юго-запад от берегов Яксарта/Сырдарьи. Более углубленный

²⁷ Ср.: Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 134.

²⁸ По данным «Ханьшу» (гл. 96А, 10в, 96В, 1в; ср. 61, 4а), какая-то часть племени сэ под натиском деюечжи двинулась на юг, через «Висячий проход», и заняла Гибинь (Гандхара или Кашмир). Вопрос о маршруте (и времени) движения сэ неоднократно обсуждался в научной литературе (см., например: А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору, с. 52, 78, 79; Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связи между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960, с. 8—11; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 142; А. К. Narain. The Indo-Greeks. с. 135—136).

²⁹ Помпей Трог, ХLI. Некоторые исследователи, трактуя эту фразу, полагают, что сарауки заняли Бактрию, а асианы — Согд (см., например: J. Maquart. Erānšahr, с. 205).

³⁰ Помпей Трог, ХLII.

³¹ Страбон, XI, 8, 2.

³² Юстин, ХLII, I, 1; 2, 2; 2, 5.

³³ W. W. Tarn. The Greeks, с. 288—290.

анализ сведений китайских авторов не только не противоречит такой точке зрения, но, напротив, подкрепляет ее. Помимо юечжи китайские источники отметили передвижение на юг (вероятно, в обход Бактрии) также племена сэ — саков, вытесненных юечжи во время их движения к Давани (Фергана). Более того, как это убедительно показала Б. И. Вайнберг, кроме да-юечжи, завоевавших Бактрию, китайские хроники знали и других кочевников — «юечжи из рода Чжаову», обосновавшихся во II в. до н. э. в Согде и не позже начала I в. до н. э. распространивших свою власть на Хорезм (их династии правили в Самарканде, Бухаре и Хорезме вплоть до арабского завоевания VIII в. н. э.). Заключение об отличии «юечжи из рода Чжаову» от да-юечжи Бактрии подкрепляется анализом родовых знаков (тамг), демонстрирующих явное различие между этими двумя кочевническими племенами или союзами племен³⁴.

К сожалению, реальную роль каждой из упоминаемых античными авторами и китайскими источниками отдельных групп племен или союзов племен кочевников в завоевании Бактрии установить пока невозможно. Не ясно даже, сколь велико было в период завоевания значение тохаров, которые позднее, в I—II вв. н. э., по словам Птолемея, были наиболее многочисленной народностью этой древней области, получившей уже в IV в. н. э. новое название «страны тохаров» — Тохаристана (см. выше). Однако вопреки мнению некоторых исследователей³⁵ можно, видимо, сделать вывод, что эта этническая группа никак не может рассматриваться как местная, бактрийская.

Сообщение Страбона, указывающего, что тохары (как и три других племени кочевых завоевателей) пришли с правого берега Яксарта, находит подтверждение в упоминании Плинием переправы через Танаис народа тагоров (вместе с другими «скифами») — если признать правоту В. В. Тарна, убедительно доказывающего, что в данном случае под Танаисом следует понимать именно Яксарт³⁶, равно как и в приводимых Птолемеем (см. выше) данных о народе тахоров, живущих рядом с ятиями. В этой связи интересно, что Э. Г. Пэллиблэнк объясняет термин Давань (или Даюань), которым, по мнению большинства ученых, в «Шицзы», «Ханьшу» и «Хоуханьшу» обозначалась Фергана, как китайскую передачу местного названия тохаров **taxwar*³⁷. Эти данные достаточно убедительно подтверждают тезис о переселении тохаров в Бактрию с берегов Сырдарьи, скорее всего, из Ферганской долины или соседних с ней районов. Не исключено, что берега Сырдарьи служили всего лишь

³⁴ Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв.— Кара-тепе. III, с. 145—149.

³⁵ См., например: Я. Гулямов. Кушанское царство и древняя иригация Средней Азии.— Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 218—221.

³⁶ W. W. Tarn. The Greeks, с. 516.

³⁷ E. G. Pulleyblank. Chinese and Indo-Europeans.— JRAS. 1966, № 1—2, с. 22.

временным пристанищем тохаров, а местом их прежнего постоянного обитания была Глубинная Азия; эту точку зрения отстаивал, в частности, В. В. Тарн³⁸. Если бы это положение удалось доказать, оно подкрепило бы предположение, что тохары входили в ядро тех кочевых племен, которых китайские источники обозначают термином да-юечжи и выводят из района современной провинции Ганьсу. Однако пока из-за недостатка фактических данных связь тохаров с юечжи, равно как и с кушанами, остается лишь гипотезой.

Но даже в том случае, если юечжи или тохары действительно переселились в Среднюю Азию из глубинных районов Центральной Азии, разгром Греко-Бактрийского царства и завоевание Бактрии были, скорее всего, осуществлены не одним племенем пришельцев, а группой племен, для значительной части которых северные и северо-восточные районы Средней Азии были не местом транзита, а территорией постоянного обитания. Подтверждением этому могут служить археологические материалы из курганных могильников в Согде, в долине Зеравшана, раскопанных О. В. Обельченко, и из кочевнических курганов правобережной Бактрии, исследованных А. М. Мандельштамом. Оба этих ученых, фактически первооткрыватели погребений кочевников в Среднеазиатском междуречье, в настоящее время уже четко сформулировали свои заключения о полученных материалах, хотя опубликованы они еще не полностью.

Если не считать захоронений эпохи бронзы, наиболее ранние погребения, относящиеся к V — началу III в. до н. э., т. е. ко времени Ахеменидов, Александра Македонского и ранних Селевкидов, открыты пока лишь в долине Зеравшана, где раскопано более 50 курганов³⁹. Для них характерны захоронения в вытянутом положении на спине, головой на север или на юг, в грунтовых овальных или прямоугольных ямах, с керамикой, оружием и бытовыми предметами.

Более многочисленны курганы кушанской эпохи, среди которых четко выделяется ранняя группа (вторая половина II в. до н. э. — начало I в. н. э.). Эти курганы открыты как в долине Зеравшана — в восточной части Бухарского оазиса (Куюмазарский, Лявандакский, Кызылтепинский и Шахривайронский могильники) и к юго-западу от Самарканда (Агалыкский могильник)⁴⁰, так и на правобережье Амударьи — в Бишкентской до-

³⁸ W. W. Tarn. The Greeks, с. 515—519. Ср. сведения о тохарах в этом районе у Плиния (Естественная история, VI, 17, 20), Птолемея (VI, 16, 2; 16, 5; 16, 8), Дионисия Перизгета (Per. 752).

³⁹ О. В. Обельченко. Сакские курганы в долине Зеравшана.— Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968, с. 69—70; он же. Агалыксайские курганы.— ИМКУ. Вып. 9, 1972, с. 56—72; он же. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе.— Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 202.

⁴⁰ См. список работ О. В. Обельченко в аннотированной библиографии: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Нов-

лине, на юго-западе Таджикистана (Тулхарский, Аруктауский и Коккумский могильники) и на юго-востоке Туркмении (Бабашовский могильник)⁴¹. В отличие от зеравшанских курганов V — начала III в. до н. э. захоронения второй половины II в. до н. э. — начала I в. н. э. большей частью производились в подбойно-катакомбных могилах, т. е. в удлиненных ямах с нишей в боковой стене (подбой) или в задней стенке (катакомба). Следует отметить и такое отличие: захоронения II в. до н. э. — I в. н. э. кроме керамики, оружия и предметов быта включали ногу жертвенного животного (овцы).

Вопрос о происхождении сходных подбойно-катакомбных погребений в кочевнических северных и северо-восточных районах Средней Азии обсуждался неоднократно⁴², и, хотя его окончательное решение еще не найдено, объяснить появление таких погребений лишь внутренними причинами (спонтанное развитие религиозных и культурных представлений), как это справедливо отметила М. Г. Мошкова⁴³, вряд ли возможно. В Северной Бактрии, где курганы V—III вв. до н. э. вообще не известны, не приходится и говорить о местном генезисе таких погребений, и появление здесь во второй половине II в. до н. э. курганных могильников с четко выработанным типом и обрядом захоронения показывает их связь с пришлым кочевым населением. Учитывая же общеполитическую обстановку тех времен, этих пришельцев, видимо, следует считать, как полагает А. М. Мандельштам, теми кочевыми завоевателями, которые

городова. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Ч. 2, (№ 450—460), а также не вошедшие в нее: О. В. Обельченко. Лявандакская пряжка (К истории ранних кушан).— ОНУ. 1968, № 8, с. 53—56; он же. Миранкульские курганы.— ИМКУ. Вып. 8, 1969, с. 80—90; см. также выше, прим. 39.

⁴¹ См. список работ А. М. Мандельштама в указанной аннотированной библиографии (№ 181, 183—186, 188—192, 707), а также не вошедшие в нее: А. М. Мандельштам. Античные государства и кочевые племена в Средней Азии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973, с. 124—126; он же. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных.— Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 190—196; он же. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии.

⁴² См., например: А. Н. Бернштам. Основные этапы истории Семиречья и Тянь-Шаня.— СА. III. М.—Л., 1949, с. 359; он же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952 (МИА. № 26), с. 60—72; С. С. Сорокин. К вопросу о гуннах в Средней Азии (по археологическим данным).— ВЛГУ. 1949, № III, с. 122—127; он же. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры.— СА. 26, 1956, с. 97—117; Б. Я. Ставицкий. Средняя Азия в кушанский период, с. 392—394; Ю. А. Заднепровский. Изучение культуры кочевников Средней Азии древнего периода (от саков до тюрок).— Проблемы археологии Средней Азии, с. 65—67; Б. А. Литвинский. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972, с. 57—73 (с обширной библиографией).

⁴³ М. Г. Мошкова. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 42—43.

положили конец власти греческих царей Бактрии⁴⁴. Такая трактовка курганных могильников правобережья Амударьи вполне согласуется с сообщением Чжан Цяня о расселении да-юечжи во второй половине II в. до н. э., подтверждая и конкретизируя это сообщение. Переселившись на земли Северной Бактрии, племена кочевых завоевателей сохранили, как показывают наблюдения за размещением курганных могильников (близ мест, богатых пастбищами) и анализ их погребений, и «на новой территории свой традиционный вид хозяйства и образ жизни»⁴⁵. При этом вероятнее всего, что они ограничились получением дани и признанием своего верховенства со стороны многочисленных местных владетелей, поделивших бывшее эллинистическое царство. Во всяком случае, размещение кочевнических курганных могильников на окраинах оазисов и в неземледельческих местностях позволило А. М. Мандельштаму предположить, что кочевые завоеватели не ставили перед собой цели подорвать хозяйственную основу коренного земледельческого населения, напротив, они пытались, видимо, оградить посевы от возможных потрав, а оросительные системы от разрушения (или использования их не по назначению). Кочевые завоеватели Бактрии, видимо, с самого начала стремились не к единовременному грабежу местного земледельческого населения, а к длительному господству и сосуществованию с ним⁴⁶.

Что касается места первоначального обитания кочевников, завоевавших Бактрию и заселивших на первых порах ее северную часть, то китайские источники, начиная с Сыма Цяня, опиравшегося на сообщение Чжан Цяня, считают да-юечжи выходцами из современной провинции Ганьсу, откуда они были вынуждены бежать после поражения в войне с хуннами. Однако в отличие от сведений о реальном размещении разных племен и о событиях, близких по времени к путешествию Чжан Цяня «на Запад», в данном случае речь идет о событиях, свидетелями которых ни сам великий путешественник, ни его информаторы не были; и это его сообщение неоднократно подвергалось сом-

---

⁴⁴ Высказанное Б. А. Литвинским сомнение в правомерности отнесения курганных могильников Южного Таджикистана раннекушанского времени к кочевым завоевателям Бактрии (см. Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 244) и его предположение, что эти курганы оставило местное кочевое население (см.: Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 136), не подтверждено пока никакими фактами.

⁴⁵ См.: А. М. Мандельштам. Происхождение и ранняя история кушан, с. 196. Ср.: он же. Некоторые вопросы ранней истории кушан в свете археологических данных.—Проблемы археологии Средней Азии, с. 68.

⁴⁶ А. М. Мандельштам. К вопросу об особенностях расположения памятников, с. 25; он же. Античные государства и кочевые племена, с. 125—126. Однако нельзя полностью исключить вероятность размещения каких-либо курганных групп или отдельных курганов в орошаемой зоне, — они могли быть просто распаханы в последующие столетия или при новейшем переустройстве всей системы земледелия в долинах южных районов УзССР и ТаджССР.

нению⁴⁷. Но опровергнуть его пока также не удалось. Видимо, можно считать, что завоевание Бактрии осуществило не одно племя, а большая группа кочевых племен. Отрицать возможность того, что в составе этих кочевников (возможно во главе их) были выходцы из Глубинной Азии, нет достаточных оснований. Материалы из курганных могильников Зеравшанской долины и правобережья Амударьи, как показали углубленные исследования, не позволяют пока однозначно решить этот вопрос.

Раскопки курганных могильников Среднеазиатского междуречья помогли установить, что по погребальному обряду, характеру погребальных сооружений и отчасти по погребальному инвентарю захоронения II в. до н. э.— I в. н. э. находят себе аналогии в захоронениях сарматских племен, которые на рубеже н. э. обитали в Нижнем Поволжье, междуречье Дона и Волги, Южном Приуралье. Основываясь на этих аналогиях, О. В. Обельченко предлагает считать курганные могильники II в. до н. э.— I в. н. э., открытые им в долине Зеравшана, «принадлежащими племенам, вторгшимся в южные районы Средней Азии с севера»⁴⁸. Следует отметить, что о передвижении «какой-то части сарматских племен на территорию Средней Азии» говорит и М. Г. Мошкова, отмечая, однако, что сарматы могли быть лишь «одной из составных частей (видимо, незначительной)» кочевых племен, появившихся в это время в Средней Азии⁴⁹. А. М. Мандельштам в своих выводах об их этнической принадлежности еще более осторожен. Отмечая в этих курганах «черты, близкие к культуре племен сарматского круга», он в то же время подчеркивает, что, поскольку «сходство является далеко не полным и черты различий достаточно отчетливы... нет оснований отождествлять обосновавшихся в Северной Бактрии кочевников с собственно сарматами и предполагать, какие-то передвижения или военные походы последних с далекого северо-запада на юг Средней Азии»⁵⁰. В то же время А. М. Мандельштам указывает, что теперь можно говорить о заметно более восточном распространении ареала «культур сарматского и близкого к ним облика», чем это принято было считать ранее; тем самым аналогии курганным могильникам Средней Азии II в. до н. э.— I в. н. э. ведут, по его мнению, в широкий ареал культур евразийского степного пояса, из азиатской части которого (пока без дальнейшего уточнения) и происхо-

⁴⁷ См., например: Ю. А. Зуев. Юечжи и кушаны в свете китайских источников.— *Центральная Азия в кушанскую эпоху*, с. 198—201.

⁴⁸ О. В. Обельченко. *Курганные могильники эпохи кушан*, с. 208. Этот вывод приводился и в более ранних работах этого ученого.

⁴⁹ М. Г. Мошкова. *Сарматы и Средняя Азия.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР*, Таш., 1973, с. 107. См. также: А. М. Хазанов. *Очерки военного дела сарматов*, М., 1971, с. 65, прим. 3.

⁵⁰ А. М. Мандельштам. *Происхождение и ранняя история кушан*, с. 193.

дят «кочевники, появившиеся в последней трети II в. до н. э. на территории Северной Бактрии»⁵¹. Более того, А. М. Мандельштам полагает, что земли провинции Ганьсу в то время могли быть заселены племенами, близкими населению евразийского степного пояса. Иначе говоря, вопреки распространённому ранее представлению о дальневосточном по культуре и монголоидном по облику племени да-юечжи они еще на их первоначальной родине могли обладать сарматоидными чертами. Но к этому следует добавить, что в курганах Северной Бактрии встречены немногочисленные предметы, «находящие себе аналогии в восточной части степного пояса»⁵², ряд черепов несут следы монголоидной примеси, а один (из Аруктауского могильника) явно принадлежал женщине монголоидного облика⁵³.

Следовательно, нельзя отрицать вероятности того, что какая-то часть кочевых завоевателей Бактрии могла прийти из Глубинной Азии. Но есть основания думать, что значительное место среди них, во всяком случае в количественном отношении, составляли обитатели северных районов Средней Азии. Во-первых, естественно предполагать, что населявшие эти районы степные племена сарматоидного круга при любом значительном движении с севера, северо-востока или северо-запада племен, близких им по культуре, оказывались вовлеченными в это движение; в этой связи показательно, что китайские источники, повествуя о движении юечжи, отмечают вызванные им перемещения усуней и саков. Античные авторы называют по крайней мере три племени кочевых завоевателей. Во-вторых, анализ черепов, обнаруженных при раскопках северобактрийских могильников, показал, что при довольно пестром в антропологическом отношении составе погребенных (что свидетельствует, вероятно, и об их смешанном этническом составе)⁵⁴ значительная часть черепов «наиболее близка к серии черепов приаральских саков, антропологический тип которых, как полагает Т. А. Трофимова, сформировался на базе местного „андроновского“ расового типа, известного здесь еще в эпоху бронзы»⁵⁵. Следует также отметить заключение антропологов о зна-

⁵¹ Там же, с. 194.

⁵² Там же, с. 195.

⁵³ Т. П. Кияткина. Погребения кочевников кушанского времени на правобережье Амударьи (Антропологические материалы).— Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 237, 239, 241; она же. Череп из могильника Арук-тау (Таджикистан).— Антропологический сборник. З. М., 1961, с. 68—106; она же. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным (Автореф. канд. дисс.). Душ., 1965, с. 7—8.

⁵⁴ В. В. Гинзбург отмечал, что кочевое население Средней Азии кушанской эпохи «характеризовалось более разнообразными расовыми типами, чем оседлое» (В. В. Гинзбург. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху.— Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 223).

⁵⁵ См.: Т. П. Кияткина. Формирование антропологического типа таджиков, с. 8 Там же, опираясь на это заключение, автор прямо указывает, что

чительном сходстве черепов Тулхарского и Бабашовского могильников с черепами из погребений III в. до н. э.—IV в. н. э. в Красноводской области Туркменистана. Это свидетельствует «о движении больших групп кочевников из северных или северо-западных районов Средней Азии на юг»⁵⁶, т. е. позволяет говорить о передвижении кочевников не только в Бактрию, но и в более западные районы современной Туркмении. Этот вывод небезынтересно сопоставить со свидетельствами античных авторов об одновременном натиске во II в. до н. э. кочевых племен на Бактрию и парфянский Иран (см. выше, с. 101).

Говоря о вторжении во второй половине II в. до н. э. кочевых племен в южные районы Средней Азии и о крахе Греко-Бактрийского царства, следует коснуться также вопроса о возможных причинах этих событий.

По сообщениям китайских источников может создаться впечатление, что вторжение кочевников в Бактрию вызвано всего лишь одним из эпизодов межплеменной борьбы в Глубинной Азии: потерпевшие поражение в борьбе с хуннами юечжи своим бегством на запад привели в движение соседние племена усуней и саков, в результате чего последние, равно как и сами юечжи, вторглись в пределы лежащих к югу и юго-западу государств — Парфии, Бактрии, греческих владений в Индостане. Действительно, в условиях кочевого мира передвижение одного из племен может вызвать передвижение ряда других, но хочется подчеркнуть, что в данном случае речь идет не просто о перемещениях, а о завоеваниях, которые якобы осуществили разгромленные врагами племена. Такие завоевания были бы возможны, если бы кочевым племенам противостояли слабые государственные объединения, стоящие накануне гибели. Однако, как уже говорилось, в канун завоевания Бактрия (возможно, и какие-то районы к югу от Гиндукуша) входила в состав стабилизировавшегося государства Гелиокла. Следовательно, крах Греко-Бактрийского царства объясняется не столько его слабостью, сколько мощью сокрушившей его кочевнической волны. Эта лавина захлестнула не только Бактрию, но и значительную часть Ирана, где в то время существовало отнюдь не разлагающееся, а, напротив, все усиливающееся Парфянское государство. На этот же период приходится активизация кочевников в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе и массовое переселение кочевых племен из районов Поволжья и Приуралья на юг Украины, которое обычно трактуется как завоевание Скифии сарматскими племенами⁵⁷. Более

«кочевники, оставившие свои могильники в Северной Бактрии, судя по краниологическим материалам, пришли на эту территорию с севера, из области распространения „андроновского“ расового типа, в это время уже включившего в себя и монголоидные компоненты».

⁵⁶ В. В. Гинзбург. Антропологические данные, с. 223.

⁵⁷ См., например: К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.—Вопросы скифо-сарматской ар-

того, вполне вероятно, что в широких передвижениях кочевников в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе участвовали те же племена (или часть их), что и в нашествии на парфянский Иран и Греко-Бактрийское царство, в частности тохары (особенно если принять их сопоставление с сатархами, предлагаемое Ю. М. Десятчиковым⁵⁸).

Характеризуя обстановку времени вторжения кочевников в Бактрию, академик Б. Г. Гафуров говорит о цепной реакции, последовавшей за движением юечжи в северные районы Средней Азии⁵⁹. Думается, что это образное выражение правильно отражает ситуацию, сложившуюся во II в. до н. э. не только в Восточном Туркестане и северной части Средней Азии, но и на более обширных пространствах евразийского степного коридора. «Котел», в котором протекала эта «цепная реакция», был столь велик, а сила участвующих в ней элементов оказалась столь могущественной, что перед ними не могли устоять ни Позднескифское царство на западе, ни Греко-Бактрийское царство на юго-востоке, и только парфянам с большим трудом удалось справиться с их натиском. Конечно, было бы крайне важно определить, какие обстоятельства подготовили условия для этого мощного движения, но подобное исследование выходит далеко за рамки нашей темы. Отмечу лишь, что наряду с другими (в частности, социальными) причинами немалую роль в активизации кочевых племен в этот период могли, по-видимому, играть и климатические изменения, связанные с установленной географами гетерохронностью увлажнения Евразии в древности⁶⁰.

хеологии. М., 1955, с. 210; он же. О начале проникновения сарматов в Скифию.— Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 191, 196. Против этой точки зрения недавно выступил Д. А. Мачинский, возражающий против обозначения расселившихся во II в. до н. э. на юге Украины племен как сарматов. Он полагает, что это были роксаланы, не отрицая, однако, что важно для нас, самого факта массового переселения кочевников в это время. См.: Д. А. Мачинский. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников, с. 30—54; он же. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э.— I в. н. э.— АС. Вып. 16, 1974, с. 122—132.

⁵⁸ См.: Ю. М. Десятчиков. Сатархи, с. 131—144.

⁵⁹ Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 133.

⁶⁰ На связь переселений кочевников с изменением климата неоднократно указывает в своих работах Л. Н. Гумилев. См., например: Л. Н. Гумилев. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии.— «История СССР». 1967, № 1, с. 53—66; он же. Изменения климата и миграции кочевников.— «Природа». 1972, № 4, с. 44—52.

Глава 5

БАКТРИЯ В СОСТАВЕ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

А. БАКТРИЯ КАК РОДИНА КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Весь процесс становления Кушанской империи — от начальных его этапов до того момента, когда «по прошествии ста с небольшим лет» владетель одного из *хи-хэу* (Гуйшуана/Кушании) Кудзула Кадфиз, осуществив ряд успешных завоеваний, стал первым кушанским царем, — протекал на территории Бактрии, которую, таким образом, можно считать родиной Кушанского государства. Правда, в нашей литературе одно время получила распространение гипотеза, согласно которой княжество Гуйшуан локализовалось не в Бактрии, а в Согде — в долине Зеравшана, где в раннем средневековье были известны город и владение Кушания¹. Мне уже приходилось выступать с критикой этого положения², и, судя по откликам (в том числе и таким, где оспариваются некоторые мои выводы)³, теперь дискуссия свелась к тому, в какой части Бактрии — южной или северной — находилось первоначальное Кушанское княжество.

Контекст соответствующих сообщений «Ханьшу» и «Хоуханьшу», казалось бы, позволяет локализовать Гуйшуан в левобережной части Бактрии — Дася⁴, хотя отдельные исследователи в прошлом⁵, а теперь и Г. А. Пугаченкова находят воз-

¹ См., например, ИНУ, с. 117, 118—119; История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1. Таш., 1955, с. 94—95; Всемирная история. Т. 2. М., 1956, с. 670—672.

² Б. Я. Ставиский. О северных границах Кушанского государства, с. 112.

³ М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «великих кушан», с. 23—24.

⁴ См. перевод Н. Я. Бичуриным раздела о да-юечжи в «Ханьшу» (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 184): «Народ (Дася.— Б. С.) слаб и боится войны: почему и покорен нашедшими юечжисцами. Находятся пять хи-хэу (княжеств или князей.— Б. С.)...» (далее следует перечень их, включая Гуйшуан). Ср. его перевод раздела о да-юечжи в «Хоуханьшу» (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 227): «...Когда дом Юечжи был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя, разделен на пять княжеских домов...» (далее следует их перечень, включая Гуйшуан).

⁵ Обзор разных взглядов на локализацию пяти *хи-хэу* см.: А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору, с. 62—64.

возможным понимать эти сообщения иначе. Г. А. Пугаченкова предлагает считать столицей первоначального Кушанского княжества (город Худзяо) городище Дальверзин-тепе в долине Сурхандарьи в Северной Бактрии⁶. Однако представляется все же, что первоначальное владение Кудзулы Кадфиза в действительности находилось в Южной Бактрии. В пользу этого помимо «Ханьшу» и «Хоуханьшу» свидетельствуют данные более поздних китайских источников, подкрепляемых нумизматическими материалами.

В отличие от «Ханьшу», где приводятся явно путанные сведения о расстояниях интересующих нас княжеств от резиденции китайского наместника в Восточном Туркестане и Янгуани (возможно, вблизи от Дуньхуана)⁷, «Бейши» помещает отождествляемые с ними княжества в четкой последовательности одно за другим, вероятно вдоль какого-то пути, идущего из Яркенда. По данным «Бейши», столица владения Цзябэй (древний Хюми) лежит к западу от Яркенда, в 13 000 ли от Дай; столица Чжесемосунь (древний Шуаньми) — к западу от Цзябэй, в 13 500 ли от Дай; столица Цяньдуни (древний Гуйшуан) город Худзяо — к западу от Чжесемосунь, в 13 560 ли от Дай; столица Фудиша (древний Сидунь) — к западу от Цяньдуни, в 13 660 ли от Дай; столица Яньфуе (древний Гаофу) — к югу от Фудиша, в 13 760 ли от Дай⁸.

А. М. Мандельштам, тщательно исследовавший все известные ныне данные китайских источников, учитывая сообщение «Бейши», что столица да-юечжи — город Юньланьши (Балх) лежит западнее Фудиша, в 14 500 ли от Дай, подкрепил сделанное еще И. Марквартом заключение, что четыре первых владения этого перечня следует искать на северо-востоке Афганистана. Цзябэй, самое восточное из них, А. М. Мандельштам (как и И. Маркварт) помещает в Вахане⁹, Чжесемосунь — между Зебаком и Джермом; Цяньдунь — в окрестностях Файзабада, на среднем течении р. Кокча; Фудиша — в истоках Кун-

---

⁶ См., например: Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Таш., 1966, с. 247—248. Этот вывод повторяется и в других работах Г. А. Пугаченковой. Основанием для такой трактовки Дальверзин-тепе служит расположение в Халчаяне, в 40 км от этого действительно крупного городища (см. Приложение II), парадной постройки, которую Г. А. Пугаченкова трактует как дворец, а позднее — как династийный храм предков кушанских государей из рода «Герая», князя Гуйшуана и предшественника Кудзулы Кадфиза. О спорности трактовки постройки в Халчаяне см. ниже, с. 206—207.

⁷ Согласно этим сведениям, Хюми отстоит от «резиденции наместника» на 2841, а от Янгуани на 7802 ли; Шуаньми соответственно на 3741 и 7782 ли; Гуйшуан — на 5940 и 7982 ли и т. п. (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 184; E. Züchner. The Yüeh-chih, с. 365).

⁸ См.: А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору, с. 61—62, 97—98.

⁹ Там же, с. 98. Ср.: J. Marquart. Eranšahr, с. 225. Это отождествление основано также на фонетическом сходстве названий Хюми и Хуми/Вахана в описании Сюань-цзяна.

дудздарь ¹⁰. Яньфуе/Гаофу все исследователи локализуют близ Кабула, что вполне согласуется и с данными «Бейши», помещавшей столицу Яньфуе к югу от Фудиша и прочих владений, тянувшихся с востока на запад.

В общих чертах локализация владений Чжесемосунь, Цяньдунь и Фудиша между Балхом, Ваханом и районом Кабула может считаться установленной. Отметим, однако, что, исходя из данных «Бейши», Чжесемосунь и Цяньдунь с той же вероятностью можно поместить как в бассейне р. Кокча (где их локализует А. М. Мандельштам), так и в бассейне Кундуздарьи; последнее мне представляется более приемлемым, учитывая бóльшую близость бассейна р. Кундуз к Кабулу и хозяйственную значимость этой долины.

Разумеется, возникает вопрос, насколько верны приведенные в «Бейши» отождествления этих владений с пятью хи-хэу ¹¹. А. М. Мандельштам, на опубликованное в 1957 г. исследование которого я уже неоднократно ссылался, считал, что «мы не располагаем данными, которые позволили бы этот вопрос решить» ¹². Действительно, данных китайских источников явно недостаточно. Однако подойти к решению этой проблемы помогает известный сейчас нумизматический материал. Начатый еще М. Е. Массоном в 20-х годах учет топографии монетных находок на территории Средней Азии был продолжен его учениками ¹³, что позволяет наметить ареалы монетных типов и сделать некоторые заключения, в частности, интересующие нас.

Нумизматические данные свидетельствуют о выпуске и обращении в Бактрии после падения власти Гелиокла так называемых подражаний, т. е. монет, повторяющих тип, а иногда и легенду чеканов греко-бактрийских государей (рис. 12). Ран-

---

¹⁰ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору, с. 98. Локализация этим ученым владений Чжесемосунь, Цяньдунь/Гуйшуан и Фудиша основывается на данных И. Маркварта с учетом всех последующих материалов, например вывода Э. Шаванна, что Фудиша — китайская транскрипция названия Бадахшана (там же, с. 64; E. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Neou Han Chou.— T'P. Sér. 2. T. 8, 1907, с. 187).

¹¹ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору, с. 64. Ср. с. 98: «рассматриваемые пять владений, по всей вероятности, возникли в результате распада уже не кушанской империи, а кидаритского государства. Автор первоисточника, использованного составителем Бейши, по-видимому, отождествил их с пятью зависимыми от юечжей хихэу ввиду совпадения двух из них: Хюми с Цзябэй и Яньфое с Гаофу».

¹² Там же, с. 64.

¹³ См.: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография. Ч. 2: список работ М. Е. Массона (№ 656—658, 660—664), Е. А. Давидович (№ 627—632), З. А. Альхамовой (№ 624), Г. А. Пугаченковой (№ 668); см. также: М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг., с. 82—83; Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г., с. 249—281.

а

б

в

г

д

е

ж

Рис. 12. Монеты греко-бактрийских царей: а) Деметрий; б) Евкратид; в) Платон; ж) Гелиокл. Подражания чекану Гелиокла: г) поздний тип; д) ранний тип. Монета «Герая» (е)

ние подражания выявляются с трудом, так как изменения (или искажения) изображений и надписей нарастали постепенно. Но уже сейчас для Бактрии вполне определенно устанавливается обращение двух серий таких подражаний — чеканам Евкратиды и Гелиокла¹⁴.

Наиболее многочисленны подражания чекану Гелиокла. После проведенного В. М. Массоном анализа бронзовых монет этой серии (25 экземпляров)¹⁵ было отмечено еще примерно столько же подражаний чекану Гелиокла, т. е. практически все бронзовые монеты этого типа. Правда, при этом разные авторы стали относить к подражаниям даже такие экземпляры, данные которых не позволяют определить, «подлинник» это или «копия». Ведь прочие греко-бактрийские государи (кроме Платона, чей чекан вообще был крайне малочисленным; см. выше, с. 98—99) выпускали не только дорогостоящие тетрадрахмы и драхмы, но и более ходкие оболы или бронзовые монеты¹⁶. Поэтому вполне вероятно, что в число монет, фигурирующих в новейшей литературе в качестве подражаний, могут попасть и выпущенные еще в годы царствования Гелиокла. Но все же значительную часть бронзовых монет, найденных на юге Узбекской и Таджикской ССР и относимых к серии подражаний чекану Гелиокла (см. Приложение I), действительно следует считать подражаниями.

Подражания чекану Гелиокла распадаются на два вида. Монеты, относящиеся к первому виду (рис. 12д), тесно примыкают к подлинному чекану этого царя (именно здесь можно ожидать выявление монет, выпущенных еще при Гелиокле): на лицевой стороне их помещен портрет государя, повернутого профилем вправо; на оборотной — стоящее в фас божество (возможно, Зевс), с лучистым нимбом вокруг головы, и легенда (в два вертикальных столбца, по сторонам от изображения, и в горизонтальную строку ниже его): ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΗΛΙΟΥΚΛΕΟΥΣ. Монеты этого вида демонстрируют разную степень искажения легенды (дольше всего сохраняется правильное написание титула ΒΑΣΙΛΕΩΣ) и замену портрета Гелиокла изображением какого-то иного правителя, лишь отдаленно его напоминающим. Следует также отметить, что если в начале подражания дают «не совсем устойчивый тип» этого изображения правителя, то «потом устанавливается совершенно определенный канон»¹⁷. Монеты второго вида (рис. 12г) — это фактически новый тип. На лицевой стороне этих монет помещено изо-

¹⁴ В. М. Массон полагает, что две монеты Кундузского клада (№ 97, 98) могли быть подражаниями чекану Антимаха. См.: В. М. Массон. Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики, с. 34; R. Curiel, G. Fussman. Le trésor monétaire de Qunduz, с. 21, табл. VIII

¹⁵ См.: В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. — ЭВ. 11. М.—Л., 1956, с. 63—75.

¹⁶ А. К. Nagain. The Indo-Greeks, с. 3—7, 11—12.

¹⁷ В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, с. 69.

бражение того же правителя, что и на поздних образцах подражаний чекану Гелиокла первого вида. На оборотной же стороне — изображение лошади, идущей влево, и легенда монет Гелиокла с сильными искажениями имени государя.

По весу почти все опубликованные несомненные подражания первого вида составляют, вероятно, одну группу весом от 10,13 до 15,64 г. Исключение — два экземпляра весом 2,24 г и 26,5 г. Вторая серия подражаний делится на две весовые группы: от 13,41 до 14,72 г и от 3,14 до 3,84 г¹⁸. Все эти монеты бронзовые, однако на некоторых из них оказались следы посеребления: по видимому, они обращались как серебряные. Возможно, что были и серебряные подражания чекану Гелиокла. Г. Вильсон еще в прошлом веке упоминал один такой экземпляр (вторая серия), к сожалению, не описывая его подробно¹⁹. В. М. Массон полагает, что найденные в составе Кундузского клада две серебряные тетрадрахмы (№ 582—583) были не чеканом Гелиокла, а подражаниями этому чекану²⁰; подражаниями могли быть и шесть драхм того же клада (№ 605—610)²¹, на которых в слове ΔΙΚΑΙΟΥГ вместо «каппы» как будто бы стоит вертикальная палочка.

Происхождение значительной части подражаний чекану Гелиокла, хранящихся в музейных собраниях, остается неизвестным. Паспортизованные же находки единичных монет обеих серий подражаний отмечены как южнее Гиндукуша, так и севернее Гиссарского хребта — в Беграме, Таксиле и Фергане²². Однако все исследователи сходятся на том, что эти подражания чеканились и обращались в Бактрии. В Северной Бактрии их ареал (рис. 13) имеет довольно четкие границы: если не считать единичную находку в Саксанохуре²³, все подражания чекану Гелиокла локализируются в долине Сурхандарьи — от Термеза до Шахринау включительно (здесь отмечены обе серии подражаний), а также в близлежащей Гиссарской долине, в районе Душанбе и в Яване (см. Приложение I). О южных пределах основной территории обращения подражаний чекану Гелиокла из-за недостатка информации о монетных находках в Северном Афганистане судить трудно. Однако наличие подражаний чекану Гелиокла в Британском музее (три монеты первой серии и восемь — второй), музеях Лахора (две монеты пер-

¹⁸ Ср. там же, табл. на с. 72 и весовые данные монет — подражаний чекану Гелиокла в Приложении I.

¹⁹ H. Wilson. *Agiana Antiqua*. L., 1841, с. 311. Ср.: В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, с. 72.

²⁰ В. М. Массон. Кундузский клад, с. 311; R. Curiel, G. Fussman. *Le trésor monétaire de Qunduz*, с. 43.

²¹ R. Curiel, G. Fussman. *Le trésor monétaire de Qunduz*, с. 45.

²² В. М. Массон. Кундузский клад, с. 63, 65 и сл.; он же. К вопросу о чекане юечжийской Бактрии.— ИАН ТаджССР. ООИ. Вып. 14, 1959, с. 112.

²³ Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур, с. 168.

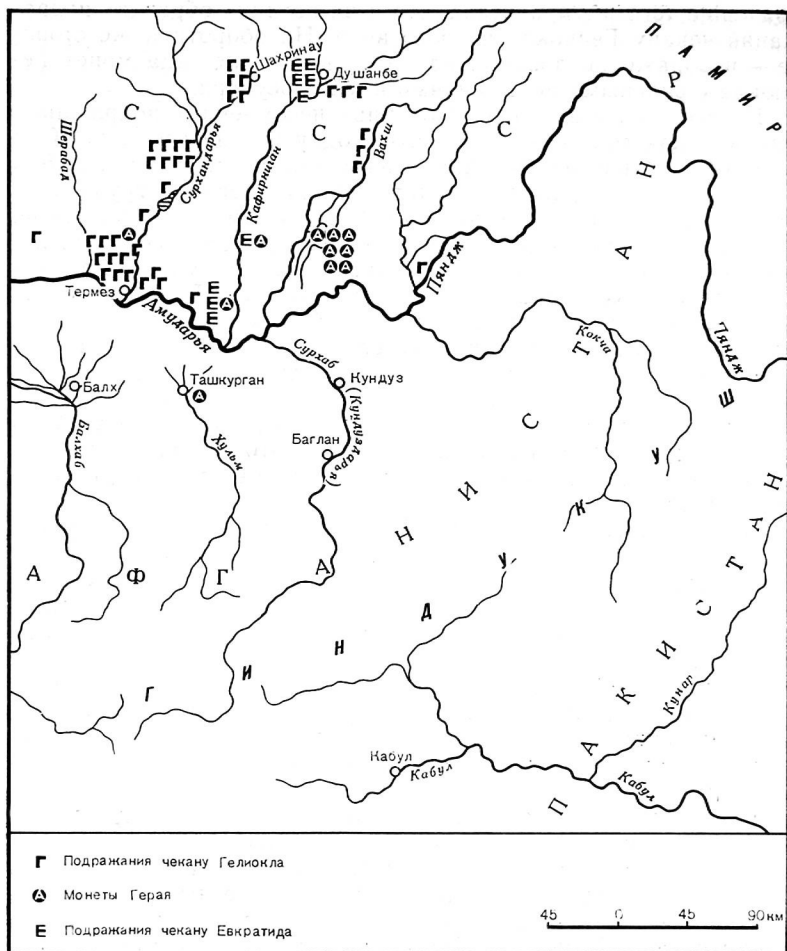

Рис. 13. Размещение на территории Бактрии находок подражаний чеканам Гелиокла и Евкратиды и монет «Герая»

вой серии и семь — второй) и Калькутты (одна монета второй серии)²⁴ и упоминавшиеся находки в Беграме позволяют предполагать, что часть южных районов Бактрии входила в этот ареал.

Подражаний чекану Евкратиды выявлено меньше. Возможно, что образцом наиболее ранних подражаний этой серии была

²⁴ A. N. L a h i r i. Corpus of Indo-Greek Coins, с. 136.

тетрадрахма, найденная в составе Кундузского клада (№ 158): характер изображений и надписей на этом экземпляре заметно грубее, чем на прочих однотипных монетах Евкратиды из клада²⁵. Более определенно к этой серии можно отнести две драхмы Республиканского музея Таджикской ССР, опубликованные Н. Н. Забелиной, отметившей, что «легенда испорченная, изображение варваризированное»²⁶. К сожалению, место находки этих драхм осталось неизвестным.

Мелких подражаний чекану Евкратиды — серебряных оболы известно сейчас всего 12, причем точно локализируются только девять. Три из них, чеканенные разными штампами, найдены при раскопках курганного Тулхарского могильника в Бишкентской долине. Все эти оболочки весьма близки к монетам Евкратиды с изображением на лицевой стороне портрета царя, повернутого профилем вправо, а на оборотной — с колпаками Диоскуров, пальмовыми ветвями и надписью (в две вертикальные строки, слева и справа от изображений): ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ. Однако характер монограммы, ее положение и величина, размеры изображений и букв показывают, что это подражания, а не подлинный чекан Евкратиды²⁷. К этому «тулхарскому» виду подражаний относится также обол неизвестного происхождения, изданный еще в прошлом веке А. Кэннингхемом²⁸. Таким образом, в настоящее время известно четыре монеты этого вида.

Шесть оболы, найденных в ходе археологических работ на юге Таджикистана, относятся ко второму виду подражаний чекану Евкратиды, отличающемуся от «тулхарского» тем, что в имени царя на монетах этого вида пропущена буква «I». Поскольку эти монеты чеканены не менее чем тремя разными штампами, ясно, что этот пропуск нельзя принимать за случайную ошибку отдельного резчика. Пять из этих оболы обнаружены в погребениях грунтового могильника Туп-хона в Гиссарской долине²⁹, шестой — на городище Калаи-Мир в Нижнекафирниганской долине³⁰. Седьмой обол, примыкающий к этой группе, — неизвестного происхождения, он упоминается в статье А. Кэннингхема³¹.

Ему принадлежит также публикация еще одного уникального оболы, который, вероятно, представляет третий вид под-

²⁵ В. М. Массон. Кундузский клад, с. 31. Ср.: R. Curiel, G. Fustat a p. Le trésor monétaire de Qunduz, с. 24.

²⁶ Н. Н. Забелина. Обзор древнейших монет из коллекции Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР.— СРИКМ. Вып. 1, 1952, с. 73—74 (№ 2—3) и табл. 1, 2.

²⁷ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 139—140.

²⁸ A. Cunningham. Coins of the Tochari, Kushans or Yue-ti.— NC. Ser. 3. T. 9, 1889, с. 308.

²⁹ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 155, 157, 160, 161, 171 и табл. 85, 5.

³⁰ М. М. Дьяконов. Археологические работы, с. 273, 283, 286.

³¹ A. Cunningham. Coins of the Tochari, с. 308.

ражаний чекану Евкратиды — с измененной легендой: от нее сохранилась лишь часть — ...охо ...козолво³². А. Кэннингхем определял его как чекан сатрапа Таксилы Лиакы Кузулаки. Однако, поскольку среди тысяч монет, найденных при раскопках этого городища, оболы—подражания чекану Евкратиды не были встречены вообще, Г. Дженкинс и А. Нарайн в своей сводке монетных типов сако-парфянских царей Индии высказали предположение, что этот обол, скорее, был выпущен в Бактрии или в долине Кабула³³. К тому же, как отметил А. М. Мандельштам, монограмма, помещенная на оболе, аналогична монограммам оболов двух первых видов, что может свидетельствовать в пользу именно бактрийского происхождения монеты, а имя типа «Кузула» или «Кудзула» — о принадлежности правителя, выпускавшего этот вид подражаний, к кушанскому правящему роду.

Ареал подражаний монетам Евкратиды (рис. 13) в Бактрии еще не совсем ясен, но на севере он явно отличен от ареала подражаний чекану Гелиокла: находки 9 оболов—подражаний монетам Евкратиды в среднем и нижнем течении р. Кафирниган при полном отсутствии подражаний чекану этого царя среди довольно многочисленных монетных сборов в долине Сурхандарьи, конечно, нельзя считать случайностью, равно как и отсутствие находок подражаний чекану Гелиокла в Нижнекафирниганской долине.

Время обращения оболов серии подражаний чекану Евкратиды, по-видимому, было короче, чем у монет, подражающих чекану Гелиокла. Подражания чекану Гелиокла в долине Сурхандарьи бытовали вплоть до широкого распространения там монет кушанского имперского чекана, а в Нижнекафирниганской долине в период до сложения Кушанской империи засвидетельствованы монеты еще одной, крайне важной группы — так называемые монеты «Герая»³⁴, типологически продолжающие серию подражаний чекану Евкратиды (см. рис. 12е).

Монеты этой группы — серебряные, известные по 36 экземплярам: 22 тетрадрахмы и 14 оболов. Они более индивидуализированы, чем рассмотренные выше подражания чекану Евкратиды. На лицевой стороне монет «Герая» помещен портрет правителя, похожий на изображение Евкратиды не больше, чем на портреты других греко-бактрийских царей. На оборотной стороне вместо греческих богов-покровителей (или их симво-

³² Там же, с. 308—309, табл. XIII.

³³ G. Jenkins, A. Narain. The Coin-types of the Saka-Pahlava Kings of India. Bombay, 1957, с. 26.

³⁴ См., например: А. Н. Зограф. Монеты «Герая», Таш., 1937; С. П. Толстов. К вопросу о монетах «Герая». — ВДИ. 1939, № 2, с. 114—119; R. Ghirshman. Begram, с. 10; В. М. Массон. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным, с. 39—40; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 153—154; Е. А. Давидович. Незаконченная история. — «Памир». Душ., 1971, № 1, с. 81—87; № 2, с. 75—84; № 3, с. 77—82.

лов), характерных для монет Евкратиды, изображен на лошади тот же правитель «Герая», за его спиной — небольшая фигурка Ники. Легенда этих монет — самостоятельный текст, лишь по размещению (полукругом выше всадника и горизонтально ниже ног лошади) повторяет легенду на монетах греко-бактрийского царя. По изобразительным достоинствам (особенно выразителен на ряде экземпляров портрет правителя) монеты «Герая» близки греко-бактрийским и свидетельствуют о высоком профессионализме медальеров, работавших на монетном дворе. Особый интерес представляет греческая легенда этих монет: «правителя Герая, кушанца» — по верху монеты и «Санаба» — по низу. Легенда эта все еще вызывает споры, особенно дискуссионна трактовка слов «Герай» и «Санаб»: каждое из них можно рассматривать и как имя и как титул правителя³⁵. Но слово «кушанец» сомнений не вызывает и позволяет считать эти монеты чеканом кушанского князя, предшественника первого кушанского императора Кудзулы Кадфиза (вероятно, его деда или отца). Ареал монет этой группы, таким образом, мог бы служить дополнительным доводом в пользу той или иной локализации первоначального Кушанского княжества (Гуйшуан). К сожалению, места находок большинства монет «Герая» не известны. Однако в Северной Бактрии их ареал (см. рис. 13) совпадает в основном с районом распространения подражаний чекану Евкратиды: только одна монета крупного номинала найдена в Термезе, в то время как Южный Таджикистан дал не только клад монет, но, что особенно важно, и две мелкие, т. е. имевшие территориально ограниченную сферу обращения, монеты этой группы (см. Приложение I). Известны находки монет «Герая» на севере Афганистана³⁶, хотя данных для установления их ареала там пока недостаточно³⁷. Но и в свете уже полученных данных помещать первоначальное Кушанское княжество (Гуйшуан) в наиболее обширной и богатой части Северной Бактрии — долине Сурхандарьи — явно нет оснований: судя по преобладанию здесь бронзовых монет серии подражаний чекану Гелиокла, эта долина входила в состав иного политического объединения. Учитывая территориальную близость и тесную связь долины Сурхандарьи (особенно ее центра — Термеза) с районом Балха, приходится, видимо, исключить из зоны локализации Гуйшуана и этот район. Ареал

³⁵ А. Н. Зограф. Монеты «Герая», с. 34—35; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., с. 305—309; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 139; Е. А. Давидович. Незаконченная история.

³⁶ См.: А. Н. Зограф. Монеты «Герая», с. 14, 47.

³⁷ Возможно, что ситуация прояснится, когда будет налажен учет монетных находок в Афганистане, где монеты «Герая» безусловно должны быть найдены еще хотя бы уже потому, что помимо изданного еще А. Кэнингхемом обота «Герая» из района Кабула теперь известна находка двух подобных монет в Таксиле. См.: J. Marshall. Taxila. Vol. 2, 1951, с. 837.

серебряных подражаний чекану Евкратиды и связанных с ними монет «Герая» — долина Кафирнигана (особенно ее нижняя часть) тяготеет не к району Балха, а к долине Кундуза. Здесь или, что также вполне вероятно, еще далее на восток (но не на запад) и следует искать первоначальный центр кушанской государственности. Напомню, что именно сюда помещает «Бейши» (в соответствии с убедительной трактовкой А. М. Мандельштамом его данных) владение Цяньдунь. Таким образом, отождествление этого владения с древним Гуйшуаном и локализация последнего получают, как мне представляется, новое подтверждение. Вполне вероятно также, что выпуск в западной зоне Бактрии бронзовых монет в отличие от серебряных чеканов восточной зоны объясняется отсутствием у правителей первой доступа к серебряным рудникам Вахана, Бадахшана или Хутталя, которыми могли пользоваться князья, чеканившие подражания монетам Евкратиды и монеты «Герая»³⁸.

Для определения местонахождения Кушанского княжества немалое значение имеют также данные о монетах основателя новой империи Кудзулы Кадфиза и их ареале. Вне зависимости от того, считать ли монеты «сотер мегаса» поздним чеканом Кудзулы Кадфиза, или относить к более позднему времени, рассматривать их как ранний монетный выпуск Кудзулы Кадфиза невозможно; ранних монет этого государя в Северной Бактрии пока не найдено³⁹. Кроме того, поскольку наиболее ранние монеты Кудзулы Кадфиза явно связаны с греческим царьком Гермеем (или с его чеканом)⁴⁰, то владение Кудзулы, Гуйшуан китайских авторов, должно было помещаться вблизи от владения Гермеем — области Паропамисад, к северу от Кабула (не случайно здесь, в Беграме, при раскопках найдено более 60 монет Кудзулы Кадфиза)⁴¹. Область эта лежит к югу от долины Кундуза и связана с нею удобными перевалами, в частности перевалом Саланг/Зимистан, по которому сейчас проходит автомобильная магистраль. Ранние монеты Кудзулы Кадфиза и их ареал, таким образом, тоже указывают не на долину Сурхандарьи, а на Южную Бактрию как на место зарождения Кушанского государства. Анализ ранних монет Кудзулы Кадфиза позволяет считать наиболее вероятной локализацию его

³⁸ Сводку сведений о серебряных рудниках этих районов см.: М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. Л., 1934, с. 12—15, 37.

³⁹ Место находки двух монет Кудзулы Кадфиза, хранящихся в Самаркандском музее, неизвестно.

⁴⁰ См., например: В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 158—159; там же дан краткий обзор существующих гипотез. Показательно, что в правобережной части Бактрии находки монет Гермеем вообще не засвидетельствованы, а в Кундузском кладе оказалась всего лишь одна его монета (см.: R. Curjel, G. Fussman. Le trésor monétaire de Qunduz, с. 13, 47).

⁴¹ R. Ghirshman. Begram, с. 85—87, 109.

первоначального владения не на западе Южной Бактрии, а в центре или на востоке ее, возможно, в долине Кундуза, в том же районе, на который указывали и монеты «Герая».

Приведенные данные, по-видимому, могут внести некоторые коррективы и в толкование сведений китайских летописцев о пяти *хи-хэу*.

Бань Гу, автор «Ханьшу», перечисляя эти владения при описании Дася (Южной Бактрии), последним из них называет Гаофу⁴², которое все исследователи помещают, однако, не в Бактрии, а в районе Кабула. О том, что Бань Гу допустил ошибку, знал уже автор «Хоуханьшу» — Фань Е. «Это несправедливо, — писал он. — Оно (владение Гаофу. — Б. С.) было под зависимостью Аньси (вероятно, имеются в виду индо-парфянские правители. — Б. С.), а Юечжи приобрел Гаофу с покорением Аньси»⁴³. В перечне пяти *хи-хэу* Фань Е вместо Гаофу называет Думи⁴⁴. Откуда автор «Хоуханьшу» взял это название, не ясно. Вполне возможно, что и Бань Гу, и Фань Е просто не знали, как называлось и где располагалось это пятое *хи-хэу*. Можно также предположить, что пятым *хи-хэу* был Балх, древний центр страны, где Бань Гу (а вслед за ним и Фань Е) помещал главную ставку юечжи. Упомянув же Балх под его старым названием Ланьши, оба китайских летописца не сочли возможным отождествить его с одним из *хи-хэу*. Пока это предположение можно рассматривать лишь как еще одну гипотезу, но принятие ее заметно прояснило бы политическую ситуацию в Бактрии после завоевания ее юечжи, когда правители Балха (или всей Западной Бактрии) стали чеканить подражания монетам Гелиокла, а их союзники, правители долины Кундуза (или Кокчи, или Восточной Бактрии в целом) — монеты, подражающие чекану Евкратиды. Сам факт выпуска на востоке Дася собственных серебряных монет свидетельствует, видимо, о том, что упоминаемая в «Ханьшу» зависимость всех *хи-хэу* от «Большого Юечжи», т. е. правителя Балха, была, по-видимому, лишь номинальной.

В то же время топография находок монет Кудзулы Кадфиза (или ранних его монет, если признавать чеканы «сотер мегаса» поздними монетами этого государя) подтверждает сведения «Хоуханьшу», что на первых порах экспансия кушан была направлена в основном на юг от Гиндукуша.

Длительное господство на западе Бактрии подражаний чекану Гелиокла, о чем мы можем судить по долине Сурхандарьи, денежное обращение которой нам теперь известно довольно хо-

⁴² См.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 184; E. Züger. The Yüeh-chih, с. 365.

⁴³ См.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 228. Ср.: E. Züger. The Yüeh-chih, с. 368.

⁴⁴ См.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, с. 227; E. Züger. The Yüeh-chih, с. 367.

рошо и где пока не было найдено ни одной монеты Кудзулы Кадфиза, позволяет говорить, что в период становления Кушанского государства и начала завоеваний Индостана эта часть страны оставалась непокоренной или, что более вероятно, лишь номинально подчинялась основателю империи.

Если принять гипотезу о Балхе как одном из владений *хи-хэу*, это заключение будет, казалось бы, противоречить сообщению «Хоуханьшу», согласно которому Кудзула начал свои завоевания после подчинения четырех остальных *хи-хэу*. Однако вряд ли китайскому летописцу были известны или интересны детали взаимоотношений между правителями отдельных владений Бактрии того времени. Во-первых, он мог дополнять свое изложение логическими построениями собственного производства. Во-вторых, мог номинальную форму зависимости, вроде признания верховенства, принять за полное подчинение. Очевидно, что при оценке положения на западе Бактрии следует больше доверять нумизматическим данным.

В соответствии с этими данными монеты имперского чекана овладели рынками всех районов Бактрии лишь со времени выпуска монет «сотер мегаса» и Вимы Кадфиза. Если считать монеты «сотер мегаса» поздним чеканом Кудзулы Кадфиза, то соответственно это время относится к концу его царствования, если же датировать их позднее, — к царствованию Вимы Кадфиза, сына и преемника первого кушанского императора.

Вероятно, в этот же период древний центр страны — Балх стал столицей (или одной из столиц) империи. Судьба первоначального центра Кушанского государства, столицы владения Гуйшуан — города Худзяо остается и при этом построении совершенно неизвестной.

Б. БАКТРИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ОБЛАСТЕЙ КУШАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Поскольку почти все материалы для суждения о Кушанской империи в период ее расцвета, которыми до недавнего времени располагала наука, были связаны с Индостаном и примыкающими к нему южными районами Афганистана, роль Бактрии и кушанских элементов вообще в жизни империи невольно затушевывалась.

Вполне понятно, что по мере завоевания богатых и многолюдных областей Индостана кушанские правители должны были привлекать на свою сторону определенные круги индийского общества. Возможно, что с этой целью они принимали (или делали вид, что принимают) ту или иную индийскую религию.

Что в прокламациях и «благочестивых деяниях» кушанских владык было искренней данью уважения к достижениям индийской культуры, а что диктовалось политической конъюнкту-

рой — установить теперь невозможно. В любом случае следы воздействия индийских традиций на политику, культуру и искусство кушанской правящей верхушки империи выявляются достаточно четко. Однако при этом императорский двор, а также в значительной мере армия и чиновнический аппарат сохранили свою, чуждую Индостану, кушанскую (или бактрийскую) этнокультурную сущность.

Показательно, в частности, что именно в период наивысшего расцвета империи, при Канишке, который признается покровителем буддизма и фигурирует в ряде источников как чисто индийский государь, произошел переход в монетном чекане, носившем в древности прокламативный характер, от греческих и индийских легенд к надписям «кушанским письмом» на «бактрийском языке» (см. выше, с. 23), а в качестве божеств-покровителей стали изображать около 30 персонажей, причем божества индийского происхождения заняли в этом синкретическом пантеоне скромное место (Будда же встречается лишь на единичных монетах).

В скульптурных воспроизведениях, в том числе и в глубокой Индии (в святилище селения Мат, в Матхуре)⁴⁵, кушанские цари предстают как иноземные, неиндийские — и по общему облику, и по одежде, и по вооружению (ср. рис. 2). Тот же «иноземный характер» отображен в скульптурах Гандхары и Матхуры, показывающих представителей кушанской знати, кушанских воинов, а иногда и буддийских донаторов (вероятно, из числа тех же кушанских вельмож и военачальников)⁴⁶. Б. Н. Пури, опираясь на эпиграфические данные, отметил, что в отличие от деревенских старост все высшие административные посты в индийских владениях кушан занимали не индийцы, а ираноязычные, судя по их именам, иноземцы. При этом Б. Н. Пури полагал, что им принадлежали не только посты наместников-сатрапов (и *махасатрапов*) в Таксиле, Каписе, Кашмире, Матхуре и Бенаресе, но и должности *данданаяка* и *махаданданаяка*, соответствовавшие министрам, военачальникам, главам суда и полиции⁴⁷. В. А. Лившиц, касаясь этих ираноязычных имен, указал, что, хотя некоторые из них «не могут быть точно привязаны к определенному диалекту», другие уже сейчас определяются как «бактрийские»⁴⁸, т. е. принадлежащие выходцам из Бактрии.

Два таких «бактрийца» упоминаются в двух надписях из Сарнатха, относящихся ко времени царствования Канишки. В первой сообщается о сооружении в Бенаресе крупной буддий-

⁴⁵ Новейший анализ материалов из раскопок этого святилища см.: J. M. Rosenfield. *The Dynastic Arts*, с. 138—151.

⁴⁶ См., например, там же, с. 215—227.

⁴⁷ См.: B. N. Puri. *India under the Kūshānas*, с. 81—85.

⁴⁸ В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе, с. 64, прим. 85.

Рис. 14а. Гемма-печать Харбалана

ской ступы и «зонта со столбом», т. е. навеса над нею, монахом Балой и (среди других донаторов) сатрапом Ванаспарой и Харапалланой; во второй — об очередном «благочестивом дарении» монаха Балы, сатрапа Ванаспары и *махасатрапа* Харапалланы⁴⁹. Как установлено В. А. Лившицем, имя Харапаллана встречается и на гемме, служившей, вероятно, личной печатью *махасатрапа*. Здесь оно передано «кушанским письмом» как ХАРОВАЛЛАНО (Харбалан). Это значит, что сатрап и *махасатрап* индийских земель, т. е. представители высшей кушанской администрации в Индии времен Канишки, выступающие как донаторы при сооружении буддийских памятников, — лица кушанского («бактрийского») происхождения, в быту, как показывает гемма-печать Харбалана, они сохраняли язык, письмо и даже религиозные представления их родины: на гемме-печати изображены две фигуры — мужская, сходная с божеством

⁴⁹ Там же, с. 59—60. Ср.: В. А. Лившиц. *Cusano-Indica*. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. М., 1967, с. 169—170. Там же указаны издания надписей и дана бактрийская этимология имен Ванаспара и Харапаллана. Б. Н. Пури (B. N. Puri. *India under the Kūshānas*, с. 81) предполагает, что Ванаспара был сатрапом Бенареса, а Харапаллана — махасатрапом Матхуры.

Фарро монет Канишки и Хувишки, и женская, напоминающая богиню Ардхошо (рис. 14а)⁵⁰.

Разумеется, это лишь отдельные факты, но при той скудости сведений о Кушанской империи, которые сейчас питают науку, эти факты довольно показательны. Они дают основание считать, что кушанские («бактрийские») элементы не только играли главенствующую (или видную) роль в жизни империи, но и продолжали сохранять свое этнокультурное лицо, не ассимилировались индийцами.

Вряд ли можно также считать решенным вопрос о переносе в Индию столицы империи. Никаких прямых указаний об этом переносе источники не содержат. Представление же, отраженное и в нашей научной литературе⁵¹, о Пешаваре (Пурушапуре) как столице Кушанской империи, во всяком случае со времени Канишки, опирается на сообщения Сюань-цзяна о строительстве Канишкой в Пурушапуре огромной ступы и буддийского монастыря, а также на отмеченную им же (а позднее Бируни) связь Канишки с этим городом, позволяющую считать Пурушапuru резиденцией знаменитого кушанского императора. Однако, как это показала дискуссия на Душанбинской конференции 1968 г., сведения Сюань-цзяна (и Бируни) допускают различные толкования. Так, ряд ученых по традиции считают, что упомянутые сведения дают основания объявлять Пурушапuru столицей империи. Другие полагают, что Пурушапура была столицей в зимнее время, летней же столицей — Каписа. По мнению третьих, Пурушапура была столицей северо-западных областей государства Канишки, по мнению четвертых — столицей Гандхары. А. А. Дани утверждает, что свидетельства китайских источников о Пешаваре как столице Гандхары (и империи) ошибочны, поскольку столицей этой области в докушанское и кушанское время был не Пешавар, а Пушкалавати, который лишь в послекушанское время (при кидаритах) уступил свое значение Пешавару в связи с изменением речных русел⁵².

Вне зависимости от того, когда центр Гандхары переместился из Пушкалавати, следует, видимо, все же признать убедительными сведения, что в Пешаваре при Канишке велись большие строительные работы. Это подтверждено, как уже упоминалось, данными раскопок в Шах-джи-ки-дхери, где, в частности, была также найдена надпись с упоминанием Канишкапуры⁵³. Оставляя в стороне правомерность отождествления Канишкапуры с Пурушапурой, нельзя не признать, что упоминание этого пункта в надписи из района Пешавара весьма

⁵⁰ A. Cunningham. Coins of the Kushans, or Great Yue-ti. с. 111, табл. XI, № 15. См. также: J. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 97, рис. 13, с. 102 (№ 3).

⁵¹ См., например: Б. Я. Ставский. Средняя Азия в кушанский период, с. 374.

⁵² См. Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 180.

⁵³ Там же (ср. British Museum Quarterly. Vol. 28, 1964).

красноречиво и свидетельствует о том, что Канишка действительно придавал немалое значение этому району. Но этого еще недостаточно для локализации здесь столицы империи Канишки. Кушанская империя в период расцвета располагала средствами, чтобы сооружать крупные культовые комплексы в разных, даже самых удаленных одна от другой, частях своих владений.

С царствованием преемника Канишки, например, связаны и крупная «вихара Хувишки» в Матхуре и большой «храм Канишки Победителя» в Баглане, но из этого отнюдь не следует, что именно здесь надлежит искать столицу Кушанской империи после смерти Канишки. Пожалуй, правильное пока оставить открытым вопрос о местонахождении столицы империи в период ее расцвета. И хотя нельзя отрицать возможности существования в Гандхаре, Каписе или Матхуре резиденций кушанских императоров, нет оснований исключать из этого списка Бактрию, которая, как выяснилось в результате археологических исследований двух последних десятилетий, тоже не была обделена вниманием властей империи.

В Бактрии в кушанский период, как и в Пешаваре, были возведены крупные буддийские памятники. Так, возле Балха известны величественные руины ступ Топи-Рустам и Шахри-Фолак, близ Термеза находятся остатки ступы Зурмала, загородного монастыря Фаяз-тепе и культового центра Кара-тепе (см. ниже с. 181—190). Размеры этих памятников, для сооружения которых требовались огромные затраты времени и сил (по подсчетам Г. А. Пугаченковой, для одной лишь ступы Зурмалы нужно было изготовить 1 200 000 штук сырцовых кирпичей)⁵⁴, делают маловероятным предположение, что они были возведены лишь местными буддийскими общинами. Более убедительно предположение, что возникновение и длительное функционирование этих крупных буддийских сооружений объясняется поддержкой со стороны властей двух крупнейших городов кушанской Бактрии, а в конечном счете — наместника и даже императорского двора.

В отличие от буддийских святынь Балха и Термеза, которые можно связывать с двором наместника, а тем более императора лишь умозрительно, «храм Канишки Победителя» вполне определенно находился под покровительством высших властей империи. Из знаменитой «бактрийской» надписи, найденной при раскопках этого культового комплекса на холме Сурх-Котал в долине р. Кундуз, известно, что акрополь-храм был возведен императором (имя не названо, скорее всего — Хувишкой), однако пострадал «от сильного летнего зноя» и в 31-м году (вероятно, «эры Канишки») был реконструирован наместником

---

⁵⁴ См.: Г. А. Пугаченкова. Две ступа на юге Узбекистана, с. 260.

Рис. 146. Гемма-печать Фрихвадева

(*каралаггом*) Ноконзоком сыном Фрихвадева⁵⁵. (подробнее о надписи см. с. 215—216, о храме — с. 198—202).

Археологические материалы позволяют относить ко времени расцвета Кушанской империи рост ряда городов и населенных пунктов Бактрии. Однако пока не ясно, вызывалось ли это попечением кушанских властей, или естественным развитием в благоприятных условиях относительного мира и широких межобластных связей. Более определенно с государственной политикой имперских властей можно связывать такие мероприятия, как освоение крупных массивов ранее не обрабатываемых или заброшенных земель, создание новых ирригационных систем и переселение значительных групп населения. Наиболее яркие примеры таких государственных мероприятий получены в ходе археологических исследований А. М. Мандельштама в Бишкентской и Т. И. Зеймаль в Нижневахшской долинах.

⁵⁵ Вполне вероятно, что отцу этого наместника принадлежала гемма-печать с именем Фрихвадев (рис. 146), изданная А. Кэннингхемом вместе с печатью Харбалана (см.: A. Cunningham. *Coins of the Kushans*, с. 116, табл. XII, 18; J. M. Rosenfield. *The Dynastic Arts*, с. 84, рис. 10, с. 102, № 4; ср.: В. А. Лившиц. *Cusano-Indica*, с. 166—167; он же. К открытию бактрийских надписей, с. 57—58). К сожалению, ни доказать, ни опровергнуть это предположение пока невозможно.

В Бишкентской долине, по данным А. М. Мандельштама, земледельческое население появилось лишь в кушанский период. До этого в долине обитали скотоводы, причем, судя по оставленным ими могильникам, в эпоху бронзы здесь селились племена «бишкентской культуры», а спустя тысячелетие, в III—I вв. до н. э., — кочевники, входившие в состав тех союзов племен, которые, вторгшись в Греко-Бактрийское царство, расселились на правобережье Амударьи. На рубеже нашего летоисчисления захоронения в курганных могильниках прекратились: кочевники ушли. По мнению А. М. Мандельштама, массовое переселение кочевников из Бишкентской долины связано с началом завоевательных походов кушан за пределы Бактрии в Индию⁵⁶. Поскольку наиболее поздней монетой, найденной в захоронении этих кочевников в Бишкентской долине, был обол «Герая», такое объяснение причин ухода кочевников из долины представляется достаточно убедительным. Но даже если отвергнуть эту трактовку, то факт исчезновения кочевников из Бишкентской долины во время правления «Герая» (или сразу же после него) никак нельзя объяснить вне связи с какими-то мероприятиями «Герая», первого известного нам кушанского правителя, или же его преемника (а им, возможно, был Кудзула Кадфиз).

Еще более важны для нашей темы заключения А. М. Мандельштама о последующей истории Бишкентской долины. А. М. Мандельштам обследовал здесь небольшой оазис, включавший крупное поселение Хан-Газа (площадь ок. 2,5 га), более мелкое поселение или усадьбу Ак-тепе (площадь ок. 0,5 га) и безымянное тепе. Все эти памятники лежат на трассе древнего канала, выведенного из источника Чильучорчашма и сооруженного одновременно с ними. Разведочные раскопки на Хан-Газа, расположенном в нижней части канала, показали, что это поселение возникло после ухода кочевников, причем его первоначальная застройка велась одновременно, по единому плану на искусственном стилобате (высотой более 2 м) из чередующихся слоев пахсы и кирпича-сырца (размером 43—45 × 43—45 × 12 см) с каменными фундаментами под сырцовые стены⁵⁷. Как выяснилось при небольших раскопочных работах на Ак-тепе (в головной части канала), керамика этого поселения идентична хангазинской. Но здесь ниже самых ранних построек обнаружены остатки зольника с двумя черепками, сходными с найденными в кочевнических погребениях II—I вв. до н. э. Та-

---

⁵⁶ А. М. Мандельштам. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных, с. 196. Ср. и само название книги этого исследователя, посвященной Тулхарскому могильнику, — «Кочевники на пути в Индию» (М., 1966).

⁵⁷ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 149—153; он же. Хан-Газа (из результатов работ Кафиринганского отряда ТАЭ в 1958—1959 гг.). — АРТ-59. 1961, с. 63—72.

ким образом, до возникновения Ак-тепе на его месте могла находиться стоянка кочевников.

Точное время возникновения оазиса установить еще нельзя. Однако находки на Хан-Газа монет Хувишки, Васудевы I или Канишки II (во втором снизу слое), Васудевы II (в третьем слое) и позднекушанской монеты (в последнем — пятом слое) позволяют датировать сооружение канала и первых в этой долине оседло-земледельческих поселений временем расцвета Кушанской империи. К этому следует добавить, что, во-первых, жители этих поселений пришли (или были переселены) в Бишкентскую долину извне и, во-вторых, своими силами (учитывая их немногочисленность) они вряд ли могли одновременно построить свои поселения и вырыть канал, общая протяженность которого была не менее 15 км. Остается предполагать, что создание ирригации и земледельческого оазиса в Бишкентской долине было начато по инициативе кушанских властей если не всей Бактрии, то по крайней мере соседних районов — низовьев Кафирнигана или, что более вероятно, низовьев Кундуза⁵⁸.

Археологическими работами, как было сказано выше, выявлены следы еще одной, более трудоемкой, попытки орошения Бишкентской долины путем переброски сюда при помощи кяриза вод из р. Кафирниган. На протяжении 3 км здесь выявлен ряд вертикальных колодцев, которые должен был соединить горизонтальный тоннель — русло подземного канала. Все поддающиеся определению фрагменты керамики, собранные возле незаконченного кяриза, относятся к кушанскому периоду, следовательно, он датируется этим же временем. Почему кяриз не был завершен, не известно. Однако попытка его сооружения не могла исходить только от многочисленного населения Бишкентской долины, которому для орошения полей хватало, видимо, воды источника Чильчорчашма. Кяризы представляют собой крайне трудоемкий и требующий высокого мастерства вид ирригационных сооружений. Ни в низовьях Кафирнигана, ни в низовьях Кундуза кяризы не засвидетельствованы, и опыта их сооружения у местных жителей, по-видимому, не было. Очевидно, что бишкентский кяриз свидетельствует о попытке расширить возделываемые земли, предпринятой центральной властью⁵⁹.

Еще более несомненна воля властей империи в орошении Нижневахшской долины, где в докушанское время существовал лишь незначительный по площади оазис на севере (в прибрежной левобережной полосе вдоль Вахша), орошавшийся каналом Болдай и, кажется, заброшенный уже в III в. до н. э.

⁵⁸ Если, конечно, не предполагать переселения в Бишкентскую долину из более отдаленных районов, которое, однако, также могло быть осуществлено лишь с согласия кушанских властей.

⁵⁹ А. М. М а н д е л ь ш т а м. К истории Бактрии-Тохаристана, с. 24.

(см. выше, с. 68). В период расцвета Кушанской империи в Нижневахшской долине была сооружена разветвленная ирригационная система, базировавшаяся на крупном магистральном канале Джуйбар с несколькими ответвлениями (одним из них, в частности, стал Болдай) и обеспечивавшая водой около 40 тыс. га земель, т. е. площадь, по размеру лишь немногим уступающую Балхскому оазису (по примерной оценке Н. И. Вавилова, в бассейне р. Балх орошено около 45 тыс. га, а максимальная площадь земель, которые можно оросить, не превышает 55 тыс. га)⁶⁰.

Строительство столь крупного канала, как Джуйбар, и связанной с ним оросительной системы, равно как и заселение нового массива пригодных для земледелия земель, в конкретной исторической ситуации действительно могло быть по силам лишь «кушанской центральной администрации»⁶¹. Вполне вероятно, что об этом свидетельствует и сохранившееся до наших дней название одного из основных ответвлений Джуйбара — Караланг, созвучное с «бактрийским» титулом наместника — *каралагг*; этот титул носил упомянутый выше Ноконзок, сын Фрихвадева, руководивший восстановительными работами в «храме Канишки Победителя», в частности, работами по обеспечению храмового комплекса системой водоснабжения⁶².

Подводя итог сказанному выше, отметим еще раз, что сохранявшая свою «бактрийскую» этнокультурную специфику правящая верхушка Кушанской империи достаточно ярко проявляла также заботу о хозяйстве своей родины и о поддержке среди ее населения не только буддизма, но и династийного культа обожествленного государя. Эти обстоятельства позволяют рассматривать Бактрию в качестве одной из основных областей империи.

В. БАКТРИЯ КАК ОПЛОТ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД УПАДКА ИМПЕРИИ

Роль Бактрии как ядра Кушанского государства четко проявляется на заключительном этапе кушанской истории — в период упадка империи. Около III в. н. э. Кушанская империя понесла тяжелые территориальные утраты, после чего под власть кушан остались лишь Бактрия, Гандхара и прилегающие к ней районы современного Пакистана и Афганистана.

В литературе высказывалось даже мнение о распаде в это время Кушанского государства на две части — среднеазиатскую

⁶⁰ См.: Н. И. Вавилов, Д. Д. Букин. Земледельческий Афганистан, табл. на с. 174—175. Ср. выше, с. 68—69, 86.

⁶¹ Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы Вахшской долины, с. 54. Ср.: она же. Вахшская долина, с. 13.

⁶² См.: Т. И. Зеймаль. Вахшская долина, с. 13.

с центром на Зеравшане и индийскую с центром в Пешаваре⁶³. Однако данных для такого заключения у нас нет. Напротив, судя по сообщению китайской истории Вэйлио, составленной между 239 и 265 гг. н. э., Кушанская империя продолжала существовать как единое государство, хотя и сильно сократившись по величине: по словам этого источника⁶⁴, Гибинь (вероятно, Кашмир), Гаофу (район Кабула или вся область Южного Афганистана и Северного Пакистана) и Тяньчжу (Северная Индия), равно как и Дася (южная часть Бактрии), «принадлежат да-юечжи», т. е. кушанам. О том же свидетельствует упоминание Кушаншахра (Кушанского царства) в надписи на «Каабе Зороастра», высеченной в 262 г. по приказу Шапура I: в этой надписи речь идет о Кушаншахре вплоть до Пашкабура (Пешавар или, более широко, область к югу от Гиндукуша).

К сожалению, известные сейчас сведения об агонии империи вообще и кушанской власти в Бактрии в III—IV вв. в частности крайне отрывочны и связаны в основном с восточной политикой сасанидского Ирана. Опиравшийся на сасанидскую историческую традицию арабский историк ат-Табари, рассказывая о завоеваниях основателя нового царства в Иране — Арташира I, приписывает ему походы в Хорезм и Балх — «до отдаленных границ Хорасана», в результате чего по возвращении победоносного царя в Парс «пришли к нему послы царя кушан, царя Турана и Маркуруна с выражением покорности»⁶⁵. Это сообщение со времен Т. Нёльдеке⁶⁶ считалось убедительным свидетельством подчинения Арташиру I, хотя бы временного, Бактрии и Кушанского государства вообще. Сомнения в достоверности этих сведений высказывались уже не раз⁶⁷, но только теперь, после тщательного анализа всех данных о ходе завоеваний Сасанидов на Востоке, осуществленного В. Г. Лукониным⁶⁸, можно определенно сказать, что сообщения ат-Табари больше основываются на традиционной поздне-сасанидской

⁶³ См., например, ИНУ, с. 119, 125; К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв.—СА. 21. М.—Л., 1954, с. 135. Вообще же мнение о разделе Кушанской империи на две части обосновывалось нумизматами. Критику этого обоснования см.: Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 50—51.

⁶⁴ См.: E. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Wei-lio, с. 535 и сл. Ср.: E. Zülgner. The Yüeh-chih, с. 371. На это указание Вэйлио уже обращал внимание А. М. Мандельштам. См.: М. М. Дьяконов, А. М. Мандельштам. Средняя Азия в III—V вв.—Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1968, с. 334.

⁶⁵ См.: В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.—ВДИ. 1969, № 2, с. 22—23.

⁶⁶ T. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit des Sassanides aus dem arabische Chronik des Tabari. Leiden, 1879, с. 17—18.

⁶⁷ См., например: М. М. Дьяконов, А. М. Мандельштам. Средняя Азия в III—V вв., с. 333—334.

⁶⁸ См.: В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 20—44; он же. Кушано-сасанидские монеты.—ЭВ. 18, 1967, с. 16—33; он же. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 124—151 (ср. с. 7—10 и 51).

трактовке ранней истории Сасанидского государства, чем на каком-либо источнике, содержащем описания фактических событий второй четверти III в. н. э. Для нас, однако, важно, что, по данным ат-Табари, сасанидская традиция определенно связывала обладание Балхом с господством над всем Кушанским царством.

С теми же представлениями сталкиваемся мы и в «Истории Армении» Моисея Хоренского (конец V — начало VI в.), который точно указывает на источник своих сведений: автора IV в. Агафангела⁶⁹. Рассказывая о борьбе армянского царя Хосрова (из рода Аршакидов) с Арташиром I и его преемником Шапуром I, Моисей Хоренский сообщает, что Хосров, готовясь к борьбе с Арташиром I, дважды обращался за помощью к своим родственникам «в страну кушанов», причем, по словам армянского автора, Балх был «самой внутренней частью того государства (т. е. государства кушан.— Б. С.)»⁷⁰. Как убедительно показал В. Г. Луконин, сообщения Моисея Хоренского, стремившегося обосновать генеалогию знатных родов Армении, вряд ли могут быть использованы для реконструкции истинных событий III—IV вв.⁷¹ Однако сообщения этого автора показывают, что представление о Балхе как основной части кушанского государства бытовало, видимо, не только в позднем сасанидском Иране, но и в Армении IV в.

Эту же точку зрения отразил и Фавст Бузанд, автор «Истории Армении», написанной в конце IV — начале V в.⁷² (или в 70-х годах V в.⁷³), рассказывая о событиях второй половины IV в. К сообщениям Фавста Бузанда мы еще вернемся позднее, пока же отметим, что резиденцией царя кушан, грозного врага сасанидского царя Шапура II, считался именно Балх⁷⁴. Традиционное представление о Балхе как столице Кушанского государства мы находим и у армянского автора VII в. епископа Себеоса. Описывая походы сасанидских войск на восток при Хосрове II Парвизе (590—628 гг.), он по-прежнему связывает Балх с кушанами⁷⁵, хотя врагами Сасанидов здесь были уже не кушаны, а эфталиты и тюрки⁷⁶.

⁶⁹ Моисей Хоренский. История Армении. Кн. II, гл. 67. Ср.: К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты, с. 138; В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 27.

⁷⁰ Моисей Хоренский. Кн. II, гл. 67, 72; К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты, с. 138—139, 144—145; В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 27.

⁷¹ В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 27—30.

⁷² К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты, с. 133, 145.

⁷³ См.: Л. С. Хачикян. «История Армении» Фавстоса Бузанда (Предисл.).— История Армении Фавстоса Бузанда. Т. 1. Ер., 1953, с. V—XVI, особенно с. VIII—XI.

⁷⁴ История Армении Фавстоса Бузанда, с. 158, 183; в последнем случае речь идет о «великом царе кушан».

⁷⁵ К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты, с. 142—143, 145.

⁷⁶ Б. И. Маршак. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.— СНВ. 10, 1971, с. 58—66 (особенно с. 64—65).

Армянский автор V в. Егишэ в сочинении «О Вардане и войне армянской», написанном вскоре после 458—464 гг.⁷⁷, повествуя о войнах сасанидского царя Йездигерда II на востоке с хонами (хионитами), называет их землю «страной кушанов»⁷⁸, и, хотя он ни разу не упоминает Балха, из контекста ясно, что это земля Бактрии⁷⁹. В этом отношении показательным также его указание, что «страна Кушанов» лежит севернее Индии⁸⁰.

О том, что именно земли Бактрии были основной областью кушанского государства в III—IV вв., свидетельствуют перипетии завоеваний Сасанидов на востоке, которые можно установить по скудным и разрозненным данным, доступным сейчас науке.

Поскольку сведения, сообщаемые ат-Табари о походах Арташира I на Балх и подчинении кушан этому сасанидскому государю, нельзя признать достоверными, первые данные о столкновении кушан с Сасанидами относятся ко времени правления преемника Арташира I — Шапура I, фактического основоположника могущества Сасанидского государства. В надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» значится и Кушанское государство — «Кушаншахр вплоть до Пашкабура и дальше до Каша, Согда и границ Шаша»⁸¹.

По поводу этого отрывка в нашей литературе недавно возникла дискуссия, затронувшая две стороны его трактовки. Так, В. Г. Луконин вопреки мнению других исследователей⁸² выдвинул положение, что упоминание в надписи на «Каабе Зороастра» Кушаншахра и земель до Каша, Согда и границ Шаша нельзя рассматривать как свидетельство победы Шапура I над кушанами, а следует понимать лишь «как претензию на господство»⁸³. Позднее, однако, он не только согласился с этим мнением, но и признал несомненным, что «кони и люди царя царей» побывали в кушанском государстве до 262 г. (т. е. до времени составления надписи на «Каабе Зороастра»), поставив его в за-

⁷⁷ К. Н. Юзбашян. Предисловие.—Егишэ. О Вардане и войне армянской. Ер., 1971, с. 15.

⁷⁸ Егишэ. О Вардане, с. 29—31, 36, 58, 65, 127.

⁷⁹ Б. И. Маршак. К вопросу о восточных противниках Ирана, с. 62—65.

⁸⁰ Егишэ. О Вардане, с. 65.

⁸¹ В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 31.

⁸² R. Ghirshman. Begram, с. 160—162; M. Sprengling. Third Century Iran. Sapor and Kartir. Chicago, 1953, с. 7—14; C. Honigmann, A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae Divi Saporis. Bruxelles, 1953, с. 40, 98—110; A. Maricq. Res Gestae Divi Saporis.—«Syria». T. 35. Fasc. 3—4, 1958, с. 306, 336; W. B. Henning. Notes on the Inscription of Sapor I.—Jackson Memorial Volume. Bombay, 1954, с. 40—54; М. М. Дьяконов, А. М. Манделъштам. Средняя Азия в III—V вв., с. 335; Б. Я. Ставиский. Средняя Азия в кушанский период, с. 367; Р. Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, с. 293—294 (ср. первое издание — R. Frye. The Heritage of Persia. N. Y., 1963, с. 214—215).

⁸³ В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, с. 16—17.

висимость от Ирана⁸⁴. Думается, что в данном случае В. Г. Луконин перешел от одной крайности к другой, так как отряды Шапура I вполне могли нанести кушанам сокрушительное поражение, заставившее их выплатить дань или даже признать верховенство сасанидского «царя царей Ирана и не-Ирана» (как именовал себя этот государь), и вне пределов Кушанской империи⁸⁵. Следует отметить, что В. Г. Луконин при этом убедительно определил наиболее вероятное время, когда могла быть одержана эта победа и «подчинение» Кушаншахра Шапура I — в промежутке между 244 и 249 гг.⁸⁶.

Вторая сторона трактовки интересующего нас отрывка надписи — вопрос о том, что понимать под Кушаншахром. В. Г. Луконин и в этом вопросе расходится с другими исследователями, которые полагают, что слова «Кушаншахр, вплоть до Пашкабура и дальше до Каша, Согда и границ Шаша» следует расценивать как указание на пределы Кушанского государства⁸⁷; В. Г. Луконин утверждает, что надо разделить фразу на две части, из которых лишь начальная «Кушаншахр, вплоть до Пашкабура...» относится к Кушанскому государству⁸⁸. Подобная трактовка мне представляется хотя и вероятной, но все же спорной. Во-первых, земли Каша и Согда в любом случае были отделены от Ирана кушанскими владениями, и, во-вторых, полагать, что армии Шапура I вторгались не только в Бактрию, но даже в тыл к ней, за Амударью, у нас нет оснований. Следовательно, Шапур I мог утверждать, что ему платят дань или подчиняются Каш и Согд, только в том случае, если эти земли находились в реальной или номинальной зависимости от победоносного кушанского государя, который, признав верховенство Шапура I, положил к его ногам (пусть даже только на словах) все зависимые от него земли⁸⁹. Конечно это построение тоже

⁸⁴ В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 32.

⁸⁵ Так, вполне возможным представляется предположение, что упомянутый в раннесредневековом пехлевийском трактате «Шахрестаниха-йе Иран» разгром Шапуром I некоего «туранца Пахлезага» и основание на месте битвы города Нишапура связаны с победой над кушанами, чья армия вторглась в пределы Ирана, а имя Пахлезаг — искажение слова «балхский» (см., например: М. М. Дьяконов, А. М. Манделштам. Средняя Азия в III—V вв., с. 335. Ср.: J. Margwagt. A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānšahr. Roma, 1931, § 15, с. 12, 52; В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 36).

⁸⁶ В. Г. Луконин, Завоевания Сасанидов на востоке, с. 33, 34, 37.

⁸⁷ Помимо работ, упомянутых в прим. 82, см. также: А. М. Манделштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, с. 85; Б. Я. Ставиский. О северных границах Кушанского государства, с. 111.

⁸⁸ В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 31.

⁸⁹ Особняком стоит точка зрения М. Е. Массона, высказанная в одном из примечаний к его работе «Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр» (ТЮТАКЭ. Т. 13, 1966). Оспаривая мой (по существу, не только мой) тезис о возможной зависимости от кушан Согда и Шаша, М. Е. Массон пишет: «Из указанной надписи (речь идет о надписи Шапура I

лишь гипотеза. Однако исторически оно представляется более убедительным, чем предположение В. Г. Луконина. Но даже если принять трактовку В. Г. Луконина, важно подчеркнуть: надпись Шапура I на «Каабе Зороастра» свидетельствует, во-первых, о единстве Кушаншахра как государства, простирающегося вплоть до Пашкабура⁹⁰, и, во-вторых, что его ядром явно признается, как и в армянских источниках, и в поздней сасанидской традиции, Бактрия.

Столь же четко признание Сасанидами Бактрии основной областью Кушанского государства в III—IV вв. проступает в годы падения здесь власти кушан и превращения Бактрии в своеобразное сасанидское наместничество, во главе которого стояли сасанидские принцы, носившие титулы «царя кушан», «великого царя кушан» или даже «великого царя царей кушан». В письменных источниках пока не найдено ни прямых свидетельств об этом наместничестве, ни сообщений о событиях его истории. «Все сколько-нибудь обоснованные выводы, следовательно, необходимо строить на основе так называемых кушано-сасанидских монетных серий»⁹¹, которые известны с конца XIX в. и с тех пор уже не раз привлекали к себе внимание исследователей⁹². Долгое время в литературе господствовала точка зрения Э. Херцфельда, что наместниками бывших земель Кушаншахра были только наследники сасанидского «царя царей» и что, следовательно, этих правителей нужно отождествлять с тем или иным шахиншахом Ирана. Соответственно, например, золотая монета Британского музея со среднеперсидской легендой

на „Каабе Зороастра“.— Б. С.) явствует лишь то, что „Кушан шахр“ простирался, между прочим, до Согда и Чачстана, т. е. до границ этих областей» (с. 272—273). К сожалению, М. Е. Массон не объясняет, как Кушаншахр мог доходить до границ Шаша (Чачстана), не включая в свой состав Согд, лежащий на пути к Шашу и из Ирана и из Бактрии. Да и сам контекст надписи Шапура I показывает, что выражения «до» или «вплоть до» подразумевают подчинение тех земель, к которым эти выражения прилагаются. Следует отметить, что в другой своей работе, написанной позднее, М. Е. Массон, солидаризируясь уже, видимо, с В. Г. Лукониным (но почему-то не упоминающая этого исследователя), считает, что Согд и Шаш не связаны с Кушаншахром, а лишь упоминаются в надписи на «Каабе Зороастра» «как находящиеся на отдаленных пределах Сасанида Шапура I (240—272), причём с явными преувеличениями» (см.: М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «великих кушан», с. 14—15).

⁹⁰ Отождествление Пашкабура с современным Пешаваром остается спорным; признается наиболее вероятным, что это — область или княжество, лежавшее к югу от Гиндукуша; см., например: Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 294.

⁹¹ В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, с. 18.

⁹² См.: A. Cunningham. Later Indo-Scythians.—NC. Ser. 3. Vol. 13, 1893, с. 166—202; E. Herzfeld. Kushano-Sasanian Coins.—MASI. № 38. Calcutta, 1931; R. Göbl. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd 1—4, Wiesbaden, 1967, особенно Bd 1, с. 24—25, 39—43, Bd 2, с. 47—48, 52—53; A. D. H. Bivar. The Kushano-Sasanian Coin Series.—JNSI. Vol. 18. 1, 1956, с. 13—42; В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, с. 16—33; он же. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 39—41 (там же см. библиографию).

«поклоняющегося Мазде, владыки Хормизда, великого царя: царей кушан» и с указанием места ее выпуска (Мерв) приписывалась сасанидскому царю Ирана Хормизду, правившему с 302 по 309 г.⁹³

Последние наиболее углубленные исследования кушано-сасанидских монет были осуществлены А. Д. Х. Биваром, Р. Гёблем и В. Г. Лукониным, которые независимо один от другого одинаково определили имена правителей, выпускавших эти монеты: Шапур, Арташир, Пероз, Хормизд, Варахран. Однако последовательность серий монет с именами этих сасанидских «кушаншахов» и датировка правлений последних у этих исследователей оказались различными. А. Д. Х. Бивар датирует выпуск этих монет с середины III по конец IV в.⁹⁴, Р. Гёбль с 371 по 400 г.⁹⁵, а В. Г. Луконин с 60-х годов IV по 30-е годы V в.⁹⁶

Что касается начала выпуска кушано-сасанидских монет, то более убедительной представляется мне точка зрения В. Г. Луконина. Кроме типологической близости кушано-сасанидских монет Шапура к монетам Сасанида Шапура II, а не Шапура I, в пользу построения В. Г. Луконина говорят сведения о походах Шапура II на восток (хотя и скудные), которыми располагает сейчас наука. Тщательный и разносторонний анализ этих сведений содержится в упоминавшейся уже статье В. Г. Луконина⁹⁷. Отмечу лишь, что мы вправе датировать 356—358 гг. военные действия Шапура II на востоке, где он, как представляется, отражал натиск новой волны скотоводческих племен, в частности хионитов. Сасанидскому царю удалось склонить хионитов к заключению не только мира, но и союза: уже в 359 г. хиониты участвовали вместе с Шапуром II в осаде Амиды. После этого, до 367 г., никаких сведений о войнах Шапура II на востоке источники не приводят; тогда как о военных действиях на западе сообщается постоянно: за взятием Амиды следует победоносная война с императором Юлианом (362—363 гг.), затем затяжная борьба в Армении (364 г.).

О двух новых войнах на востоке на сей раз с кушанами рассказывает упоминавшийся Фавст Бузанд. В 367 г., по его словам, «прекратились военные действия персов против армян, ибо царь кушанов Аршакидской династии, сидевший в городе Балхе, затеял войну с персидским царем Шапухом (т. е. Шапуром II.— Б. С.) из Сасанидской династии»⁹⁸. Фавст Бузанд приписывает победу в этой войне кушанам, но, как это отметил В. Г. Луконин, «в его „Истории Армении“ персы всегда терпят

⁹³ См.: В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, с. 19.

⁹⁴ A. D. Bivar. The Kushano-Sasanian Coin Series.

⁹⁵ R. Göbl. Dokumente zur Geschichte. Bd 1, с. 24—25; Bd 2, с. 47—48.

⁹⁶ В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты; он же. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 39—44.

⁹⁷ В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке.

⁹⁸ История Армении Фавстоса Бузанда, с. 158.

поражение (причем, как правило, уничтожаются почти все)»⁹⁹. Пожалуй, вопрос об исходе этого столкновения лучше оставить открытым. Последующие годы вновь заняты были походами на запад — в Армению, Иберию и снова в Армению (368—371), в Месопотамию (374). А уже в 374 или 375 г., по Фавсту Бузанду, Шапур II «вел войну с великим царем кушанов, который был Аршакуни (т. е. Аршакид.— Б. С.) и сидел в городе Балхе»¹⁰⁰. Вероятно, можно вслед за В. Г. Лукониным связывать с этими событиями выпуск медных монет Шапура со среднеперсидской и «бактрийской» (т. е. выполненной кушанским курсивным письмом) легендой, чеканенных, скорее всего, в Мерве, основной базе Сасанидов на востоке их державы. К этому же периоду, видимо, относится начало выпуска кушано-сасанидских монет вообще и образование кушано-сасанидского наместничества, получившего в отличие от всех остальных «уделов» сасанидского Ирана право чеканки золотых монет. Частично они чеканились вне пределов Бактрии — в Мерве и Герате, но на некоторых удалось вывить надпись, указывающую на монетный двор Балха. Именно захват Балха Сасаниды, таким образом, рассматривали как повод для утверждения кушано-сасанидского наместничества и как юридическое обоснование присвоения правителю этого «удела» титулов кушанских государей.

О том, что сасанидские армии проникли в то время в самое сердце Бактрии, свидетельствуют, в частности, находки на Кара-тепе, где во время расцвета Кушанской империи помещался крупный буддийский культовый центр Термеза (см. ниже), двух среднеперсидских надписей-граффити на стенах заброшенного (или разгромленного) пещерного буддийского храма П—II¹⁰¹. Упоминание в одной из этих надписей «дабира», т. е. секретаря или начальника канцелярии сасанидского военачальника, и обозначение в другой даты «60» или «61» позволяют связать с появлением в кушанском Термезе сасанидских войск запустение буддийских построек на Кара-тепе (возможно, во всем районе Термеза) и высказать предположение о времени захвата Сасанидами Термеза и его окрестностей. Если вслед за В. Б. Хенингом считать, что указанная в среднеперсидской надписи дата связана с общесасанидской «царской официальной эрой» (за начало ее принимаются 204-205 или 208-209 гг. н. э.), то речь идет о 264-265 или 268-269 гг.; если же, как это предлагает В. Г. Луконин, видеть в дате указание на годы правления Шапура II, то она относится к 369-370 г. н. э.¹⁰², что представ-

⁹⁹ В. Г. Луконин. Завоевания Сасанидов на востоке, с. 43.

¹⁰⁰ История Армении Фавстоса Бузанда, с. 183.

¹⁰¹ Публикацию и перевод этих надписей см.: В. Г. Луконин. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе.— Кара-тепе, II, с. 40—46.

¹⁰² См. прим. 101, см. также Кара-тепе, II, с. 25—27; Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг. Сасаниды в правобережной Бактрии (Тохаристане) в

ляется более вероятным. В любом случае сам факт захвата Сасанидами Термеза, лежавшего в 70 км от столицы Бактрии — Балха, получает новое археологическое подтверждение¹⁰³.

Менее известна судьба кушанской власти в южной — Гиндукушской части Кушаншахра в III—IV вв. Историк XV в. Мирхонд упоминает, правда, о женитьбе Сасанида Хормизда II (302—309 гг.) на «дочери царя Кабула», которую считают кушанской принцессой¹⁰⁴. Однако это весьма сомнительно. Единственным достоверным источником информации о кушанах к югу от Гиндукуша может, видимо, служить лишь знаменитая Аллахабадская надпись в честь Самудрагупты, фактического основателя империи Гуптов (330 или 335—375 или 380 гг.)¹⁰⁵. В этой хвалебной надписи, составленной придворным поэтом Харишеной при жизни Самудрагупты или вскоре после его смерти, подведены итоги завоевательных походов царя (по мнению исследователей, походы были осуществлены до 350 г.), перечислены завоеванные области и подчиненные цари и царьки. Как и Шапур I, Самудрагупта преувеличивал, видимо, степень зависимости от него соседних стран и областей, среди которых, в частности, названы Цейлон (Синхалу), «Западные Кшатрапы» и кушаны; царь последних распознается по титулу «дайвапутра-шахи-шаханушахи», характерному для кушанских императоров. Опираясь на анализ Аллахабадской надписи, исследователи полагают, что фактическая власть Самудрагупты не распространялась ни на Западный Пенджаб, ни на Кашмир, так что его претензии на подчинение кушанского царя основывались, очевидно, на каких-то успехах в борьбе с кушанами не в Бактрии, а именно где-то к югу от Гиндукуша, причем, возможно, даже вне пределов (или близ) границ Кушаншахра.

О дальнейших событиях на землях Кушанского государства позволяют судить монетные находки, в частности медные кушано-сасанидские монеты, обнаруженные в групповых захоронениях запустелых построек Кара-тепе. По уточненным определениям В. Г. Луконина и Е. В. Зеймалю¹⁰⁶, здесь встречены монеты Хормизда I (по Бивару — 277—286 гг., по Луконину — 381—384 гг.) и Варахрана I и II (по Бивару — 350-е, по Луконину — 380-е годы). Сам факт многократных находок в за-

IV—V вв. — ВДИ. 1972, № 3, с. 185—190 (особенно с. 186, 189). Я. Харматта дает несколько иную трактовку и дату (286 г. н. э.) этой надписи (J. Harmatta. The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara Tepe.—Kara-tepe. II, с. 125).

¹⁰³ О захвате Балха свидетельствуют кушано-сасанидские монеты с указанием места выпуска — Балх (т. е. Балх).

¹⁰⁴ R. Ghirshman. Bégram, с. 170.

¹⁰⁵ Об этой надписи и о государе см.: Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия, с. 503—509 (там же библиография). См. также: Е. В. Зеймалю. Кушанская хронология, с. 74—76.

¹⁰⁶ Предварительные определения этих монет см. Кара-тепе. III, с. 101—103. Уточнения любезно предоставлены мне Е. В. Зеймалем и В. Г. Лукониным в 1974 г.

хоронениях в Термезе только кушано-сасанидских монет говорит об обращении этих монет и, следовательно, о прочной власти сасанидских «царей кушан» в Бактрии. Распространялась ли власть кушано-сасанидских правителей на земли к югу от Гиндукуша, решить трудно, хотя находка в составе клада из района Кабула 12 золотых кушано-сасанидских монет¹⁰⁷ свидетельствует, казалось бы, в пользу такого решения.

Анализ монет, обращавшихся в конце IV—V вв. на землях Бактрии и бывших владений кушан к югу от Гиндукуша, помогает представить сложившуюся здесь в этот период политическую ситуацию. Как установила Б. И. Вайнберг, опиравшаяся на данные Р. Гёбля и на материалы советских собраний, вопреки мнению В. Г. Луконина о непрерывности власти Сасанидов в Бактрии вплоть до 459 г., «нет никаких достаточно веских оснований считать, что после 389 г. продолжался чекан кушано-сасанидских правителей»¹⁰⁸. Б. И. Вайнберг солидарна с Б. И. Маршаком, доказывавшим, что в 40-х годах V в. Йездигерду II пришлось вновь завоевывать бывшие кушанские земли, утраченные Сасанидами задолго до него¹⁰⁹; она считает, что по нумизматическим данным вытеснение Сасанидов из этих земель (совместными усилиями хионитов и позднекушанских правителей-кидаритов) относится к концу 80-х годов IV в. В это время к югу от Гиндукуша возникает царство Кидары, а в районе Кабула и на севере Индии обосновывается группа хионитских племен, которым принадлежат монеты с надписью, условно читаемой как АЛХОН (имя царя, династии или рода), и родовым знаком — тамгою в виде полумесяца на двуногой под-

ставке . В Тохаристане другая группа хионитских племен

создает отдельное владение, чей правитель выпускает монеты с надписью ГОВОЗИКО (чтение условно) и тамгою с кружком

в центре (или)¹¹⁰. Тогда же, вероятно, на востоке

Тохаристана возникает княжество эфталитов¹¹¹, а в других районах современного Северного Афганистана еще какие-то владения, выпускавшие «серии подражательных монет без бактрийских надписей»¹¹². И хотя кидаритам, возможно, уда-

¹⁰⁷ R. Curjel. Le Trésor monétaire du Tépé Maranjān.

¹⁰⁸ Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв., с. 135.

¹⁰⁹ Б. И. Маршак. К вопросу о восточных противниках Ирана, с. 59, 62—63.

¹¹⁰ Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана, с. 137.

¹¹¹ Б. И. Маршак. К вопросу о восточных противниках Ирана, с. 65.

¹¹² Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана, с. 137.

лось в V в. ненадолго овладеть Балхом (если признать отождествление его с Боло-Балаамом, который упоминается китайскими и византийскими источниками как город в стране кидаритов)¹¹³, история кушан в Бактрии, видимо, может считаться законченной: конец ей положило завоевание области Сасанидами, а последние строки в конце 80-х годов IV в. были дописаны мечами хионитов, уничтоживших псевдокушанское сасанидское наместничество.

---

¹¹³ Б. И. Маршак. К вопросу о восточных противниках Ирана, с. 64; Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана, с. 138.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Глава 6

ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КУШАНСКОЙ ЭПОХИ

Долгий путь, пройденный Бактрией до возникновения Кушанского государства, и ее положение в составе одной из крупнейших империй древнего мира нашли отражение в политической и этнической истории Бактрии кушанской эпохи, равно как и в культуре и искусстве страны. В культуре кушанской Бактрии проявились характерные черты и элементы древнейших местных традиций и наряду с ними — культурные традиции многих стран, областей, народов и племен, с которыми сталкивали бактрийцев исторические судьбы.

Бактрия ахеменидской эпохи, т. е. VI—IV вв. до н. э., когда сведения письменных источников об этой древней области впервые приобрели должную достоверность, была частью восточно-иранского мира со свойственным ему этническим обликом, включая язык, религиозные представления и обычаи. Истоки этнокультурных особенностей бактрийцев уходят, вероятно, в глубь веков. Но культурные и генетические связи населения Бактрии ахеменидского периода с ее обитателями эпохи бронзы и раннего железа (II — начало I тысячелетия до н. э.) пока еще только нащупываются наукой¹, многое в этой проблеме еще неразрешимо, хотя можно предположить, что традиции оседлой жизни в поселениях городского и сельского типов, характерные для Бактрии ахеменидского и последующих периодов,

¹ Эти вопросы встали перед наукой лишь недавно, в ходе изучения советскими исследователями памятников эпохи бронзы на юге Узбекистана и на севере Афганистана. См., например: В. И. Сариниди. Бактрия в эпоху бронзы, с. 49—72; он же. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа (Автореф. докт. дисс.). М., 1975; И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди, Г. А. Пугаченкова. Советско-Афганская экспедиция.— АО-74. 1975, с. 559—560. См. также: А. Аскарров. Сапаллитпа; он же. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии.— АО-74. 1975, с. 496—497.

связаны не только с собственно бактрийской территорией, но с более широким миром протогородских цивилизаций Средней Азии (и еще более древним и обширным ареалом древнейших сельскохозяйственных поселений VI—V тысячелетия до н. э. на юге современной Туркменской ССР в качестве основного строительного материала используется крупноразмерный сырцовый кирпич удлиненной прямоугольной формы³, которая характерна для раннеахеменидской Бактрии. В этих поселениях также отмечены следы раскраски стен. Стенная роспись, открытая на Песседжик-депе, выполнена двумя красками на растительном клее. Эта древнейшая монументальная живопись с изображением животных и символов (?) по своим технологическим основам (клеевая роспись по гипсовой/ганчевой подгрунтовке на глиняной штукатурке сырцовый стены) напоминает стенные росписи Средней Азии последующих периодов, вплоть до знаменитых росписей раннесредневекового Пенджикента⁴; в частности, она обнаруживает сходство с монументальной живописью Бактрии кушанского периода.

К раннеземледельческим поселениям восходит, видимо, традиция керамического производства, с которой связана керамика эпохи бронзы и раннего железа на территории Бактрии⁵ и специфические цилиндрические и цилиндро-конические сосуды, характерные для керамических комплексов Бактрии ахеменидского периода из Балха⁶, поселений Сурхандарьинской⁷, Нижнекафирниганской⁸ и Вахшской⁹ долин.

² См.: В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964; он же. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.—СА, 1967, № 3, с. 165—190. См. также Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966 (особенно часть II—III).

³ В наиболее ранних постройках (поселение Джейтун) применялись еще не кирпичи, а глиняные «булки» длиной 60—70 см и овальным сечением 10—25 см.

⁴ См.: Л. А. Лелеков. Некоторые наблюдения над техникой монументальной живописи Средней Азии.—Сообщения ВЦНИЛКР. 29. М., 1975, с. 88.

⁵ См.: В. И. Сараниди. Бактрия в эпоху бронзы, с. 59—65.

⁶ J.-C. Gardin. Céramiques de Bactres, тип 18, с. 33, 44—45, 93; табл. VI.

⁷ См.: Л. И. Альбаум. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа.—ИМКУ. Вып. 8, 1969, с. 69—79; Т. В. Беляева, З. А. Хакимов. Древнебактрийские памятники Миршаде.—Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973, с. 45—51; Ш. Р. Пидаев. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии.—Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 32—37; Э. В. Ртвеладзе. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени, с. 262—266; Г. А. Пугаченкова. Из недавних открытий в Южном Узбекистане.—ПКНО-74, с. 413—415.

⁸ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана, с. 279—282; Н. Н. Забелина. Раскопки на городище Калам-Мир, с. 294—301.

⁹ Т. И. Зеймаль. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе, с. 80—101.

В ахеменидский период Бактрия вступила в контакты с большим кругом народов, подпавших под власть древнеперсидского «царства стран»: эти контакты отразились в памятниках ее культуры и искусства. В это время в Бактрии получают распространение применявшиеся в канцеляриях Древнеперсидской державы арамейские язык и письменность. Документальным свидетельством этого (пока, правда, единственным) может, видимо, служить золотой перстень-печатка из Амударьинского клада. На нем изображен Гопат-шах, крылатое существо с телом быка и головой бородатого человека, и надпись арамейским письмом, которая читается как «Вахшу», т. е. божество амударьинских вод, или «Рохшан», женское имя (так звали бактрийку, жену Александра Македонского) ¹⁰.

Амударьинский клад представляется также вещественным свидетельством знакомства бактрийской знати с культурой и искусством ахеменидского Ирана и более древних государств Передней Азии — Ассирии и Мидии, с изделиями греческих мастеров, с традициями степных («скифских») племен Евразии ¹¹, обитавших и близ Бактрии, в частности на Памире ¹². Пока невозможно четко выделить в составе этого памятника привозные изделия и поделки местных бактрийских мастеров ахеменидского периода, работавших в традициях переднеазиатского, «скифского» или греческого искусства ¹³. Но независимо от того, удастся ли определить местное или иноземное происхождение тех или иных изделий Амударьинского клада, в каждом из них совершенно ясны следы определенных (но разных) художественных стилей, связанных с различными культурными традициями.

Первые осязаемые свидетельства начавшегося слияния, а не просто сосуществования элементов и мотивов разных по происхождению традиций, появляются в следующий — эллинистический период: от походов Александра Македонского до крушения власти греческих царей в Бактрии (конец IV — конец II в. до н. э.).

История, культура и искусство Бактрии этого периода, особенно Греко-Бактрийского царства, уже более двух веков при-

---

¹⁰ О разных чтениях этой надписи см.: И. М. Оранский. Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии (до VII—VIII вв. н. э.). — ИТН, с. 437, 557, прим. 14. Указанная И. М. Оранским дата надписи (III в. до н. э.) сомнительна, более вероятная датировка — V—IV вв. до н. э.

¹¹ См.: Б. Я. Ставиский. Искусство Средней Азии. Древний период, с. 19—25, рис. 4—12.

¹² См.: Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972 (там же библиография).

¹³ Интересная попытка выявить в составе клада изделия местных мастеров предприняла Е. Е. Кузьминой (см.: Е. Е. Кузьмина. Бактрия и эллинский мир до Александра. — Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1974, с. 18—20).

влекали внимание ученых¹⁴. Однако материал их исследований был весьма ограничен: кроме высокохудожественных греко-бактрийских монет да весьма ограниченных сведений письменных источников, наука, в сущности, ничем не располагала. Только после замечательных открытий Д. Шлюмберже в 1964 г. на городище Ай-Ханум впервые стал известен крупный бактрийский город эллинистического периода. Обнаружены архитектурные сооружения, произведения скульптуры и художественных ремесел, эпиграфические находки и т. п. Подлинное название этого греко-бактрийского города еще не установлено, но несомненно, что это был один из городов, которые основывали греческие государи или их соратники. Значительную часть жителей таких городов составляли греческие или эллинизированные колонисты, поэтому весь облик Ай-Ханум был именно эллинистическим.

Раскопки Ай-Ханум, начатые в 1965 г., непрерывно ведутся и по сей день под руководством Поля Бернара, их результаты довольно полно освещены в литературе¹⁵.

Здесь отметим лишь, что исследования в Ай-Ханум показали наличие (помимо преобладающих эллинских черт) также элементов иных культурных и художественных традиций.

Французские исследователи выявили в Ай-Ханум такое характерное сооружение, как *палестру*, или *гимназий*, с античной *гермой* и с посвятительной греческой надписью в честь Гермеса и Геракла, признанных покровителей подобных учебных заведений, где молодежь всего эллинистического мира получила образование и воспитание¹⁶. В центре города раскопан также *геройон* — мавзолей основателя города или одного из наиболее уважаемых первых колонистов — с греческими надписями. В одной из них упоминается имя погребенного в мавзолее (Киней) и сообщается, что Клеарх (младший ученик Аристотеля) начертал здесь изречения, скопированные им в храме Аполлона в Дельфах; другая надпись, сохранившаяся лишь частично, действительно воспроизводит отрывок этого образца эллинской мудрости, который, по мнению П. Бернара, является «поразительным свидетельством верности греческих поселенцев в далекой Бактрии самым подлинным и самым древним традициям Эллады»¹⁷. Следует, однако, отметить, что *геройон* Киней,

¹⁴ Th. В а у е г. *Historia regni Graecorum Bactriani*; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940; W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. 2nd ed. Cambridge, 1951; A. K. Narain. *Indo-greeks*. 2nd ed. Ox. 1962.

¹⁵ Основные публикации: [P. Bernard.] *Fouilles d'Aï Khanoum. I* (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire publié sous la direction de P. Bernard. P., 1973; и краткие отчеты П. Бернара о последующих сезонах (до 1973 г. включительно) в CRAIBL, 1969, 1970, 1971, 1972 и 1974. См. также: P. Bernard. *Aï Khanoum on the Oxus: a Hellenistic city in Central Asia*.—«Proceedings of the British Academy». Vol. 53. L., 1967, с. 71—95.

¹⁶ М. Уилер. Пламя над Персеполием, с. 55—56.

¹⁷ P. Bernard. *Aï Khanoum on the Oxus*, с. 89.

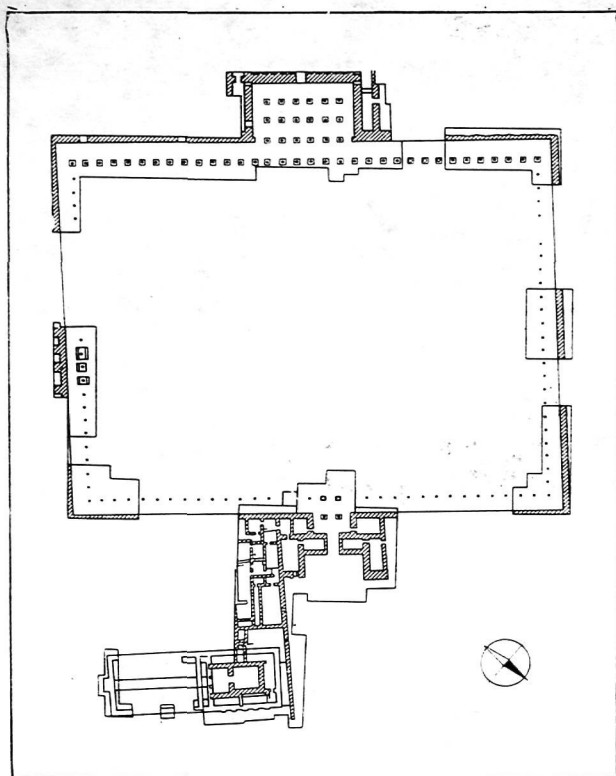

Рис. 15. План двора дворцового комплекса Ай-Ханум (по П. Бернару)

будучи типичной для эллинистических городов постройкой, возвышался, подобно знаменитой гробнице Кира Великого в Пасаргадах, на высокой ступенчатой платформе.

Более четко сочетание древнеперсидских, античных и бактрийских элементов проявилось в крупном центральном архитектурном комплексе Ай-Ханум — дворце или «административном квартале» с большим двором (рис. 15), вход в который на северо-востоке был оформлен пропилеями; к юго-западу от двора располагались многочисленные помещения разнообразного назначения¹⁸. Сам большой двор (площадь 136×108 м) был окружен по периметру каменными колоннадами, образующими

¹⁸ Fouilles d'Ai Khanoum; CRAIBL, 1970, 1971, 1974.

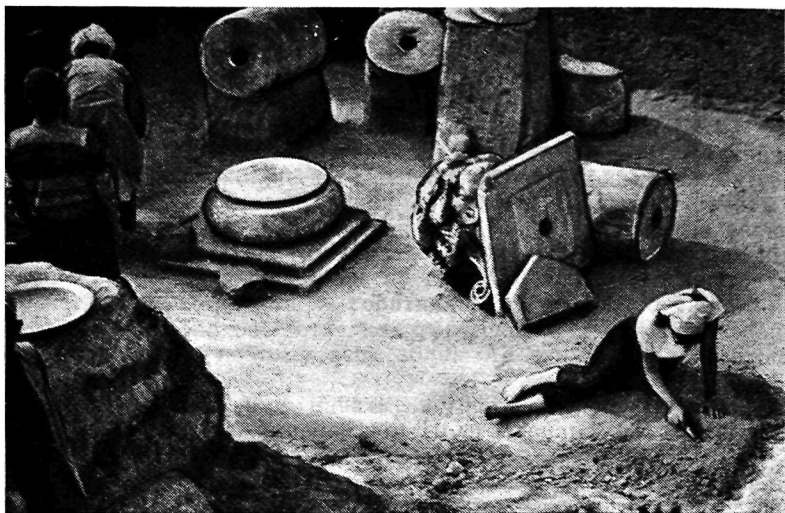

Рис. 16. База колонны восточного типа и коринфская капитель в пропилях дворцового комплекса «Ай-Ханум» (во время раскопок)

четыре портика, причем юго-западный портик был более высоким и широким, чем соседние. В целом это типичный восточноэллинистический перистильный двор того типа, который Витрувий позднее обозначил как родосский¹⁹. С юго-запада во двор выходил восемнадцатиколонный зал, лишенный северовосточной стены, т. е. сливающийся с южным портиком. Колонны всех портиков, равно как и зала, были выполнены в классических греческих нормах, целиком из камня: стволы колонн опирались на базы аттического профиля, их венчали коринфские капители. Каменные пилястры, украшавшие восемнадцатиколонный зал и некоторые другие, видимо, парадные помещения, также носили античный характер, стены были облицованы каменной кладкой. Техника этой кладки — без соединительного раствора, с металлическими скобами в специальных гнездах, известная и по монументальным постройкам ахеменидских столиц Пасаргад, Персеполя и Суз, в конечном счете восходит к эллинской строительной традиции²⁰.

Вместе с тем упомянутый восемнадцатиколонный зал, видимо, ближе к традициям ахеменидской архитектуры. К ней восходят и каменные базы колонн в пропилях. Эти базы поддер-

¹⁹ P. Bernard. *Ai Khanum on the Oxus*, с. 78—80.

²⁰ Там же, с. 78.

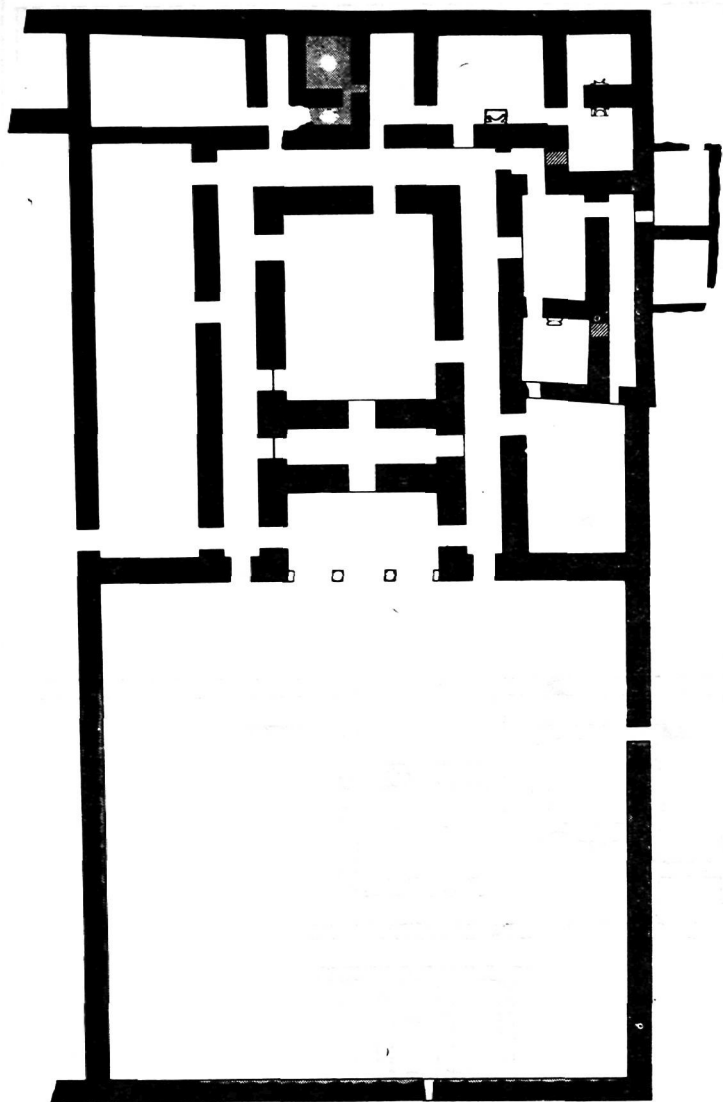

Рис. 17а. План жилого дома в южной части Ай-Ханум
(по П. Бернару)

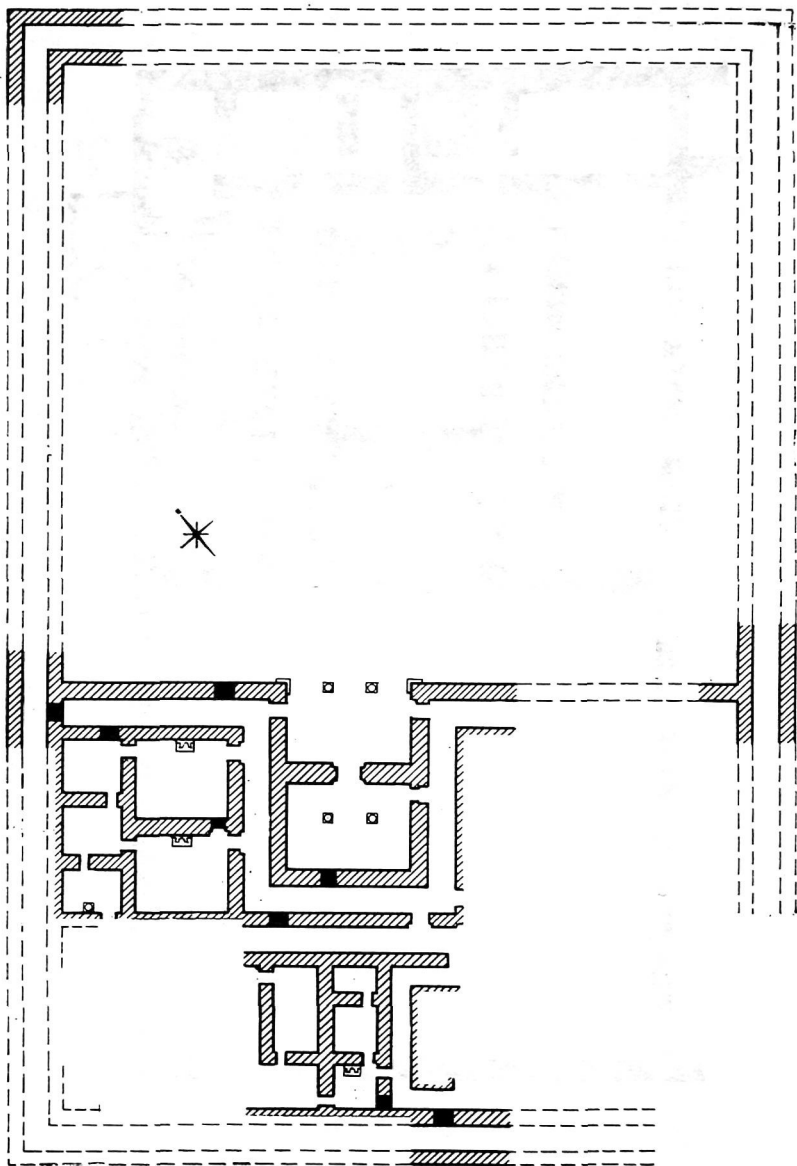

Рис. 176. План загородного жилого дома в Ай-Ханум (по П. Бернару)

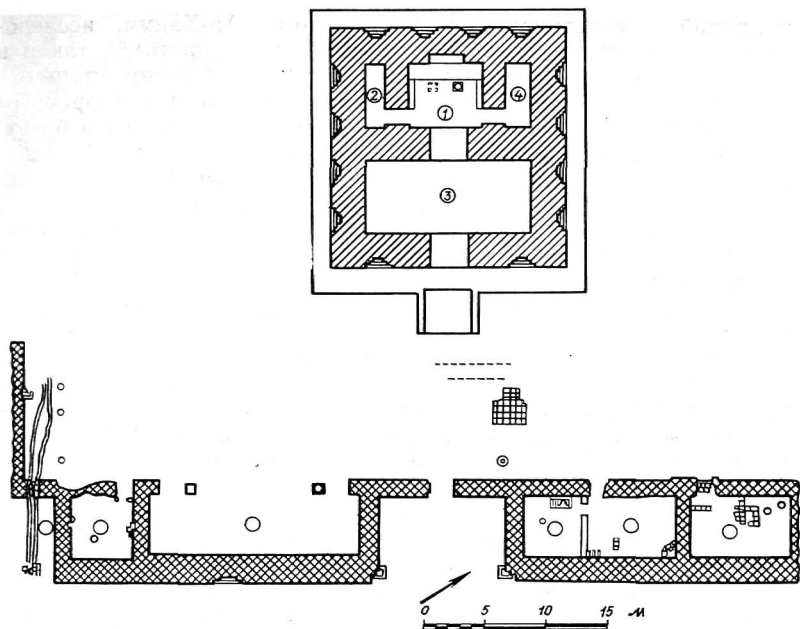

Рис. 18. План храмового комплекса в Ай-Ханум (по П. Бернару)

живают каменные колонны с коринфскими капителями (рис. 16), но сами (в отличие от аттических баз портиков двора и восемнадцатиколонного зала) относятся к древнеперсидскому типу: у них ступенчатое основание и подставка под ствол колонны в виде сплюснутого шара (тор).

Плоские кровли помещений дворцового комплекса также связаны не с античной, а с древнеперсидской или, возможно, вообще восточной, может быть даже среднеазиатской, традицией. Воздействием местных традиций следует, вероятно, объяснять и то, что основная часть стен этого огромного архитектурного комплекса была сооружена из крупного квадратного кирпича-сырца²¹ на глиняном растворе; сырцовые стены были облицованы камнем в парадных помещениях, украшены каменными пилястрами.

Сочетание элементов разных культурных и художественных

²¹ Уже при Ахеменидах при сооружении зданий в Средней Азии произошла смена формы сырцовых кирпичей: вместо прямоугольных с V—IV вв. до н. э. вплоть до IV—V вв. н. э. стали использоваться крупные кирпичи квадратной формы.

традиций демонстрируют и жилые дома Ай-Ханум, исследованные как внутри древнего города (южная часть)²², так и в пригороде (к северо-востоку от крепостной городской стены)²³. Эти дома (рис. 17а, б) обнаруживают сходство с дворцовым комплексом, хотя, конечно, уступают ему по размерам и богатству убранства. Оба они четко делятся на две части: большой двор (с юго-западной стороны) и застроенный участок (с северо-восточной). Вероятно, двор был окружен колоннадой. Из двора в дом вел портик с двумя колоннами и двумя пристенными пилястрами, этот портик был вытянут поперек оси входа. В раскопанных жилых домах обнаружены и банные комнаты с остатками мозаичных полов. Однако жилая часть дома имела иную планировку, чем в дворцовом комплексе: разнообразные комнаты здесь группировались вокруг большого центрального помещения (видимо, зала), находившегося за входным портиком и окруженного обходным коридором. В планировке жилых домов Ай-Ханум, как это отметил П. Бернар²⁴, видны черты как ахеменидской, так и греческой традиции, хотя в целом греко-бактрийские строители создали новый оригинальный тип жилой постройки.

Еще одно сооружение Ай-Ханум — большой культовый комплекс (рис. 18)²⁵ — в отличие от *палестры*, *геройона*, дворца, да и жилых зданий, по своей планировке не находит аналогий в архитектуре греческих городов. Собственно храм с перпендикулярным оси входа вестибюлем и разделенным на три части внутренним помещением *целлы*, с уступчатыми нишами по внешней стороне стен продолжает древнюю месопотамскую традицию. Он возведен на ступенчатом основании посреди обширного двора, окруженного с четырех сторон вспомогательными помещениями, что также отличает его от эллинских храмов. Вполне вероятно, что храмовый комплекс Ай-Ханум был связан с месопотамскими, а возможно, и с местными культами — на это указывают находки медальона с изображением сиро-месопотамской богини Кибелы и костяной статуэтки обнаженной богини (рис. 19)²⁶, воспроизведения которой известны и в тер-

²² P. Bernard. Quatrième campagne des fouilles à Aï Khanoum (Bactriane).— CRAIBL-1969. 1970, с. 321—326; он же. Campagne de fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afghanistan, с. 310—316; он же. La Campagne des fouilles de 1970 à Aï Khanoum (Afghanistan), с. 406, 408—414.

²³ P. Bernard. Fouilles de Aï Khanoum (Afghanistan). Campagnes de 1972 et 1973.— CRAIBL-1974, с. 281—287.

²⁴ P. Bernard. Quatrième campagne, с. 325.

²⁵ Там же, с. 327—353; он же. Campagne des fouilles 1969, с. 317—337, 339—347; он же. La Campagne des fouilles de 1970, с. 414—431; он же. Campagne des fouilles à Aï Khanoum.— CRAIBL-1972. 1973, с. 625—629; он же. Fouilles de Aï Khanoum, с. 294—299.

²⁶ См.: P. Bernard. Campagne des fouilles 1969, с. 339—347 и рис. 31 на с. 340 (медальон с Кибелой); он же. Fouilles de Aï Khanoum, с. 302, 305 и рис. 15 на с. 304 (фигурка обнаженной богини).

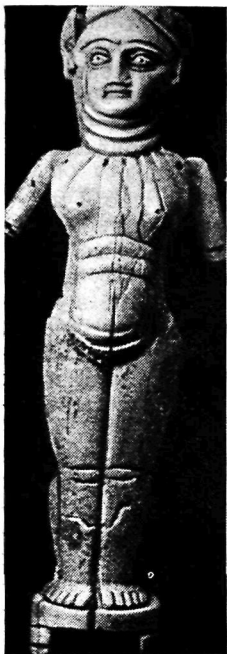

Рис. 19. Костяная фигурка богини из Ай-Ханум

Рис. 20. Обломок статуи Зевса (?) из Ай-Ханум

ракотах из правобережной Бактрии, а также засвидетельствованный в ходе раскопок храма обычай замуровывать в его стены дарственные керамические сосуды. Однако, судя по найденным в храме обломкам крупной статуи, в частности ноги в сандалии, с характерными для изображений Зевса украшениями (рис. 20), главным божеством, чье скульптурное изображение стояло в *целле* этого культового комплекса, был все же глава Олимпа. Нельзя отрицать и такую возможность: главная статуя храма, воспринимавшаяся греками и эллинизированными жителями Ай-Ханум как изображение Зевса, для других жителей города и бактрийцев вообще могла выступать олицетворением какого-либо месопотамского или местного божества, чей образ слился с античным Зевсом. На существование подобного религиозного синкретизма помимо многочисленных аналогий указывают и некоторые греко-бактрийские монеты, например монеты Деметрия (ср. рис. 12а), на оборотной стороне ко-

торых помещено изображение Геракла с лучистым венцом, что, видимо, свидетельствует о слиянии образа античного героя с ирано-среднеазиатским божеством круга Митры²⁷. Независимо от этих предположений факт изображения главного божества храма в Ай-Ханум в виде статуи Зевса, выполненной с пунктуальным следованием греческой иконографии, говорит сам за себя.

В свете открытий, сделанных в Ай-Ханум, ясно, что в этом эллинистическом городе Бактрии при несомненном господстве античных элементов сталкивались также местные, древнеперсидские и иные, вплоть до месопотамских, культурные и художественные традиции. О том же свидетельствует, в частности, найденный при раскопках храмового комплекса черепок с надписью арамейским письмом, которое, по мнению В. А. Лившица и И. М. Дьяконова, будучи заимствовано из ахеменидских канцелярий, здесь было приспособлено для записи местной — восточноиранской (бактрийской) речи²⁸.

Необходимо подчеркнуть, что ведущей в Ай-Ханум была все же греческая культура. С нею помимо уже названных ранее памятников архитектуры, монументально-декоративного искусства, эпиграфики и скульптуры связаны и многие другие художественные и бытовые изделия — будь то каменный водосток со скульптурным изображением головы льва²⁹, каменная фигурка обнаженного атлета с венком на голове³⁰, бронзовая фигурка Геракла³¹ или халцедоновая гемма-печать с изображением собаки³². В Ай-Ханум найдены также гипсовые слепки с металлических ваз и других средиземноморских изделий, украшенных рельефами, в том числе сценой из «Илиады» и частью фриза с изображением двенадцати олимпийских богов³⁶.

Жители Ай-Ханум бесспорно поддерживали контакты не только с присредиземноморской, но и с индийской частью эллинистического мира — об этом свидетельствуют находка клада с 676 индийскими серебряными монетами³⁴ и найденные монеты греческих правителей областей, лежавших к югу от Гиндукуша³⁵.

---

²⁷ См., например: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 123—124, табл. 36, 6; ср. также монеты Евтидема II, где Геракл не только увенчан лучистым нимбом, но еще держит такой же лучистый венец в правой руке; там же, с. 130—131, табл. 37, 4.

²⁸ P. Bernard. Campagne des fouilles à Aï Khanoum, с. 631—632.

²⁹ P. Bernard. Fouilles de Aï Khanoum, с. 305, рис. 16.

³⁰ P. Bernard. Quatrième campagne, с. 341—344, рис. 17—18.

³¹ P. Bernard. Fouilles de Aï Khanoum, с. 302 и рис. 13 на с. 303.

³² P. Bernard. Quatrième campagne, с. 346 и рис. 22 на с. 348.

³³ P. Bernard. La campagne des fouilles de 1970, с. 433.

³⁴ Там же, с. 435—446. См. также: R. Audoin, P. Bernard. Trésor de monnaies indiennes et Indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan).— «Revue numismatique». Sér. 6. T. 15. P., 1973, с. 238—289; t. 16, 1974, с. 7—41.

³⁵ См., например: P. Bernard. Campagne des fouilles, 1969, с. 347; он

Среди различных построек Ай-Ханум и деталей их устройства и убранства, выявленных за годы раскопок, отметим еще некоторые, особо важные для нас, как возможные прототипы аналогичных сооружений или строительно-архитектурных деталей Бактрии кушанской эпохи.

Такова загородная погребальная постройка-мавзолей неподалеку от крепостных стен Ай-Ханум; это прямоугольное в плане сооружение (11×8 м) включало центральное сводчатое коридорообразное помещение и располагавшиеся по обе стороны от него сводчатые погребальные камеры³⁶. Сюда можно отнести и использовавшиеся в убранстве парадных помещений дворца и в храмовом комплексе ганчевые (гипсовые) и глиняные рельефы. Первые скорее всего связаны с египетской Александрией, где отмечено широкое применение гипса в скульптуре; вторые же, видимо, порождены среднеазиатской традицией. Таковы и своеобразные, оформленные в виде глубокой глинобитной раковины, очаги-камины, раскопанные в ряде комнат дворца и жилых домов (рис. 21), а также деревянные столбы, или полуколонны, углубленные в сырцовую кладку стен и поставленные внизу на каменные цоколи (в одном из парадных помещений). Отметим еще засвидетельствованный в храмовом комплексе прием облицовки сырцовой лестницы жжеными кирпичными плитками на растворе извести или гипса (*ганч*)³⁷.

Находки греко-бактрийских монет, отдельных каменных колонн, баз и капителей, которые могут относиться к греко-бактрийскому периоду, известны и на правобережье Амударьи. Здесь открыты также отдельные постройки и слои этой эпохи, где, в частности, найдены изображения обнаженной местной богини, уже известной нам по костяной фигурке из Ай-Ханум³⁸. Наиболее важно открытие на городище Саксанохур, к северу от Пархара (на юге Таджикской ССР), примерно в 40 км от Ай-Ханум, крупного архитектурного комплекса кушанского времени (рис. 22), возведенного, вероятно, в конце греко-бактрийского периода³⁹.

же. Campagne des fouilles à Aï Khanoum, с. 631; он же. Fouilles de Aï Khanoum, с. 305—308.

³⁶ Р. Bernard. Campagne des fouilles à Aï Khanoum, с. 608—625.

³⁷ См.: Р. Bernard. Quatrième campagne, с. 316, 318, 344—345; он же. Campagne des fouilles 1969, с. 302, 307, 308; он же. Fouilles de Aï Khanoum, с. 283, 284; он же. La campagne des fouilles de 1970, с. 426.

³⁸ См. теракоту из Барат-тепе и костяную подвеску из Халчаяна, которую Г. А. Пугаченкова первоначально относила к V—IV вв. до н. э. (Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 218 и рис. 102; она же. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 105—108). Видимо, одно из ранних изображений этой богини, выполненное в золоте, — амулет, весьма близкий к найденной в Халчаяне подвеске, хранится сейчас в Эрмитаже. См.: М. Завитухина. Золотая статуэтка из Сибирской коллекции Петра I и некоторые вопросы истории истории коллекций. — СГЭ. 38, 1974, с. 41—44.

³⁹ Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), с. 160—177.

Рис. 21а. Отопительный камин в дворцовом комплексе Ай-Ханум

Композиционным центром этого сооружения в Саксанохуре («дворцово-храмового комплекса», по определению Б. А. Литвинского и Х. Ю. Мухитдинова) был квадратный в плане двор (ок. $27,5 \times 27,5$ м), к югу от которого располагалось довольно большое помещение с двумя колоннами, отделенное коридором от выходящего во двор с юга небольшого открытого зала или портика с колоннами и пилястрами. Эта центральная часть саксанохурской постройки напоминает по планировке дворец и жилые дома Ай-Ханум и может восходить к первоначальному сооружению греко-бактрийского периода, чьи каменные архитектурные детали (в том числе капители, стволы и базы колонн, аналогичные айханумским) найдены здесь в обломках. Позднее, при кушанах, их куски использовались для сооружения порогов в проходах из портика в коридор и из коридора в двухколонное помещение. Остатки вымостки, идущей по периметру двора, позволили Б. А. Литвинскому и Х. Ю. Мухитдинову предполагать, что здесь, как и во дворце Ай-Ханум, первоначально располагались портики с каменной колоннадой, в которую с юга выходил, подобно восемнадцатиколонному залу айханумского дворца, зал с четырьмя каменными колоннами и пристенными пилястрами. Теперь, когда помимо дворца в Ай-Ха-

Рис. 216. Отопительный камин
в загородном жилом доме Ай-Ханум

нум известны жилые дома, которые по размеру и по плану ближе к саксанохурской постройке, пожалуй, нет оснований считать эту постройку вариантом именно дворцового комплекса. Но каменные колонны Саксанохура в том виде, как их убедительно реконструируют Б. А. Литвинский и Х. Ю. Мухитдинов⁴⁰, настолько близки айханумским, что П. Бернар заподозрил даже, не были ли они привезены отсюда в Саксанохур в I в. до н. э., когда Ай-Ханум был покинут⁴¹. Однако более вероятным представляется возникновение в Саксанохуре сходных с айханумскими построек еще во время существования этого эллинистического города: на пути из Ай-Ханум в Саксанохур, на правом берегу Пянджа, близ переправы, советскими археологами обнаружены остатки Кокульского поселения с керамикой греко-бактрийского и кушанского времени (см. выше, гл. 2).

---

⁴⁰ Там же, с. 173. Реконструкция капители колонны из Саксанохура, предложенная В. Л. Ворониной (Эллинистический ордер на территории Таджикистана.— Архитектурное наследие. № 20. М., 1972, рис. 4), сомнительна, так как на капители нет никаких следов полуфигурки, восстанавливаемой В. Л. Ворониной. Более вероятно, что здесь, как и на капителях Ай-Ханум, помещался орнаментальный лист.

⁴¹ См.: P. Bernard. Campagne des fouilles 1969, с. 312—313.

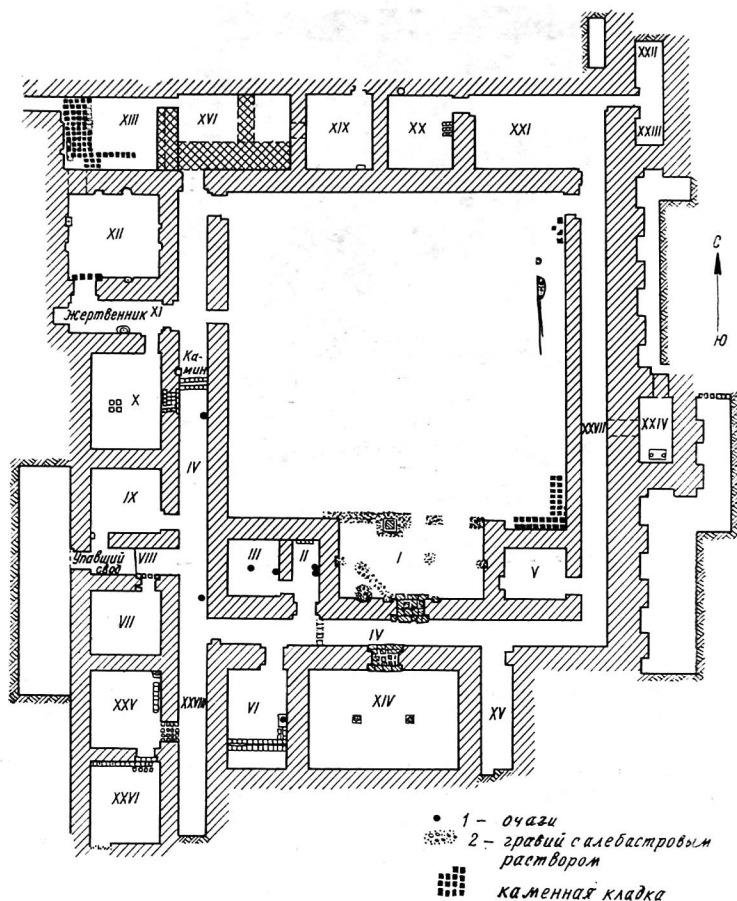

Рис. 22. План дворцово-храмового комплекса Саксанохур
(по Б. А. Литвинскому и Х. Ю. Мухитдинову)

Постройка в Саксанохуре, равно как и уже упоминавшиеся находки каменных архитектурных деталей в других районах Бактрии, а также греческая надпись, обнаруженная в Яване⁴², и следы эллинистических воздействий в Самарканде⁴³, т. е. к северу от Бактрии, свидетельствуют, что Ай-Ханум не был оди-

⁴² См. Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху (каталог выставки). Л., 1968, с. 38, № 387; Б. А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг., с. 17.

⁴³ См.: Г. В. Шишкина. Эллинистическая керамика Афраснаба.— СА. 1975, № 2, с. 60—77.

нок и что эллинистическая культура и искусство в период господства греческих царей широко распространились по всей этой области, игравшей в течение более ста лет роль форпоста эллинизма в глубинах Азии.

Но не следует думать, что население Бактрии было полностью эллинизировано греческой верхушкой Греко-Бактрийского царства. Памятники местной культуры греко-бактрийского времени, которые мы могли бы сравнить с великолепными памятниками эллинского города Ай-Ханум, еще не обнаружены, но несомненно существовали и рано или поздно будут открыты.

Пока о местной бактрийской культуре Греко-Бактрийского царства мы можем судить только по следам ее влияния на эллинизованную культуру верхушки этого государства. Выше уже отмечались древнеперсидские элементы в архитектуре Ай-Ханум. Думается, что за долгое время ахеменидского господства в Бактрии эти элементы были столь глубоко усвоены, что в IV—II вв. до н. э., т. е. в эллинистический период, воспринимались как характерные для местной культуры. Очевидно, так же следует рассматривать и приспособленное для записи бактрийской речи арамейское письмо. Появление на голове Геракла лучистого венца (на реверсе монет греко-бактрийского царя Деметрия) — несомненное воздействие местных верований в божество круга Митры; это, кажется, самое раннее на бактрийской территории свидетельство слияния образов популярного античного героя и восточноиранского солнечного бога в синкретическое греко-бактрийское божество. И, наконец, одним из ярких местных элементов культуры следует, видимо, считать изображение местной богини в виде обнаженной женщины, хотя в ее иконографии вполне можно видеть влияние ближневосточных и греческих культовых воззрений, эстетики и искусства.

Выявленных элементов бактрийской культуры, конечно, пока крайне мало. Однако даже они в сочетании с другими историко-культурными данными позволяют полагать существование глубоких различий между культурой правящей эллинистической верхушки и культурой основной массы местного населения Бактрии этого периода.

Падение власти греческих царей, завоевание Бактрии кочевниками и их столетнее господство с конца II в. до н. э. по начало I в. н. э. внесли, очевидно, существенные коррективы в развитие местной культуры и искусства. Ведь в результате этих событий, во-первых, эллинистические круги утратили свое господствующее положение в жизни местного общества, во-вторых, резко усилилось политическое и, вероятно, культурное влияние на местное общество степных племен, да и сам состав населения изменился: влилось немалое число кочевников, переселившихся в Бактрию из северных районов Средней Азии, а возможно, и из других евразийских степей.

К сожалению, памятники Бактрии периода, предшествующего сложению Кушанской империи, изучены еще очень слабо. Об официальной струе в культуре и искусстве кочевых повелителей Бактрии конца II в. до н. э.—начала I в. н. э. позволяют судить выпускавшиеся ими на первых порах монеты — подражания чекану Евкратиды и Гелиокла (ранний тип), а затем второй тип подражаний чекану Гелиокла и монеты «Герая» (см. выше, гл. 3).

Первые, как уже говорилось, являются именно подражаниями, повторяющими с меньшей или большей долей искажения изображения и легенды греко-бактрийских монет-прототипов. Единственный существенный для нас момент — появление на реверсе ранних подражаний чекану Гелиокла лучистого сияния вокруг головы стоящего в полный рост божества (скорее всего, Зевса). Эта деталь свидетельствует о возможном слиянии в Бактрии этого периода образов олимпийского бога с восточно-иранским солнечным божеством, т. е. о процессе религиозного синкретизма, ранний этап которого, по всей видимости, отражали монеты Деметрия с изображением Геракла, наделенного тем же атрибутом.

Поздняя группа подражаний чекану Гелиокла и особенно монеты «Герая» как более самостоятельные представляют больший интерес для нашей темы. Наиболее важной их особенностью следует считать то, что на оборотной стороне монеты вместо божеств-покровителей античного происхождения стали изображаться конь (на поздних подражаниях чекану Гелиокла) или всадник (на монетах «Герая»).

Подобная замена весьма показательна. Напомним, что парфянские государи уже вскоре после укрепления своего царства сменили изображение Зевса на реверсе монет на сидящего Аршака, почитаемого (или обожествляемого?) основателя династии⁴⁴. Отметим также, что и «безымянный царь Хорезма», т. е. кочевой вождь, захвативший власть над этой областью Средней Азии на рубеже н. э., поместил на оборотной стороне своей монеты изображение «хорезмийского всадника»⁴⁵ и что так называемые индо-скифские, или индо-сакские, государи тоже чеканили на монетах конного всадника⁴⁶.

Все эти изменения в прокламативном и официальном денежном чекане могли означать провозглашение властями новой идеологической линии: выдвигание на первый план символов степ-

⁴⁴ См.: М. Е. Массон. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства.— ТЮТАКЭ. Т. 5, 1955, с. 41, прим. 1; В. М. Массон. Страна тысячи городов. М., 1966, с. 77—78. Следует отметить также, что на нескольких сериях парфянских монет в качестве символа была помещена «фигура коня». См.: М. Е. Массон. Народы и области, с. 53.

⁴⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 181.

⁴⁶ См., например: В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 145—146, табл. 13, 3—6.

ных верований — «священного коня» или почитаемого предка, основателя династии, или даже самого данного государя. Тем самым именно они, а не античные, хотя бы и слившиеся с местными божествами, покровители объявлялись достойными поклонения как идеологическая опора государственной власти. Характерно, как это подметил А. Н. Зограф, что изображения лошадей, массивных, с коротким туловищем, длинными ногами, толстой шеей и мощной мордой, на подражаниях чекану Гелиокла и монетах «Герая», сходные между собой, весьма далеки «от строгих классических силуэтов коней Диоскуров на тетрадрамах Евкратиды»⁴⁷.

Следует, однако, подчеркнуть, что следы греко-бактрийской и вообще эллинистической монетной традиции проступают и в поздних подражаниях чекану Гелиокла, и в монетах «Герая». На первых мы по-прежнему находим греческую легенду, хотя и сильно искаженную, да и портрет государя стилизован под изображения Гелиокла. На вторых, представляющих далеко ушедший от прототипа — монет Евкратиды — самостоятельный монетный тип, античные влияния помимо размещения надписи различимы также в стиле передачи портрета, в греческом характере легенды и титула государя и в изображении небольшой фигурки Ники (или местной богини Победы), венчающей царя (ср. рис. 12е).

Теперь о культуре и искусстве кочевых завоевателей Бактрии и Согды можно судить и по курганным захоронениям, исследованным А. М. Мандельштамом и О. В. Обельченко (см. выше с. 103—108). Одной из основных отличительных особенностей этих захоронений является курганная намогильная насыпь или заменяющая ее (в Бабашовском могильнике) каменное сооружение («ограда», как его условно называет А. М. Мандельштам). От грунтовых кладбищ коренного местного оседлого населения (на них мы остановимся ниже) курганные могильники долины Зеравшана в Согде и Бишкентской долины в северной (левобережной) Бактрии отличает и то, что большинство захоронений в них были совершены в подбойных могилах. Характерно также, что захоронения кочевников Среднеазиатского междуречья II в. до н. э. — начала I в. н. э. имеют в составе погребального инвентаря кость барана. Наряду с прочим погребальным ассортиментом это свидетельствует о северной степной традиции захоронений и связанных с ней обрядности и представлений.

Однако нельзя не отметить и некоторых различий в ряде могильников кочевников, связанных как с их племенными или родовыми особенностями, так и с воздействием на пришельцев местного оседлого населения. Особенности генезиса кочевых завоевателей объясняются, вероятно, различия в устройстве погребальных сооружений и ориентации захоронений: намогиль-

⁴⁷ А. Н. Зограф. Монеты «Герая», с. 26.

ные «ограды» Бабашовского могильника; катакомбы в курганных могильниках долины Зеравшана; преобладание в Аруктауском, Коккумском и Бабашовском могильниках подбоев в западной, а не в восточной (как в Тулхарском могильнике) стене могильной ямы; преобладание в курганах долины Зеравшана, в отличие от северобактрийских могильников этого периода, южной, а не северной ориентации погребенных. Воздействие коренного оседлого населения отчетливее всего видно в сопровождающей захоронение керамике, которая за редкими исключениями сказывается продукцией местных ремесленников.

Следует также напомнить находки монет в могильниках: в Тулхаре были найдены 3 обола — подражания чекану Евкратиды и один обол «Герая», в Кызыл-тепе — монета Гелиокла и подражание чекану Евтидема⁴⁸. При этом в двух курганах Тулхарского могильника монеты были обнаружены у нижней челюсти погребенных⁴⁹, т. е. первоначально они, вероятно, лежали во рту, что соответствует греческому обряду (монеты должны были служить платой Харону). Это позволяет говорить об эллинистическом, видимо, греко-бактрийском, влиянии на обряд захоронения и культовые представления хотя бы части кочевых завоевателей Бактрии и Согда⁵⁰.

Находки в курганных могильниках конца II в. до н. э.—начала I в. н. э. показывают также, что в быту завоевателей-кочевников использовались предметы, связанные как со степной, так и с эллинистической культурой. Так, в курганах Лявандакского и Шахривайронского могильников в долине Зеравшана были найдены бронзовые литые ажурные пряжки с изображением борьбы тигра и двугорбого верблюда. Сценки на них выполнены в характерном для искусства степных племен «зверином стиле», аналогиями к ним могут служить находки из Павлодарской области Казахстана, в районе Челябинска и на р. Маныч на Северном Кавказе, т. е. в отстоящих далеко друг от друга землях расселения этих племен⁵¹. Бронзовые пряжки такой формы с близким по стилю изображением лежащего двугорбого верблюда найдены и в Бабашовском могильнике⁵². С культурными традициями степных племен связаны так-

⁴⁸ См.: А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 138—139 (ср. с. 15, 64, 68); О. В. Обельченко. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе, с. 206, 203, рис. 1.

⁴⁹ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 15 (курганы 1, 17; 1, 18).

⁵⁰ Впервые на связь этих находок с греческим обычаем «платы Харону» справедливо указала Г. А. Пугаченкова (Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии в свете археологии.—ВДИ. 1974, № 3, с. 133). А. М. Мандельштам, анализируя материалы раскопок Тулхарского могильника, обошел молчанием вопрос об обрядовой значимости монет.

⁵¹ См.: О. В. Обельченко. Лявандакская пряжка, с. 53—56; он же. Курганные могильники эпохи кушан, с. 204—205.

⁵² А. М. Мандельштам. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии, с. 116—117, 145; табл. XXXIII, 8, 9; XXXIV, 7, 8.

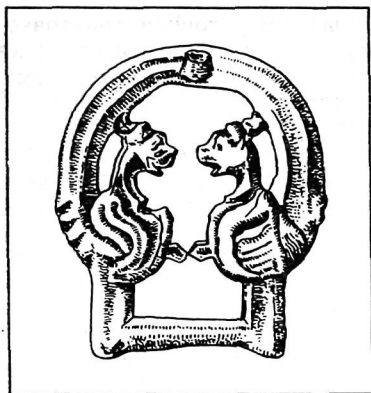

Рис. 23. Пряжка из Тулхарского
могильника

же вооружение, многие детали одежды и украшения, найденные в упомянутых кочевнических захоронениях.

В то же время ряд находок здесь обнаруживает явные следы эллинистической, скорее всего греко-бактрийской, культуры. Таковы стеклянная гемма с обнаженной фигуркой Ники из Кызылтепинского⁵³ и золотая плакетка с рельефной женской головкой античного типа из Лявандакского могильников в долине Зеравшана⁵⁴, а также латунные перстни-печати с изображениями Ники, Геракла и других античных персонажей — из Тулхарского, Аруктауского и Бабашовского могильников в Северной Бактрии⁵⁵ и миниатюрные амфоровидные серьги из золота и алебастра с ручками в виде стилизованных дельфинов — из тулхарских и аруктауского курганов⁵⁶.

Хочу особо отметить находку в Тулхарском могильнике инкрустированных золотых серег в виде птицы с раскрытыми крыльями⁵⁷ и латунной ажурной пряжки (рис. 23) с протомат-

⁵³ О. В. Обельченко. Курганные могильники эпохи кушан, с. 205.

⁵⁴ См.: О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. — ИМКУ. Вып. 2, 1961, с. 112, 157—159; рис. 16. О. В. Обельченко считает, что на плакетке изображена Артемида; это возможно, но пока не доказано. Однако античный характер изображения не вызывает сомнений.

⁵⁵ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 121—122; табл. LVI, 1—5; он же. Памятники кочевников кушанского времени, с. 51, 120, 142; табл. XVII, 9; XLI, 2.

⁵⁶ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 124—126; табл. LIX, 1—5, 7; он же. Памятники кочевников кушанского времени, с. 52, 142; табл. XVIII, 23.

⁵⁷ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 126—127; табл. LIX, 6; ср.: М. И. Артамонов. Сокровища саков, с. 17—48.

ми грифонов⁵⁸. Серьги по условной трактовке птицы и инкрустационному стилю, а пряжку по сюжету и характеру изображения связывают с искусством степных племен. Однако наличие в составе Амударьинскогоклада изделий с инкрустацией и широкое распространение в ахеменидском искусстве образов различных грифонов, в том числе и их протом, позволяют предполагать возможность связи этих предметов и с местной, восходящей к ахеменидскому периоду, традицией.

Чрезвычайно важна находка в одном из курганных погребений Куюмазарского могильника в Бухарском оазисе костяной пластинки с процарапанным изображением мужчины с фронтальной передачей туловища (и, вероятно, ног) при повернутой в профиль, вправо, голове. О. В. Обельченко сравнивает это изображение с алтайскими и скифскими⁵⁹, но более убедительно, на мой взгляд, приводимое им же сравнение с процарапанной на астрагале сценой из поселения Калаи-Мир, где изображен воин в такой же позе, но с головой, повернутой влево, стоящий над поверженным врагом (см. рис. 38)⁶⁰. Оба эти непритязательные изображения отражают, по-видимому, древнюю местную художественную традицию, сильное воздействие которой сказалось на так называемом династийном течении в искусстве Кушанской империи.

В итоге можно, вероятно, полагать, что кочевые племена, сокрушившие Греко-Бактрийское царство и расселившиеся на землях Согда и Бактрии, были знакомы как со степной, так и с местной оседлой среднеазиатской культурой; использовали в быту и погребениях художественные изделия, характерные для искусства степных племен и населения завоеванных ими среднеазиатских областей; отразили в своих захоронениях помимо степных обрядов и представлений воздействие эллинистических обычаев и культов. При этом выявленные художественные изделия выполнены каждое в одном стиле, следуя одной определенной традиции. Таким образом, в памятниках культуры кочевников, захвативших Бактрию, как и прежде, сосуществуют элементы и мотивы разных известных им культурных и художественных традиций, которые не образуют органичного сплава.

Возможно, ближе к созданию культурного единства подошли оседлые жители древних земледельческих оазисов бывшего Греко-Бактрийского царства. К сожалению, история, культура и искусство оседлого населения княжеств и владений, образовавшихся на руинах Греко-Бактрийского царства на протяжении

⁵⁸ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 114; табл. XLV, 10; LIII, 3.

⁵⁹ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. — ТИИА АН УзССР, Вып. 8. Таш., 1956, с. 223—224, рис. 20.

⁶⁰ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана, с. 286.

конца II в. до н. э.—начала I в. н. э., известны еще хуже, чем история, культура и искусство кочевых завоевателей Согда и Бактрии. Объясняется это тем, что именно о кочевниках как ведущей военно-политической силе говорится в лаконичных сообщениях письменных источников, от лица их вождей выпускались рассматривавшиеся нами монеты, именно их памятники-курганы оказались изученными шире и основательнее, чем памятники коренного населения Бактрии этого периода.

Постройки этого времени на землях Бактрии, затронутые раскопками, пока еще немногочисленны, большинство раскопок лишь начато. Исключение составляет вскрытое полностью погребальное сооружение близ городища Дальверзин-тепе. По мнению его исследователей, это сооружение возведено во II—I вв. до н. э. и использовалось вплоть до III в. н. э. Это квадратная в плане (13×13 м) постройка из пахсы и крупного квадратного кирпича-сырца. Центральный коридор делил ее на две части, в каждой из которых располагались по четыре сводчатых погребальных склепа. Архитектурно-планировочная связь этого погребального сооружения с мавзолеем близ Ай-Ханум бесспорна. Менее ясна, во всяком случае до полной научной публикации материалов раскопок, связь наиболее ранних открытых здесь захоронений с погребальным обрядом мавзолея близ Ай-Ханум⁶¹.

Несколько полнее, чем постройки, изучены массовые погребальные памятники этого времени — кладбища на Туп-хоне в Гиссарской долине и возле Айртама, восточнее Термеза. Оба кладбища — грунтовые, бескурганые⁶², располагавшиеся возле одновременных с ними поселений, что делает очевидной принадлежность их не кочевому, а оседлому населению Бактрии.

М. М. Дьяконов, исследовавший кладбище на Туп-хоне в 1946—1948 гг. (материалы многолетних раскопок, проводившихся здесь позднее сотрудниками АН ТаджССР под общим руководством Б. А. Литвинского, еще не опубликованы), относил к интересующему нас времени 16 погребений типа III-Б, причем датировка основывалась в значительной мере на 5 оболках — подражаниях чекану Евкратиды, найденных в 5 погребениях⁶³.

⁶¹ См.: Э. Ртвеладзе. Открытие неожиданное и долгожданное. — «Знание — сила». М., 1975, № 8, с. 22—24.

⁶² Поскольку в отличие от Туп-хоны в Айртаме лишь в одном случае из десяти отмечено расположение одного захоронения над другим, можно было бы, казалось, предполагать существование здесь курганных (или заменяющих их) надмогильных сооружений, уничтоженных при распашке поля. Однако то, что захоронения находились на расстоянии от 3 до 7 м друг от друга (все 10 могильных ям найдены на площади 20×20 м) (см.: Б. А. Тургунов. К изучению Айртама, с. 64; он же. Айртамский могильник. — ОНУ. 1968, № 8, с. 50), снимает такую возможность.

⁶³ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 160—162, 171—174, 176—177. М. М. Дьяконов относил выпуск этих оболочек-подражаний к концу II—рубежу II—I вв. до н. э. Как это убедительно доказал А. М. Мандельштам (Кочевники на пути в Индию, с. 142, 144), начало их

Для этих погребений характерна грунтовая яма, часто выложенная по краям и перекрытая сверху сырцовыми кирпичами. Покойник лежал на спине, головой на север или северо-запад. Вместе с ним в могилу помещали керамический сосуд, чаще всего (11 случаев) бокал, реже (3 случая) чашу, крупный хум (1 случай) или два сосуда — горшок и двуручный кувшин (1 случай). Сосуды обычно ставили в головах погребенного, реже в ногах (один бокал) или у правой руки (две чаши). Помимо сосудов в погребениях встречены только личные украшения (серьги, браслеты, бусы, перстни), закрепки от пояса, бронзовое зеркало, раковины-каури и железные предметы неясного назначения. Особо следует отметить находку в одном из сосудов (в горшке) кости барана, а в другом захоронении — зубов коровы.

Судя по этим захоронениям, оседлое население Гиссарской долины в канун сложения Кушанской империи придерживалось представлений о загробном мире, сходных с представлениями кочевников. Но жители поселений Гиссарской долины, провожая своих усопших в загробный мир, снабжали их помимо одежды и личных украшений только сосудами, обычно лишь одиночными бокалами или чашами. находку кости барана следует, видимо, рассматривать как нетипичную и связывать с воздействием кочевнических представлений. Влиянием эллинских обычаев, вероятно, можно объяснить находки в пяти могилах Туп-хоны обол, которые в двух случаях были, очевидно, положены под язык погребенных. Правда, М. М. Дьяконов, отмечая сходство этого обычая с эллинским, подчеркивал различия в захоронениях Туп-хоны и греков (отсутствие в могилах Туп-хоны статуэток, обнаружение обол в двух случаях не во рту, а на сердце; строгая ориентация захоронений Туп-хоны в отличие от разнообразной у греков). Исходя из этих различий, а также из того, что и у древних китайцев существовал «обычай класть золото и другие драгоценные предметы в рот мертвым», М. М. Дьяконов заключил, что «обычай класть „драгоценные предметы“ в рот покойнику, возможно, имел и в Бактрии глубокие местные корни и лишь слился с греческим обрядом, привнесенным завоевателями (тот факт, что в могилу кладется именно обол)»⁶⁴. Думается, что оговорки М. М. Дьяконова не дают все же оснований отрицать отраженное могилами с оболми влияние на местное оседлое население эллинских представлений⁶⁵. Более того, открытые позднее кочевнические курга-

выпуска следует датировать I в. до н. э. Нельзя не согласиться с А. М. Мандельштамом и в том, что захоронения с этими оболми и ряд погребений типа III-B с керамикой, аналогичной найденной вместе с оболми, можно датировать второй половиной I в. до н. э.—началом I в. н. э. и что пока нет никаких оснований отрицать возможность отнесения других захоронений типа III-B ко времени после I в. н. э. (там же, с. 153—154).

⁶⁴ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 177.

⁶⁵ Ср.: Б. Я. Ставиский. Средняя Азия в кушанский период, с. 379.

ны с монетами позволяют предполагать, что кочевники восприняли эти представления именно через посредство местного оседлого населения.

Кладбище Айртама по устройству могил и погребальной обрядности занимает как бы промежуточное положение между захоронениями Туп-хоны и погребениями кочевников. В 4 из 10 раскопанных здесь могил погребения находились в подбоях, в западной стенке, в 6 остальных — в простых грунтовых ямах⁶⁶. Покойники лежали на спине, головой обычно на север (однако дважды отмечена и южная ориентация, характерная для кочевнических курганов долины Зеравшана). В одном случае, как уже упоминалось, ниже могилы обнаружено еще одно, очевидно более раннее, захоронение, относящееся, однако, к тому же периоду. В другом — два последовательных, по-видимому, захоронения были совершены в подбой одной и той же могилы (к сожалению, описание этого погребения не приводится и разность уровней захоронений не указана). Интересно, что в одном из погребений у пояса покойника лежал железный кинжал (в бедре похороненного застрял наконечник стрелы), но отсутствовала посуда. Никакого инвентаря не обнаружено в подбойной могиле с двумя захоронениями. В остальных погребениях усопших сопровождали керамические сосуды: в пяти случаях в головах стояло, как и в Туп-хоне, по бокалу (рядом с одним из них было блюдечко-светильник); в двух погребениях кроме бокала находились еще стоявшие в ногах покойника кувшины; в одном бокал был у ног, а возле головы лежала фляга-*мустахара*, и, наконец, еще в одном помимо бокала в головах найдены бокал у пояса и небольшой сосуд с боковым носиком возле ноги покойника. Кроме керамики в одном из погребений оказалось бронзовое колючко и часть золотого украшения в виде миниатюрного зубца-мерлона.

Относительная малочисленность известных сейчас погребений оседлого населения Бактрии конца II в. до н. э. — начала I в. н. э. (менее 16 — в Туп-хоне, 10 — в Айртаме) не позволяет делать слишком категоричные заключения. Однако, по-видимому, особенности кладбища в Айртаме объясняются тем, что в отличие от Туп-хоны, где хоронили мирных местных оседлых земледельцев, здесь погребены жители стратегически важного поселения у переправы через Амударью (по мнению Г. А. Пуга-

⁶⁶ Следует оговориться, что определение формы 3—4 погребальных сооружений этого кладбища как простых грунтовых ям, по-видимому, условно: Б. А. Тургунов в своем первоначальном сообщении о раскопках в Айртаме отмечал, что первые 4 погребения были прорезаны при рытье арыка, и, видимо, по этой причине к погребениям первого типа (в грунтовых ямах) относил лишь № 5 и 6 (см. Б. А. Тургунов. Айртамский могильник, с. 50, 51). В автореферате кандидатской диссертации Б. А. Тургунов почему-то пишет уже о 7 погребениях в грунтовых ямах и 3 — подбойных. См.: Б. А. Тургунов. Айртам (К проблеме античной культуры юга Узбекистана) (Автореф. канд. дисс.). Таш., 1974, с. 11.

ченковой и Б. А. Тургунова, одновременная с погребениями монументальная постройка, частично раскопанная в Айртаме, была фортом), т. е. люди разного происхождения и положения: воины, ремесленники, земледельцы, среди которых вполне могли быть и выходцы из кочевых племен или даже осевшие на землю кочевники.

О верованиях (и искусстве) коренного населения Бактрии «темного периода» ее истории позволяют судить и терракотовые фигурки, найденные в соответствующих культурных слоях или относимые к этому времени по своим стилистическим особенностям. Такова, в частности, фигурка обнаженной богини из Халчаяна, напоминающая аналогичные изображения греко-бактрийского времени, в том числе и терракоту из Барат-тепе (по заключению Г. А. Пугаченковой, в меньшей мере следующая «пластическим традициям эллинистической скульптуры»⁶⁷). Образ этой богини несомненно связан с культами Бактрии эллинистического периода⁶⁸. Пока менее ясен генезис верований, отраженных в ранних, предкушанских терракотах из Саксанохура⁶⁹. Это две группы изображений богинь в виде стоящей женщины: 1) в длинном платье с растительным орнаментом и с зеркалом в поднятых к груди руках; 2) в длинном платье и длинной накидке, с сосудом в правой руке, поднятой к груди, и с венком в левой руке, прислоненной к нижней части живота.

Если согласиться с Г. А. Пугаченковой, относящей наиболее ранние терракотовые фигурки всадников из Халчаяна к II—I вв. до н. э., то эти примитивные в художественном отношении изделия действительно следует рассматривать как важное свидетельство распространения в Бактрии после завоевания ее кочевниками культа предков степных племен, отраженного, как мы уже видели, и на монетах «Герая»⁷⁰.

Взаимовлияние и переплетение местных (коренных) и степных традиций прослежены А. М. Мандельштамом также и в керамике, найденной в кочевнических захоронениях предкушан-

⁶⁷ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 218—219, 220, рис. 103,1; она же. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 107.

⁶⁸ Возможно, что с ними связана и терракотовая фигурка обнаженного мужчины. См.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 226—227; рис. 106а.

⁶⁹ Ранние терракоты, как и остатки сооружений и гончарных печей, Х. Ю. Мухитдинов относит к III—II вв. до н. э. Однако отсутствие среди найденных на Саксанохуре монет эмиссий греко-бактрийских царей делает более вероятным предположение о позднейшей датировке их, скорее всего — II—I вв. до н. э. Об этом же свидетельствует и отсутствие в Ай-Ханум терракот, аналогичных саксанохурским. Наиболее подробные сведения о ранних терракотах Саксанохура см.: Х. Ю. Мухитдинов. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии (Автореф. канд. дисс.). Душ., 1973, с. 10—11, 13—24; он же. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанохура.— СЭ. 1973, № 5, с. 99—107.

⁷⁰ См.: Г. А. Пугаченкова. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана.— Новое в советской археологии. М., 1965, с. 248—252; она же. Халчаян, с. 228—232; она же. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 115—117.

ской Бактрии: будучи изготовлены местными гончарами, эти изделия широко использовались в быту кочевых племен и в их погребальном инвентаре. Отдельные типы их представляют аналогии посуде северных районов Средней Азии, откуда пришли кочевые завоеватели⁷¹. Возможно, что сходство схематичных рисунков из городища Калаи-Мир и из курганного захоронения в Куюзазаре (см. выше, с. 162) — результат подобных же взаимовлияний.

Говоря о памятниках культуры и искусства Бактрии II в. до н. э.—начала I в. н. э., нельзя не коснуться группы высокохудожественных тканей из Ноин-Улы, знаменитого курганного могильника хуннов, открытого в 1924—1925 гг. экспедицией П. К. Козлова в Монголии. В погребальном инвентаре раскопанных здесь могил хуннской знати наряду с китайскими шелками и иными предметами роскоши, которыми задабривал своих грозных северных соседей китайский императорский двор, оказались также художественные ткани «западного» происхождения. Среди них К. В. Тревер выделила две, которые были определены ею как «бактрийские», т. е. связанные с традициями греко-бактрийского искусства⁷². Одна из тканей найдена в кургане 6, где, как установил А. Н. Бернштам, был похоронен вождь (*шаньюй*) хуннов — Учжулю Жоди, умерший в 13 г. н. э.⁷³ Вторая, найденная в кургане 25, сходна с первой по материалу (шерстяная ткань полотняного переплетения, окрашенная в пурпуровый цвет), технике (вышивка шерстяными нитями трех оттенков — коричневого, зеленого и желтого — слабой крутки и закрепление этих нитей на поверхности ткани тоненькими ниточками) и манере передачи человеческих голов⁷⁴. Это дает основание датировать оба экземпляра I в. до н. э.—началом I в. н. э.

«Бактрийские» вышивки из Ноин-Улы чрезвычайно интересны и в художественном, и в историко-культурном отношении. Ткань из кургана 25 дошла до нас в виде двух фрагментов с изображениями голов мужчины и юноши⁷⁵. Оба эти изображения, особенно первое, выполненное с большей выразительностью и мастерством, близки портрету «Герая» на монетах⁷⁶.

⁷¹ См.: А. М. Мандельштам. Памятники кочевников кушанского времени, с. 132—135.

⁷² См.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 141—148.

⁷³ А. Н. Бернштам. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение.— ИАН СССР. ООИ. 1937, № 4, с. 963.

⁷⁴ См.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 40; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.—Л., 1962, табл. 60—67.

⁷⁵ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 144—145; табл. 42; С. И. Руденко. Культура хуннов, с. 107; табл. 60—61.

⁷⁶ Сходство мужской головы на этой ткани с портретом «Герая» впервые замечено Л. И. Ремпелем. См.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 190—191.

От большой, сшитой из отдельных полотнищ, ткани-драпировки из кургана 6 сохранилось довольно много фрагментов, позволяющих восстановить характер ее правой части и представить себе общий вид ткани. В центре ее, по-видимому, помещалось изображение божества или божественного персонажа с лучистым нимбом (к сожалению, от этого изображения сохранился лишь небольшой обрывок). Правее и, вероятно, левее размещались три полосы («пояса») вышивки. Правая часть среднего «пояса» изображала всадников, обращенных влево — к главному персонажу (божеству?). Судя по сохранившемуся фрагменту левой части ткани с изображением человека, обращенного вправо, эта часть была симметрична правой. Над средним «поясом» тянулась верхняя кайма ткани с орнаментом, где цветы обрамляли обнаженную фигурку сражающегося с орлом младенца-воина, как бы вырастающего из цветка. Нижнюю кайму украшали изображения грифонов и больших пальметок с разводами.

Мы уже отмечали сходство головы мужчины на ткани из кургана 25 с портретом «Герая», а также стилистическую близость к ним головы юноши на той же ткани и голов всадников на ткани из кургана 6. Одежды персонажей последней сходны с одеждами иранских кочевых племен Евразии и парфянской и кушанской знати. Рогатые и крылатые грифоны на нижней кайме драпировки из кургана 6 живо напоминают не только образцы древневосточного и степного («скифского») искусства, но и грифонов на пряжке из Тулхарского могильника (см. рис. 23).

Все эти образы и мотивы находят аналогии в искусстве Бактрии предкушанской и кушанской поры, подтверждая предположение К. В. Тревер и других исследователей о среднеазиатском, точнее бактрийском, их происхождении. Вместе с тем они расширяют круг сведений о репертуаре и стилистических особенностях представленного ими искусства. Изображение младенца-воина (навешанное, вероятно, легендами о подвигах Геракла в младенчестве), рогатые и крылатые грифоны в сочетании с растительным орнаментом перекликаются с художественными произведениями эллинистического мира и раннего Рима⁷⁷. Это свидетельствует, очевидно, о широком культурном кругозоре создателей «бактрийских» тканей и об их знании древневосточных, степных и эллинистических мотивов и традиций, которые они умели уже использовать для украшения одного и того же художественного изделия.

Думается, что с развитием знаний культуры и искусства Бактрии «темного периода» определение тканей из Ноин-Улы получит новые, еще более убедительные подтверждения, что по-

---

⁷⁷ См.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 145—146, 148.

зволит признать сформулированное выше заключение об искусстве коренного населения Бактрии I в. до н. э.—начала I в. н. э., которое пока приходится считать гипотезой.

Помимо древних местных и иноземных традиций докушанского периода в культуре и искусстве кушанской Бактрии не могли не отразиться также широкие международные контакты, которые, как уже упоминалось, были характерны для передовых стран и областей древнего мира с конца I в. до н. э. по III—IV вв. н. э. Со следами этих политических, торговых и культурных связей мы неоднократно будем сталкиваться при ознакомлении с конкретными явлениями культуры кушанской Бактрии. Сейчас ограничимся их общим обзором.

Выше, говоря об истории Бактрии в кушанскую эпоху, мы уже отмечали бактрийских выходцев в Индии, где они обычно выступали как представители кушанской администрации или воины. Хотя пока наука располагает сведениями лишь об одной среднеазиатской — согдийской — купеческой семье, поселившейся в кушанский период в Индии (из нее происходил буддийский проповедник Кан Сэн-хуэй)⁷⁸, все же можно полагать, что и бактрийские купцы были близко знакомы с Индостаном. Через Бактрию, по Амударье (вероятно, и по обводненному в то время Узбою), проходил, по словам Плиния и Страбона, торговый путь из Индии к Каспию и далее через Закавказье к Черному морю⁷⁹. Через бактрийские земли осуществлялся транзит шелковой пряжи и тканей из Китая в Баригазы, крупный торговый порт в устье р. Инд⁸⁰. Об участии бактрийских купцов в морской торговле между римским Египтом и Индостаном позволяет говорить упоминание Дионом Хрисостомом (ок. 50 — ок. 117 гг.) бактрийцев в Александрии⁸¹. Морским путем, т. е. через Индостан, попадали в Рим, Египет и вообще Средиземноморье и те бактрийцы (большей частью купцы), о которых время от времени сообщают римские авторы, начиная с

⁷⁸ P. Ch. Bagchi. *India and Central Asia*, Calcutta, 1955, с. 39—40.

⁷⁹ Плиний. *Естественная история*, VI, 52; Страбон, XI, 7, 3. Эти сообщения, привлекая внимание еще в XIX в., вызвали оживленные споры. В. В. Бартольд, К. В. Тревер, С. П. Толстов и ряд других ученых полагали, что такого пути не существовало, так как Амударья в историческое время уже не впадала в Каспий. Однако в последнее время исследователи склоняются к достоверности сведений Плиния и Страбона (см., например: А. А. Иерусалимская. *Западные ткани на Дальнем Востоке. — Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока*. Л., 1975, с. 45, 52, прим. 44). Следует отметить, что археологические изыскания последнего времени в районе Узбоя, особенно работы Х. Юсупова, свидетельствуют вопреки существовавшему мнению об обводнении Узбоя и в кушанскую эпоху (см.: Х. Юсупов. *Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом. — Каракумские древности*. Вып. 4. Аш., 1972, с. 122—127).

⁸⁰ См.: М. М. Хвостов. *История восточной торговли*, с. 151, прим. 3 и 4.

⁸¹ Дион Хрисостом. *К александрийцам*, 40; см.: М. М. Хвостов. *История восточной торговли*, с. 395.

правления Августа и Тиберия до Аврелиана, когда римско-индийская морская торговля идет на убыль.

Вполне вероятно, что и индийские купцы, в частности те из них, которые участвовали в торговле по бактрийско-кавказскому пути или в транзитной торговле китайским шелком, бывали в кушанской Бактрии. Но, по-видимому, еще лучше знали этот путь буддийские монахи и проповедники из Гандхары и других кушанских владений в Индостане. О распространении при кушанах буддизма на север от Гиндукуша уже упоминалось, далее (гл. 7) мы также остановимся на этом вопросе. Здесь отметим лишь находки на землях Бактрии индийских небуддийских изделий. Таково, например, круглое каменное «туалетное блюдце» из яванского городища Гарав-кала с рельефным изображением всадника верхом на гиппокампе, сходное и по форме и по сюжету с аналогичными находками из Таксилы⁸². Не связаны с буддизмом и недавние находки на городище Дальверзин-тепе: клад золотых слитков с индийскими надписями письмом кхароштки и ювелирных изделий, сходных с гандхарскими⁸³. Владелец клада, живший в богатом доме на Дальверзин-тепе, по мнению Г. А. Пугаченковой, принадлежал к кушано-бактрийской военной знати; предметы клада могли быть привезены в качестве военной добычи из Северо-Западной Индии⁸⁴. Столь же вероятно, что эти вещи могли принадлежать бактрийскому купцу или ювелиру, но в любом случае они свидетельствуют о контактах с Гандхарой.

Через Бактрию, по-видимому, индийские изделия попадали и в более северные районы Средней Азии — в Хорезм, где найдена терракотовая фигурка обезьянки с детенышем⁸⁵ и костяная пластинка с эротическими миниатюрами на обеих сторонах⁸⁶, а также в Ферганскую долину, где найдены костяные пластинки (возможно, обкладки от шкатулки) с процарапанными изображениями крылатых существ с человеческими головами⁸⁷ и бронзовое зеркало с ручкой в виде фигурки танцовщицы⁸⁸.

⁸² Э. А. Юркевич. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии, с. 165; Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов).— Индия в древности. М., 1964, с. 158.

⁸³ Г. А. Пугаченкова. Ювелирные изделия Дальверзинского клада.— Советское искусствознание. 73. М., 1974, с. 412—414; она же. Новое о кушанах (Дальверзинский клад).— «Наука и жизнь». 1974, № 1, с. 99 и рис. на вклейке.

⁸⁴ Г. А. Пугаченкова. Ювелирные изделия, с. 414—415; она же. Новое о кушанах, с. 99.

⁸⁵ Следует отметить также находку лепной (видимо, местной) терракотовой фигурки слона. См. ТХАЭЭ. Т. 2, с. 363—364; а также Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967 (ТХАЭЭ. Т. 5), с. 192; ср.: ТХАЭЭ. Т. 2, рис. 78.

⁸⁶ ТХАЭЭ. Т. 2, с. 218, 382.

⁸⁷ Е. Д. Салтовская. О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Ашта (древняя Фергана).— ИАН ТаджССР. ООИ. 1968, № 2(52), с. 107—113.

⁸⁸ Ю. Д. Баруздин, А. Г. Подольский. Бронзовая женская ста-

Из приведенных выше сообщений античных авторов видно, что жители Бактрии принимали участие в торговых связях Кушанской империи с римским Средиземноморьем. В ряде случаев речь шла и о каких-то дипломатических контактах, например о приеме Адрианом посольства «бактрийских царей» или прибытии к Антониноу Пио посллов от «индийцев, бактрийцев и гирканцев»; не ясно, правда, имели ли эти римские императоры дело со специальными послами, или все с теми же купцами, бравшими на себя (по поручению своих государей или, возможно, по собственной инициативе) и дипломатические функции. Вещественными свидетельствами связей с Римом могут служить различные находки. Среди них упоминавшиеся амфоровидные серьги из курганов Бишкентской долины, тип и форма которых получили распространение в греко-римском мире с III в. до н. э. (проникли в Среднюю Азию и в Индию, вероятно, через посредство степных племен из Северного Причерноморья), монета Нерона, найденная на поселении Хайрабад-тепе, подвески из «египетского фаянса» в виде сжатой в кулак руки на гордище Кей-Кобад-шах и в одном из курганов Куюмазарского могильника и, наконец, хранящаяся в Термезском музее терракота, сходная с фигурками воинов-римлян из Селевкии на Тигре⁸⁹. К этим предметам теперь добавились выявленный в Халчаяне небольшой бронзовый бальзамарий и стеклянный налп в виде мужской головки, которые, по определению издавшей их Г. А. Пугаченковой, привезены из римского Средиземноморья⁹⁰, а также мраморная головка из Илан-тепе⁹¹.

Говоря о связях Средней Азии и, в частности, Бактрии кушанского времени с римским Средиземноморьем и Северным Причерноморьем, следует иметь в виду, что помимо южного (морского) пути контакты осуществлялись и по сухопутным

туэтка из Кара-Булакского могильника.—КСИА. 85. М.—Л., 1961, с. 127—130; Б. А. Литвинский. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал.—МКТ. Вып. 2, 1971, с. 55—58.

⁸⁹ Подробнее см.: Б. Я. Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим, с. 166—187 (особенно с. 176—180).

⁹⁰ См.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 216, 217, рис. 101. Следует отметить, что присходящий якобы из кушанского Термеза керамический аск (издан Г. А. Пугаченковой и определен ею как местное изделие кушанского времени, подражающее римскому образцу, см.: Г. А. Пугаченкова. Сосуд из Термеза с вакхической сценой.—ВДИ. 1951, № 1, с. 128—136; ср.: она же. Скульптура Халчаяна, с. 40, 89—90, 117, прим. 133), неоднократно фигурировавший в литературе как предмет римского экспорта и свидетельство связей с Римом (см., например: Б. Я. Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим, с. 179; В. М. Массон. Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, с. 347; Б. А. Литвинский, Н. О. Турсунов. Ленинабадский кратер и луврская ваза Соснбия.—ВДИ. 1971, № 3, с. 102—105), как выяснилось, был изготовлен в XIX в. (см.: С. И. Борисковская. Об одной группе подделок античной керамики.—СГЭ. 39, 1974, с. 40).

⁹¹ Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 127—128.

торговым трассам — Великому шелковому пути, т. е. через земли парфянского, а позднее и сасанидского Ирана, и по степной дороге, ведущей из северных районов Средней Азии, в частности из Хорезма, в низовья Волги и далее к берегам Черного моря⁹². В. М. Массон полагает, что в отличие от двух других «северный путь скорее всего имел характер косвенных контактов через посредство кочевых племен, для которых и города Северного Причерноморья и городская цивилизация Средней Азии были двумя важными центрами высокой культуры и развития ремесла»⁹³. Думается все же, что по этой степной дороге могли осуществляться и непосредственные контакты с Причерноморьем среднеазиатских и даже дальневосточных купцов⁹⁴, — это, конечно, отнюдь не исключает связей Средней Азии и, в частности, Бактрии не только с Римской империей, но и с обитавшими вдоль этой трассы кочевыми племенами или с населением иранских областей, через которые проходил Великий шелковый путь. В конце кушанского периода известны военно-политические контакты Бактрии с кочевниками (в частности, с хионитами) и подданными сасанидского «царя царей», включая армян (см. выше, с. 130—140).

Мы вправе также полагать, что жители Бактрии кушанской эпохи не только могли в составе воинских отрядов участвовать в борьбе с китайцами за господство над оазисами Восточного Туркестана, но и поддерживали с населением этих оазисов и ханьским Китаем торговые и дипломатические контакты.

Даже краткий обзор сведений и материалов, свидетельствующих о международных контактах Бактрии кушанской эпохи, показывает широту этих связей, идущих на юг, в Индию, а через нее — в римский Египет; на запад — в Иран и римское Средиземноморье; на северо-запад — в евразийские степи и античные города Северного Причерноморья и на восток — в Восточный Туркестан и ханьский Китай. Бактрия в кушанскую эпоху оказывается в фокусе широчайших политических, торговых и культурных взаимосвязей всего древнего мира; эту особенность следует постоянно иметь в виду при характеристике культуры и искусства этой области в первые века нашей эры.

⁹² О пути через Иран свидетельствуют в основном письменные источники, о северном степном пути — археологические находки (см.: Б. Я. Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим, с. 180; В. М. Массон. Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, с. 346—347).

⁹³ В. М. Массон. Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, с. 347.

⁹⁴ См., например, древнекитайскую нероглифическую надпись, процарапанную на рельефе II—III вв. н. э. из урочища Рамазан-Сала близ Бахчисарая. См.: М. Я. Чореф, П. Н. Шульц. Новый рельеф сарматского круга.—СА. 1972, № 2, с. 135—145 (особенно с. 137, рис. 3; с. 140).

Глава 7

РЕЛИГИИ, КУЛЬТЫ И КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Исследователи, обращавшиеся к изучению религий и культов домусульманской Средней Азии, включая Бактрию-Тохаристан, отмечают обычно, что картина складывается чрезвычайно сложная и пестрая. Предполагается, что с начала нашей эры до арабского завоевания (VII—VIII вв.) помимо древних местных культов здесь получили распространение «мировые» религии: буддизм, проникновение которого было обусловлено вхождением части Средней Азии в одно государство с Индией, связями с индийскими областями и покровительством буддийским общинам со стороны кушанских властей; зороастризм, манихейство и христианство, чье появление здесь объясняется соседством с парфянским, а позднее — сасанидским Ираном и контактами с ним. Говоря о конкуренции между «мировыми» религиями в Средней Азии, А. М. Беленицкий отмечал также существование в Средней Азии еще и «культа идолов», «о котором говорят главным образом китайские и так называемые мусульманские источники»¹. Эта точка зрения, высказанная более двадцати лет назад, сейчас требует значительных дополнений. По материалам Бактрии кушанской эпохи можно смело утверждать существование не одного «культа идолов», а многочисленных местных и иноземных культов, получивших распространение в результате разносторонних международных контактов. Новые (хотя и немногочисленные) материалы показывают также невозможность однозначного решения вопроса о реальном положении разных религий и культов в этих временных и пространственных границах. Конкретные историко-культурные области в тот или иной (кушанский или ранне-средневековый) период представляли собой весьма несходную картину. Применительно к Бактрии кушанского периода имеющиеся данные позволяют несколько уточнить распространенные в литературе представления о влиянии разных религий и культов на местное население этой области.

¹ А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов).— Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, с. 36.

Прежде всего можно отметить, что в отличие от сасанидского Ирана власти Кушанской империи, во всяком случае при Канишке и Хувишке, отнюдь не отличались религиозной нетерпимостью.

Как свидетельствует государственный чекан Канишки и Хувишки, правящая верхушка Кушанской империи не только декларировала свою веротерпимость, но даже предприняла попытку создать официальный синкретический «пантеон», поместив на реверсе монет изображения почти трех десятков богов и богинь различного, вплоть до греко-египетского (божество Сарапис), происхождения (см. выше, рис. 3). Думается, что реально поклонение наиболее экзотическим божествам этого «пантеона» в кушанской Бактрии вряд ли привилось. К тому же, как убедительно показал Е. В. Зеймаль, некоторые божества вообще были «изобретены» мастерами-«чужеземцами» или необразованными резчиками, работавшими иногда на кушанских монетных дворах (например, при Хувишке)². Но ряд божеств мог попасть в этот уникальный «пантеон» только из Бактрии, и лишь в том случае, если их культы здесь действительно существовали.

Таковы языческие божества, которые в отличие от официальных божеств ортодоксального зороастризма сасанидского Ирана можно условно обозначить как маздеистские³. Они характерны для восточноиранских, в основном — среднеазиатских и североафганистанских областей. Показательно, что, хотя большинство божеств как в Иране, так и в кушанских областях восходит к «первоначальному зороастризму», т. е. к единому общеиранскому язычеству⁴, в Кушанской империи наибольшей популярностью пользовались «несасанидские». Верховное божество авестийского пантеона — Ахура Mazda, особо почитаемый царями Ирана еще со времени Ахеменидов, равно как и Веретрагна (у кушан — Орлагно или Врлагно), бог войны и победы, занимавший видное место в сасанидском зороастризме, на кушанских монетах встречаются крайне редко⁵, причем ико-

² Е. В. Зеймаль. Существовал ли бог Ашаишх? — СГЭ. 38, 1974, с. 53—59; он же. Кушанское царство по нумизматическим данным, с. 14.

³ Это обозначение, предложенное мною еще в 1949 г. (см.: Б. Я. Ставиский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. — СРИКМ. Вып. 1, 1952, с. 35—58, особенно с. 35, 55—57; ср.: он же. Исследование маздеистского некрополя древнего Пенджикента. — СТФАН. Вып. 19, 1949, с. 38—40), не общепринятое. А. Ю. Якубовский (Вопросы изучения пянджикентской живописи. — Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, с. 21—22) предпочитал говорить о среднеазиатской разновидности зороастризма, а Б. Г. Гафуров — о среднеазиатском маздеизме (Таджики, с. 61, прим. 61). Но все исследователи соглашаются, что языческие культы авестийского круга домусульманской Средней Азии близки, но отнюдь не тождественны сасанидскому зороастризму.

⁴ Краткий, но содержательный очерк древнейших религиозных представлений авестийского округа и «первоначального зороастризма» см.: С. Н. Соколов. Духовная культура. Религия. Религиозная система зороастризма. — ИТН, с. 168—186.

⁵ J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 72, 83, 85—96.

нография их отлична от иранских. Популярная же на западе Ирана богиня Ардвисура/Анахита на кушанских монетах вообще отсутствует⁶. Зато на монетах Канишки и Хувишки особенно часто изображались бог солнца Митра (в «Авесте» и позднее в Согде также бог договора)⁷, божество луны Мах, бог ветра Вадо, бог огня Атшо. Из других божеств, упоминаемых в «Авесте», на этих монетах представлены также Фарро, бог славы и знатности; Хванинда, крылатая богиня победы, иконографически явно связанная с Никой, а возможно и слившаяся с ней; Шахревар, бог царского могущества и металлов; Лрувасп (в «Авесте» Дрваспа), бог — охранитель скота⁸. Наряду с этими маздеистскими, т. е. общеиранскими языческими, божествами в официальный пантеон кушан вошли также богиня изобилия и плодородия Ардохшо и бог-покровитель амударьинских вод Вахшу. Богиня, вероятно, восточноиранского, а Вахшу — безусловно именно бактрийского происхождения⁹, хотя их образы на кушанских монетах отразили влияние эллинизма: Ардохшо перекликается с Фортуной, Вахшу — с Посейдоном.

Несмотря на новое антропоморфное обличье, все эти божества, безусловно, связаны с религиозными представлениями той иранской историко-культурной среды, из которой вышла кушанская правящая верхушка, т. е. прежде всего Бактрии, где поклонение божествам авестийского (более широко — маздеистского) круга, очевидно, уходило корнями в глубокую древность. Однако есть основания полагать, что до кушанского периода культ этих божеств здесь не превратился в ортодоксальную религию (в отличие от Западного Ирана, где на базе авестийских культов сложилась при Сасанидах одна из «мировых» религий — зороастризм). Зороастризм получил распространение в Бактрии лишь в кушано-сасанидский период. Его принесли сюда сасанидские правители и их зороастрийские жрецы, которые, как заявлял в своих надписях один из наиболее ярких представителей сасанидского жречества — Картир, утверждали «истинную веру» всюду, куда «кони и люди... царя царей дошли». Картир, носивший титул «религиозного наставника царя царей», верховного жреца и верховного судьи Сасанидского государства, описал, как распространялась в его время государственная религия сасанидского Ирана: «И иудей, и буддий-

⁶ Детальный разбор «пантеона» монет Канишки и Хувишки см. там же, с. 69—101. Об ошибках в перечне божеств «пантеона» см.: Е. В. Зеймаль. Существовал ли бог Ашанш?, с. 53—59.

⁷ См.: В. А. Лившиц. Юридические документы и письма (Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2). М., 1962, с. 42.

⁸ Возможно, что божество Манабаго на монетах восходит к авестийскому Voxu Мана (J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 79—80), а божество Маздовано идентично с Ахура Маздой (там же, с. 82—83).

⁹ См. там же, с. 74—75, 92; Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 166—167. См. также: Е. В. Зеймаль. Монеты Великих Кушан, с. 69—71, 75, 77, 81, 84—85.

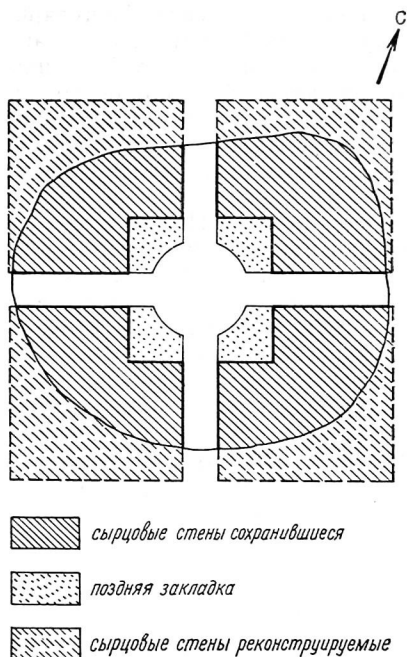

Рис. 24. План постройки (чортак?)
 близ Термеза

ские жрецы, и брамины, и назарей, и христиане, и... зиндикы (манихеи) были разбиты, а изображения (их) богов — разрушены, и убежища (храмы) дэвов были уничтожены, и в „гнездовища“ (в храмы зороастрийских) богов и их обители были превращены... Многие храмы огня были основаны»¹⁰.

В этом отношении показательна судьба буддийского культового центра кушанского Термеза на Кара-тепе, гибель (или запустение) которого связана, очевидно, с захватом его сасанидским отрядом. В одном из храмовых дворов в ходе раскопок действительно открыт алтарь огня, сооруженный наспех из сырцовых кирпичей в нише, где ранее стояла большая буддийская статуя¹¹. Вероятно, это — следы превращения иноверческого храма в зороастрийский, совершенного по рецепту Картира¹².

Наиболее ярким свидетельством распространения зороаст-

¹⁰ В. Г. Луконин. Культура сасанидского Ирана, с. 87.

¹¹ См.: Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг. — Кара-тепе. III, с. 27, 51.

¹² Я. Харматта (см. Кара-тепе. III, с. 121 и сл.) утверждал даже, что под «убежищами дэвов», превращенными в зороастрийский храм, Картир

ризма во владениях кушано-сасанидских правителей являются их монеты с изображениями алтарей огня и надписями, подчеркивающим приверженность к «маздаяснийской», т. е. зороастрийской, вере¹³. Еще одним свидетельством этого может, вероятно, служить небольшая постройка на холме близ дороги на кушанский Термез, в 18 км к северу от него¹⁴. Эта постройка (рис. 24) с центральной (по-видимому, купольной) комнатой имела четыре выхода наружу, в каждой из сторон. По устройству, размещению и планировке она напоминает сасанидские *чортаки* — храмики огня; возможно, она была сооружена во время сасанидского господства¹⁵.

Никаких более ранних следов распространения зороастризма в Бактрии в кушанскую эпоху пока не известно. Таким образом, можно заключить, что эта религия не играла заметной роли в жизни Бактрии до захвата ее Сасанидами.

О распространении в Бактрии других переднеазиатских «мировых» религий — христианства и манихейства — известно лишь из письменных источников. Так, по мнению И. Маркварта, упоминание в сирийской «Книге законов страны» (конец II—III вв. н. э.) христианок в Кушане следует относить именно к кушанской Бактрии¹⁶. «Страна кушан» упоминается и в гностическом «Гимне души» конца II в. н. э.¹⁷. О распространении христианства из Ирана «до страны Кушанов», а оттуда «на юг до Индии» сообщает, говоря о царствовании Шапура II, и армянский историк Егишэ¹⁸. Однако этих данных все же недостаточно для каких-либо категоричных утверждений, тем более что источники сведений «Книги законов страны» и «Гимна души» о кушанях неизвестны¹⁹.

подразумевал именно пещеры Кара-тепе. Однако такое утверждение вряд ли обосновано, поскольку, во-первых, трудно предполагать, что Кара-тепе было столь значительным буддийским культовым центром, чтобы Картир удостоил его специальным упоминанием, и, во-вторых, потому, что захват Термеза и Кара-тепе Сасанидами, скорее всего, приходится на более позднее время, чем деятельность Картира.

¹³ В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, с. 20—23, 26.

¹⁴ Исследовавшие эту постройку, Л. И. Альбаум и Т. Агзамходжаев обнаружили в ней групповые захоронения и приняли ее за склеп. См.: А. И. Альбаум, Т. Агзамходжаев. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом.— ОНУ, 1968, № 8, с. 56—58. На иное назначение постройки указал в рецензии А. М. Мандельштам: СА. 1970, № 4, с. 258; см. также: Г. А. Пугаченкова. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии.— ВДИ. 1973, № 1, с. 128, прим. 23.

¹⁵ См.: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг. Сасаниды в правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV—V вв., с. 188, 189.

¹⁶ J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, с. 283.

¹⁷ A. Mingana. The Early Spread of Christianity in Central Asia and the Far East: a new document.— «Bulletin of the John Rylands Library». Vol. 9. № 2. Manchester, 1925, с. 302.

¹⁸ Егишэ. О Вардане и войне армянской, с. 65.

¹⁹ Сведения о христианстве в Бактрии недавно вновь рассматривал Б. А. Литвинский (см.: Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепе, с. 122)

Не более определенны сообщения о распространении в Бактрии кушанской поры манихейства, основатель которого Мани одно время оспаривал у Картира влияние на сасанидский двор. Как показали многочисленные исследования²⁰, уже при жизни Мани (род в 216—218 гг., погиб в 274 или 277 г.) община его сторонников имела в Мерве, т. е. неподалеку от границ Кушанской империи. Найденные в Восточном Туркестане два манихейских документа, связанные с Мар-Амо, первым апостолом манихейства на востоке, деятельность которого началась еще при жизни Мани, свидетельствуют о стремлении распространить это учение за восточные пределы Ирана. В одном из этих документов говорится об отправке миссионеров из Мерва в Земм (современный Чарджоу). Во втором, явно позднем, «житии» Мар-Амо упоминается, что, когда этот апостол был направлен самим Мани для проповеди его учения в Хорасан, близ «границы Кушан», перед Мар-Амо предстала «Багард», божественная «дева», «дух хорасанской границы», которая только после долгих переговоров открыла перед ним «врата всего Хорасана»²¹.

В первом памятнике речь, очевидно, идет о направлении деятельности манихейских миссионеров на Согд, через который манихейство, видимо, проникло позднее в Восточный Туркестан. Привязывать второй к Бактрии конца III—IV вв. довольно рискованно.

В. Б. Хеннинг, исследовавший ряд парфяно-манихейских памятников, полагал, что один из магических текстов, отражающий тесные контакты манихеев с буддистами где-то на границе Ирана и Индии, был написан, скорее всего, в VI в. в Балхе или вблизи от него, где «без сомнения» сильная манихейская община существовала «несколько столетий»²². Действительно, о значительной роли в VIII в. манихеев в Чаганиане и вообще в Тохаристане известно из сообщений источников²³. Вполне вероятно, что манихейская община могла существовать и в Балхе VI в. Но говорить о существовании таких общин в кушанской Бактрии эти данные оснований не дают.

Нельзя считать конкретным указанием на распространение

---

²⁰ См., например: А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии, с. 39—42, 66—68, 69—70; В. Г. Луконин. Культура сасанидского Ирана, с. 17, 70—71, 74—81, 98; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа, с. 114—115, 120—122.

²¹ F. Andreas, W. Henning. *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch Turkiestan*. 2.—SPAW, 1933, № 7—9, с. 302—303; А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии, с. 40—41, 69—70. «Багард» сопоставляют с богиней Ардохшо кушанских монет.

²² См.: W. B. Henning. *Two manichaean magical texts*.—BSOAS. Vol. 12, 1947, с. 49—50; он же. *Waručan-Sah*.—«The Journal of the Greater India Society». Vol. 11. № 2. Calcutta, 1944, с. 86—90.

²³ Последнюю сводку их см.: Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа, с. 121 (там же указана библиография).

манихейства в Бактрии в конце III—IV вв. и приводимое исследователями сообщение о бегстве манихеев из Ирана после гибели Мани. Оно помещено в труде мусульманского автора конца X в. ан-Надима, сведения которого о Мани и манихеях считаются достаточно достоверными: «Когда Хосрой убил Мани и распял его... он приступил к избению последователей Мани, где бы он их ни находил. И они (манихеи) бежали от него, пока не перешли реку Балха (Амударью) и не вступили в страну Хана, и оставались при нем»²⁴.

Таким образом, несомненных свидетельств о распространении и заметной роли в Бактрии кушанской эпохи христианства или манихейства у нас пока нет. Однако отрицать возможность их проникновения сюда в эту эпоху было бы тоже неправильно.

В отличие от воинствующей государственной религии сасанидского Ирана — зороастризма, эти религии были гонимы сасанидскими властями, и их последователи вполне могли найти себе убежище не только в Согде, но и в Бактрии, основной области Кушанской империи, которая оставалась потенциальным противником Сасанидского государства. Но говорить о значительной роли или борьбе этих религий за первое место в Кушанской империи вообще и в Бактрии в частности в первых веках н. э., конечно, не приходится.

Единственной «мировой» религией, которая глубоко внедрялась в кушанской Бактрии и действительно играла здесь большую роль, был буддизм. По вопросу о том, когда проникло это индийское религиозное учение в Бактрию (и Среднюю Азию вообще), мнения ученых расходятся. Одни полагают, что буддизм распространился на землях Бактрии в кушанский период, другие утверждают, что «историю буддизма в Средней Азии следует начинать со времени Греко-Бактрийского царства»²⁵. В подтверждение этого последнего вывода обычно ссылаются на сведения о принятии буддизма греко-индийским царем Менандром и на изображение ступы на некоторых монетах Агафокла. Эти доводы, однако, никак нельзя признать убедительными, поскольку не только Менандр, но и Агафокл правили областями, лежащими к югу от Гиндукуша, т. е. не относящимися к собственно Бактрии (да и к Средней Азии). Не углубляясь в историю буддизма на территории Южного Афганистана, отметим лишь, что там буддизм распространялся не только в греко-бактрийское, но и в более раннее время, еще при царе Ашоке,

---

²⁴ Цит. по: А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии, с. 40.

²⁵ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа, с. 110—111. Ср. там же, с. 151, прим. 15: «...хотя мнение Багчи... что уже во времена Ашоки буддизм проник в Бактрию, еще не может быть доказано, оно представляется вполне вероятным. Напротив, мнение А. Фуше, что появление буддизма в Бактрии следует относить лишь к концу I в. н. э. или II в. н. э. ...представляется совершенно неправильным».

надписи которого с буддийскими проповедями известны теперь помимо Индии и Пакистана также в районах Кандагара и Кабула²⁶.

Что же касается буддизма в Бактрии, то думается, что Б. А. Литвинский был более близок к истине, когда писал по этому поводу: «Мнение Багчи... что уже во времена Ашоки буддизм проник в Бактрию (Балх), пока ничем не подтверждено»²⁷. К этому следует, видимо, добавить, что «пока ничем не подтверждено» также мнение о распространении здесь буддизма в греко-бактрийское время и в последовавший за ним «темный период» истории Бактрии²⁸.

Отсутствие каких-либо свидетельств о буддизме в докушанской Бактрии, конечно, не дает нам право отрицать возможность его проникновения сюда. Но если иметь в виду широкое распространение — а историю буддизма в Бактрии правильно, видимо, начинать именно с его распространения здесь, — то оно приходится лишь на кушанский период, скорее всего, на время расцвета Кушанской империи.

К сожалению, бесспорных сообщений о буддизме в Бактрии в сочинениях кушанского периода нет. Известная науке информация донесена буддийской традицией, отраженной в более поздней литературе. Самое раннее сообщение о буддизме в Кушанском государстве содержится в «Вэйлию», сочинении середины III в. н. э., от которого, однако, сохранились лишь отрыв-

---

²⁶ Перечень основных работ по надписи Ашоки из Кандагара см.: Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа, с. 150—151, прим. 10; *The Moral Edicts of King Asoka with an Introduction and Edited by P. H. L. Eggermont and R. J. Höblijzer*. Leiden, 1962 (*Textus minores*. Vol. 29), с. 46; J. Harmsatta. *Zu den griechischen Inschriften des Asoka*.— ААН. Т. 14. Fasc. 1—2, 1966, с. 77—85. О надписи Ашоки из Лагмана (близ Кабула) см. выше, с. 90.

²⁷ См.: Б. А. Литвинский. *Среднеазиатские народы и распространение буддизма.— История, археология и этнография Средней Азии*. М., 1968, с. 129 прим. 14.

²⁸ Б. А. Литвинский считает «одним из ранних свидетельств проникновения буддизма в Среднюю Азию накануне или в ранний период образования Кушанского государства» надпись кхароштки из ущелья Даршай на Западном Памире, которую Я. Харматта прочитал как «Нарайана, побеждай!» и отнес к концу II — началу I в. до н. э. (см.: J. Harmsatta. *The Oldest Kharosthi Inscription in Inner Asia*.— «*Acta Orientalia*». Т. 19. Fasc. 1. Budapest, 1966, с. 1—12; Б. А. Литвинский. *Среднеазиатские народы и распространение буддизма*, с. 130; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. *Аджина-Тепа*, с. 112). Если принять датировку надписи, предложенную Я. Харматтой, и заключение о связи ее с ранним буддизмом, постулируемую Б. А. Литвинским, то надпись оказалась бы единственным ранним свидетельством (а не «одним из ранних») проникновения буддизма в Бактрию. Однако хронологическое определение надписи из Даршай, как это отмечает и Б. А. Литвинский, еще «нельзя считать... окончательным», а отнесение индуистского культа Нарайаны к раннему буддизму весьма сомнительно. Пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю признательность В. В. Вертоградовой за консультации по вопросам буддологии и вообще религий и культуры древней Индии.

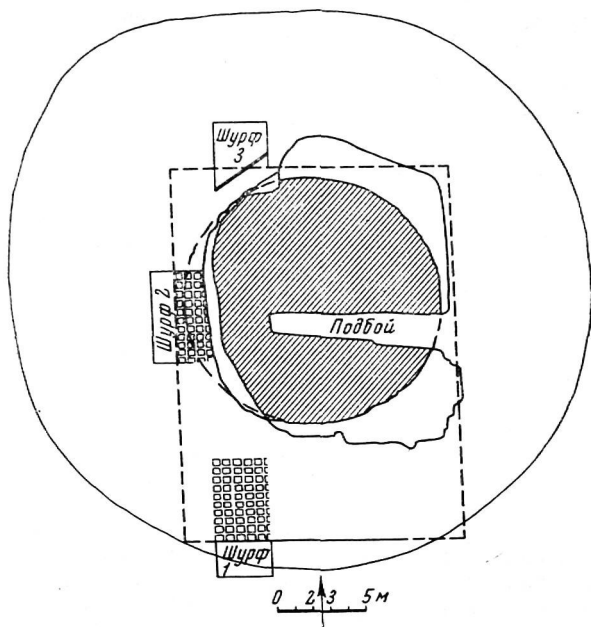
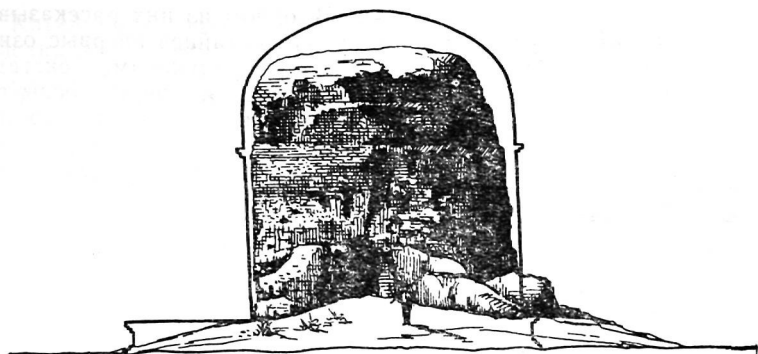

Рис. 25а. Буддийская ступа близ Термеза («башня Зурмала»).
 План и архитектурный профиль (по Г. А. Пугаченковой)

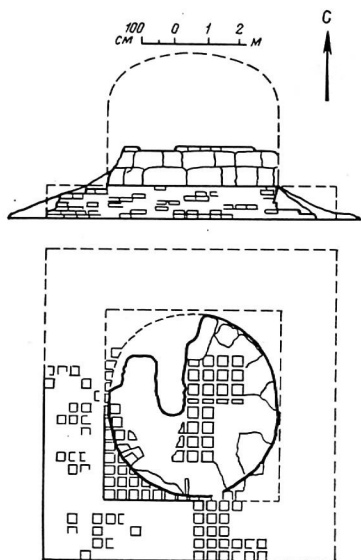

Рис. 256. Буддийская ступа в Айртаме. План и разрез (по Г. А. Пугаченковой)

ки. В одном из них рассказывается, что китайцев впервые ознакомили с буддийскими текстами во 2 г. до н. э.— не то послы государя да-юечжи, не то его наследник, который по поручению отца принимал китайских послов²⁹. Вне зависимости от той или иной трактовки этого отрывка, знакомство китайцев с буддизмом в «Вэйлю» определенно связано с кушанами, точнее, с их предками, обосновавшимися на землях Бактрии, которая представлялась, таким образом, «одним из важнейших центров буддизма»³⁰.

Буддийская традиция сохранила также имена буддийских монахов-богословов, выходцев из кушанской Бактрии (или их потомков)³¹. Один из них — Гхошака — характеризуется как участник собора, созванного якобы Канишкой в Пурушапуре, и как автор обширного комментария на буддийский труд «Абхидхармапитака».

С его именем связывается распространение в Бактрии одной из сект буддизма — *вайбхашиков*, последователем которой был и Дхармамитра из Тармиты//Термеза. Трое других — Чжи Лоу-цзя-чань, Чжи Яо и Чжи Лян — вместе с миссионерами — выходцами из парфянских земель и согдийцами проповедовали буддизм в Китае во II в. н. э. Среди проповедников и богословов III в., работавших в Китае, упоминаются потомки выходцев из страны да-юечжи, т. е., возможно, уже и не связанные с Кушанским государством и Бактрией, — Чжи Цянь (Чжи Юе) и Дхармаракша. Однако работавший над переводом на китайский язык буддийских трактатов выходец из Тохаристана Дхармананди прибыл в Китай в 384 г. и пробыл там до 391 г.; можно предполагать, что до 384 г. он был на родине, куда затем и вернулся (вполне вероятно, что он бежал

²⁹ Этот отрывок из «Вэйлю», дошедший до нас в сочинении 429 г. н. э., многократно рассматривался китаистами и историками буддизма. Последний перевод его см.: E. Zülgheg. The Yüeh-chih, с. 371.

³⁰ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа, с. 113.

³¹ Последнюю сводку сведений о них см. там же, с. 112—114; библиография.

в Китай после захвата Бактрии Сасанидами и вернулся обратно после их изгнания).

Остальные сообщения и косвенные данные о буддизме в Бактрии при кушанах еще менее определены.

Приведенные сведения, хотя они и позволяли предполагать распространение в кушанской Бактрии буддистов и буддизма, обрели должную убедительность лишь после открытия на территории Бактрии вещественных свидетельств — археологических памятников буддизма кушанского периода. Некоторые из них были известны уже давно и ныне получили лишь твердую атрибуцию и хронологическое определение, другие открыты в ходе полевых исследований в послевоенные годы. К числу первых относятся наиболее грандиозные буддийские ступы, располагавшиеся близ Балха — Топи-Рустам, Тахти-Рустам и Шахри-Фолак³² и близ Термеза — «башня» Зурмала³³ (рис. 25а). Вторые более многочисленны и разнообразны. Это крупный буддийский культовый центр кушанского Термеза на холме Кара-тепе и лежащий неподалеку от него загородный монастырь Фаяз-тепе, а также какое-то сооружение на месте современной термезской городской свалки³⁴, монастырь Ангур-

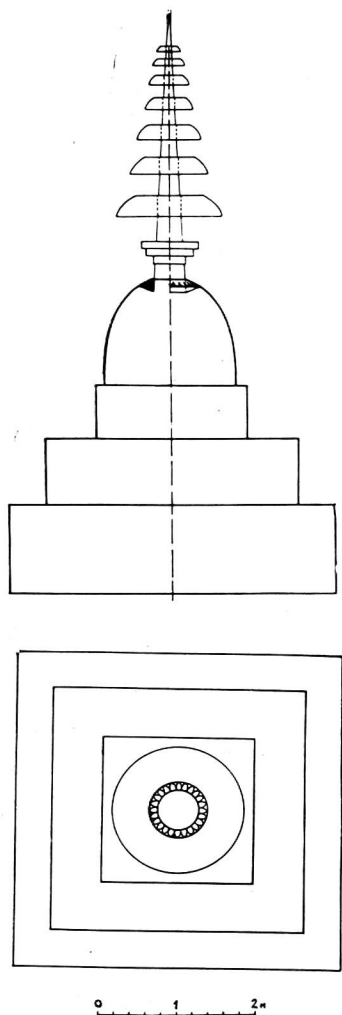

Рис. 25а. Буддийская ступа во дворе первой группы помещений из Кара-тепе (реконструкция разреза и плана И. П. Луньковой)

³² См. Приложение II, Балх.

³³ Под названием Катта-тупе эта «башня» была обозначена на схематическом плане Старого Термеза, изданном И. Т. Пославским (И. Т. Пославский. О развалинах Термеза.— «Среднеазиатский вестник». Таш., 1896, дек.). См. также: А. С. Стрелков. Зурмала или Катта-тупе около Термеза.— *Культура Востока*. М., 1927, с. 27—30; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение.— *ТАКЭ*. (Т. 1). 1940, с. 15.

³⁴ См. Приложение II, Термез.

тепе возле Кундуза³⁵, монастырь и буддийский комплекс — отдельно стоящая ступа (возможно, с какими-то постройками) (рис. 25б) в Айртаме³⁶, «платформа буддийских статуй», неподалеку от Сурх-Котала³⁷, буддийские святилища возле Дальверзин-тепе³⁸ и Дильберджина³⁹, комплекс со ступой у Кафиркалы в долине р. Кокчи⁴⁰, небольшое святилище на Зар-тепе (в районе Термеза)⁴¹; отдельные находки буддийских рельефов в Шам-кале, Тепе-Кафе (возле Баглана)⁴² и в районе Кундуза⁴³; буддийские надписи из Термеза⁴⁴, Кундуза⁴⁵ и Хатын-

³⁵ Исследовался неоднократно: в 1937 г. Ж. Акэном, в 1940 г. Е. Берджером и Ф. Райтом, в 1953 г. Р. Юнгом, в конце 50-х годов К. Фишером. См.: J. Hackin. Fouilles de Kunduz.—MDAFA. T. 8, 1959, с. 19—21; E. Barger, Ph. Wright. Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan; R. Young. Afghanistan reconnaissance.—«Archaeology». Vol. 7. № 1, 1954, с. 51—52; K. Fischer. Gandharan Sculpture from Kunduz and Environs, с. 231—253; он же. Preliminary Notes on some Ancient Remains at Qunduz, с. 62 и сл. Это был монастырский комплекс, где к основной части, квадратной в плане (50×50 м), примыкал с юго-запада квадрат построек (30×30 м). Во внутреннем дворе монастыря располагалось небольшое святилище (3×3 м) со сводчатым перекрытием и стеной полихромной росписью. Здесь же найдены обломки гипсовых буддийских статуй.

Датировка строений и скульптуры не ясна, скорее всего, они относятся к кушанскому периоду. См.: А. М. Мандельштам. О сборнике по археологии Афганистана.—СРОМ. Вып. 4, 1966, с. 172.

³⁶ См. Приложение II, Айртам.

³⁷ См.: D. Schlumberger. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India.—«Proceedings of the British Academy». L., 1961, с. 79, 90—91; ср.: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 156. Вероятно, это остатки буддийского святилища: квадратная в плане платформа с каменной облицовкой и примерно 40 декоративными каменными пилястрами, от которых сохранилось 25 капителей (одна из них — с изображением «тюрбана бодхисаттвы»); на платформе найдены остатки огромных ганчевых статуй, скорее всего буддийских персонажей.

³⁸ См. Приложение II, Дальверзин-тепе.

³⁹ См. там же, Дильберджин.

⁴⁰ См.: R. E. M. Wheeler. Archaeology in Afghanistan, с. 63.

⁴¹ См. Приложение II, Зар-тепе.

⁴² См.: B. Dagens. Fragments de sculptures inédits, с. 36—39.

⁴³ См.: K. Fischer. Gandharan Sculpture from Kunduz and Environs, с. 231—253; он же. Neue Funde und Forschungen zur Indischen Kunst in Arachosien, Baktrien und Gandhara, с. 416—435; B. Dagens. Fragments de sculptures inédits, с. 39.

⁴⁴ М. И. Воробьева-Десятовская. Памятники индийской письменности из Средней Азии.—Индия в древности. М., 1964, с. 210—212; она же. Новые находки письмом кхароштии из Термеза.—ВДИ. 1974, № 1, с. 116—125. Ср.: Т. В. Грек. Индийские надписи на керамике.—Кара-тепе. I, с. 62—81; Я. Харматта. К интерпретации индийских надписей на керамике из Кара-тепе.—Кара-тепе. II, с. 32—39; Т. В. Грек. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе.—Кара-тепе. III, с. 114—117; Т. В. Грек, В. А. Лившиц. Двухязычная надпись из Кара-тепе.—Кара-тепе. III, с. 118—121; В. В. Вертоградова. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе.—Кара-тепе. IV, с. 70—81.

⁴⁵ См.: G. Fussman. Documents épigraphiques kouchans, с. 58—61, табл. IX, 28—29.

КАРА-ТЕПЕ

В СТАРОМ ТЕРМСЭС
РАСКОП 1973 Г.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ОБОЗНОВАННЫЕ СТЕНЫ
- СТОРОННИЕ СТЕНЫ
- СТЕНЫ ВОЗВОШЕННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ
- ДАМКИ, ЖЕЛЕННЫЕ ВИНТКИ
- КАНДИДОВАЯ БЛЮД ВОЛОНОВ
- УГАУБАСКИЯ

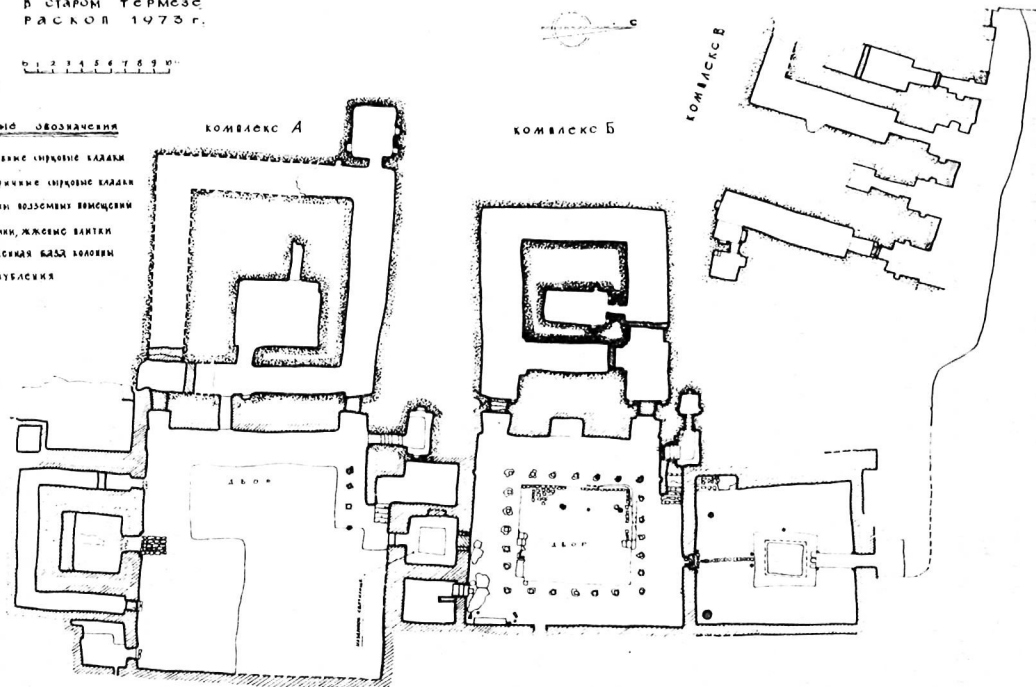

Рис. 26. План раскопа на Кара-тепе

Рабата⁴⁶; буддийские терракоты из Термеза⁴⁷ и других правобережных поселений — Барат-тепе⁴⁸, Караул-тепе⁴⁹ и Ак-Калы⁵⁰; оттиски крупной резной печати с изображением Будды на жженных кирпичных плитках из Дальверзин-тепе⁵¹.

Наиболее изучены сейчас буддийские памятники Термеза, на примере которого можно представить себе роль буддийских институтов — монастырей, храмов, святилищ в жизни городов кушанской Бактрии⁵². Как уже упоминалось, в Термезе и возле него открыты остатки четырех буддийских архитектурных комплексов: крупный буддийский культовый центр на холме Кара-тепе, загородный монастырь Фаяз-тепе, подвальное помещение какой-то буддийской постройки на месте современной городской свалки и ступа Зурмала. Первый из них располагается в окруженном стеной пригороде кушанского Термеза, в северо-западном углу древнего городища. Три остальных — за пределами городских стен, охватывая город по дуге с севера и востока (см. рис. 11).

Буддийский культовый центр на Кара-тепе представлял собой не менее двух десятков групп разнообразных пещерных и наземных помещений, размещавшихся близ вершины, на склонах, у подножия и внутри (в толще четвертичных песчаных отложений) трехглавой возвышенности, которую в 20-х годах XX в., когда в Термезе вела свои исследования экспедиция Музея восточных культур, первая крупная советская археологическая экспедиция в Среднюю Азию, местные жители называли «Черным холмом» (Кара-тепе) в память о якобы большом количестве некогда погибших здесь людей⁵³. В настоящее время

---

⁴⁶ См.: Г. А. Пугаченкова. К изучению памятников Северной Бактрии, с. 32, 33, рис. 3.

⁴⁷ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение, с. 79, рис. 5, 4; В. А. Мешкерис. Терракоты из Кара-тепе.— Кара-тепе. II, с. 131—136.

⁴⁸ Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 119—120.

⁴⁹ В. А. Мешкерис. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху, с. 14; ср.: Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 119, прим. 1.

⁵⁰ В. Н. Филиппко, И. Масимов. Буддийская статуэтка из Ак-Кала (Средняя Аму-Дарья).— СА. 1969, № 3, с. 247—251.

⁵¹ Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов. Исследование Дальверзин-тепе в 1972 г., с. 64.

⁵² Я уже касался этой темы в докладе на конференции по полевым археологическим и этнографическим исследованиям 1972 г. (см.: Б. Я. Ставиский. Место буддийских институтов в системе древнего города Средней Азии.— Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 29—31).

⁵³ См.: Е. Г. Пчелина. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе.— Кара-тепе. I, с. 85. Как показали работы 60-х — начала 70-х годов, представления о «гибели на Кара-тепе многих людей» объясняются тем, что здесь после заступления буддийского культового центра производились групповые массовые захоронения, связанные, видимо, с какой-то эпидемией.

на Кара-тепе завершается исследование одной и ведутся раскопки во второй такой группе помещений (рис. 26)⁶⁴.

Первая группа помещений, вытянувшаяся с юга на север почти на 60 м, включала три больших двора. Посреди одного из них — «северного» — располагалась ступа (см. рис. 25в). Два других, окруженные по периметру портиками с колоннами, были связаны с храмами и святилищем: «средний» двор — с пещерным храмом П-II и наземным святилищем, которое первоначально соединяло его с «южным» двором (позднее этот проход был заложен, а само святилище замуровано); «южный» двор — с пещерным храмом П-I и небольшим наземным храмиком. Стены южных айванов «среднего» и «южного» дворов, обращенные соответственно к наземным святилищу и храму, украшала многоцветная монументальная живопись с изображением знатных донаторов (мужчин и женщин) и сцен из жизни Будды. В западном айване «среднего» двора, между проходами в пещерный храм П-II, в большой нише помещалась первоначально крупная буддийская статуя.

Каждый из храмов имел по замкнутой центральной комнате, служившей, очевидно, святилищем, где располагались статуи и рельефы; эти помещения окружали обходные коридоры: четыре в пещерных храмах и три в наземном (функции четвертого коридора здесь, видимо, выполнял примыкавший к храмику южный айван «южного» двора). Внутри наземного святилища (между «средним» и «южным» дворами) находилась вотивная ступа, вероятно, уменьшенный вариант ступы «северного» двора. В святилищах, очевидно, совершалось поклонение буддийским святыням, а обходные коридоры храмов предназначались для ритуала *прадахина* — обхода этих святынь.

Как храмы, так и наземное святилище имели по небольшой комнате-келье, где жил, по-видимому, монах, обслуживавший тот или иной храм. Кроме того, над пещерным храмом П-II, образуя как бы второй этаж, но изолированно от этого храма и его двора, размещалась небольшая постройка, состоявшая из 6 или 7 комнат. Одна из этих комнат в последний период существования буддийского культового центра служила жильем для монаха более высокого ранга. В комнате, располагавшейся у входа в постройку, находился большой керамический сосуд, вкопанный по венчик в пол, и водоотводное устройство. Здесь, очевидно, входящие совершали омовение. Третье, самое большое помещение этой постройки — сильно вытянутая комната с высоким глинобитным возвышением у торцевой стены. Представляется вполне вероятным, что оно могло использоваться как *катхика-сала* — помещение для бесед.

Вторая группа помещений, располагавшаяся отдельно от пер-

⁶⁴ Основные публикации: Кара-тепе. I; Кара-тепе. II; Кара-тепе. III; Кара-тепе. IV.

вой на северном склоне южной вершины Кара-тепе, также включала большой двор (шириною более 20 м). Раскопки здесь только начались, но уже выяснилось, что в этот двор с юга выходили арочные ниши с проходами внутрь трех или четырех пещер, имевших, скорее всего, культовый характер. Однако планировка и устройство этих пещер заметно отличаются от пещерных храмов первой группы помещений.

Концентрация в одном месте большого числа буддийских храмов и святилищ, их разнотипность (ни одно из сооружений не повторяет другого), отсутствие общежитий и иных характерных помещений монастырской буддийской общины — все это затрудняет пока определение назначения этого буддийского культового центра.

Значительно более четким по планировке и назначению представляется загородный монастырь Фаяз-тепе⁵⁵. Располагавшийся на ровном участке за северной оградительной стеной термезского пригорода, более чем в 1 км от Кара-тепе, этот буддийский архитектурный комплекс сооружался, очевидно, по единому плану в одно время⁵⁶. Монастырь, вытянутый с северо-запада на юго-восток примерно на 100 м, т. е. равный двум-трем группам помещений Кара-тепе, состоял из трех частей, посреди каждой из которых находился большой двор, а вокруг — каре из различных помещений: культовых — в центральной части, жилых (по Л. И. Альбауму, монастырских) — в северо-западной и вспомогательно-хозяйственных (по Л. И. Альбауму, хозяйственно-ремесленных) — в юго-восточной. Севернее центрального двора, вне пределов основного здания, высилась большая ступа. По оси, проходящей от ступы через вход в центральный двор и центр этого двора, в южном ряду помещений центральной части сооружения, размещалось святилище. У входа в него, в южном айване центрального двора при раскопках найдены обломки крупных буддийских глиняно-ганчевых статуй и стенные росписи. Многоцветная монументальная живопись с изображением Будды, монахов и знатных донато-

---

⁵⁵ Материалы раскопок Фаяз-тепе пока не опубликованы. Я познакомился с ними благодаря любезному содействию руководителя раскопок Л. И. Альбаума и участника их В. А. Козловского. Краткую информацию см.: Л. И. Альбаум. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (По материалам 1968—1972 гг.).— Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 53—58; он же. Буддийский храмово-монастырский комплекс Фаяз-тепе.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973, с. 126—128; он же. Живопись Афрасиаба. Таш., 1975, с. 90—93.

⁵⁶ Л. И. Альбаум пытается доказать, что Фаяз-тепе и Кара-тепе представляют собой единый комплекс, центральной частью которого был Фаяз-тепе (см. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе, с. 56—57). Это положение не может быть принято уже потому, что памятники расположены на расстоянии более 1 км друг от друга и по разные стороны внешней ограды Старого Термеза (сомнения Л. И. Альбаума в существовании этой ограды в кушанский период не обоснованы).

ров, буддийская скульптура, в том числе каменный рельеф с Буддой и двумя монахами по сторонам от него, были открыты и внутри святилища.

В нескольких километрах от Фаяз-тепе находилась еще какая-то буддийская постройка, от которой, к сожалению, сохранилось лишь подвальное помещение с многоступенчатой лестницей; наземная часть здания была снесена, вероятно, при выравнивании участка под городскую свалку. Найденные в подвальном помещении керамика кушанского периода и надписи буддийского содержания позволяют утверждать, что размещавшаяся здесь постройка была буддийским комплексом того же периода, что и Кара-тепе и Фаяз-тепе⁵⁷. Подвальное помещение по своему устройству напоминает айртамское: его стены были обложены кладками из жженных кирпичных плит, поддерживавшими сложенное из таких же плит сводчатое перекрытие; плитами были обложены и ступени лестницы. Однако этого сходства, конечно, мало для того, чтобы полагать, что находившаяся здесь постройка имела характер, сходный с айртамским буддийским комплексом (см. ниже, с. 243—244).

Трудно также определить состав буддийского комплекса, располагавшегося рядом с «башней» Зурмала, которая, как убедительно показали работы Г. А. Пугаченковой и З. Хакимова, представляла собой огромную буддийскую ступу кушанского периода (см. рис. 25а), сооруженную из кирпича-сырца и пахсы и облицованную камнем и жженым кирпичом⁵⁸.

Многочисленные буддийские храмы, святилища, возможно, ступы Кара-тепе, Фаяз-тепе и Зурмалы предназначались, конечно, не только для постоянно живущих в этих буддийских постройках монахов (*бхикшу*), но и для буддистов-мирян (*унасака*) кушанского Термеза, близлежащих селений, может быть — для купцов и паломников из других мест и областей. Если судить по размерам буддийских построек Кара-тепе, Фаяз-тепе и Зурмала, число посетителей здесь было весьма значительным.

Помимо ежедневных служб и отправления праздничных ритуалов монахи буддийских заведений кушанского Термеза безусловно занимались изучением и толкованием буддийских текстов. Об этом свидетельствуют и приводившееся сообщение о буддийском богослове Дхармамитре, выходеце из Тармиты, и упоминание в надписях на керамике из Кара-тепе Буддаширы, который в индийских надписях называется *дхармакатхика*, т. е.

---

⁵⁷ Материалы раскопок еще не изданы, я познакомился с ними на месте благодаря любезности Л. И. Альбаума. Краткие сведения об этом подвальном помещении (со слов Л. И. Альбаума) см.: М. И. Воробьева-Десятовская. Новые надписи письмом кхаростхи из Термеза.—ВДИ. 1974, № 1, с. 117.

⁵⁸ См.: Г. А. Пугаченкова. Две ступы на юге Узбекистана, с. 257—261.

проповедующим дхарму, а в бактрийских — «тот, кто проповедует благое деяние»⁵⁹. Черепки с упоминанием Буддаширы были найдены при раскопках «среднего» двора первой группы помещений и в близлежащих постройках. Это дает основание думать, что Буддашира был тем монахом, который жил в постройке над пещерным храмом П-II и выступал в роли проповедника, толкователя или учителя буддийских текстов. Упоминание его имени не только в индийских (алфавитом брахми), но и в бактрийских (кушанским письмом) надписях свидетельствует, что монаху были известны эти письменности и языки. Возможно, Буддашира был переводчиком буддийских текстов с санскрита на бактрийский язык, он мог также комментировать эти тексты и обучать обоим этим языкам и письменностям. Выше мы уже упоминали выходцев из Бактрии, буддийских миссионеров — проповедников буддизма в Китае во II—IV вв., которые переводили буддийские тексты на китайский язык и комментировали их. Не вызывает сомнений, что буддийские богословы в Бактрии в тот же период переводили буддийские тексты на свой родной язык и комментировали их. Буддашира, видимо, был одним из таких богословов.

Обслуживая довольно многочисленную общину мирян-буддистов, являясь местом средоточия значительных архитектурных сооружений, произведений монументальной живописи и буддийской скульптуры, а возможно, и собраний рукописей, населенные монахами, в числе которых были знатоки буддийских текстов, индийских и местных письменностей и языков, служившие, вероятно, школами не только религиозных, но и светских знаний, — буддийские институты были важными идеологическими и культурными центрами крупнейших городов Бактрии кушанского периода.

Отсутствие данных не позволяет пока судить о правовом положении и экономической основе буддийских монастырей и иных институтов кушанской поры в Бактрии. Однако огромные размеры балхских ступ и термезской ступы Зурмала, обилие буддийских памятников возле этих городов вообще, изображение в росписях Кара-тепе и Фаяз-тепе донаторов из числа местной знати, а в скульптуре буддийского святылища близ Дальверзин-тепе местного правителя и членов его семьи — все это ярко свидетельствует, что буддийские институты Бактрии при кушанах опирались если и не на императорский двор, что также вполне вероятно, то на местные кушанские власти и влиятельные городские общины мирян-буддистов.

Известные сейчас материалы проливают свет и на характер буддизма в интересующей нас области в кушанское время. Как уже отмечалось, Гхошака и Дхармамитра были связаны

---

⁵⁹ См.: Т. В. Грек, В. А. Лившиц. Двухязычная надпись из Кара-тепе, с. 118—121.

с буддийской сектой *вайбхашиков*, получившей, видимо, здесь широкое распространение. Эта секта являлась ветвью более значительной школы *сарвастивада*, формально относящейся к одному из двух основных течений буддизма — *хинаяне*, хотя фактически она, по мнению современных буддологов, занимает промежуточное положение между *хинаяной* и *махаяной*⁶⁰. Существование в Бактрии IV в. хинаянистских общин позволяет предполагать и сообщение о Дхармананди, который во время своего пребывания в Китае (с 384 по 391 г.) переводил на китайский язык именно хинаянистские трактаты⁶¹.

Однако, как и в других частях «буддийского мира» той эпохи, в кушанской Бактрии скорее можно говорить о существовании различных школ и сект буддизма. Я. Харматта, исследовавший надписи на керамике из Кара-тепе, высказал предположение, что надписи письмом кхароштки следует связывать со школой *махасангхика*, а надписи письмом брахми — со школой *сарвастивада*⁶². Как это уже отмечалось, относить те или иные надписи к определенной школе буддизма на основании системы письма рискованно: известна же надпись письмом кхароштки из Хадды (Южный Афганистан), принадлежащая школе *сарвастивада*⁶³. Однако заключение Я. Харматты о наличии в Кара-тепе надписей последователей разных школ обрело подтверждение в находках последних лет: в постройке над пещерным храмом П-II в 1972 г. был найден керамический сосуд с полностью сохранившейся надписью брахми поучительного характера. По определению В. В. Вертоградовой, опубликовавшей эту надпись и выявившей еще несколько черепков с надписями такого же рода, их появление свидетельствует именно о споре между приверженцами раннего хинаянистского идеала архата и сторонниками махаянистского идеала бодхисаттвы, который постепенно пробивал себе дорогу внутри хинаянистских школ⁶⁴. Найдена на Кара-тепе и надпись с упоминанием школы *махасангхика*, подтвердившая предположение Я. Харматты о наличии ее названия на найденных ранее черепках (где сохранилась лишь часть слова — *сангхика*)⁶⁵. К этому следует

---

⁶⁰ См., например: E. Conze. *Buddhist Thought in India*. L., 1962; Бхатия Насим. *Ранняя история буддизма в Средней Азии* (Автореф. канд. дисс.). М., 1973, с. 18.

⁶¹ См.: Б. А. Литвинский. *Среднеазиатские народы и распространение буддизма*, с. 133; ср.: E. Zürcher. *The Buddhist*, с. 202—204, 246.

⁶² Я. Харматта. К интерпретации индийских надписей на керамике из Кара-тепе, с. 32—39.

⁶³ См.: G. Fussman. *Une inscription Kharosthi à Hadda*.— *BEFEO*. T. 56, 1969, с. 5—9. Ср.: Бхатия Насим. *Ранняя история буддизма в Средней Азии*, с. 10.

⁶⁴ См.: В. В. Вертоградова. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе, с. 70—81.

⁶⁵ Я. Харматта. К интерпретации индийских надписей на керамике из Кара-тепе, с. 35.

добавить, что черепок с частью дарственной надписи «(монахам общины) *махасангхика*», по сообщению М. И. Воробьевой-Десятовской, найден на Фаяз-тепе⁶⁶.

Как свидетельствуют археологические открытия и находки, перечисленные выше, буддизм и буддийские общины существовали в кушанский период не только в столице Бактрии Балхе и втором по величине городском центре этой области — Термезе, но и в близлежащих более мелких городах и поселениях — Дильберджине, Зар-тепе, Айртаме и Хатын-Рабате. Аналогичные факты позволяют заключить, что в то же время буддизм распространился и в районах Баглана и Кундуза, в долине р. Кокча, вниз по Амударье и вверх по Сурхандарье, вплоть до Дальверзин-тепе, центрального, вероятно, города средней части Сурхандарьинской долины.

Факты, свидетельствующие о широком распространении буддизма и буддийских общин в кушанской Бактрии, отнюдь не должны, однако, трактоваться как свидетельство безраздельного господства здесь этой «мировой» религии. Вопреки встречающимся иногда в нашей литературе утверждениям⁶⁷ нет никаких оснований объявлять буддизм государственной религией Кушанской империи. Что касается Бактрии, то здесь, хотя буддизму не противостояли всерьез ни манихейство, ни христианство, ни зороастризм, он вынужден был делить свое влияние на жителей с древними местными культами и с династийным культом кушан (на это уже указывала Г. А. Пугаченкова⁶⁸), а отчасти и с шиваитскими верованиями.

Говоря об официальном, прокламированном государственным монетным чеканом, кушанском «пантеоне», мы уже отмечали, что такие маздеистские божества, как Митра и Мах, Вадо и Атшо, Фарро и Хванинда, равно как и Ардохшо и Вахшу, могли попасть в этот «пантеон» только в том случае, если их культы существовали в Бактрии. Как свидетельствует резная гемма-печать махасатрапа Харбалана — одного из представителей кушанской администрации в глубинной Индии, этот крупный чиновник, демонстрировавший свое доброжелательное отношение к буддизму, в быту обращался к кушанскому письму и образам привычных, видимо, для него божеств — Фарро и Ардохшо.

Это показывает, что даже в Индии выходцы из кушанской Бактрии оставались верны своим древним божествам. Естественно предполагать, что на бактрийских землях позиции этих божеств оставались еще более прочными. За подтверждением этого исследователи часто обращаются к терракотовым

---

⁶⁶ М. И. Воробьева-Десятовская. Новые надписи письмом кхароштри из Термеза, с. 147.

⁶⁷ См., например: А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии, с. 38.

⁶⁸ Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии, с. 128.

Рис. 27. Скульптурная группа из Тахти-Бахи

фигуркам, находки которых отмечены на многих городищах и поселениях кушанской Бактрии⁶⁹.

Наиболее часты среди них фигурки богинь, заметно варьирующих не только в разных районах, но иногда даже в одной

⁶⁹ См., например: Б. Я. Ставиский. Средняя Азия в кушанский период, с. 378; Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии, с. 128, 129—130, 132.

и той же местности, что, очевидно, отражает «сосуществование нескольких чтимых богинь» и «эволюцию их образов во времени»⁷⁰. Некоторые из терракот иконографически можно сопоставить с известными по монетам Хваниндой, крылатой богиней победы, и Ардохшо, богиней плодородия и изобилия: первую изображает, видимо, терракота из Зар-тепе (в низовьях Сурхандарьи)⁷¹, вторую — фигурки богинь в платьях эллинистического и накидках древневосточного типа, стоящих в полный рост (как на монетах Қанишки и Хувишки) или сидящих (как на монетах Қанишки III)⁷². Судя по довольно многочисленным скульптурным изображениям, найденным в кушанских владениях к югу от Гиндукуша, Ардохшо часто выступала там, как и на печати Харбалана, вместе с Фарро. Эта чета бактрийских божеств, иконография которых обнаруживает явное влияние античной⁷³, для индийцев сливалась с аналогичными по функциям индийскими божествами: Фарро — с Панчикой/Куберой и Вайшраваной, а Ардохшо — с Харити⁷⁴. Вполне вероятно, что крупные скульптурные изображения божественной четы, культ которой кушаны занесли и на юг от Гиндукуша, изготовлялись также в Бактрии, а терракоты были лишь «массовым воспроизведением» культовых статуй⁷⁵. Существование в Балхе таких скульптур позволяет предполагать и сообщения древних авторов: Климента Александрийского, писавшего, что в его время (II—III вв.) в Бактрах (Балхе) стояла статуя Афродиты Танаис⁷⁶, и Сюань-цзяна, по словам которого перед Навасангхарамой (Наубехаром) стояла богато украшенная статуя Вайшраваны⁷⁷.

Как показали раскопки на городищах Дальверзин-тепе и Дильберджин, статуи божеств изготовлялись и использовались в кушанское время и в более мелких городских центрах, причем если в Дальверзин-тепе раскрашенная глиняная статуя сидящей богини помещалась в домашнем святилище⁷⁸, то в Дильберджине фигура стоящего мужчины с дубинкой была установлена в одном из помещений предвратной городской баш-

⁷⁰ Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии, с. 130.

⁷¹ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, с. 22, рис. 9.

⁷² Воспроизведение этих монет см., например: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, табл. IV—V, № 80—83, с. 74—75.

⁷³ См., например, скульптурную группу из Тахти-Бахи (рис. 27) (там же, с. 78).

⁷⁴ Там же, с. 245—249.

⁷⁵ Это предположение выдвинула К. В. Тревер, сопоставившая сведения Климента Александрийского о статуе в Балхе с согдийскими терракотами и полагавшая, что и статуя и терракоты были посвящены богине Анахите. См.: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, с. 21.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Beal. Si-Yu-Ki, с. 45.

⁷⁸ См.: Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии, с. 130—131; она же. Из недавних открытий в Южном Узбекистане, с. 428—429 и рис. на с. 433.

ни⁷⁹. Статую из Дальверзин-тепе Г. А. Пугаченкова считает изображением богини Ардохшо, что вполне вероятно, хотя пока не доказано. Статуя из Дильберджина иконографически связана с Гераклом. Возможно, что ее находка — еще одно подтверждение поклонения греческому полубогу на землях Бактрии при кушанах. Напомню, что изображения и, вероятно, культ Геракла засвидетельствованы здесь для греко-бактрийского периода — в монетном чекане и в находках на Ай-Ханум, а для «темного периода» — в изображениях на перстнях-печатах и вышитой ткани из Ноин-Улы. Отмечены они и в Кушанской империи: на монетах Хувишки⁸⁰ и на резной гемме-печати с надписью (кушанским письмом), в которой упомянуто имя «Канишка»⁸¹. Может быть, бронзовая фигурка Геракла-Сераписа, привезенная из Восточного Средиземноморья и найденная в кушанском дворце в Беграме⁸², также появилась там в связи с почитанием Геракла. Но нельзя исключить возможность того, что в образе Геракла в кушанской Бактрии мог почитаться не античный герой, а какое-либо местное божество. Лучистый нимб вокруг головы Геракла на монетах Деметрия отмечал начало слияния его с божеством круга Митры еще в греко-бактрийское время, а каменный рельеф из Саозма-кала — скорее всего слияние его с Шивой.

Наряду с божествами, которые в кушанский период приобрели антропоморфный облик, напоминающий образы античных персонажей, в Бактрии пользовались почитанием также божества иного характера. Таковы, в частности, запечатленные терракотами богини, иконографически отличающиеся от тех, которые можно связать с богиней Ардохшо, и восходящие к образам более раннего времени⁸³. Сюда относятся и мужские фигурки, видимо связанные с династийным культом кушан. Существовали еще древние местные божества, образы которых не имели антропоморфной формы, а порой конкретной формы вообще. В Бактрии можно отметить такой аниконический культ огня — наиболее распространенный из всех языческих культов.

⁷⁹ См.: И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди, Г. А. Пугаченкова. Советско-Афганская экспедиция, с. 560—561.

⁸⁰ См.: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, табл. IV—V, № 73, 92, с. 77—78.

⁸¹ Там же, с. 102—103 и рис. 8 на с. 78.

⁸² Там же, ил. 97б и с. 78.

⁸³ См., например, женские терракоты с зеркалом в платье с веерообразно расходящимися складками, найденные в Саксанохуре и Емши-тепе и явно связанные генетически с более ранними терракотами такого же типа, встречающимися в том же Саксанохуре. См.: Х. Ю. Мухитдинов. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии, с. 24—27 (ср. с. 14—19); он же. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанохура, с. 99—107; И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий, с. 164.

О роли огня в религиозных представлениях кушан красноречиво свидетельствует частый сюжет лицевой стороны кушанских монет: государь стоит перед невысоким алтарем, простирая над ним вытянутую правую руку. Правда, эту позу нельзя рассматривать как специфически кушанскую, поскольку она заведительствована и в памятниках Парфии (Р. М. Гиршман считает, что этот сюжет заимствован кушанами у парфян⁸⁴, не менее вероятно, однако, что и те и другие заимствовали его из раннего общего источника). Как уже отмечалось, на оборотных сторонах монет Канишки и Хувишки изображались и получившие антропоморфный облик божества, культ которых в той или иной мере связывался с поклонением огню, — Митра, Атшо, Фарро, а на единичных монетах Канишки еще и Гелиос (отличаемый от Митры только по надписи с его именем⁸⁵). Вполне вероятно находка в будущем храма или святилища с крупными статуями этих божеств. Однако пока их антропоморфные изображения известны нам только по монетам, и решить, насколько широко принято было поклонение им в официально провозглашенном монетами облике, еще невозможно.

Судя по двум алтарям (или жертвенникам с курильницами), обнаруженным в культовом помещении на Зар-тепе в сочетании с обломками статуи Будды, огонь, т. е. пламя со сжигаемыми в нем благовониями, мог использоваться в Бактрии также в буддийском ритуале⁸⁶. Как будет показано далее, культ огня был приспособлен кушанами и для целей династийного культа. Однако, по-видимому, есть основания предполагать в кушанской Бактрии поклонение огню в «чистом» виде.

По сообщению Г. А. Пугаченковой, в раскапываемых на городище Дальверзин-тепе четырех домах обнаружены остатки алтарей. Они найдены в «жилом доме рядового горожанина» (ДТ-2), в «обширном жилом доме» (ДТ-6), в «богатом жилом доме» (ДТ-5) и, наконец, в доме ДТ-7, где было раскопано помещение с остатками статуи богини и стенными росписями⁸⁷.

Г. А. Пугаченкова считает все эти устройства связанными с культом домашнего очага и определяет их как домашние алтари или жертвенники. Последнее представляется убедительным (хотя не исключена опасность принять за алтарь отопительный очаг), в то время как связь их с культом домашнего очага представляется спорной.

Сходный по устройству алтарь был открыт в 1974 г. при раскопках постройки над пещерным храмом П-II на Кара-

⁸⁴ Р. Гиршман. Кушаны и Иран.— Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 141—142.

⁸⁵ J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 77.

⁸⁶ Ср., например, хранящийся в Британском музее буддийский рельеф с донаторами перед алтарем огня (J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 236 и рис. 92).

⁸⁷ Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии, с. 131.

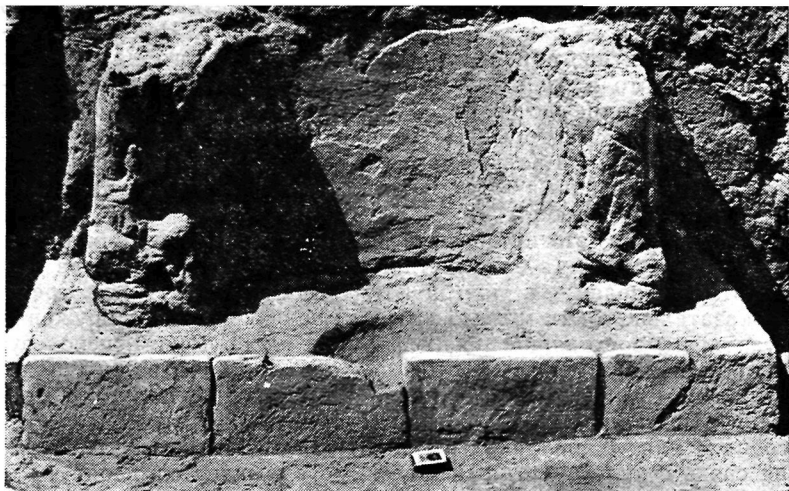

Рис. 28. Алтарь огня в постройке на Кара-тепе

тепе (рис. 28)⁸⁸. В то время, когда этот алтарь функционировал (а его использовали долго, судя по следам многочисленных ремонтов и переделок), комната, где он находился, имела три двери и была проходным помещением близ входа в постройку (позднее два прохода были заложены, алтарь замурован в глубь возведенной здесь суфы, а само помещение превращено в жилую келью). Таким образом, алтарь располагался у самого входа и служил для поклонения огню в виде пламени⁸⁹.

Г. А. Пугаченкова сопоставляет дальверзинские «домашние алтари или жертвенники» со сходными устройствами в пяти помещениях Саксанохура, которые она относит к докушанскому времени⁹⁰. К сожалению, датировка этих интересных деталей Саксанохура затруднительна. Поскольку, по утверждению Б. А. Литвинского и Х. Ю. Мухитдинова, этот архитектурный комплекс существовал до конца кушанского периода⁹¹, нельзя

⁸⁸ Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, В. В. Вертоградова, Л. К. Сергеева. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Старом Термезе. — АО-74. 1975, с. 512—513.

⁸⁹ Вопрос о том, как согласовывалось столь долгое использование этого алтаря огня с буддийским характером постройки и чем объяснить его включение в суфу, на которой сидел (а возможно, и спал) живший здесь монах — «учитель», нуждается еще в дополнительном изучении.

⁹⁰ Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии, с. 131—132.

⁹¹ Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур, с. 167—169 (особенно с. 169).

с уверенностью решить, были ли эти устройства возведены во II—I вв. до н. э. или в I, II и даже III в. н. э. Нельзя исключить и вероятности их бытового, а не культового назначения. Напомним, что в Ай-Ханум мы уже видели нишеобразные устройства, близкие по форме каратепинскому и некоторым из дальверзинских, которые П. Бернар рассматривает как отопительные камины, в пользу чего свидетельствует и тот факт, что там они встречены в нескольких соседних комнатах совсем не культового характера.

Похоже, что это интересный пример использования бытового на первых порах (в эллинистической Бактрии) устройства для культовых целей — в другой этнической и культурной среде. Показательно, быть может, и то, что нишеобразные сооружения с алтарем, восходящие по их форме к айханумским, используются и в Хорезме, и в Согде: в Хорезме они известны в постройках кушанского (Гяур-кала) ⁹² и позднекушанского времени (Топрак-кала) ⁹³, в Согде — в домашних святилищах («часовнях» или «капеллах») VII—VIII вв., в Пенджикенте ⁹⁴, где их связь с культом огня, кажется, не вызывает сомнений.

Отмеченное алтарями почитание огня в домах горожан разного социального положения на Дальверзин-тепе и в буддийской постройке на Кара-тепе засвидетельствовано и как неотъемлемая часть кушанского династийного культа, который, по-видимому, пользовался даже большей поддержкой высших властей империи, чем буддизм. Известные сейчас три постройки, связанные с этим культом, по своему значению явно могли поспорить с буддийскими сооружениями. Крупнейшая из них — уже неоднократно упоминавшийся «храм Канишки Победителя» на холме Сурх-Котал в Баглане. Важная роль этого сооружения засвидетельствована и тем, что его обозначение в найденной здесь надписи — ВАГОЛАГГО («святилище») дало название (Баглан) всему близлежащему району ⁹⁵.

«Храм Канишки Победителя» (рис. 29), как названо это культовое сооружение в той же надписи, был сооружен на вершине холма Сурх-Котал, как бы превращенной в акрополь ⁹⁶.

---

⁹² Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала.— ТХАЭЭ. Т. 2, 1958, с. 359—360.

⁹³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2, с. 200, 205 и рис. 95.2 на с. 206.

⁹⁴ В. А. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.).— МИА, № 124. М.—Л., 1964, с. 67—72; А. М. Беленицкий. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, с. 14. Возможно, что алтарем огня был и очаг, открытый в 1947 г. на Афрасиабе, см.: Л. И. Ремпель. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба.— ДАН ТаджССР. Вып. 9, 1953, с. 27—29.

⁹⁵ См.: W. B. Henning. «Surkh Kotal».— BSOAS. Vol. 18. 2, 1956, с. 366—367.

⁹⁶ См. Приложение II, Сурх-Котал.

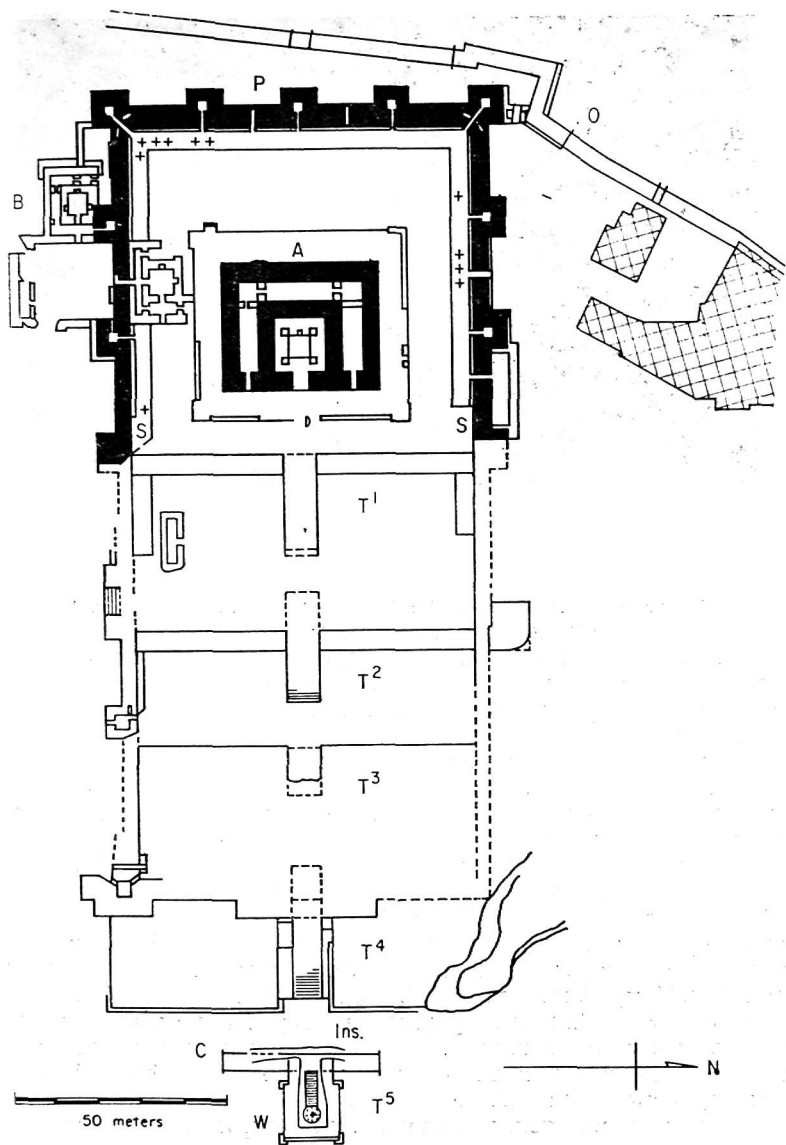

Рис. 29. План культового центра в Сурх-Когале (по Д. Шлюмберже)

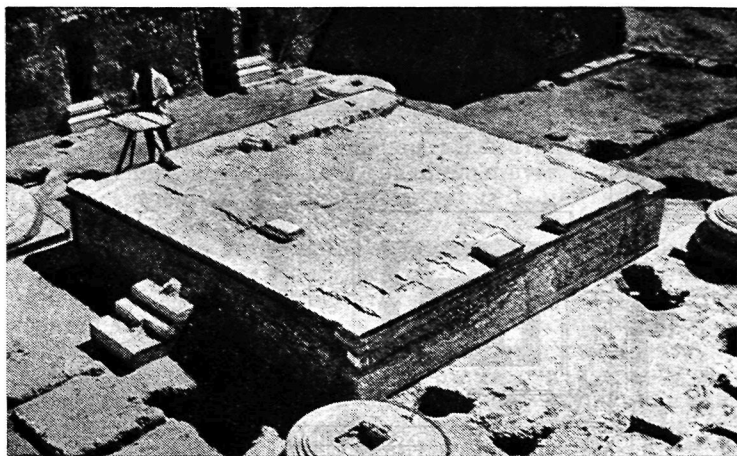

Рис. 30. Платформа в главном храме Сурх-Котала

Холм окружал пояс крепостных стен, а на восточном его склоне одна над другой располагались террасы, соединенные широкой парадной лестницей, по пролетам которой можно было подняться на 35 м до самого здания храма, возведенного на сырцовой платформе, облицованной каменными плитами и декоративными пилястрами.

Прямоугольный в плане храм (35×27 м), вытянутый по фасаду с севера на юг, состоял из квадратного центрального помещения — *целлы*, окруженного с трех сторон обходными коридорами. Здание было меньше платформы, и по краю вокруг него располагались портики с деревянными колоннами. Главный портик, оформлявший входы в *целлу* и обходные коридоры, был обращен на восток, что, вероятно, связано с древним маздеистским культом солнца или поклонением Митре. Посреди центрального помещения храма высилась квадратная в плане ($4,65 \times 4,65$ м) каменная платформа с трехступенчатой лестницей (рис. 30). Близ платформы на полу были найдены крупные каменные базы колонн, поддерживавших деревянное перекрытие помещения, в центре которого, над платформой, возможно, помещался световой люк.

Здание храма стояло посреди двора, окруженного с севера, юга и запада стеной с прямоугольными башнями, вдоль которых также тянулись портики с колоннадой. В их стенах находились ниши, в которых в древности стояли раскрашенные глиняные статуи, сохранившиеся лишь во фрагментах. Близ восточного края северного и южного айванов были установлены

Рис. 31. Платформа в храме В Сурх-Котала

каменные статуи, от которых найдено пять фрагментов, позволяющих, однако, полагать, что это были скульптурные портреты кушанских царей.

Храмовый комплекс на холме Сурх-Котал существовал долгое время и подвергался перестройкам. Первоначально он состоял из трех террас и описанного здания главного храма. Позднее на склоне холма была сооружена четвертая терраса, у основания холма — колодец, а на вершине — два небольших храма. Эти храмы по планировке напоминали главный храм: в каждом из них была центральная квадратная *целла*, окруженная обходными коридорами. В *целле* одного из храмов обнаружено сырцовое возвышение, боковые стороны которого были украшены в центре и по углам декоративными пилястрами, а между ними — рельефными глиняными изображениями птиц (рис. 31). Судя по следам огня и слою чистой серой золы на поверхности, это возвышение было постаментом для алтаря огня.

Об истории культового комплекса на холме Сурх-Котал мы можем судить помимо его остатков еще и по знаменитой надписи, к тому же повторенной трижды. В результате усилий исследователей разных стран (в том числе А. Марика, Э. Бенвениста, В. Б. Хеннинга, И. Гершевича, В. А. Лившица) текст сурхкоталской надписи получил вполне определенную трактовку. Из него явствует, что «храм Канишки Победителя» на холме Сурх-Котал был возведен кушанским императором (Хувишкой, как считает В. А. Лившиц, или Канишкой, как полагают другие ученые), а затем реконструирован в 31-м году (видимо, по эре Канишки) наместником Ноконзоком, сыном Фрихвадева, который «акрополь обнес стеной, вырыл колодец, провел

воду, выложил (колодец) камнем»⁹⁷. Возможно, что при этой реконструкции были сооружены и дополнительные храмы на вершине холма.

Менее уверенно можно определить причины гибели этого культового комплекса. Если исходить из немногочисленных кушанских монет, найденных при раскопках (две из них определены как монеты «сотер мегаса», семь — как монеты Канишки и две — как монеты Хувишки), то можно было бы считать, что при Васудеве «храм Канишки Победителя» уже не функционировал. Однако находка монеты кушано-сасанидского чекана (обнаружена не на полу, а в слое завала в храме с алтарем огня), возможно, указывает на то, что гибель Сурх-Котала, как и Кара-тепе, связана с вторжением сасанидских войск и искоренением, в соответствии с предписаниями Картира и его преемников, всех незороастрийских храмов и святилищ.

Анализ материалов раскопок и надписи Ноконзока позволил Д. Шлюмберже предложить убедительное определение «храма Канишки Победителя» как культового комплекса, посвященного поклонению династии кушанских царей и возжиганию в их честь «священного» огня. Согласно его трактовке, в айванах храмового двора на вершине Сурх-Котала размещались каменные скульптурные портреты обожествленных кушанских царей и глиняные статуи царей или божеств, а в *целле* главного храма постоянно горел священный огонь (здесь огонь разводился не прямо на платформе, а в специальном, видимо металлическом, алтаре).

Трактовка «храма Канишки Победителя» как сооружения, связанного с династийным культом кушан, помимо всего прочего опирается на аналогичное назначение кушанского династийного святилища в сел. Мат в долине Ганга, в статуях и надписях которого действительно видны многие особенности, сходные с сурхкоталскими⁹⁸. Такой же характер имела, очевидно, и богато украшенная стенными росписями и глиняной раскрашенной скульптурой парадная постройка (рис. 32), открытая Г. А. Пугаченковой в Халчаяне⁹⁹.

Это небольшое здание (35×26 м), по площади примерно равное главному храму Сурх-Котала, включало три группы помещений: парадную в центре и вспомогательные по краям. Помещения северного крыла предназначались, видимо, для стражи (здесь, в частности, было обнаружено 80 железных наконечников стрел), помещения на юге могли служить сокровищницей (здесь найдены оставшиеся, вероятно, после разграбления мел-

⁹⁷ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, с. 193 (перевод надписи осуществлен В. А. Лившицем).

⁹⁸ Об этом святилище см.: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 140—142, 149—151.

⁹⁹ Основные публикации: Г. А. Пугаченкова. Халчаян; она же. Скульптура Халчаяна.

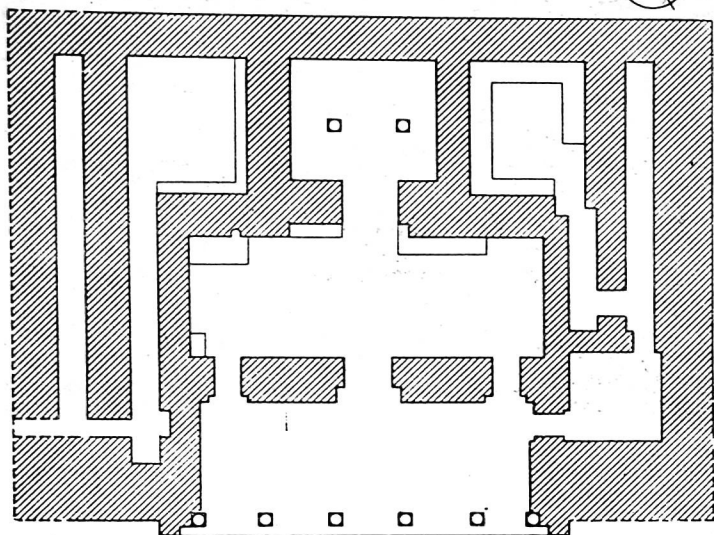

Рис. 32. План парадной постройки в Халчаяне
(по Г. А. Пугаченковой)

кие золотые поделки, обломки привозных, возможно римских, стеклянных сосудов, обрывок китайского шелка и т. п.). В парадную часть постройки входили три сообщающихся между собой помещения: шестиколонный портик-айван; большой (17,6 × 6,1 м) прямоугольный, вытянутый поперек оси входа зал (или внутренний двор с навесами-козырьками) и расположенная в глубине двухколонная комната.

Айван халчаянской постройки обращен на юго-восток, навстречу восходящему солнцу, — видимо, она, как и главный храм Сурх-Котала, связывалась с маздеистским культом Солнца. Стены были украшены сюжетной монументальной живописью, от которой сохранились лишь фрагменты двух мужских фигур. По верху стен к главному проходу тянулись два скульптурных панно. Г. А. Пугаченкова восстанавливает композиции этих панно как посвященные прославлению местной династии: на южном панно выявлены, в частности, фигура сидящего государя и стоящая в полный рост Афина-воительница, присутствующая здесь, видимо, как божество-покровитель; на северном панно размещались женские фигуры, вероятно, царица, ее дочери или знатные дамы, а также божества-покровители.

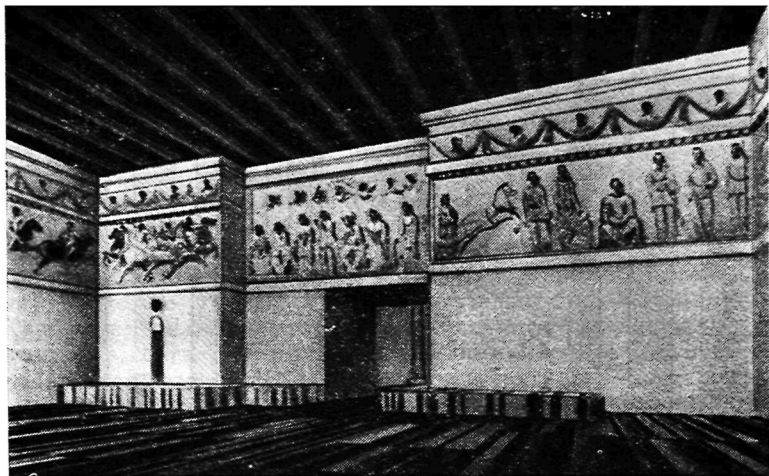

Рис. 33а. Центральный зал в Халчаане (реконструкция Г. А. Пугаченковой)

Основными персонажами сюжетных композиций, украшавших халчаанскую постройку, были не божества, а представители правящей династии царей; это убедительно подтверждает сохранившаяся лучше, чем в айване, скульптура центрального парадного помещения. Живопись здесь располагалась лишь на входной (восточной) стене, причем росписи в простенках имели вид орнаментальной панели и лишь наверху — сюжетный характер. Остальные стены оставлены гладкими (по остроумному предположению Г. А. Пугаченковой, на них висели ковры или драпировочные ткани), по верху же их размещалась высокохудожественная скульптура, которая, по мнению Г. А. Пугаченковой, с наибольшей силой воплощала идейный смысл всего здания.

Скульптурное оформление этого помещения включало карниз полуметровой высоты и размещавшийся под ним основной пояс фриза высотой 2 м. Верхний карниз украшали тяжелые гирлянды с поддерживавшими их фигурами детей, а в скобах гирлянд — мужские и женские полуфигуры, среди которых выявляются такие античные персонажи, как Геракл, крылатая богиня (Ника или Хванинда), сатир. Основной скульптурный пояс фриза состоял из трех панно (рис. 33): центрального — с изображениями восседавших на троне правителя и его супруги, а по обе стороны от них — родственников и представителей знати; южного — с изображением группы всадников, и северного, в центре которого размещался сидящий на троне государь,

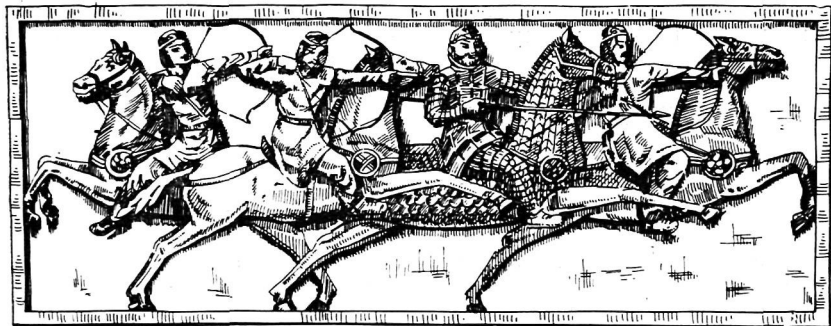

б

в

г

Рис. 33б—г. Скульптурное оформление центрального зала в Халчаяне (реконструкция Г. А. Пугаченковой): б) *среднее панно*; в) *северное панно*; г) *южное панно*

окруженный своими родичами и сподвижниками, а по краям, по-видимому, связанные с ними сфинкс и богиня на колеснице.

Как отметила Г. А. Пугаченкова, лица основных героев скульптуры Халчаяна сходны, видимо, все они родственники, выходцы из одной династии или рода. Кроме того, эти лица

напоминают портрет «Герая», что наводит на мысль о связи халчаянской постройки с родом «Герая». Г. А. Пугаченкова, первооткрыватель и первый исследователь Халчаяна, опираясь на эти наблюдения, выдвинула гипотезу, согласно которой земля по среднему течению Сурхандарьи, где расположены Халчаян и Дальверзин-тепе, следует рассматривать как ядро Кушанской империи — владение «Герая», от которого ведет свое происхождение династия кушанских правителей. Дальверзин-тепе идентифицируется с центром первоначального кушанского владения (Гуйшуана), городом Ходзо, а постройка в Халчаяне определяется как загородный дворец «Герая» или какого-либо из его преемников. Сооружение халчаянской постройки, по этой гипотезе, относится к началу нашего летосчисления или даже к I в. до н. э. Отмечая, что постройка существовала до конца кушанского периода (до III в. н. э.), Г. А. Пугаченкова считает, что, будучи сооружена как дворцовое здание, она затем служила храмом правителей из рода «Герая».

Связь парадной постройки в Халчаяне с культом «Герая» или его династии признается, пожалуй, всеми исследователями. Но предложение считать ее дворцом «Герая» или его непосредственных преемников представляется сомнительным. Само существование глиняной раскрашенной скульптуры в течение двухсот или даже трехсот лет кажется невозможным. К тому же, как мы указывали, отсутствие монет «Герая» в долине Сурхандарьи позволяет полагать, что, во-первых, его владение и ядро Кушанского государства — княжество Гуйшуан — лежало юго-восточнее Сурхандарьинской долины, и, во-вторых, что прочное подчинение кушанам этой долины вообще и земель по среднему течению р. Сурхан в частности относится ко времени не ранее конца правления Кудзулы Кадфиза (если считать монеты «сотер мегаса» относящимися к этому времени) или даже воцарения Вимы Кадфиза, непосредственного предшественника Канишки. Иными словами, халчаянская постройка могла быть сооружена не в годы правления «Герая» и не сразу после его смерти, а лишь одно-два поколения спустя. Следовательно, более вероятно, что она с самого начала возводилась не как дворец, а как династийный храм или святилище, более скромное по величине и значению, чем «храм Канишки Победителя» или династийное святилище в сел. Мат, но функционально сходное с ними. Однако, в любом случае связь этой постройки с династийным культом кушан и датировка ее временем более ранним, чем время возведения «храма Канишки Победителя», представляются несомненными.

Сопоставляя халчаянскую постройку с Сурх-Коталом, следует отметить устройство третьего парадного помещения, расположенного за центральным залом. Эта сравнительно небольшая (7,4×6,2 м) комната, в отличие от двух других помещений парадной части постройки, не имела ни росписей, ни скульпту-

ры. Возможно, правда, что две колонны в этой комнате предназначались не только для опоры балочного перекрытия (центральное, более обширное помещение, видимо, обходилось без колонн), но и для придания ей более торжественного облика. Может быть, белые, оштукатуренные ганчем стены комнаты украшали ковры и разноцветные ткани. Но еще более вероятно, что между колоннами в древности был установлен алтарь, в котором, как и в храмах Сурх-Котала, пылал священный огонь в честь почитаемых правителей кушанской династии.

Постройка в Халчаяне, «храм Канишки Победителя» в Сурх-Котале и святилище в сел. Мат демонстрируют существование развитого и поддерживаемого кушанскими властями, включая императоров и их наместников, династийного культа, в храмах или святилищах которого поклонение почитаемым (или обожествленным) основателю династии или ее царственным представителям сочеталось, как и у Сасанидов, с возжиганием священного огня. Не позаимствовали ли кушаны этот обычай из западноиранских областей? Рассмотреть этот вопрос тем более необходимо, что Р. М. Гиришман полагает заимствование кушанами у парфян и сюжета «царь перед низким жертвенником», и идеи сооружения «храма Канишки Победителя» на высоких, искусственно возведенных террасах, и обычая обожествления царей¹⁰⁰.

Выше мы уже отмечали древние восточноиранские, даже уходящие еще в общеиранскую или индоиранскую почву, корни маздеистских культов кушанской Бактрии. В свете этих данных говорить о заимствовании кушанами культа огня где бы то ни было, в том числе и у парфян, вряд ли целесообразно. Судя по монетам-подражаниям чекану Гелиокла, монетам «Герая», безымянного хорезмийского царя и индо-сакских правителей, замена божеств-покровителей, характерных для эллинистических монет, изображениями символического коня и предка правителя происходила на востоке ираноязычного мира одновременно с парфянским Ираном и объяснялась не парфянским влиянием, а сходными представлениями, которые были, видимо, унаследованы как парфянами, так и кочевыми завоевателями былых греко-бактрийских владений от их предков — ираноязычных степных кочевых племен. Отражение распространения в предкушанской Бактрии степного культа предков-всадников можно усматривать в находках здесь примитивных терракотовых фигурок мужчин верхом на конях. Наряду с такими терракотами в Бактрии кушанского периода изготовлялись более совершенные фигурки мужчин (некоторые также на конях), по костюму и общему облику приближающиеся к скульптурным изображениям кушанской знати. Особо следует отметить наход-

¹⁰⁰ См.: Р. Гиришман. Кушаны и Иран, с. 141—142.

ку в Балхе терракоты, близкой к изображениям «Герая» и халчаянских персонажей¹⁰¹. Учитывая все это, нельзя не согласиться с Г. А. Пугаченковой, что засвидетельствованный терракотами «народный культ предков в дальнейшем был возведен в разряд династического культа Кушан»¹⁰².

Не отрицая возможности того, что знакомство с пропагандируемыми еще Александром Македонским и подхваченными его эллинистическими наследниками в Азии идеями о божественном происхождении царя и царской власти, равно как и с культовой практикой парфянских государей, могло подтолкнуть кушанских императоров к созданию своего династийного культа или заимствованию каких-либо отдельных деталей или атрибутов, следует все же подчеркнуть, что основы этого культа — поклонение предкам и огню — имеют древние местные корни и черты их сходства с западноиранскими объясняются не заимствованиями, а общим гезезисом. Следует учитывать также сходство в исторической ситуации, которая диктовала выбор идеологического оформления.

Отмечая определенную перекличку династийного культа кушан с зороастризмом сасанидского Ирана, необходимо еще раз указать, что ни этот культ, ни буддизм, пользовавшиеся покровительством кушанских властей, не превратились в Кушанской империи и в Бактрии в государственную религиозную систему, воинствующую и непримиримую к иноверцам. Очевидно, что ни в одном из крупных населенных пунктов кушанской Бактрии ни буддизм, ни династийный культ кушан не выступали как единственная религия. В наиболее хорошо изученном сейчас Дальверзин-тепе наряду с буддийским святилищем, располагавшимся, как и в других известных случаях, в ближайших окрестностях кушанского города, внутри городских зданий выявлены «домашнее святилище» местной богини и «домашние жертвенники или алтари». Здесь же при раскопках городских кварталов найдены и терракоты местных богинь¹⁰³. На городище Дильберджин, в окрестностях которого мы также отмечали буддийское святилище, открыт храм явно небуддийского характера, позднее преобразованный в шиваитский¹⁰⁴. Там же найдены терракоты местных божеств и выявлено поклонение Ге-

---

¹⁰¹ См.: J.-C. Gardin. *Céramiques de Bactres*, с. 58, табл. X, 7.

¹⁰² Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 117. Ср. весь раздел этой работы, посвященный мужским терракотам (с. 115—121), где рассматриваются, в частности, и фигурки обнаженного юноши со змеями, напоминающие Зохака.

¹⁰³ Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов. Исследование Дальверзин-тепе в 1972 г. — *Древняя Бактрия*. Л., 1974, с. 68—69.

¹⁰⁴ См.: И. Т. Кругликова. Дильберджин, с. 16—48. Возможно, что с проникновением шиваизма в Бактрию следует связывать и надпись-граффити письмом брахми в пещерном храме П-II на Кара-тепе, уже заброшенном после захвата Термеза сасанидским отрядом, но еще не превращенном

раклу (или какому-то слившемуся с ним местному божеству)¹⁰⁵. Даже в таких центрах буддизма, как Балх и Термез, окруженных цепью буддийских культовых построек, горожане, видимо, почитали отнюдь не только Будду и бодхисаттв. Находки терракот и несколько более ранний могильник документируют наличие иных верований и в небольшом Айртаме, где обосновалась довольно значительная буддийская община. Не менее показательно, по-видимому, и расположение близ «храма Канишки Победителя» буддийского святилища «платформа статуй» или находки в постройках Халчаяна, стоявших около династийного храма рода «Герая», терракот, изображающих местных божеств и богинь.

в место группового захоронения. Надпись эта содержит одно из имен Шивы — Махешвара (см.: Т. В. Грек. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе, с. 117). Проникновение шиваизма на север от Гиндукуша могло начаться еще при Виме Кадфизе, на монетах которого изображалось это божество.

¹⁰⁵ См.: И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди, Г. А. Пугаченкова. Советско-Афганская экспедиция, с. 560—561. С этой находкой интересно сопоставить каменный рельеф с изображением трехголового божества из Саозма-Кала. Божество, вероятно, представляло собой синкретический образ Геракла и Шивы, связь между которыми отмечается и на монетах и печатях. На Саозма-Кала была найдена и небольшая бронзовая фигурка Геракла. См.: K. Fischer. Neue Funde und Forschungen, с. 416—435; J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, с. 93, 94, 103, 293, прим. 97.

Глава 8

ЯЗЫКИ И ПИСЬМЕННОСТИ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Сложное переплетение разнообразных культурных традиций, широта международных связей и, наконец, сосуществование различных религиозных систем привели к распространению в Бактрии кушанской эпохи нескольких языков и письменностей. Немалую роль играла также позиция, которую занимали правители — сначала владетели отдельных княжеств, выходцы из среды кочевых завоевателей Бактрии, затем кушанские государи. Кушанские монеты, которые уже послужили источником разнообразных сведений о той эпохе, позволяют судить и о «языковой политике» выпускавших их правителей.

Кочевые племена, завоевавшие греко-бактрийские земли, ранее, видимо, не пользовались никакой письменностью. Во всяком случае, монеты, выпускавшиеся их вождями, подражавшими чекану Гелиокла и Евкратиды, имитировали и греческие легенды этих чеканов. Таким образом, в наследство от эллинизированной среды греко-бактрийских городов, яркий образец которых являл собой Ай-Ханум, кочевые завоеватели получили не только знакомство с античным пантеоном, образами античных божеств и посвященными им культовыми постройками, но и элементы античной грамоты.

Однако в отличие от эллинистического периода знание господствующими кругами Бактрии греческого языка и письменности было уже, по-видимому, весьма поверхностным: на монетных легендах подражаний чекану Гелиокла и Евкратиды искажение греческих надписей монет-прототипов все нарастало, отражая растущее невежество в греческом.

Иначе, по-видимому, складывалась обстановка при дворе «Герая», вероятного правителя княжества Кушаний. Его монеты свидетельствуют о более высоком уровне образованности кушанского двора, где, очевидно, нашли приют и более сведущие в античной грамоте и ремесле мастера-медальеры. На монетах «Герая», например, грамматически правильно употребляется греческий титул ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ¹ (в отличие от царского

¹ Следует, правда, отметить, что и на чисто подражательных сериях монет правильное написание титулов сохранялось дольше всего.

титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ этот титул носили мелкие правители)². Более того, именно эти монеты фиксируют первую известную для Бактрии попытку использовать греческое письмо для передачи негреческих слов: названия рода или династии кушан (из-за отсутствия в древнегреческом алфавите знака для звука «ш» оно передано как ΚΟΡΡΑΝΟ или ΚΟΡΣΑΝΟ), имени или местного титула правителя — «Герай» и еще какого-то, видимо также местного, слова ΣΑΝΑΒ.

Греческий язык и письменность используются как официальные и общегосударственные также в легендах монет двух первых кушанских императоров — Кудзулы Кадфиза и его преемника Вимы Кадфиза. Но эти государи прибегали и к индийскому языку и письму (кхароштки): все легенды их монет двуязычны, причем на аверсе помещены греческие, а на реверсе — индийские надписи. Вполне вероятно, что на использование Кудзулой и Вимой греческих надписей отчасти повлияли налаживавшиеся связи с восточными провинциями Римской империи, где в то время господствовал греческий язык.

Как известно, основатель империи кушан выпускал весьма различные по типу монеты: то в подражание чекану Гермея, греческого правителя района Кабула, то — индо-сакского владетеля Аза I, то — римских императоров. Это объясняется попыткой утвердить Кушанскую империю на мировой арене и как преемницу поглощенных ею государств и как державу, сопоставимую с Римом.

Однако двуязычность монетных легенд в основном, очевидно, связана с внутривосточными причинами. Уже обращение «Герая» к греческим языку и письму, равно как и использование образа венчающей государя крылатой богини, говорят об ориентации этого раннекушанского правителя на эллинистические (или эллинизированные) круги как на основную культурную силу и опору его власти. Кудзула и Вима, осуществившие широкие завоевания земель к югу от Гиндукуша, в поисках путей к сплочению бурно растущей и чрезвычайно пестрой по историко-культурному и этническому облику Кушанской империи помимо эллинистических должны были опираться и на индийские элементы. Вима подчеркивал это и тем, что, поместив на реверсе своих монет изображение Шивы, признавал это индийское божество официальным покровителем своего государства.

Рассматривая монеты как отражение официальной политики кушанских властей империи, следует связать воцарение Канишки с новой ориентацией: на неиндийские круги и традиции. Уже на ранних монетах этого государя помещены одноязычные (греческие) легенды, а на реверсе — античные божества

² См.: А. Н. Зограф. Монеты «Герая», с. 11—12 (со ссылкой на статью J. Kennedy. Heraüs.— JRS, 1913, с. 124).

(Гелиос, Гефест, Селена, см. рис. 3)³. Возможно, что усилению в Кушанской империи позиций эллинистических кругов способствовали укрепившиеся связи с Римом⁴. Однако вряд ли эти круги были столь многочисленны и сильны, чтобы служить достаточной поддержкой власти императора в его самостоятельной культурной политике. Между тем основная военная и административная опора империи — восточноиранское (бактрийское) население, из среды которого кушанские власти черпали, в частности, кадры для управления глубинными районами Индии, сохранив свое этнокультурное лицо, во многом освоило достижения и индийской и античной культуры. Именно эта, родная для правящей верхушки империи, среда стала при Канишке его основной культурной опорой.

На смену ранним монетам с одноязычной греческой легендой вскоре приходят основные эмиссии Канишки с надписями, выполненными так называемым кушанским письмом, т. е. греческим алфавитом, приспособленным для записи ираноязычной речи кушанской правящей верхушки. Эти письмо и язык наряду с синкретичным «пантеоном» на монетах Канишки и Хувишки знаменуют сложение своеобразной культуры и искусства Кушанской империи.

Монеты преемника Хувишки — Васудевы, свидетельствующие, как известно, о перемене в религиозной политике кушанских властей, демонстрируют, однако, такую же приверженность к «кушанскому письму». Только на монетах Канишки III и в позднем чекане с именем Васудевы (вероятно, Васудевы II) наряду с легендами «кушанским письмом» появляются короткие, состоящие всего из трех или четырех *акшар*, надписи индийским алфавитом брахми⁵.

Рассматривая легенды монет кушанских императоров, не следует, конечно, забывать, что в отличие от чеканов кочевых вождей, подражавших монетам Гелиокла и Евкратиды, а также и от монет «Герая», выпуск которых был связан непосредственно с Бактрией, общегосударственный чекан империи рассчитывался не только на эту область. Неверно было бы механически

³ См.: J. M. Rosenfield. *The Dynastic Arts*, с. 54, 77, 98; табл. II, 30—31; V, 90—31; IX, 185.

⁴ Об этом, возможно, свидетельствует упоминание грека-архитектора Агесилая в надписи на реликварии Канишки из района Пешавара (см.: S. K o p o w. *Kharosthi Inscriptions*, с. 135). Чтение С. Конова оспаривается Т. Бэрроу (см.: T. Burrow. *The Term Agisala in Two Kharosthi Inscriptions*.—*Journal of the Greater India Society*. Vol. 6, Calcutta, 1944, с. 13—16). Однако вероятность трактовки слова «Агисала», предложенной С. Коновым, теперь подтверждена «надписью Паламеда» из Сурх-Котала (см. ниже). Связями с Римом объясняются также античные черты в росписях Мирана (Восточный Туркестан) III в. н. э., где сохранилась надпись брахми с именем художника — «Тита» (вероятно, латинское имя «Тит» (см.: B. Rowland. *The Art of Central Asia*. N. Y., 1974, с. 33; A. Stein. *Serindia*. Vol. 1. Ox., 1921, с. 538).

⁵ См.: J. M. Rosenfield. *The Dynastic Arts*, с. 106—110.

переносить выводы о «языковой политике» кушанских царей, отраженной в надписях их монет, на реальное положение разных языков и письменностей в отдельных частях империи, в том числе и в Бактрии. Однако игнорировать монетные легенды и эту официальную «языковую политику» тоже нельзя, тем более что эпиграфические находки кушанского периода на территории Бактрии в основном согласуются с теми данными, которые содержат монетные легенды.

Находки надписей собственно кушанской эпохи в Бактрии тесно связаны с развернувшимися в предвоенные и особенно в послевоенные годы полевыми археологическими исследованиями. Первая эпиграфическая находка была сделана в 1936 г. на городище Старого Термеза: сотрудник Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) В. А. Шишкин подобрал там обломок предмета неопределенной формы и назначения с шестью знаками ххароштии. Фрагмент надписи был опубликован руководителем ТАКЭ М. Е. Массоном накануне Великой Отечественной войны⁶.

Прочие надписи кушанского периода были найдены уже в послевоенное время. Итак, история открытия и изучения эпиграфики Бактрии кушанского периода насчитывает всего 35—40 лет. Тем не менее сейчас наукой накоплен уже внушительный запас фактического материала, позволяющий судить о распространении здесь разных письменностей и языков.

На первом месте стоят надписи греческим алфавитом и так называемым кушанским письмом. Собственно греческой по языку пока можно считать всего лишь строку в одной из надписей, найденных в «храме Канишки Победителя» на Сурх-Котале. От этой надписи, известной как «надпись Паламеда» и высеченной на каменном блоке, сохранились остатки трех строк, последняя из которых содержит чисто греческий оборот и имя лица, очевидно связанного со строительством храма, — $\delta\acute{\iota}\alpha$ Παλαμῆδου⁷. Эта находка, относящаяся ко времени Канишки или Хувишки, свидетельствует, что в Бактрии того времени можно было встретить эллина, занимавшего видное положение, позволяющее ему поставить свое имя под одной из официальных надписей, сообщающих о строительных работах в династийном кушанском храме. «Надпись Паламеда», таким образом, подтверждает данные монетных легенд о значении эллинизированных элементов в культурной жизни Кушанской империи периода расцвета.

⁶ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение, с. 81—84.

⁷ См.: R. Curiel. Inscriptions de Surkh Kotal.— JA. T. 242, 1954, с. 194 и табл. IV; E. Benveniste. Inscriptions de Bactriane.— JA. T. 259, 1961, с. 150—152; J. Harmatta. Minor Bactrian Inscriptions, с. 149—164. Я. Харматта считает, что эта надпись сообщала о сооружении так называемого Храма В (за стеной двора главного храма), который он трактует как «храм огня Хувишки».

Все остальные «греческие» надписи кушанского периода в действительности выполнены «кушанским письмом». Поскольку нет оснований относить ни одну из известных сейчас надписей такого рода⁸ к более раннему времени, чем правление Канишки, следует, очевидно (в соответствии с данными монетных легенд и современных представлений о развитии культуры кушан), датировать создание «кушанского письма» именно его царствованием.

Значение этого события для истории культурной жизни Кушанской империи, Средней и Центральной Азии трудно переоценить. Оно означало появление у кушан собственной письменности, а у ираноязычных народов Средней и Центральной Азии — возможности использовать эту письменность для записи своей речи и переводов на свой родной язык иноземных произведений. Безвестные «кушанские Кирилл и Мефодий» как бы предвосхитили замечательный подвиг создателей славянской письменности, а основополагающие принципы «кушанского письма» роднят его со славянской азбукой.

Первая попытка использовать греческие буквы для написания слова «кушан» и местных бактрийских имен и титулов отмечена уже на монетах «Герая». Кудзула и Вима Кадфиз. как и Канишка, на первых порах тоже использовали эти буквы в легендах монет — без какой бы то ни было модификации. О появлении новой письменности можно говорить с того момента, как 1) в ней появился специальный знак **Ϝ** для передачи звука «ш» и 2) когда даже чисто греческие буквы стали использоваться для передачи не только имен или титулов, но и целых фраз связного текста на негреческом языке.

С тем, что этот язык был официальным языком Кушанской империи со времени царствования Канишки и родным языком кушанской правящей верхушки, согласны все исследователи. Нет также разногласий в определении этого языка как восточноиранского, занимающего промежуточное положение между сакскими и западнопамирскими диалектами, афганским языком и древними языками народов Средней Азии — парфянским, согдийским и хорезмийским⁹. Преобладает обозначение этого языка как бактрийского, чем подчеркивается, что это был язык коренного населения Бактрии, воспринятый кочевыми завоевателями и происходящими из их среды предками кушан или самими кушанами.

Однако нельзя полностью исключить возможность, что это мог быть язык собственно кочевых племен, принесенный ими

⁸ Последнюю сводку надписей «кушанским письмом» см.: В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе, с. 47—81.

⁹ См.: W. B. Henning. The Bactrian Inscription.—BSOAS. Vol. 23, 1960, с. 47—55. Ср.: И. М. Оранский. Письменные памятники на иранских языках, с. 450; В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 48.

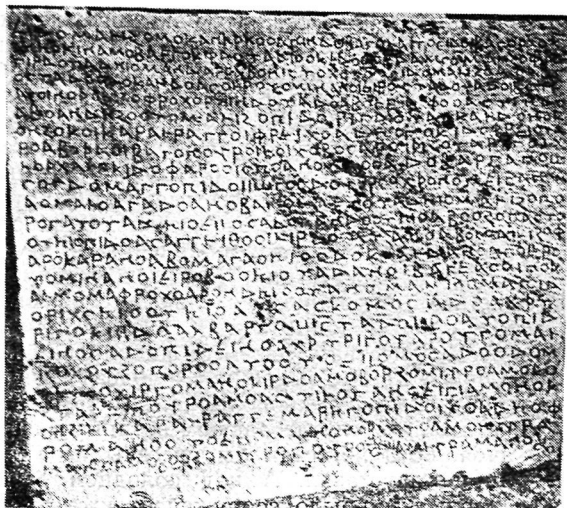

Рис. 34. Большая сурхкоталская надпись

из северных или даже северо-восточных по отношению к Бактрии земель¹⁰. Что касается письменности, то ее, вероятно, можно условно называть «кушанским письмом», поскольку этот термин указывает как на ее происхождение, так и на то обстоятельство, что эта письменность предназначалась для фиксации не греческой, а восточноиранской (бактрийской или кочевнической) речи.

Как свидетельствуют находки в Бактрии надписей «кушанским письмом», эта письменность и язык, для записи которого она предназначалась, получили здесь в кушанское время широкое распространение и применялись как для официальных целей, так и в обиходе. Это подтверждается, например, надписями из Сурх-Котала, высеченными в камне, дабы сообщать всем грамотным посетителям «храма Канишки Победителя» о строительных работах, которые производились здесь высшими кушанскими властями. Наиболее показательна повторенная трижды «большая сурхкоталская надпись», содержащая самый

¹⁰ Определение этого языка как бактрийского закрепилось в науке в результате работ В. Б. Хеннинга и В. А. Лившица. Первый издатели надписей Сурх-Котала, А. Марик, назвал этот язык «истинно-тохарским». Термином «тохарский» пользовались раньше и другие ученые, в том числе И. М. Оранский и В. А. Лившиц. Однако Э. Бенвенист и после работ В. Б. Хеннинга воздерживался от какого-либо обозначения языка надписей Сурх-Котала, называя их «надписями Бактрианы».

крупный из известных сейчас связанных бактрийских текстов той эпохи (рис. 34). Приводим ее в переводе В. А. Лившица¹¹.

«Этот акрополь — храм (называемый) Канишка Победитель, которым господин царь почтил Канишку. И вот, когда было закончено (сооружение) акрополя, тогда высохли внутри (акрополя) находящиеся (вместилища) воды, в результате чего акрополь остался без воды. И когда от сильного летнего зноя наступила засуха, тогда боги из (их) гнезда были унесены — и изображения (богов), и скульптуры (богов). И акрополь опустел — до тех пор, пока в 31 году правления, в месяц нисан, пришел сюда, к храму, наместник Ноконзок, любимый царем, наиболее дружественный к царю, сиятельный, старающийся (?), делающий добро, полный добродетелей, чистый помыслами по отношению ко всем существам. Затем он акрополь обнес стеной, вырыл колодец, провел воду, выложил (колодец) камнем — так, чтобы люди, находящиеся в акрополе, не испытывали бы недостатка в воде и чтобы в случае засухи, возникающей от сильного летнего зноя, боги не были бы унесены из (их) гнезда, чтобы акрополь не опустевал. А над колодцем был устроен подъемник для воды (?), было сооружено также водохранилище. И благодаря этому колодцу, и благодаря этому водохранилищу весь акрополь стал процветающим. И этот колодец, и этот... сделали Хиргоман, Бурзмихр, сын Кузгашки, Астилганциг и Ноконзок, наместники, послушные приказу царя. И написал Евман вместе с Михраманом, Бурзмихр-пухром (и) Амичраманом»¹².

«Большая сурхкоталская надпись» — ценнейший эпиграфический памятник, открытие которого, по единогласному мнению лингвистов, дало возможность приступить к изучению бактрийского языка. Исследования этой надписи продолжаются, возможно, в ее трактовку будут внесены отдельные уточнения. Так, например, еще нет согласия в переводе начальной фразы надписи. По В. А. Лившицу, из нее следует, что «храм Канишки Победителя» был возведен по приказу Хувишки, другие иранисты считают, что его возвел сам Канишка. Но основное содержание надписи уже почти не вызывает споров¹³. Выше мы не раз прибегали к сведениям этой надписи, однако далеко

¹¹ Перевод опубликован в кн.: В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, с. 192, 193. Отдельные уточнения перевода см.: В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 55—60.

¹² Помимо «большой надписи» и «надписи Паламеда» при раскопках Сурх-Котала были найдены еще две надписи «кушанским письмом» — «стенная» и «незаконченная». Обе они еще не получили достаточно обоснованной интерпретации. Гипотетическое чтение дано Я. Харматтой (см.: J. Harmatta. Minor Bactrian Inscriptions, с. 164—205; ср.: В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 54, 57).

¹³ Попытку трактовать «большую надпись» как стихотворный гимн Митре, предпринятую Х. Хумбахом (см.: H. Humbach. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal. Ein Zeugnis des jüngeren Mithraismus aus Iran. Wiesbaden, 1960), теперь можно считать окончательно отвергнутой.

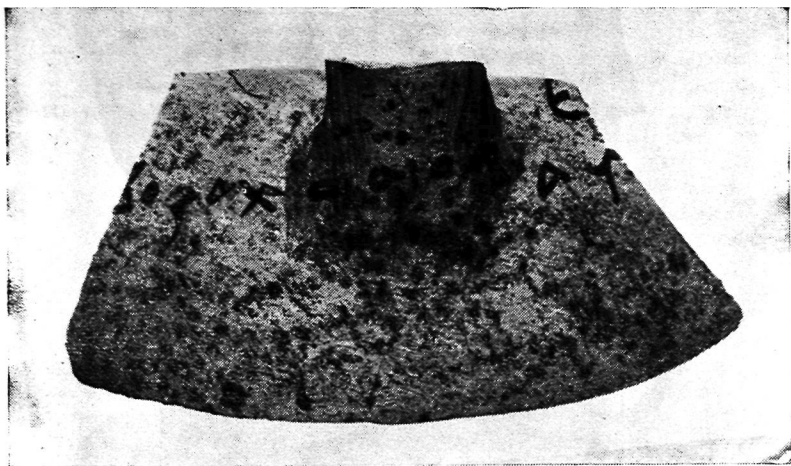

Рис. 35а. Надпись «кушанским письмом» из Кара-тепе

не исчерпали представляемых ею возможностей. Например, анализ упомянутых в надписи имен показывает значение, которое имел в образовании теофорных имен (и, видимо, в верованиях кушан) бог Михра/Митра. Перспективным представляется и историко-лингвистический анализ содержащихся в надписи титулов¹⁴. Конечно, углубленное изучение «большой сурхкоталской надписи» прежде всего дело лингвистов. Но и для историков это один из важнейших памятников культуры Кушанской империи и Бактрии.

О распространении «кушанского письма» и бактрийского языка не только в официальной сфере, но и среди населения Бактрии времени расцвета Кушанской империи красноречиво свидетельствуют три надписи на керамике, одна из которых была процарапана на стенке крупного сосуда, а две написаны черной тушью на кувшинах. Первая найдена в Душанбе: хум с надписью, которая, скорее всего, обозначала его содержимое (возможно, камедь), после его бытового применения был использован как сосуд для погребения¹⁵. Вторая (рис. 35а), обнаруженная на Кара-тепе, видимо, дарственного характера¹⁶.

¹⁴ См.: W. B. Henning. *Surkh-Kotal und Kaniska*.— ZDMG. Bd 115, H. 1, 1965, с. 77—82; В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 66—68.

¹⁵ См.: В. А. Лившиц. Тохарская надпись на хуме, с. 23—28. Ср.: он же. К открытию бактрийских надписей, с. 60, прим. 64.

¹⁶ См.: Я. Харматта. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе, с. 38—39. Ср.: В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 75—76.

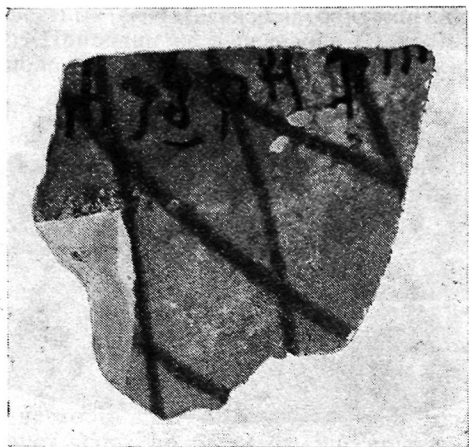

Рис. 35б. Надпись кхароштли из Кара-тепе

Третья надпись, выявленная на стенке керамического сосуда из халчаянской парадной постройки, также, вероятно, дарственная и означает, что сосуд был принесен в дар этому династийному святилищу¹⁷.

Надпись из Сурх-Котала, как и перечисленные надписи на керамических сосудах, по характеру передачи букв определяются специалистами как памятники первого этапа развития бактрийской письменности — «монументальное» письмо¹⁸. Дальнейшее развитие «кушанского письма» в сторону все большей курсивности можно проследить по другим надписям, открытым в Бактрии. Часть из них относится к периоду господства кушано-сасанидских правителей (надписи-граффити на стенах покинутых буддийских пещер Кара-тепе)¹⁹. Однако другие явно датируются временем, предшествующим сасанидскому завоеванию. Таковы надписи «кушанским письмом», которые вместе с индийскими (письмом брахми) составляли двуязычные дарственные тексты на сосудах (рис. 35в), приносимых в дар буддийским святыням Кара-тепе²⁰. По аналогии с ними к ку-

¹⁷ См.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 59—60.

¹⁸ В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 52.

¹⁹ См.: J. Harmatta. The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara Tere, с. 82—125; ср.: В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 50—52, 76—81; он же. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе, с. 47—60.

²⁰ См.: Т. В. Грек, В. А. Лившиц. Двуязычная надпись из Кара-тепе, с. 118—121. Ранее предположение о таком характере двуязычных надписей из Кара-тепе высказывал и Я. Харматта (К интерпретации надписей, с. 37—38).

Рис. 35в. Билингва из Кара-тепе: брахми (вверху)
и «кушанским письмом» (внизу)

шанскому времени можно отнести также надписи на черепках, найденные в Балхе²¹ и Кухна-Масджид (возле Сурх-Котала)²².

²¹ См.: J.-C. Gardin. *Céramiques de Bactres*, с. 41, рис. 19; табл. XVI, 6.

²² См.: G. Fussman. *Documents épigraphiques kouchans*, с. 53, рис. 24—26.

К кушанскому периоду относятся, вероятно, и надписи на керамике, найденные Советско-Афганской археологической экспедицией при раскопках Ем-

Итак, надписи «кушанским письмом», открытые на территории Бактрии — в Балхе, Сурх-Котале, Термезе, Халчаяне, Душанбе, связаны, как мы убедились, и с официальными текстами (Сурх-Котал), и с буддийской общиной (Кара-тепе), и, вероятно, с бытом городского населения (Душанбе и Балх).

Иной, видимо, была сфера применения индийских языков и письменностей. Надписи индийскими алфавитами кхароштли (рис. 35б) и брахми, получившими в кушанской Бактрии также довольно широкое распространение, во всех поддающихся чтению случаях оказываются буддийскими по содержанию (надписи из Термеза, Хатын-Рабата и Кундуза)²³. Исключение составляют лишь нанесенные на 10 золотых слитках, найденных в кладе на Дальверзин-тепе, надписи кхароштли, но эти слитки, как и большинство вещей дальверзинского клада, были, вероятно, привезены из Гандхары. Распространение индийских письменностей, таким образом, следует связывать с распространением буддизма. Как справедливо указала М. И. Воробьева-Десятовская, положение М. Е. Массона, что письмо кхароштли в Бактрии могло развиваться непосредственно из арамейского алфавита еще около II в. до н. э. и поэтому не следует связывать его с буддизмом, недоказательно²⁴. Однако вообще исключать возможность появления в Бактрии кушанского и кушано-сасанидского периода индийских надписей, оставленных выходцами из Индостана, но не буддистами, конечно, нельзя. Тем более что упоминавшиеся выше памирская наскальная надпись с именем Нарайаны и надпись-граффити из Кара-тепе с именем Махешвары оставлены индийцами небуддистами.

Недавно Ж. Фусман открыл еще одну письменность кушанской эпохи, названную им «неизвестным письмом»²⁵. Памятники этого письма обнаружены им в Южном Афганистане, а также выявлены в Сурх-Котале²⁶ и Халчаяне²⁷. Как установ-

---

ши-тепе и Дильберджина. На стенке одного сосуда до обжига было процарапано, по-видимому, греческое имя Диодот (см.: И. Т. Кругликова, В. И. Саррианиди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий, с. 1167), на горлах двух других амфоровидных сосудов было процарапано имя владельца (см.: И. Т. Кругликова, В. И. Саррианиди. Советско-Афганская экспедиция. — АО-73, с. 539 и рис. на с. 538; И. Т. Кругликова. Дильберджин, с. 79—80).

²³ Помимо перечисленных индийских надписей упоминается еще наскальная надпись из урочища Даршай на Памире, якобы выполненная письмом кхароштли. Теперь она определена как средневековая тибетская (см.: М. И. Воробьева-Десятовская. Памятники индийской письменности из Средней Азии, с. 216, прим. 2).

²⁴ Там же, с. 210—211.

²⁵ G. Fussman. Documents épigraphiques, с. 22—34.

²⁶ Надпись черной краской, изданная А. Марином, который воздержался от определения языка и письменности, М. И. Воробьева-Десятовская сочла «праkritской, письмом кхароштли» (см.: A. Magicq. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan). — JA. T. 246, 1958, с. 217, табл. IV; В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 57, прим. 50).

²⁷ См.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 91—92; рис. 27; рис. 35.

лено В. В. Вертоградовой, надписи «неизвестным письмом» есть и на Кара-тепе²⁸. Следовательно, можно говорить о распространении в Бактрии кушанского времени еще одного вида письма. Учитывая, что подобные надписи встречаются на памятниках различного характера, видимо, следует связывать их не с какой-либо религиозной общиной, а с неизвестной пока этнической группой.

---

²⁸ Характер письма определен В. В. Вертоградовой после ознакомления с работой Ж. Фусмана (см. Кара-тепе. IV, с. 8).

Глава 9

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

В отличие от истории, исторической географии, религий, языков и письменностей художественная культура (памятники архитектуры, монументально-декоративного искусства и художественного ремесла) кушанской Бактрии освещены исследователями не только в информационных заметках и публикациях, но и в специальных работах¹.

Поэтому здесь, очевидно, нет надобности подробно разбирать все памятники искусства (включая архитектуру) или приводить их перечень. Ограничимся лишь общей характеристикой художественной культуры и особенностей искусства Бактрии кушанского периода.

Характерной особенностью искусства кушанской Бактрии было наличие двух мощных художественных течений, одно из которых наиболее полно представлено памятниками искусства династии и правящей верхушки кушан, второе — памятниками буддийских монастырей и общин.

Первое из этих течений получило название «династийного искусства» кушан². Памятниками его были уже неоднократно рассматривавшиеся нами монеты — образцы самого официального направления в искусстве империи. Вполне вероятно, что монетные изображения кушанских императоров и божеств-покровителей воспроизводили установленные во дворцах и храмах официальные культовые статуи. Независимо от существования такой связи между монетными изображениями и монументальной скульптурой кушан прокламативный характер монетных чеканов означает, что не только сюжет, но и атрибуты и стиль мо-

¹ См., например: Г. А. Пугаченкова. Архитектура среднеазиатской античности.— ВДИ. 1951, № 4, с. 185—199; она же. Халчаян, с. 240—266; она же. Скульптура Халчаяна, с. 91—111; Б. Я. Ставиский. О характерных особенностях искусства кушанской Бактрии.— Сообщения ГМИИВ. Вып. 6, М., 1972, с. 75—83; он же. Искусство Средней Азии, с. 77—112.

² Наиболее серьезное исследование на эту тему — капитальный труд Дж. Розенфилда: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, в который, однако, не вошли данные, полученные в последние годы. Впервые вопрос о «династийном» искусстве кушан поднял Д. Шлюмберже (см.: D. Schlumberger. Descendants non-méditerranéens de l'art grec.— «Syria». Т. 37, P., 1960, с. 131—164, 253—319).

нет мы вправе рассматривать как соответствующие политическим, культурным и эстетическим представлениям императорского двора и правящей верхушки Кушанского государства. Подлинные находки изображений кушанских императоров или представителей кушанской верхушки в долинах Инда и Ганга, на юге Афганистана и на древних землях Бактрии подтверждают это предполагаемое сходство. Совпадают не только характерные детали одежды и внешнего облика, но также позы и художественный стиль изображений. Весьма показательны, к примеру, фигуры стоящих в полный рост кушанских императоров на аверсах монет Вимы Кадфиза, Канишки, Васудевы, которые по величественной статичной позе, фронтальной передаче корпуса и расставленных ног живо напоминают статую Канишки из святилища в сел. Мат (см. рис. 2) и скульптурные изображения кушанских правителей или вельмож из «храма Канишки Победителя» в Сурх-Котале (рис. 36). Монументальность характеризуют изображения сидящих на троне кушанских государей в крупной каменной скульптуре (предположительно — Вимы Кадфиза) из того же династийного святилища в сел. Мат (рис. 37) и на небольшом терракотовом штампованном медальоне из парадной постройки в Халчаяне.

Те же черты монументальности и строго фронтальной передачи фигур ясно видны и в изображениях божеств синкретического кушанского «пантеона», запечатленного на монетах Канишки и Хувишки (см. рис. 3), будь то античные персонажи Гелиос, Селена и Геракл, греко-египетский Сарапис, иранские Митра и Фарро, среднеазиатский Вахшу или индийский Будда. При этом, как мы уже отмечали, облик большинства божеств-покровителей восточного происхождения по иконографии связан с образами античного искусства. По-видимому, задача создания для пантеона Кушанской империи антропоморфных изображений этих божеств, поставленная перед медальерами кушанских монетных дворов, была решена путем широкого использования образов, выработанных намного ранее греко-римскими художниками. В результате бог солнечных лучей и справедливости Митра оказался наделен чертами Гелиоса, богиня победы Хванинда получила крылья и венок Ники-Виктории, а божество амударьинских вод Вахшу — трезубец Посейдона-Нептуна. Однако позы этих божеств и стиль их передачи оказались отнюдь не античными, а теми же, что были отмечены в изображениях кушанских государей и вельмож.

На то, что корни «династийного искусства» кушан уходят в художественную культуру Бактрии, указывал еще Д. Шлюмберже, выдающийся исследователь восточно-эллинистического мира. Однако первоначально этот тезис основывался лишь на тонком анализе материалов раскопок в Сурх-Котале. Теперь его подкрепляют открытия, сделанные на городище Ай-Ханум, а также находки советских археологов. Как мы уже отмечали,

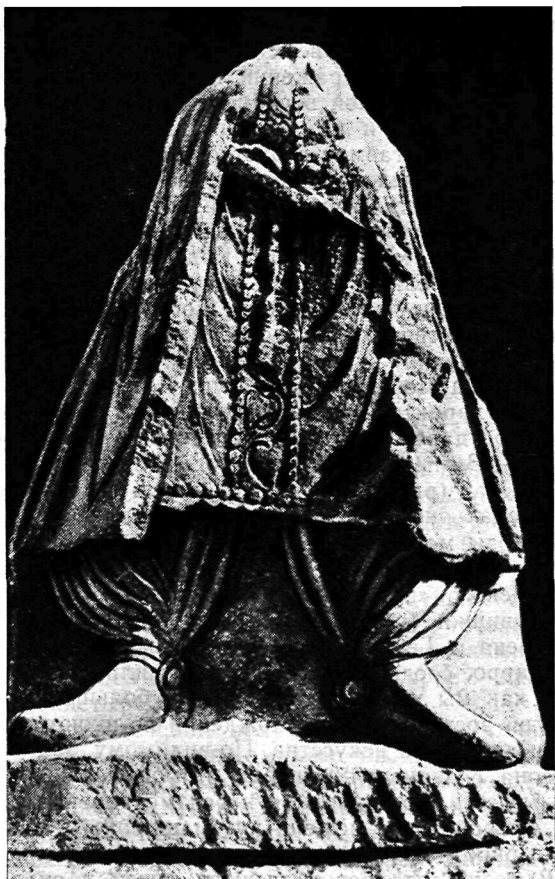

Рис. 36. Статуя царя(?) из Сурх-Котала

фронтальная передача фигур персонажей при профильном изображении головы, характерная для «династийного искусства» кушан, встречается в искусстве Бактрии раннекушанского периода, свидетельством чего могут служить процарапанные по кости схематичные изображения воинов из Куюмазарского могильника и с городища Калаи-Мир (рис. 38). Более ярким и убедительным подтверждением справедливости заключения Д. Шлюмберже явилась парадная постройка в Халчаяне.

Сооружение в Халчаяне (см. рис. 32), построенное раньше

Рис. 37. Статуя царя (Вимы Кадфиза?)
из святилища в сел. Мат

«храма Канишки Победителя», явилось тем недостающим звеном между Ай-Ханум и памятниками времени расцвета Кушанской империи, которое помогло восстановить тенденцию развития кушанского искусства. Весьма важно, что трактовка этого здания как связанного с династийным культом кушан не вызывает сомнений (Г. А. Пугаченкова считает лишь, что эту функцию постройка приобрела на более позднем этапе ее использования). Таким образом, парадная постройка Халчаяна может свидетельствовать как о династийном культе, так и о ху-

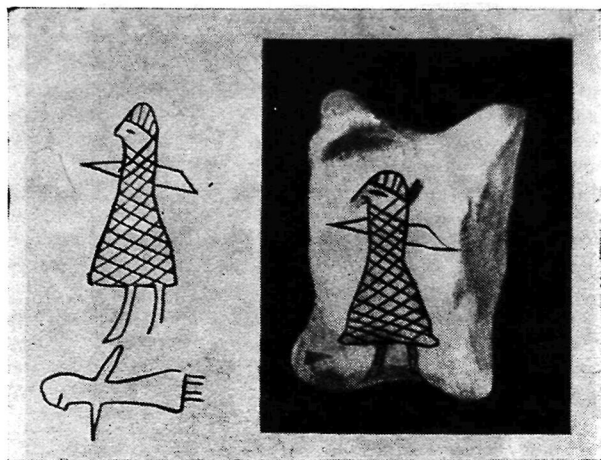

Рис. 38. Кость (астргал) с изображением воина из Калай-Мир

дожественной культуре кушанской верхушки к моменту завершения процесса становления империи.

Планировка парадной части халчаянской постройки, в частности «фронтальная» композиция центрального помещения, напоминает храмовый комплекс Ай-Ханум. Однако колонны в Халчаяне в отличие от греко-бактрийских построек Ай-Ханум и Саксанохура были деревянными. Дерево более упруго и поэтому более устойчиво при землетрясениях, — видимо, в связи с этим в кушанскую эпоху деревянные опоры вытеснили из местной архитектуры Бактрии каменные. В Халчаяне лишь базы колонн были каменными: торовидные, с двухступенчатым или плоским плиточным основанием, они восходят к базам колонн древнеперсидских построек и «восточным» базам Ай-Ханум.

С эллинистической архитектурой Ай-Ханум связаны также найденные в Халчаяне плоские и желобчатые черепицы, кровельный материал, характерный для греко-римского мира. Однако, как справедливо отметила Г. А. Пугаченкова³, черепица требует скатных стропильных перекрытий, для традиционной среднеазиатской плоской кровли она не только чужда, но и не нужна, так как резко утяжеляет крышу — поэтому черепицы не получили впоследствии применения в среднеазиатской архитектуре. Строителям Халчаяна оказались чужды и желобчатые черепицы со щитками и вырезами — антефиксы, используе-

³ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 137.

мые для прикрытия стыка швов плоских черепиц и стока дождевых вод. Характерно, что если в греческой и эллинистической архитектуре Ближнего Востока и в Ай-Ханум щитки подобных антефиксов обычно украшали пальметты и аканфы классического облика, то в Халчаяне эти античные декоративные элементы изменились, стали схематичными. Не менее показательно, что плоские черепицы и антефиксы использовались в халчаянской постройке лишь для обрамления края крыши, притом в сочетании с типично восточными ступенчатыми зубцами. Подобные зубцы встречались еще на ассиро-вавилонских памятниках Месопотамии и в ахеменидском Иране и были широко распространены в Парфии, Бактрии и других древних областях Средней Азии, Афганистана и Пакистана. Халчаянскую постройку венчала кайма, составленная из античных по происхождению черепиц и антефиксов с сильно измененными пальметтами и аканфами и восточных ступенчатых зубцов с прорезями в виде наконечника копья или стрелы.

Великолепная скульптура Халчаяна — яркий памятник художественной культуры кушанской верхушки Бактрии накануне воцарения Канишки. Особое впечатление производит наиболее сохранившаяся скульптура фриза центрального помещения (см. рис. 33). Отдельные панно и фигуры фриза гармонично сочетались с архитектурой, живописью и карнизом. Центральное панно располагалось в обширной (5,6 м), но неглубокой (75 см) нише посреди главной стены, над проходом в двухколонное святилище. Остальные рельефные композиции размещались, по-видимому, симметрично, по сторонам центрального панно. Высота фигур — меньше человеческого роста (ок. 1,4 м), но их соотношение с высотой зала, размерами ниши и карниза с его фигурками, сочетание с гладкими в нижней части стенами придавали им монументальность и особую выразительность.

Древние скульпторы учли также, что фигуры фриза располагались высоко над зрителями (ноги фигур — в 3 м от пола, а голова — в 4,5 м). Поэтому головы фигур выполнены почти в полном объеме, плечи и грудь — в высоком трехчетвертном рельефе, а торс переходит в барельеф. Такая моделировка с постепенным нарастанием объема снизу вверх скрадывала пространственный ракурс и вместе с тем концентрировала внимание зрителей на лицах изображенных, а не на одежде или атрибутах, переданных, однако, весьма скрупулезно.

Конечно, многое в толковании сюжетов, композиций и отдельных фигур скульптуры Халчаяна все еще остается сомнительным. Однако историко-художественная ценность этой скульптуры сомнений не вызывает. Г. А. Пугаченкова полагает, что халчаянские скульпторы создали портреты своих современников. Возможно, что это обобщенно-условный типаж⁴. Но да-

⁴ См. сб. Центральная Азия в кушанскую эпоху, с. 384.

Рис. 39. Голова кушанского князя.
Часть статуи из Халчаяна

же простое сопоставление выразительных лиц «кушанского» и «парфянского» «князей», «супруги правителя» и двух «воинов» показывает, что халчаянские скульпторы мастерски передали и характерные этнические черты персонажей, и их высокое («благородное») происхождение, и определенный возраст.

Скульптура Халчаяна — плод высокоразвитого искусства, воспринявшего из античной культуры не только образы (такие, как Геракл, Ника и т. п.) и отдельные мотивы (как, например, гирлянды, поддерживаемые обнаженными мальчиками). При этом, однако, как подметила Г. А. Пугаченкова, халчаянские скульпторы исходили из своих, отличных от античного искусства, представлений об идеале красоты⁵. Об этом свидетельствуют образы правителя и князей (рис. 39), равно как и женские образы.

В архитектуре и особенно скульптуре халчаянской постройки отчетливо видна связь с эллинистическим искусством, достижения которого творчески усвоены и использованы для про-

⁵ Г. А. Пугаченкова. Скульптура Халчаяна, с. 106—107.

славления представителей (возможно, уже обожествленных) местной кушанской династии.

Парадная постройка в Халчаяне — наиболее ранний из известных памятников «династийного» направления в искусстве Кушанского государства, демонстрирующий лишь истоки будущего в будущем общеимперского художественного течения. Халчаянская постройка и ее убранство отражают этап творческих поисков наиболее оптимального решения задачи, стоявшей перед художниками Кушанской империи — в художественной форме отразить славу и мощь династии. Здесь это течение предстает еще отнюдь не устоявшимся, утвердившимся официально, каким оно стало позднее. В памятниках времени расцвета империи, будь то изображения на монетах, статуи из сел. Мат, скульптура из Сурх-Котала или терракотовый медальон из поздних слоев Халчаяна, из богатого разнообразия приемов, элементов и мотивов, представленных в халчаянской постройке, мы находим лишь немного. В числе отобранного и закрепленного оказались в первую очередь образы божеств-покровителей, «идеального» государя, вельмож и некоторых иных персонажей. Они стали заметно более монументальными, статичными и обобщенными, чем их халчаянские предшественники.

«Династийное» направление в искусстве Кушанской империи поставило себе на службу именно эти изобразительные элементы, которые стали использоваться даже в буддийских композициях: например, в глиняных скульптурных изображениях знатных донаторов в буддийском святилище близ Дальверзинтепе, в монументальной живописи Кара-тепе. За пределами Бактрии довольно многочисленные, сходные по типу и стилю с дальверзинскими и каратепинскими донаторы-кушаны встречаются на буддийских рельефах Индостана⁶. В то же время орнаментальные мотивы и даже архитектурно-планировочные принципы, характерные для халчаянской постройки, не были приняты «династийным искусством» как внутри Бактрии, так и в других областях империи. Видимо, их труднее было приспособить к нуждам этого прокламативного искусства. Династийное святилище в сел. Мат и «храм Канишки Победителя» в Сурх-Котале по своей планировке достаточно сильно отличаются от халчаянской постройки, хотя скульптура их восходит, вероятно, именно к этому образцу. А планировка династийного «храма Канишки Победителя» даже обнаруживает сходство с планировкой буддийских храмов Кара-тепе.

В противоположность «династийному искусству», истоки которого лежат в Бактрии, «буддийское» художественное течение пришло в Бактрию из северных областей Индостана, в первую очередь, вероятно, из Гандхары, где незадолго до кушанского

⁶ См., например: J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts, рис. 30—39, 98а, 104, 108.

завоевания возникла, а затем и сложилась та получившая всемирную известность художественная школа, которую в литературе называют гандхарской, греко-буддийской или римско-буддийской. Немало в вопросах генезиса гандхарского искусства, от которого сохранилось много замечательных каменных статуй и рельефов⁷, все еще остается спорным. Но несомненно, что характерной особенностью основной массы произведений этой художественной школы было использование для нужд прокламативного буддийского культового искусства многих иконографических и стилистических элементов античной скульптуры.

Широкое распространение буддизма в Бактрии в период расцвета Кушанской империи сопровождалось проникновением сюда не только индийских надписей, буддийских культовых символов и сооружений, тип которых был выработан в древней Индии, но и художественных образов и приемов, ведущих свое происхождение из буддийских центров Индостана, прежде всего, видимо, именно из Гандхары — одной из основных цитаделей буддийского учения. Понятно, что буддийские миссионеры, пришедшие из Гандхары, могли оказать воздействие и на художественную культуру кушанской Бактрии. Восприятие здесь произведений этого культового искусства облегчалось, вероятно, тем, что отдельные эллинистические элементы его связаны были с искусством Греко-Бактрийского царства, т. е. были общим наследием как Гандхары, входившей в состав этого государства, так и его центра — Бактрии; римские же веяния в то время доходили до обеих этих областей одинаково. К тому же типологически гандхарское искусство было сходно с «династийным искусством» кушан, и, следовательно, оба эти прокламативные культовые художественные течения могли иметь одинаковый успех у местных последователей соответствующих религиозных систем. Однако, будучи «иноземным» и тесно связанным с буддийской религиозной пропагандой, «буддийское» художественное течение, в отличие от местного «династийного», не вышло за пределы буддийских культовых комплексов.

Следует, однако, подчеркнуть, что в буддийском искусстве кушанской Бактрии мы сталкиваемся со сложным сплавом разных культурных и художественных элементов, а отнюдь не со слепым следованием принесенной из Гандхары буддийской традиции. Наиболее важные культовые постройки (например, мемориальные сооружения — ступы), равно как и изображения Будды или сцен из его жизни, в основном следовали правилам, выработанным в гандхарском искусстве. Таковы изображения Будды и буддийских персонажей в каменной, глиняной и гипсовой скульптуре святилища близ Дальверзин-тепе, буддийских памятников кушанского Термеза, монастыря Ангур-тепе и т. п.

---

⁷ См., например: A. Foucher. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra; H. Ingholt. Gandhāran Art in Pakistan.

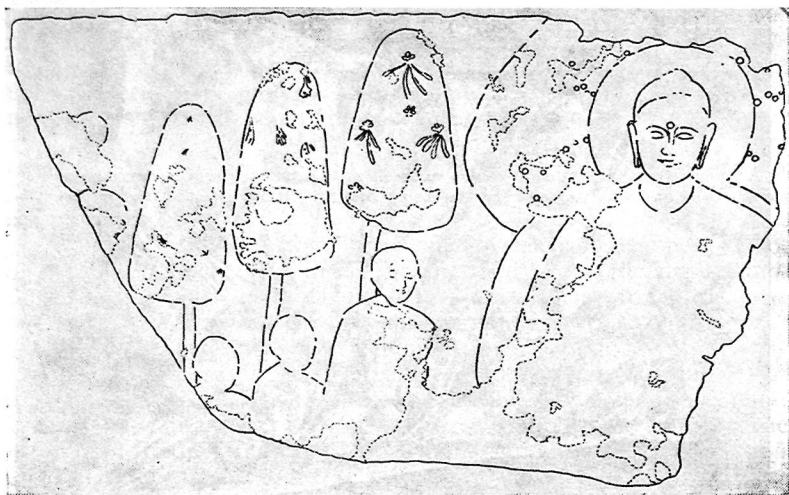

Рис. 40. Будда с монахами. Часть стенной росписи из Кара-тепе (прорисовка В. П. Бурого)

Иначе обстояло дело с устройством и планировкой буддийских храмов и святилищ. Особенно показательны в этом отношении буддийские комплексы Кара-тепе, где ясно видны поиски оптимальных решений, а не четкие установившиеся приемы. Даже в более или менее однотипных храмах первой группы помещений каждый храм отличается и устройством и ориентацией *целлы*. Использование для культовых целей искусственных пещерных помещений — явно индийский прием, но планировочный принцип и наземного храма и пещерных храмов П-I и П-II с замкнутой *целлой* и обходными коридорами, аналогии которому можно найти в «храме Канишки Победителя», ведет в древнюю культовую архитектуру Ирана и Ближнего Востока⁸.

Достаточно показательна и монументальная живопись Кара-тепе, украшавшая южный айван «среднего» храмового двора. Стоящие в ряд, слегка заслоняя друг друга донаторы, изображенные строго фронтально, но с головой, повернутой в профиль, выполнены отнюдь не в живописной гандхарской манере, а в стиле «династийного искусства» кушан. Более того, даже сцена под деревьями с Буддой и монахами, хотя в целом она повторяет гандхарские сцены и близка к аналогичной сцене в живописи Мирана⁹, отражает известное своеобразие. В частности,

⁸ См. последнюю сводку: K. Schippmann. Die iranischen Feuerheiligtümer. В.—N. Y., 1971.

⁹ M. Bussagli. Le peinture de l'Asie Centrale. Geneve, 1963, с. 23; B. Rowland. The Art of Central Asia, с. 33.

Рис. 41. Три музыканта. Часть составной рельефной капители из Айртама

Будда здесь наделен помимо трех своих основных отличительных признаков — пятен на лбу (*урна*), выпуклости на затылке (*ушниша*) и удлиненных мочек ушей, еще нимбом и ореолом вокруг тела — *мандорлой* (рис. 40). Еще А. Грюнведель высказал предположение, что и нимб и особенно ореол в буддийской скульптуре, видимо, являются имитацией живописных изображений¹⁰. Каратепинская стенная роспись, относящаяся ко времени, близкому к царствованию Канишки, на монетах которого впервые зафиксирован образ Будды с нимбом и овальным ореолом, подтверждает предположение этого ученого. Вместе с тем возникает вопрос: не в кушанской ли Бактрии возник этот иконографический тип Будды, крайне редкий, как указывали А. Грюнведель и А. Фуше¹¹, в искусстве Гандхары?

Следы переработки гандхарских образцов несет и такой известный и высокохудожественный памятник буддийского искусства Бактрии, как знаменитые рельефы Айртама, составные капители двух пилонов или пилястр, оформлявших вход в буддийские святилище.

Эти капители были украшены погрудными изображениями четырнадцати персонажей — по четыре каменные плиты с

¹⁰ А. Grünwedel. *Buddhistische Kunst in Indien*. В.—Лpz., 1920, с. 83.

¹¹ Там же; А. Foucher. *L'Art gréco-bouddhique*. Т. 2. 1, с. 370.

семью изображениями в каждой капители, размещенными на фоне аканфовой листвы. Интересно, что, как и в парадной застройке Халчаяна, погрудные рельефы в верхней части выступали вперед больше, чем в нижней: древние скульпторы хорошо рассчитали их ракурс по отношению к зрителям, смотревшим на изображения снизу (рис. 41). Пять персонажей — музыканты: с двойной флейтой, барабаном, лютней, арфой и кимвалами. Двое держат в руках гирлянды, еще один — чашу; руки остальных отбиты, и определить, какие у них были атрибуты, затруднительно.

Пять фигур с музыкальными инструментами, скорее всего, «пять великих звуков» (*панчамахашабда*) буддийской Индии. С индийским обычаем приветствовать цветами не только Будду, но и гостей (в данном случае, возможно, тех, кто входил в святилище) связаны, очевидно, изображения с гирляндами. К гандхарскому искусству тяготеют также обильные украшения и узкий шарф, переброшенный через плечо и руку арфистки. С памятниками Гандхары, казалось бы, сближают айртамские рельефы и такие черты, как сочетание полуфигур с аканфовой листвой, наброшенный на голову лютнистки широкий складчатый шарф, классический профиль арфистки с линией носа, продолжающей лоб. Однако эти черты, восходящие к античности, могли появиться в искусстве кушанской Бактрии и без влияния Гандхары. Более того, поскольку в гандхарском искусстве сочетания одиночных полуфигур с аканфами довольно редки, а группы полуфигур в таких сочетаниях вообще неизвестны, думается, что, хотя айртамские рельефы и несут на себе следы индийского воздействия, их все же нельзя причислить к чисто гандхарским памятникам. Показательно, что и треугольная форма арфы, и своеобразный головной убор арфистки со стреловидной подвеской, и, наконец, этнический тип большинства изображений в рельефах Айртама отличны от индийских и увязываются со среднеазиатской средой. В то же время прием облицовки камнем пахсовых и сырцовых стен напоминает постройки греко-бактрийского города в Ай-Ханум. Следует отметить, что айртамские рельефы соединялись между собой и с другими деталями каменной облицовки стен без раствора, при помощи скреп — это также сближает их с деталями каменной архитектуры Ай-Ханум.

Таким образом, в рельефах Айртама, и прежде всего в высокохудожественной группе с тремя музыкантами (см. рис. 41), можно проследить элементы и мотивы различного происхождения. Однако это не механическое соединение разнородных тенденций, а органичное и своеобразное художественное произведение, характерное для искусства Бактрии кушанского периода.

Эта особенность — творческое усвоение и переработка культурного и художественного наследия различных эпох и традиций — отчетливо видна и в архитектуре, и в монументальном

искусстве, и в изделиях художественного ремесла кушанской Бактрии. Это, конечно, не значит, что здесь не встречались произведения, связанные с какой-либо одной определенной традицией, или такие, где сочетание разных мотивов выглядело весьма эклектично. Однако наиболее характерными для художественной культуры всей Кушанской империи были именно органичные сплавы различных по происхождению элементов.

В каждой отдельной историко-культурной области обширного государства кушан состав таких «сплавов» был своим, местным. Так, в глубинной части Индии, в долине Ганга, сильнее проступали древнеиндийские веяния, сказывалось воздействие «династийного искусства» кушан и гораздо слабее — античных традиций. В Гандхаре эти три традиции отразились примерно в равной степени, хотя античная тенденция была чуть более сильной; кроме того, здесь видны и древнеиранские влияния¹². В Бактрии кушанского периода мы отмечаем уже существование двух основных художественных течений: местного — «династийного» и индийского — «буддийского». Чтобы определить, на какой фон они налагались, рассмотрим несколько наиболее показательных местных памятников.

Сходство планировки храмов двух различных культовых центров кушанской Бактрии — династийного в Сурх-Котале и буддийского в Кара-тепе, упомянутое выше, объяснялось, видимо, проявлением древней традиции культовой архитектуры, общей для Ближнего Востока и Средней Азии. Еще более заметны черты сходства в монументально-декоративном убранстве парадных построек Бактрии этого периода, хорошо прослеживаемые в оформлении каменных капителей колонн и пилястр. Стволы колонн в этих постройках были, как правило, деревянными, пилястры же, более близкие к ранним образцам, изготавливались, как и в Ай-Ханум и Саксанохуре, и из камня и из дерева.

Общее число известных каменных капителей Бактрии (с учетом айртамских) достигает 50, около 40 из них датируются временем после воцарения Канишки¹³. Большинство капителей двухпоясные, что сближает их с римскими и ранневизантийскими, но отличается от гандхарских. Зафиксированный на ка-

¹² См., например, анализ различий между гандхарской и матхурской художественными школами в кн.: В. С. Сидорова. Скульптура древней Индии. М., 1971, с. 64—73. Убедительно подчеркивая главенствующую роль индийской традиции в скульптуре Матхуры, В. С. Сидорова, однако, оставляет без внимания вопрос о воздействии на эту скульптуру «династийного искусства» кушан.

¹³ См. Б. Я. Ставиский. Капители древней Бактрии.— СА, 1972, № 2, с. 41—50 (ср. англ. пер.: «East and West». N. S. Vol. 23. № 3—4. Roma, 1973, с. 265—277). Кроме приведенных в статье образцов в последние годы в Термезе найдено еще несколько каменных капителей, в том числе одна — с рельефными головами львов и одна — с лотосовидным навершием; более мелкие коринфизированные капители происходят из раскопок Кара-тепе и Фаяз-тепе.

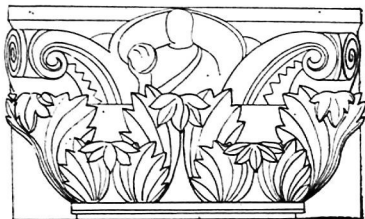
а

б

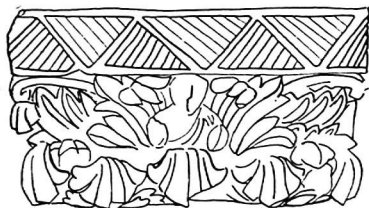
в

г

д

е

ж

з

Рис. 42. Каменные капители: а) из Кара-тепе; б, в) из Шам-калы; г) из Термеза; д—ж) из «буддийской платформы статуй» близ Сурх-Котала; з) из Сурх-Котала

пителях из Шам-калы, «храма Канишки Победителя» и «буддийской платформы статуй» в Баглане, а также на капителях Кара-тепе (рис. 42) и Шахринау в долине Сурхандарьи мотив полуфигурки на фоне аканфовой листвы связан с античной традицией, отраженной в рельефах Айртама. Индийским воздействием объясняются буддийские сцены на двух капителях из Шам-калы и «тюрбан бодхисаттвы» на одной из капителей «буддийской платформы статуй». Композиция верхнего пояса капителей из Шам-калы и Кара-тепе с тремя животными, два из которых повернуты в разные стороны, а третье (в центре) изображено в фас, также известна в Индии. Но сам прием украшения капителей скульптурными фигурами (или протомами) животных восходит к древневосточной традиции. Композиция верхнего пояса шамкалинской и каратепинской капителей, вероятно, передает, хотя и в измененной форме, мотив нападения хищного зверя на быка, широко распространенный в искусстве классического Древнего Востока и степного мира. Столь же известен и запечатленный на капителях из Шахринау и Шам-калы образ крылатого и рогатого грифона, отмеченный и на памятниках «темного периода» — пряжке из Тулхарского могильника и вышитой ткани из Ноин-Улы.

Следует подчеркнуть, что основные художественные особенности капителей Бактрии не зависят от религиозной принадлежности зданий, которые они украшали: однотипные капители были использованы как в буддийских постройках (Кара-тепе и «платформа статуй» в Баглане), так и в династийном «храме Канишки Победителя». Следовательно, это черты не культового, а именно локального характера, которые, как и планировка храмов Кара-тепе и Сурх-Котала, отражали своеобразие художественной культуры кушанской Бактрии.

Специфика местного искусства хорошо выявляется также на образцах художественной керамики. Среди них — небольшие кувшинчики с ручками, оформленными в виде фигурки обезьянки, найденные в Кара-тепе (рис. 43) и на раскопках Шор-тепе¹⁴. Обычай снабжать керамические сосуды фигурными зооморфными ручками, судя по ареалу находок такого рода, был распространен у степных племен Восточной Европы, Казахстана и северных районов Средней Азии¹⁵. Здесь ручки в виде фигурок животных отмечены (в районах Поволжья) еще во II—I вв. до н. э.¹⁶ Таким образом, появление зооморфных ручек в районах Среднеазиатского междуречья в первые века н. э. можно связывать со степными племенами. Следует, однако, отме-

¹⁴ См. Кара-тепе. III, с. 59 и табл. XVII; Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 121, 123, рис. 40а.

¹⁵ См. последнюю сводку о сосудах с зооморфными ручками: Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн. Душ., 1968 (особенно с. 3—13).

¹⁶ Там же, с. 8. Ср.: М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками.—СА. 1969, № 2, с. 69.

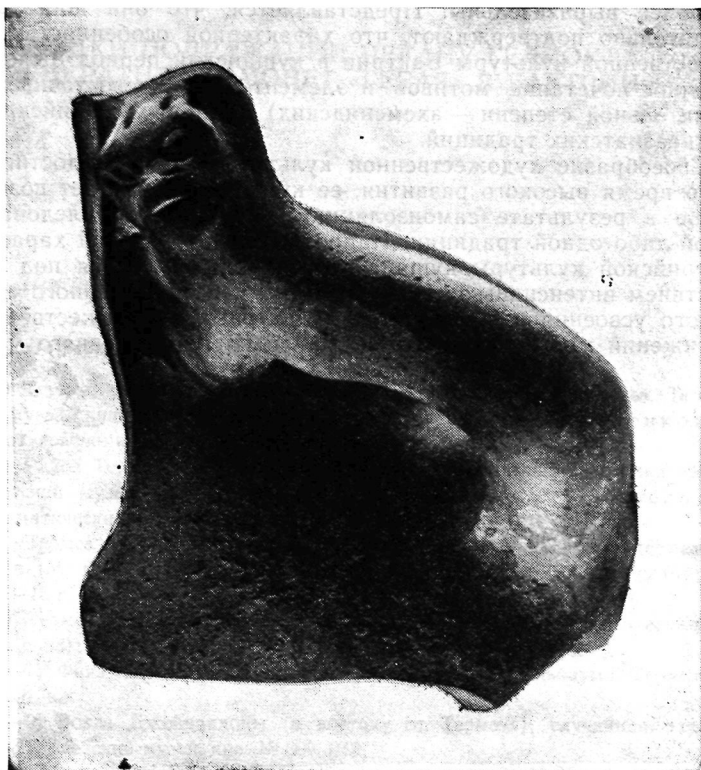

Рис. 43. Часть глиняного сосуда с ручкой в виде фигурки обезьяны из Кара-тепе

тять, что у степных племен головки зверей (обычно барана или других местных животных) изображались обращенными вверх, к горлу сосуда — тем самым, по представлениям степных племен, охраняя сосуд и его содержимое от злой силы. На кувшинах же Кара-тепе и Шор-тепе мы видим образ обезьяны, принесенный из Индии, широко распространенный в буддийских сказаниях и рельефах. Головки обезьянок на этих сосудах обращены не вверх, как в степной посуде, а к зрителю, что отражало иное, возможно более декоративное, назначение ручек-фигурок. Этот пример слияния различных традиций — «степной» и индийской — в ремесленном художественном производстве также характерен для кушанской Бактрии.

Приведенные примеры далеко не единичны, хотя, пожалуй,

наиболее выразительны. Представляется, что они достаточно убедительно подтверждают, что характерной особенностью художественной культуры Бактрии в кушанский период было органичное сочетание мотивов и элементов древневосточных (в значительной степени — ахеменидских) античных, индийских и среднеазиатских традиций.

Своеобразие художественной культуры Бактрии, достигшей в это время высокого развития, ее культурный расцвет возникли не в результате самоизоляции или упорного следования какой-либо одной традиции. Напротив, специфический характер бактрийской культуры кушанского периода сложился под воздействием интенсивных международных связей, активного творческого усвоения и переработки культурных и художественных достижений многих передовых стран и народов древнего мира.

НАХОДКИ ПОДРАЖАНИЙ ЧЕКАНУ ГЕЛИОКЛА
И ЕВКРАТИДА И МОНЕТ «ГЕРАЯ» В БАКТРИИ

1. Подражания чекану Гелиокла

а) На реверсе — стоящее божество

1) Термез, случайная находка 1959 г. у пристани на Амударье. Термезский музей, инв. № 134 (возможно, упомянута Г. А. Пугаченковой. К стратиграфии новых монетных находок, с. 81).

2) Район Термеза (карьер кирпичного завода), случайная находка 1968 г. Термезский музей, инв. № 351 (М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки, с. 82).

3) Термез (?), приобретена Б. Н. Кастанским в 1929 г. у термезских шейхов (М. Е. Массон. Монетные находки... в 1930 и 1931 гг., с. 67); вес ок. 14—15 г.

4) Термез (?), в коллекции Зампаева (М. Е. Массон. Монетные находки, с. 68); вес 14,6 г.

5—7) Фаяз-тепе возле Термеза, из раскопок Л. И. Альбаума. Термезский музей, б. н.

8—9) Возле Джейранхоны (к востоку от Термеза), случайная находка 1964 г. Термезский музей, инв. № 309, 349.

10) Зар-тепе (к С-З от Термеза), из раскопок Л. И. Альбаума 1952 г. (В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, с. 65, № 8); вес 14,94 г.

11) Зар-тепе, случайная находка 1960 г. Термезский музей, инв. № 350.

12) Зар-тепе, случайная находка 1974 г. Термезский музей, б. н.

13) Шор-тепе (к С-З от Термеза), из раскопок Г. А. Пугаченковой (Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок, с. 77, № 20); вес 2,24 г.

14—16) Айртам, из раскопок Г. А. Пугаченковой и Б. А. Тургунова (Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок, с. 75, № 1—3); вес 26,5; 14,79; 13,45 г.

17) Хатын-Рабат, из раскопок Г. А. Пугаченковой (М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки, с. 82).

18—24) Халчаян, подъемный материал экспедиции Г. А. Пугаченковой (Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 111—113); вес 15,64; 12,64; 13,3; 10,88; 9,12; 4,22; 3,22 г.

25) Урочище Амбар-сай (близ Денау), случайная находка 1969 г. Институт истории АН ТаджССР, инв. № Н-358; вес 11,42 г.

26) Шахринау, случайная находка (до 1954 г.). Институт истории АН

ТаджССР, КП 133/1 (Е. А. Давидович. Монетные находки, с. 95, № 1); вес 14,82 г.

27) Шахринау, случайная находка 1950 г. Институт истории АН ТаджССР, КП 27/2 (Е. А. Давидович. Монетные находки, с. 95, прим. 3; В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, с. 64, № 3; он же. К вопросу о чекане, с. 113, № 2); вес 15,23 г.

28) Шахринау, случайная находка 1967—1968 гг. Институт истории АН ТаджССР, № Н-255/1; КП 882/1; вес 12,07 г.

29) Шахринау, Чим-курган, раскопки Э. Гулямовой 1968 г. Институт истории АН ТаджССР, № Н-212/3; КП 839/1; вес 14,45 г.

30) Душанбе, случайная находка 1956 г. Институт истории АН ТаджССР, КП 299/1 (Е. А. Давидович. Монетные находки, с. 171—174); вес 9,17 г.

31) Окрестности (?) Душанбе, случайная находка (до 1956 г.) (Е. А. Давидович. Монетные находки, с. 172; В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, с. 63—64, № 1); вес 10,33 г.

32) Сел. Симигандж, случайная находка. Коллекция учителя М. Назруллаева (осмотрена автором в 1973 г.).

33) Саксанохур. Из раскопок Х. Мухитдинова (Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище, с. 168); вес 11,98 г.

34) Таджикистан (?), случайная находка до 1946 г. РИКМ ТаджССР (Н. Н. Забелина. Обзор древнейших монет, с. 75, № 5; В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, с. 65, № 7; В. М. Массон. К вопросу о чекане, с. 113, № 4); вес 15,45 г.

б) На реверсе — конь

35) Дальверзин-тепе, из раскопок экспедиции Г. А. Пугаченковой (М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки, с. 82—83).

36) Халчаян, подъемный материал. Сборы экспедиции Г. А. Пугаченковой (Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 113); вес 3,22 г.

37) Шахринау, случайная находка 1952 г. Институт истории АН ТаджССР, КП 113 (Е. А. Давидович. Монетные находки, с. 95; В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, с. 66, № 3; он же. К вопросу о чекане, с. 113, № 5); вес 12,3 г.

38) Шахринау, Чим-курган, раскопки Э. Гулямовой 1968 г. Институт истории АН ТаджССР, № Н-212/2; КП 839/2; вес 4,05 г.

в) Тип реверса — неопределенный

39) Айртам, из раскопок Б. А. Тургунова (Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок, с. 75, № 4); вес 7,98 г.

40—41) Шор-тепе, из раскопок Г. А. Пугаченковой (Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок, с. 77, № 18—19); вес 7,96; 2,24 г.

42) (Количество экземпляров не указано), Талашкан-тепе II (долина р. Шерабад), сборы 1972 г. (Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение, с. 75).

43) Джаркурганский р-н (с канала Занг), случайная находка до 1937 г. Термезский музей, инв. № 77 (Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок, с. 81).

44) Шаргунь (Сариасийский р-н), найдена в 1967 г. в привезенном в Термез угле; Термезский музей, инв. № 284 (осмотрена в 1974 г. автором).

45—47) Гарав-кала, из раскопок Э. А. Юркевича (1963 г.) и Т. И. Зеймаль (1963—1966 гг.) (Б. А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг., с. 16).

48) Зар-тепе, из раскопок В. М. Массона (1974 г.) (В. М. Массон. Раскопки кушанских памятников, с. 507).

г) *Вероятные подражания*

49—50) Хишт-тепе, в составе Кундузского клада (№ 582—583); вес 15,81, 15,25 г (предположение: М. М. Массон. Кундузский клад, с. 31).

51—55) Хишт-тепе, в составе Кундузского клада (№ 605—610); вес 3,71; 4,04; 3,94; 4,01; 4,03; 4,10 г (предположение автора).

II. Подражания чекану Евкратида

а) *Тулхарский тип (оболы)*

1—3) Тулхарский могильник (Бишкентская долина), из раскопок А. М. Мандельштама (А. М. Мандельштам. К предкушанскому чекану, с. 85—86, № 1—3; он же. Кочевники на пути в Индию, с. 138—139); вес 0,29; 0,39; 0,19 г.

б) *Гиссарский тип (оболы)*

4—8) Могильник Туп-хона (Гиссарская долина), из раскопок М. М. Дьяконова (А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 140; М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, с. 155, 157, 160, 161, 171); вес 0,68 г. (№ 4).

9) Калаи-Мир (Кобадийан), из раскопок Н. Н. Забелиной и М. М. Дьяконова. Определение типа спорно (Н. Н. Забелина, Раскопки на городище Калаи-Мир, с. 295; М. М. Дьяконов. Археологические работы, с. 273, 283, 286; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 140).

в) *Драхмы*

10—11) Южный Таджикистан (?), случайная находка до 1948 г. (Н. Н. Забелина. Обзор древнейших монет, с. 73—74, № 2—3); вес 12,8; 3,25 г.

12) Хишт-тепе, в составе Кундузского клада (№ 158) (предположение: В. М. Массон. Кундузский клад, с. 31); вес 16,75 г.

III. Монеты «Герая»

а) *Оболы*

1) Кей-Кобад-шах (Кобадийан), из раскопок 1953 г. (А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда, с. 305, 309).

2) Тулхарский могильник (Бишкентская долина), из раскопок А. М. Мандельштама (А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 139); вес 0,19 г.

б) Тетрадрахмы

3) Термез (на городище Старого Термеза), случайная находка (М. Е. Массон. Городища Старого Термеза, с. 33, 112; А. Н. Зограф. Монеты «Герая», с. 34—35).

4) Шахри-Бану (долина р. Хульм), случайная находка (А. Н. Зограф. Монеты «Герая», с. 14).

5—11) Нижневахшская долина, случайная находка, Институт истории АН ТаджССР (Е. А. Давидович. Незаконченная история.— «Памир», 1971, № 1, с. 81—87; № 2, с. 75—84; № 3, с. 77—82); вес 15; 15,4; 15,4; 15,79; 16; 16 г.

ОСНОВНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
БАКТРИИ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА *

Айрта́м — поселение оазисного типа к востоку от г. Термеза, на правом берегу р. Амударьи, в 10 км восточнее впадения в нее р. Сурхандарьи.

Упомянулось еще в дореволюционное время многими путешественниками. В 1932 г. случайно обнаружены 1—2 каменные плиты с рельефными изображениями; в 1933 г. обследование и первые раскопки экспедиции под руководством М. Е. Массона; в 1937 г. раскопки продолжены отрядом Термезской археологической комплексной экспедиции (начальник экспедиции М. Е. Массон, руководитель Айртамского отряда М. И. Вязьмитина), в 1964—1966 гг. — Б. А. Тургуновым из Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (руководитель Г. А. Пугаченкова); в 1975 г. осмотрено автором данной работы.

Возникло в докушанское время близ переправы через Амударью; расцвет — в кушанский период (размеры того времени: 2,5—3×0,3—0,5 км); четкой планировки, общих оборонительных стен и цитадели не имело.

На территории поселения выявлены несколько археологических объектов, наиболее крупный — значительный бугор в западной части поселения, окруженный остатками стены в виде оплывшего вала. Раскопками 1964—1966 гг. в основании бугра обнаружено многокомнатное монументальное здание с паховыми стенами (сохранились до высоты 1,5 м), определенное Г. А. Пугаченковой и Б. А. Тургуновым как крепостное сооружение — форт или форпост, возведенное у речной переправы во II в. до н. э. В подтверждение датировки приводятся: а) находка в песчаном заполнении одного из помещений, в 70 см выше пола, монеты-подражания чекану Гелиокла и двух или трех монет «сотер мегаса» и б) аналогии с городищем Кухна-кала (в Вахшской долине). Доводы неосновательны, так как Кухна-кала возникло в кушанское время (см. выше, с. 69), а совместная находка монет свидетельствует лишь о том, что помещение «форта» пришло в запустение не ранее конца царствования Кудзулы Кадфиза (если считать монеты «сотер мегаса» поздним чеканом первого кушанского императора) или даже позднее.

В кушанский период поверх предварительно выровненных остатков раннего сооружения на бугре возведены помещения буддийского культового комплекса площадью 600 кв. м (100×60 м). В центре его выявлены следы крупного прямоугольного постамента (16×9 м), скорее всего от главной

* Приложение представляет собой краткую сводку известных к 1975 г. сведений о четырех крупнейших городищах и семи крупных памятниках.

ступы, глинобитной внутри и облицованной камнем снаружи. Восточнее находилось святилище (примерно 7×7 м), вход в которое в древности был украшен двумя каменными капителями, из четырех скульптурных блоков каждая. Внутри святилища размещалась, видимо, вотивная ступа. Здесь же при раскопках в 1938 г. были найдены обломки ганчевой статуи Будды. В состав основной части монастыря входила еще полуподвальная келья (2,74×2,74 м) (Г. А. Пугаченкова первоначально считала ее «молельней»), углубленная в материковый песчаник (на 2 м ниже первоначальной постройки), в которую вела лестница из 7 ступеней. Ступени и сводчатое перекрытие лестницы были сложены из жженных кирпичных плиток, такими же плитками были облицованы стенки кельи и лестничного прохода. Второй буддийский комплекс располагался восточнее первого, на значительном расстоянии от него. Здесь удалось зачистить относительно хорошо сохранившуюся ступу с прямоугольным основанием (9,20×8,85 м), сложенную из сырца и пахсы и, вероятно, облицованную камнем, а также сырцовое здание с фрагментами каменных архитектурных деталей. В 1964—1966 гг. в восточной части поселения, в 2,5—3 км от бугра были произведены частичные раскопки многослойных помещений жилого и хозяйственного назначения. В 1,5—2 км севернее бугра, среди хлопковых полей Б. А. Тургуновым был исследован также древний могильник (см. выше, с. 163—166), вероятно одновременный ранней крепостной постройке.

Основная литература: М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Таш., 1933; он же. Скульптура Айртама.— «Искусство», 1935, № 2, с. 129—134; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, с. 149—158; М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Айртам.— ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945, с. 23—24; она же. Керамика Айртама времени кушанов.— Там же, с. 35—64; Б. Я. Ставиский. О назначении айртамских рельефов.— СГЭ. 34, 1972, с. 8—10; Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973, с. 81, сл.; Б. А. Тургунов. К изучению Айртама.— Там же, с. 52—77; он же. Айртам (К проблеме античной культуры юга Узбекистана) (Автореф. канд. дисс.). Таш., 1974.

Балх — огромное многослойное городище, остатки древней столицы Бактрии Бактры/Балх в ахеменидский, греко-бактрийский и кушанский периоды. (Здесь же размещался крупный город и в средневековье.) Площадь более 550 га. Наиболее возвышенная часть на севере городища — Верхнее укрепление (Бала-Хисар), овальное в плане, площадью около 120 га, с цитаделью близ южного края, крепостными стенами и широким рвом. Южнее — Нижний город (Новый Балх), обведенный стеной времени Тимуридов; площадь более 400 га. На восточном краю Нового Балха — холм Тепе-Заргарон, возле которого прослеживаются остатки древних стен восточной части Нижнего города. Вне городских стен — остатки отдельных монументальных построек: Шахри-Фолак (к востоку от Тепе-Заргарон), Топи-Рустам и Тахти-Рустам (к югу от Нижнего города) (см. рис. 10).

Городище отмечено многими путешественниками еще в XIX — начале XX в. В начале 20-х годов XX в. раскопки на цитадели в Бала-Хисар и на

Топи-Рустам производились А. Фуше. В 1945 г. городище осмотрено Д. Шлюмберже; в 1946 г.—Индийской археологической миссией во главе с Р. М. Уилером; в 1947 г. Д. Шлюмберже проведено широкое изучение стратиграфии Бала-Хисара, Нижнего города и Тепе-Заргарон; в начале 50-х годов тщательный анализ добытой там керамики осуществлен Ж. Гарденом. В 1953 г. раскопки южной стены Нижнего города возле башни Борджи-Айаран производились Р. Юнгом; в 1955—1956 гг. под руководством Д. Шлюмберже — новые, более широкие раскопки и зачистки крепостных стен Бала-Хисара и Нижнего города.

Исследованиями установлено, что древнейшее ядро Балха — Бала-Хисар существовал в ахеменидское время; там же, вероятно, находился центр города и в греко-бактрийский период, когда поселение распространилось и на территорию Нового Балха. Расцвет города — в кушанский период, к которому относятся и древние укрепления Нижнего города, возведенные из крупного квадратного кирпича-сырца, а также загородные сырцовые постройки: Топи-Рустам, Шахри-Фолак, Тахти-Рустам — громадные буддийские ступы. Связанные с ними буддийские культовые комплексы в кушанское время размещались с юга и востока города. Судя по отдельным находкам каменных баз и капителей, помимо сырца в Балхе широко использовались каменные архитектурные детали.

Основная литература: A. Foucher. La vieille route de l'Inde: de Bactres à Taxila.—MDAFA. T. I. P., 1942; R. E. M. Wheeler. Archaeology in Afghanistan.—«Antiquity». Vol. 21, № 82, 1947, с. 57—65; D. Schlumberger. La prospection archéologique de Bactres.—«Syria». T. 26, 1949, с. 173—190; J. C. Gardin. Ceramiques de Bactres.—MDAFA. T. 15, P., 1957; R. Young. The South Wall of Balkh-Bactra.—AJA. Vol. 59. № 4, 1955, с. 267—276; M. Le Berre et D. Schlumberger. Observations sur les remparts de Bactres.—MDAFA. T. 19, P., 1964, с. 61—105; А. М. Манделштам. О некоторых результатах работ Французской археологической миссии в Афганистане.—СА. 21, 1954, с. 415—429; он же. [Рец. на:] J. C. Gardin. Céramiques de Bactres.—СА, 1959, № 2, с. 278—281; он же. [Рец. на:] MDAFA. T. 19,—ВДИ. 1966, № 2, с. 205—207; Г. А. Пугаченкова. [Рец. на:] MDAFA. T. 19,—Там же, с. 200—204; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 1. М., 1964, с. 73—74, 122—123, 169; Э. А. Юркевич. История изучения кушанских памятников Афганистана.—СА. 1969, № 2, с. 104—108, 111—113.

Гарав-кала (Турткуль или Яванское) — городище в Явано-Обикинской долине, на правом берегу р. Вахш, восточнее сел. Гарав, в 7 км к западу от пос. Яван, на правом берегу речки, текущей из ущелья Дагана; в кушанский период, вероятно, центр долины.

Городище вытянуто с В. на З., прямоугольно в плане; площадь 600×500 м; центральная часть с цитаделью (140×100 м) также вытянута с В. на З. и прямоугольна в плане, площадь 380×220 м. На С-З от городища — окруженный валами отдельный участок («кусасьба»), трапециевидный в плане (170×150 м). На С. от городища — всхолмления, возможно, кладбище.

Обследовано Т. И. Зеймаль (1959 г.), Э. А. Юркевичем (1961 г.). Рас-

копки: Э. А. Юркевич (1963 г., материалы изданы), Т. И. Зеймаль и Б. А. Литвинский (1963—1966 гг., опубликованы краткие информации).

Раскопками Э. А. Юркевича исследован кроющий слой на цитадели и стратиграфия края центральной части городища. Выявлены помещения последнего периода жизни городища со стенами, сложеными из квадратного сырцового кирпича (размером 30—34×30—34×10—12 см). Стратиграфически и по типу керамики выделены два слоя, в нижнем найдена монета-подражание чекану Гелиокла и медная монета «сотер мегаса». Выделяется среди находок стеатитовый диск с рельефным изображением всадника на гиппокампе, возможно, из Гандхары (туалетное блюдо?).

По данным Т. И. Зеймаль и Б. А. Литвинского, на Гарав-кале выделяется шесть периодов жизни: наиболее ранний — II—I вв. до н. э., самый поздний — кушано-сасанидского времени (конец III—IV вв.). Датировка верхнего слоя установлена по находкам более чем 20 монет, включающим монеты Канишки III, подражания им и подражания чекану Васудевы. Второй сверху период датируется монетами «сотер мегаса», Канишки и Васудевы, переход от него к верхнему слою — фрагментом керамического сосуда со штампованным погрудным изображением государя (определяется как кушано-сасанидский правитель Хормизд, по В. Г. Луконину, 381—384 гг.). В слое четвертого периода найдены две медные монеты — подражания чекану Гелиокла, в слое пятого периода — бронзовый наконечник стрелы и фрагмент хума с процарапанной до обжига греческой надписью (имя СОХРАКНС).

Раскопками Т. И. Зеймаль и Б. А. Литвинского вне цитадели и центральной части городища выявлены материалы лишь двух последних периодов, т. е. город достиг своих максимальных размеров лишь к концу своего существования. В последние периоды жизни территория города была обнесена крепостной стеной из крупных пахсовых блоков, уложенных поверх основания из больших камней.

Литература: Т. И. Зеймаль. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. — АРТ-59. 1961, с. 144; Э. А. Юркевич. Разведки в Яванском районе. — АРТ-61. 1964, с. 131, 132, 133; он же. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. — СА, 1965, № 4, с. 158—167; Б. А. Литвинский. Археология Таджикистана за годы Советской власти. — СА. 1967, № 3, с. 112; он же. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы). — АРТ. X (1970), М., 1973, с. 14—17; Т. И. Зеймаль. Вахшская долина в древности и раннем средневековье (Автореф. канд. дисс.). Л., 1969, с. 6—7.

Дальверзин-тепе — городище на правом берегу Сурхандарьи, в 7 км севернее Шурчи и 30 км южнее г. Денау. В кушанский период — центр средней части Сурхандарьинской долины.

В плане (рис. 44) имеет вид неправильного прямоугольника, вытянутого с Ю. на С., с цитаделью в Ю-В углу. Город и цитадель были окружены крепостными стенами и рвами. Размеры городища (по определениям разных исследователей): Л. И. Альбаум (1960 г.) — 1000×500 м; он же (1966 г.) — 1000×800 м; Г. А. Пугаченкова (1963 г.) — площадь цитадели 7 га, собственно город — 80 га; она же (1968 г.) — цитадель — 9 га, собст-

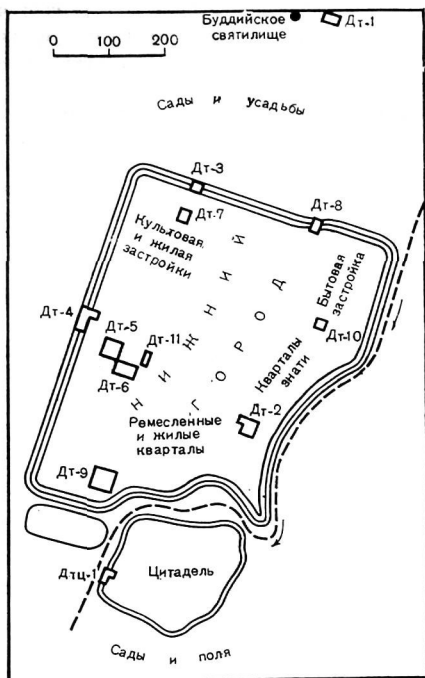

Рис. 44. План Дальверзин-тепе
(по Г. А. Пугаченковой)

венно город — 80 га; она же (1971 г.) — цитадель — 9 га, собственно город — 650×500 м, т. е. 32,5 га; Э. В. Ртвеладзе — 28 га.

Обследовано в 1949 г. Л. И. Альбаумом; в 1960 г. В. А. Нильсеном произведена инструментальная топографическая съемка городища, при зачистке крепостной стены обнаружено раннесредневековое захоронение. В 1961 г. Л. И. Альбаумом проведены разведочные раскопки на городище и разрез крепостной стены; в 1960—1963 гг. Б. А. Тургуновым и Д. Н. Сидоровой из Узбекостанской искусствоведческой экспедиции, возглавляемой Г. А. Пугаченковой, проведено изучение крепостных сооружений на цитадели; с 1967 г. Узбекостанской искусствоведческой экспедицией ведется систематическое изучение городища и отдельных построек в его окрестностях.

По определению Г. А. Пугаченковой, первоначальное поселение возникло в III—II вв. до н. э., формирование города восходит к последним векам до н. э., расцвет — кушанский период, упадок — IV—V вв. н. э., новое частичное обживание — VI—VII вв. и гибель — VII—VIII вв.

Исследования на Дальверзин-тепе дали богатый материал по фортификации, архитектуре, монументальной глиняной скульптуре, стенным росписи-

сым, терракотам, керамике; найдены медные подражания чекану Гелиокла, монеты кушанских и кушано-сасанидских правителей (начиная с «сотер мегаса») и клад золотых вещей (и их обломков) времени царствования Канишки или Хувишки.

Помимо стратиграфических наблюдений в шурфах и исследования фортификации в раскопах на цитадели (Дтц-1) и на городских крепостных стенах (Дт-3, Дт-4, Дт-8) Узбекстанской искусствоведческой экспедицией на городище изучались постройки кушанского периода: небольшой жилой дом горожанина средней зажиточности (Дт-2), жилой дом ремесленника-керамиста и керамические печи (Дт-9), дома городской верхушки (Дт-5, где был найден клад золотых вещей, и Дт-6), дом с молельней, связанной, видимо, с культом местной богини (Дт-7), помещение с хумами для хранения вина в здании на северо-востоке города (Дт-10).

Вблизи от городища в 1967 г. раскопано располагавшееся в 400 м к С. от городской стены буддийское святилище — ступа (сохранилась лишь прямоугольная платформа — основание), с трех сторон окруженная длинными коридорообразными помещениями: «кумирней» — с севера, где находился вход, «залом царей» — с запада и вспомогательным коридором — с юга. В «кумирне» помещались ганчевые статуи Будды, бодхисатв, других буддийских персонажей и монахов, перед статуями — керамические светильники; в «зале царей» — статуи Будды и донаторов, правителя, членов его семьи и приближенных. Г. А. Пугаченкова датирует святилище временем Вимы Кадфиза, так как в одной из комнат к юго-западу от него найдены монеты этого царя и «сотер мегаса», однако, поскольку связь этих комнат с культовой постройкой не ясна, осторожнее будет относить святилище ко времени расцвета Кушанской империи. В 300 м севернее святилища вскрыто погребение в терракотовом саркофаге; в 1970 г. в 200 м к югу от стен цитадели — остатки винодельни. В 1961 г. Л. И. Альбаумом в 500 м к Ю-З от городища найдены половина овального оссуария и в нем три керамических кубка, вероятно, остатки древнего захоронения.

Основная литература: Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Таш., 1960, с. 12—14; он же. Городище Дальверзинтепа. — ИМКУ. Вып. 7, 1966, с. 47—65; Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чаганиана. — «Труды ТашГУ». Вып. 200, 1963, с. 52—55; она же. К изучению памятников Северной Бактрии. — ОНУ. 1968, № 8, с. 28, 32—36; она же. Новое в изучении Дальверзин-тепе. — СА, 1971, № 4, с. 186—202; она же. Ювелирные изделия Дальверзинского клада. — Советское искусствознание. 73. М., 1974, с. 407—418; она же. Из недавних открытий в Южном Узбекистане. — ПЖНО-74, с. 412, 415—424, 427—434; Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов. Исследование Дальверзин-Тепе в 1972 г. — Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 58—73.

Дильберджин (Дальверзин-тепе, или Дальверзин) — городище греко-бактрийской и кушанской эпох близ северной окраины Балхского оазиса, 40 км к С-З от Балха, 20 км к С-В от г. Акчи.

Городище (рис. 45), почти квадратное в плане (383×393 м), в центре его — цитадель (150×150 м), в древности защищенная мощными стенами, башнями и рвом. Вокруг городища также крепостная стена с прямоуголь-

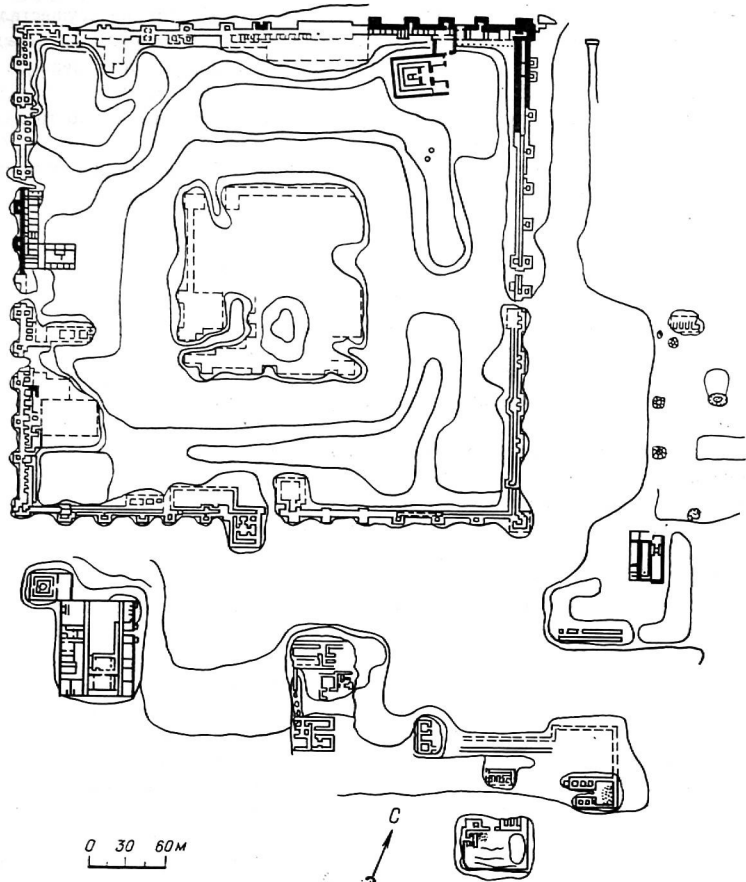

Рис. 45. План Дильберджина (по И. Т. Кругликовой)

ными башнями, возможно, ров. Между цитаделью и городской стеной — ряд холмообразных возвышенностей, скрывающих остатки построек. За пределами города на Ю. и В. — постройки городского пригорода.

Открыт в 1970 г. Советско-Афганской археологической экспедицией во главе с И. Т. Кругликовой, с этого времени систематически раскапывается ею. По определению И. Т. Кругликовой, город возник в греко-бактрийский период, покинут после эфталитского завоевания в V в. н. э., расцвет, видимо, в кушанский период.

Раскопками исследованы: храм в С-В углу городища (раскоп I); оборонительные стены и северо-восточный пристенный комплекс (раскоп II);

жилой комплекс у западной стены города (раскоп III, там же осуществлено изучение стратиграфии культурных напластований); помещения у южных городских ворот (раскоп VIII), жилые кварталы позднейшего периода на цитадели (раскопы С-II и С-III); восточная сторона цитадели, где проведена зачистка от вершины до подошвы рва (раскоп С-I); большая постройка в 70—100 м от Ю-З угла городища, вне его крепостных стен (раскоп V); буддийская культовая постройка с остатками ступы и буддийскими статуями — также вне городища, у Ю-В его угла (раскоп VI); небольшой жилой дом напротив южных ворот города (раскоп VII).

Материалы раскопок 1970—1972 гг. на раскопах I—III проанализированы и опубликованы. Наиболее интересные итоги и находки из других раскопов приведены в предварительных сообщениях.

Раскопочными работами выявлена история и устройство храмовой постройки в С-В углу города. Первоначальный храм, состоявший из двух помещений — пронаоса и наоса — и обходного коридора, был окружен колоннадой и имел многоколонный портик. Судя по остаткам стенных росписей с изображением двух юношей с белыми лошадьми, посвящен Диоскурам или олицетворяемым ими местным божественным близнецам, возможно, ведийским Ашвинам. Позднее был существенно перестроен и расширен, а стены пронаоса украсили росписи шиваитского характера; здесь, в частности, открыто изображение Шивы и Парвати, сидящих верхом на зебу. Другая находка в храме — часть головы раскрашенной глиняной статуи мужчины.

В помещениях, открытых возле северной городской стены, интересны стенные росписи (вероятно, поздние). Позднекушанским временем датируется также буддийское святилище, включавшее три длинных параллельных помещения, в среднем из которых находились ступа и буддийские статуи, а также круглые алтари огня, располагавшиеся перед ступой.

Неожиданно открытие в большом доме у Ю-З угла города помещения с бассейном (*сардобы*) с остатками перекрытия типа *балхи*: ранее считалось, что сырцовые купола такого типа появились лишь в средневековье.

Находка в одном из помещений башни, фланкирующей южные городские ворота, глиняной раскрашенной статуи Геракла (или воплощенного в его облике кушанского божества) свидетельствует о длительности сохранения античной иконографии; судя по монете, определенной как чекан Васудевы II, которая была вмазана в остатки стоявшей здесь же более ранней глиняной статуи, образ Геракла вдохновлял воинво Дильберджина вплоть до самого конца кушанского периода.

Раскопками Дильберджина выявлено очень много предметов быта, керамика, монеты, надписи кушанским письмом на керамических сосудах и на стенных росписях.

Основная литература: И. Т. Кругликова. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). Ч. 1, М., 1975; И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий.— СА. 1971, № 4, с. 167—177; они же. Советско-Афганская археологическая экспедиция.— АО-71. 1972, с. 561—562; они же. Советско-Афганская экспедиция.— АО-73. 1974, с. 538—539; И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди, Г. А. Пугаченкова. Советско-Афганская экспедиция.— АО-74. 1975, с. 559—561.

Зар-тепе — городище в Сурхандарьинской долине, 26 км к С-З от Термеза, 4 км к Ю. от сел. Ангор; в кушанский период, вероятно, центр Ангорского ирригационного района.

Городище, квадратное в плане, окружено валами крепостных стен, длина каждой ок. 400 м; в С-В углу городища — квадратная в плане цитадель, отделенная от города рвом; в Ю-В углу городища — высокий холм, остатки монументального здания (или второй цитадели).

Обследовано Л. И. Альбаумом в 1949—1950 гг.; в 1951—1952 гг. им же здесь был заложен стратиграфический шурф и проведено поквadrатное наземное изучение территории городища; собрано большое число терракот и керамики, включая художественную — с рельефными изображениями голов людей и животных и штампованными узорами, а также ок. 300 монет, среди которых подражания чекану Гелиокла (возможно, монеты подлинного чекана), редкие монеты Гиркода и Сападбиза, 34 монеты «сотер мегаса», монеты Канишки, Хувишки, Васудевы, кушано-сасанидских правителей Шапура и Хормизда.

По мнению Л. И. Альбаума, возникло в I в. до н. э., существовало до V—VI вв. н. э., расцвет приходился на кушанское время.

С 1972 г. изучается Бактрийской экспедицией, возглавляемой В. М. Массоном. Произведена инструментальная съемка плана городища, уточнено определение его площади (16,9 га). В центре городища ведутся раскопки монументальной постройки, включавшей большие залы с колоннами на каменных базах; один из залов, вытянутый с С-З на Ю-В, имел 12 колонн. В другом зале найдены обломки глиняных скульптур на деревянном каркасе с ганчевой обмазкой, покрытых красной краской и позолотой. Заложенный здесь же стратиграфический раскоп выявил 9 жилых горизонтов, верхний из которых представлен монументальной постройкой, 7 последующих — менее внушительными жилыми и хозяйственными помещениями, нижний — землянкой. В третьем сверху горизонте найдена монета — подражание чекану Гелиокла. Осуществлен разрез крепостной стены, поверх нее выявлено буддийское святилище, в котором найдены обломки глиняной позолоченной статуи Будды (в том числе хорошо сохранившийся фрагмент головы) и две каменные подставки с массивными квадратными бронзовыми курильницами или светильниками.

Ведутся также раскопки отдельно стоящего здания — дома состоятельного горожанина. В нем, в частности, найдены 13 медных монет Хувишки, Васудевы и позднекушанского чекана.

Литература: Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.). — ТИИА АН УзССР. Вып. 7. 1955, с. 117—129; он же. Балалык-тепе. Таш., 1960, с. 14—41; В. М. Массон, Археологические работы в Северной Бактрии. — АО-72. 1973, с. 463; он же. Изучение кушанских памятников на юге Узбекистана. — АО-73. 1974, с. 485—486; он же. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 4, 5, 9, 10; он же. Раскопки кушанских памятников в Северной Бактрии. — АО-74. 1975, с. 507—508; К. Сабиров. Оборонительные сооружения кушанского времени на городище Зар-тепе. — Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 26—27; К. С. Сабиров, В. Н. Пилипко. Раскопки оборо-

нительных сооружений городища Зар-тепе.— Древняя Бактрия, с. 49—52; А. Я. Щетенко. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе.— Там же, с. 42—48.

Калаи-Заль — крупное городище в низовьях р. Кундуздарья, на левом берегу, примерно в 10 км выше впадения реки в Пяндж.

Обнаружено в 1938 г. английской экспедицией Э. Барджера и Ф. Райта; обследовано и описано в 1962 г. М. Ле Берром.

По М. Ле Берру, городище в плане имеет форму параллелограмма с длинной южной стороной 1800 м; площадь превышает 200 га. Вокруг городища сохранились стены из крупного квадратного кирпича-сырца (размер — 40×40×15 см) с квадратными башнями. В С-З углу, отделенном еще одной крепостной стеной, — высокий холм цитадели (Верхний город), а южнее и восточнее его — Нижний город. Остальная часть городища, по-видимому, — защищенный внешней оборонительной стеной пригород.

В подземном материале встречены черепки с ангобом и лощением. В 1964 г. местными крестьянами здесь случайно найдены также каменные блоки и часть базы (?) каменной колонны.

Размер кирпича-сырца в кладке городской стены, характер керамики (в частности, отсутствие образцов средневековой посуды), находка каменных архитектурных деталей делают вероятным предположение, что Калаи-Заль представляет собой остатки крупного города, существовавшего в кушанский, а возможно, и в греко-бактрийский периоды.

Литература: E. Barger, Ph. Wright. Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan.— MASI. № 64, 1941, с. 44; M. Le Berre. Prospection a Khishttépé.— R. Curiel et G. Fussman. Le trésor monétaire de Qunduz.— MDAFA, T. 20. P., 1965, с. 84—85, 87—88, табл. LV; S. Mizuno (ed.). Haibak and Kashmir-Smast. Kyoto, 1962, с. 72, рис. 128.

Сурх-Котал — крупный храмовый комплекс в Баглане, в долине р. Кундуздарья, 75 км к Ю. от г. Кундуза, 15 км к С-З от г. Пули-Хумри. В 1952—1964 гг. раскопки Французской археологической экспедиции в Афганистане под руководством Д. Шлюмберже. Комплекс располагался на вершине и восточном склоне отрога г. Кухи-Базуль. На вершине холма — основной храм, окруженный двором и крепостной стеной, а также два более мелких, сооруженных позднее; к ним вела широкая лестница (общая протяженность более 90 м, высота 35 м). Комплекс был обведен крепостной стеной; площадь огороженного участка 6 га (см. рис. 29).

По определению Д. Шлюмберже, храмы Сурх-Котала связаны с династийным культом кушанских царей, возле основного храма стояли их статуи, а в храмах возжигался в их честь священный огонь. Основной храм в «большой сурхкоталской надписи» назван «храмом Канишки Победителя». Вполне вероятно, что второй храм (В), как предполагает Я. Харматта, посвящен почитанию Хувишки.

Раскопки Сурх-Котала дали богатейший материал по архитектуре и архитектурному декору, каменной и глиняной скульптуре (во фрагментах). Материал освещен лишь в предварительных публикациях.

Полностью изданы найденные при раскопках на Сурх-Котале надписи, среди которых знаменитая «большая сурхкотальская надпись» — самый большой из известных сейчас текстов кушанским письмом.

О храмах Сурх-Котала см. выше, с. 198—202, о надписях — с. 215—217.

Основная литература: а) *о раскопках и храмах*. Предварительные отчеты Д. Шлюмберже: JA, 1952, с. 433—453; 1954, с. 161—187; 1955, с. 262—279, 302—326; D. Schlumberger. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India.— «Proceedings of the British Academy». Vol. 47, L., 1961, с. 77—95; он же. Descendants non-méditerranéens de l'art grec.— «Syria». Т. 37, 1960, с. 142—153; он же. L'Orient hellénisé. P., 1970, с. 60—66; он же. Sur la nature des temples de Surkh Kotal.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975, с. 97—102; J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley—Los Angeles, 1967, с. 154—163; б) *о надписях*. A. Curiel. Inscriptions de Surkh Kotal.— JA. Т. 242, 1954, с. 189—206; A. Maricq. La grande inscription de Kaniška.— JA, Т. 246, 1958, с. 345—440; E. Benveniste. Inscriptions de Bactriane.— JA. Т. 249, 1961, с. 113—152; W. B. Henning. The Bactrian Inscription.— BSOAS. Vol. 23, 1960, с. 47—55; он же. Surkh Kotal und Kaniška.— ZDMG. Bd 115. H. 1, 1965, с. 75—87; I. Gershevitch. [Рец. на:] H. Humbach. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal.— BSOAS. Vol. 26, 1963, с. 193—196; он же. The Well of Baghlan.— AM, NS, 1966, с. 90—109; он же. Bactrian Inscriptions and Manuscripts.— «Indo-germanische Forschungen». Bd 72, H. 1/2. B., 1967, с. 27—57; J. Harmatta. The Great Bactrian Inscriptions.— ААН. Т. 11. Fasc. 3—4, 1964, с. 373—471; он же. Minor Bactrian Inscriptions.— ААН. Т. 12. Fasc. 1—2, 1965, с. 149—205; G. Fussman. Documents épigraphiques kouchans.— BEFEO. Т. 61, 1974, с. 22, 30—31; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 1. М., 1964, с. 192—193 (перевод большой сурхкотальской надписи В. А. Лившицем); В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе.— Кара-тепе II, с. 47—81; он же. Кушаны: письменность и язык.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974, с. 313—321.

Термез (Старый Термез) — крупное городище на правом берегу Амударьи, в 10 км ниже устья р. Сурхандарья и современного г. Термеза. В современном виде городище представляет собой остатки средневекового города, каким его застали монголы Чингиз-хана в 1220 г.

Старый Термез отмечен многими путешественниками XIX — начала XX в.; материалы кушанской эпохи впервые выявлены здесь в 1926—1928 гг. экспедицией Музея восточных культур во главе с Б. П. Денике. Для выяснения исторической топографии и истории Старого Термеза вообще и кушанского города в частности большое значение имели работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1936—1938 гг., в которой под руководством М. Е. Массона участвовали В. А. Шишкин, Б. Б. Пнотровский, А. С. Стрелков, В. Н. Кесаев, Е. Г. Пчелина, Г. А. Пугаченкова. В послевоенное время буддийские постройки кушанской эпохи исследовались совместной археологической экспедицией Министерства культуры СССР (с 1961 г.), археологическим отрядом АН УзССР во главе с Л. И. Альбаумом (с 1968 г. — раскопки Фаяз-тепе, в 1972 г. — исследование остатков буд-

дийского комплекса на месте нынешней городской свалки); Г. А. Пугаченковой и З. А. Хакимовым проведено исследование «башни» Зурмала (1965 г.). Наблюдения за случайными находками на территории городища и его окрестностей ведутся В. А. Козловским (Термезский музей); им же проведены раскопки на цитадели, к западу от нее и близ внешней ограды кушанского Термеза.

Исследованиями установлено, что в кушанское время город занимал значительную часть позднейшего городища (площадь предмонгольского города более 500 га). Центр кушанского города размещался, вероятно, в цитадели, где поселение существовало уже в греко-бактрийский период. Постройки кушанского времени открыты также на холме Чингиз-тепе; между цитаделью и этим холмом отмечены находки керамики, терракот и монет.

Раскопками выявлено существование в кушанское время внешней ограды города, сохранившейся в виде вала вдоль С-З части городища с поворотом на юг почти под прямым углом близ современной городской свалки и далее, по-видимому, к берегу Амударьи, восточнее цитадели.

Внутри ограды (площадь свыше 350 га) размещались, вероятно, не только густозаселенная прибрежная часть города, но и обширный пригород. В С-З углу этого пригорода на холме Кара-тепе находился крупный буддийский культовый центр, а вне ограды, но в ближайших окрестностях кушанского города — монастырь Фаяз-тепе и еще два буддийских комплекса, остатками которых являются подвальное помещение на территории городской свалки и «башня» Зурмала (см. рис. 11).

В ходе археологических исследований и регулярных сборов случайных находок с территории Старого Термеза, проводимых Термезским музеем и отдельными местными коллекционерами, накоплен значительный вещественный материал кушанского и греко-бактрийского периодов, в том числе архитектурные каменные детали (капители, стволы и базы колонн, облицовочные блоки и т. п.), монеты греко-бактрийских (Диодота, Евтидема, Деметрия, Евкратиды, Антимаха и Гелиокла), кушанских и кушано-сасанидских царей; каменная, ганчевая и глиняная скульптура; образцы монументальной живописи, терракоты; керамика; эпиграфические находки.

Основная литература: Культура Востока. Вып. 1. М., 1927; Вып. 2. М., 1928; «Труды ТАКЭ». Т. 1. Таш., 1940; Т. 2. Таш., 1945; Кара-тепе. I; Кара-тепе. II; Кара-тепе. III; Кара-тепе. IV; Г. А. Пугаченкова, З. Хакимов. Две ступа на юге Узбекистана.— СА. 1967, № 3, с. 257—264; Л. И. Альбаум. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе.— Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 53—58; М. И. Воробьева-Десятовская. Новые надписи письмом кхароштки из Термеза.— ВДИ. 1974, № 1, с. 116—125.

Халчян — поселение-оазис на правом берегу р. Сурхандарья, возле г. Денау. Судя по остаткам бугров на месте древних построек и подъемному керамическому материалу, в кушанскую эпоху здесь располагалось поселение, тянувшееся вдоль берега Сурхандарьи с С. на Ю. на 2 км при ширине с З. на В. до 1,5 км. Поселение не имело крепостной стены или рвов, т. е. представляло собой оазис, включавший разнообразные по характеру и размеру постройки.

Халчаян привлек к себе внимание в 1959 г., после того как при земляных работах там были обнаружены три стоявшие в ряд каменные базы колонн. В 1959—1963 гг. оазис исследовался Узбекистанской искусствоведческой экспедицией во главе с Г. А. Пугаченковой. Изучение топографии местности, регистрация и сбор случайных находок позволили установить размеры и характер поселения. Одновременно велись систематические раскопки двух крупных бургов в южной части поселения — Ханака-тепе и Карабаг-тепе.

На Ханака-тепе полностью раскопана небольшая постройка раннекушанского времени (X-1), стены которой были в древности украшены монументальной живописью и глиняной скульптурой. Разведочными раскопами здесь же затронуты еще два монументальных дома — западный (X-2) и юго-западный (X-3).

На Карабаг-тепе, которое, по мнению Г. А. Пугаченковой, служило крепостью, осуществлены фортификационные исследования на двух участках (раскопы К-I и К-II).

Раскопками установлено, что халчаянское поселение возникло, видимо, в греко-бактрийский период, с расцветом в кушанскую эпоху. В раскопах, на поверхности, и у местного населения было собрано свыше 50 монет (из них найдены при раскопках — 10), в том числе 1 монета Деметрия, 8 подражаний чекану Геллюкла, 16 монет «сотер мегаса», 2 монеты Вимы Кадфиза, 7 монет Канишки, 6 монет Хувишки, 6 монет Васудевы и 5 монет Канишки III. Получен богатый керамический материал, найдены каменные базы колонн, набор железных наконечников стрел, отдельные привозные изделия, два черепка с надписями и т. п. Особую научную ценность представляет глиняная скульптура из парадной постройки, позволившая Г. А. Пугаченковой охарактеризовать художественную культуру раннекушанской Бактрии и поднять ряд важных вопросов истории культуры и искусства.

Основная литература: Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Таш., 1966; она же. Скульптура Халчаяна. М., 1971.

Шахринауское городище — остатки крупного города кушанского периода в верхней части долины р. Сурхандарья, на левом берегу одного из ее основных притоков р. Каратагдарья, возле пос. Шахринау. Территория городища в значительной части распахана и застроена, по ней также проходит автодорога Душанбе — Денау — Термез.

В 1946 г. С-В часть городища осмотрена сотрудником Кафирниганского отряда Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Л. С. Бретаницким и по его данным описана М. М. Дьяконовым (руководитель отряда). В 1955 г. Гиссарским отрядом во главе с Е. А. Давидович осуществлено наружное обследование всех сохранившихся остатков городища, проведена шурфовка и установлены его подлинные размеры и характер.

Городище площадью ок. 350 га опоясывали крепостные стены, сложенные из крупного квадратного кирпича-сырца (периметр стен ок. 7 км). Стены в виде валов сохранились лишь частично. Лучше всего прослеживается восточная стена (длина 2,5 км), насчитывавшая около 70 башен; эта часть городища известна как Катор-тепе. Северная стена прослежена на протяжении 1 км; южная, достигавшая 1,2—1,3 км, выявлена лишь в ее восточной

части, где было 9 башен. От западной стены, проходившей по краю террасы р. Каратаг, осталось только три останца.

На территории городища, внутри крепостных стен сохранилось лишь несколько бугров с остатками древних построек. Два из них — Хаит-Гула (в 1956 г.) и Чим-курган (в 1968 г.) — раскапывала Э. Гулямова, выявившая здесь части сырцовых построек и наслоения кушанского времени.

Среди случайных находок, сделанных на Шахринауском городище и поступивших в Институт истории АН ТаджССР, и сборов подъемного материала — 1 монета Евкратида, 6 подражаний чекану Гелиокла, 3 монеты «сотер мегаса», 1 монета Вимы Кадфиза и 1 монета Канишки. В 1956 г. А. Мухтаров доставил в Институт найденные на городище две каменные капители со скульптурными изображениями.

Литература: М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. — МИА. № 15. М.—Л., 1950, с. 180; Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г.— АРТ-55. 1956, с. 76—78; Е. А. Давидович, А. Мухтаров. Страницы истории Гиссара. Душ., 1969, с. 9—10, 14, 17; Э. Гулямова. Раскопки на Хаит-Гула близ Шахринау.— АРТ-56. 1959, с. 130—145; она же. Археологические памятники Гиссарской долины.— Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959, с. 188; она же. Изучение кушанских памятников района Шахринау.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975, с. 250—252; Е. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине.— АРТ-58. 1961, с. 136; А. Мухтаров. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан).— ИАН ТаджССР. ООИ. 1968, № 3, с. 36—41.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия..., М.
 АРТ — Археологические работы в Таджикистане... Сталинабад, Душанбе.
 АС — Археологический сборник (ГЭ). Л.
 ВАН — «Вестник Академии наук СССР». М.
 ВДИ — «Вестник древней истории». М.
 ВИ — «Вопросы истории». М.
 ВЛГУ — «Вестник Ленинградского государственного университета». Л.
 ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей.
 ВЯ — «Вопросы языкознания». М.
 ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока.
 ГУГК — Главное управление геодезии и картографии Министерства геологии СССР.
 ГЭ — Государственный Эрмитаж.
 ДАН — «Доклады Академии наук СССР».
 ДАН ТаджССР — «Доклады Академии наук Таджикской ССР». Сталинабад, Душанбе.
 ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР». Сталинабад, Душанбе.
 ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР». М.—Л.
 ИАН ТССР — «Известия Академии наук Туркменской ССР». Аш.
 ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Т. 1. Таш.
 ИНУ — История народов Узбекистана. Т. 1. Таш., 1950.
 ИТН — История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н. э. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963.
 Кара-тепе. I — Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.
 Кара-тепе. II — Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
 Кара-тепе. III — Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.
 Кара-тепе. IV — Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.
 КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М.
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., М.
 КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душ.
 МЮТАКЭ — «Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Аш.

- НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура». М.
 НЭ — «Нумизматика и эпиграфика». М.
 ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане». Таш.
 ООН — «Отделение общественных наук Академии наук СССР.
 ПБ — «Проблемы востоковедения». М.
 ПКНО-74 — «Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975.
 РИКМ — «Республиканский историко-краеведческий музей.
 СА — «Советская археология». М.
 СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа». Л.
 СНВ — «Страны и народы Востока. М.
 СОНАТ — «Социалистическая наука и техника». Таш.
 СРИКМ — «Сообщения Республиканского историко-краеведческого
 музея Таджикской ССР». Сталинабад, Д.
 СРОМ — «Сообщения Республиканского объединенного музея
 Таджикской ССР». Сталинабад — Душанбе.
 ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
 ТАН ТаджССР — «Труды Академии наук Таджикской ССР». Сталина-
 бад, Душанбе.
 ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа». Л.
 ТИИА АН УзССР — «Труды Института истории и археологии Академии на-
 ук Узбекской ССР». Таш.
 ТСАГУ — «Труды Среднеазиатского государственного универси-
 тета». Таш.
 ТХАЭЭ — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспе-
 диции». М.
 ТЮТАКЭ — «Труды Южно-Туркменистанской археологической
 комплексной экспедиции». Аш.
 ЭВ — «Эпиграфика Востока». М.—Л.
 ААН — «Acta Archeologica Hungaricae». Budapest.
 AI — «Ancient India». New Delhi.
 AJA — «American Journal of Archaeology». Princeton.
 ASIAR — «Archaeological Survey of India, Annual Reports»,
 Delhi.
 BEFEO — «Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient». P.
 BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Stu-
 dies. London Institution (University of London)».
 CII — «Corpus Inscriptionum Indicarum. Calcutta.
 CRAIBL — «Comptes rendus des séances de l'Académie des Insc-
 riptions et Belles-lettres». P.
 EW — «East and West». Roma.
 IHQ — «Indian Historical Quarterly». New Delhi.
 JA — «Journal asiatique». P.
 JNSI — «Journal of the Numismatic Society of India». Varanasi.
 JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain
 and Ireland». L.
 MASI — «Memoirs of the Archaeological Survey of India. Delhi,
 Calcutta.
 MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en
 Afghanistan». Paris, Cairo.
 MSS — «München Studien zur Sprachwissenschaft». München.
 NC — «The Numismatic Chronicle». L.
 PW — «Pauly's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswis-
 senschaft, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart.
 SPAW — «Sitzungsberichte der Königlichen preussischen Akade-
 mie der Wissenschaften». B.
 ТР — «T'oung Pao». Leiden.
 ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gessell-
 schaft». Leipzig — Wiesbaden.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками.—СА. 1969, № 2.
- Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Таш., 1960.
- Альбаум Л. И. Буддийский храм Фаяз-тепе.—Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
- Альбаум Л. И. Буддийский храмово-монастырский комплекс Фаяз-тепе.—Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Альбаум Л. И. Городище Дальверзинтепа.—ИМКУ. Вып. 7, 1966.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Таш., 1975.
- Альбаум Л. И. Занг-тепа (раскопки 1962 г.).—ИМКУ. Вып. 6, 1965.
- Альбаум Л. И. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа.—ИМКУ. Вып. 8, 1969.
- Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.).—ТИИ АН УзССР. Вып. 7, 1955.
- Альбаум Л. И. Некоторые результаты изучения Анхорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг.—ИАН УзССР. 1955, № 7.
- Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (По материалам 1968—1972 гг.).—Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Альбаум Л. И. Стратиграфия кушанских поселений Ангорского района Сурхандарьинской области.—Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Альбаум Л. И., Агзамходжаев Т. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом.—ОНУ. 1968, № 8.
- Альхамова З. А. Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 по 1946 г.—МЮТАКЭ. Вып. 1, 1949.
- Аммиан Марцеллин. История. Пер. с лат. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908.
- Арриан. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. М.—Л., 1962.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.
- Аскарлов А. А. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии.—АО-74. 1975.
- Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Таш., 1973.
- Атаханов Т. М. О работе Гиссарского отряда в 1969—1970 гг.—АРТ. 10 (1970). М., 1973.
- Афганистан. Сб. статей. М., 1923.
- Афганистан (карта масштаба 1 : 2 000 000). Изд. 2-е. ГУГК. М., 1966.
- Бабаев А. Д. Крепости древнего Вахана. Душ., 1973.
- [Баженов Л. В.]. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова. Таш., 1940.
- Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963; т. 2. Ч. 1. М., 1963; т. 2. Ч. 2. М., 1964; т. 3. М., 1965.
- Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника.—КСИА. 85. М.—Л., 1961.
- Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пнянджикентских храмов).—Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

- Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
- Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г.—МИА. № 15. М.—Л., 1950.
- Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде.—Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
- Бернштам А. Н. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение.—ИАН СССР. ООИ. 1937, № 4.
- Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952 (МИА. № 26).
- Бернштам А. Н. Основные этапы истории Семиречья и Тянь-Шаня.—СА. М. М.—Л., 1949.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
- Бируни, Абу Рейхан. Избранные произведения. Т. 2. Индия. Таш., 1963.
- Боголюбов М. Н. Арамейская законодательная надпись из Афганистана.—ВЯ. 1973, № 3.
- Боднарский М. С. (сост.). Античная география (Книга для чтения). М., 1953.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия (Исторический очерк). М., 1969.
- Борисковская С. И. Об одной группе подделок античной керамики.—СГЭ. 39, 1974.
- Бочкарев П. Афганистан. М., 1953.
- Букиннич Д. Д. Каналы древнего Термеза.—ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945.
- Бхатия Насим. Буддийский монастырь в Кара-тепе и ранняя история буддизма в Средней Азии.—Индийская культура и буддизм. М., 1972.
- Бхатия Насим. Ранняя история буддизма в Средней Азии (I в. до н. э.—VIII в. н. э.) (Автореф. канд. дисс.). М., 1973.
- Вавилов Н. И., Букиннич Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
- Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв.—Кара-тепе. III.
- Вайнберг Б. И. Археологические материалы из Хорезма в связи с проблемой кушанской хронологии.—Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1976 (в печати).
- Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае.—ВДИ. 1955, № 1.
- Вертоградова В. В. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе.—Кара-тепе. IV.
- Винклер В. В. Основные археологические коллекции Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР.—СРИКМ. Вып. 1, 1952.
- Воробьева-Десятовская М. И. Новые надписи письмом кхароштки из Термеза.—ВДИ. 1974, № 1.
- Воробьева-Десятовская М. И. Памятники индийской письменности из Средней Азии.—Индия в древности. М., 1964.
- Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.).—МИА. № 124. М.—Л., 1964.
- Воронина В. Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии.—СА. 1960, № 2.
- Воронина В. Л. Эллинистический ордер на территории Таджикистана.—Архитектурное наследие. № 20. М., 1972.
- Всемирная история. Т. 2. М., 1956.
- Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени кушанов.—ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945.
- Вязьмитина М. И. Раскопки на городище Айртам.—ТАКЭ. Т. 2, Таш., 1945.

- Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. М., 1949; изд. 2-е, 1952; изд. 3-е, 1955.
- Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация. М., 1968.
- Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1—2. М., 1888.
- Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Гинзбург В. В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Гиршман Р. Кушаны и Иран.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Грек Т. В. Индийские надписи на керамике.— Кара-тепе. I.
- Грек Т. В. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе.— Кара-тепе. III.
- Грек Т. В., Зеймаль Е. В. Индийская гемма-печать I в. н. э.— ЭВ. 16, 1963.
- Грек Т. В., Лившиц В. А. Двухязычная надпись из Кара-тепе.— Кара-тепе. III.
- Гулямов Я. Г. Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии.— ОНУ. 1968, № 8.
- Гулямов Я. Г. Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Гулямова Э. Археологические памятники Гиссарской долины.— Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959.
- Гулямова Э. Изучение кушанских памятников района Шахринау.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Гулямова Э. Раскопки на Дюшамбинском некрополе.— СРИКМ. Вып. 3, 1958.
- Гулямова Э. Раскопки на Хаит-Гула близ Шахринау.— АРТ-56. 1959.
- Гулямова Э., Давидович Е. А., Литвинский Б. А., Ранов В. А. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (Краткий обзор). Сталинабад, 1956.
- Гумбах Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос. 4).— ВЛГУ. 1966, № 6.
- Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников.— «Природа». 1972, № 4.
- Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии.— «История СССР». 1967, № 1.
- Давидович Е. А. Клады восточных монет, найденные в 1964—1965 гг. на территории Таджикистана.— ЭВ. 19, 1969.
- Давидович Е. А. Коллекция восточных монет Ферганского областного музея.— ИАН ТаджССР. ООИ. Вып. 14, 1957.
- Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г.— ДАН ТаджССР. Вып. 11, 1954.
- Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г.— АРТ-54. 1956.
- Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г.— АРТ-56. 1959.
- Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г.— АРТ-57. 1959.
- Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г.— АРТ. 10 (1970). М., 1973.

- Давидович Е. А. Незаконченная история.— «Памир». Душ., 1971, № 1—3.
- Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана.— ТИИА АН УзССР. Вып. 7, 1955
- Давидович Е. А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г.— АРТ-55, 1956.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хутгальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г.— ДАН ТаджССР. Вып. 11, 1954.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хутгальского отряда в 1954 г.— АРТ-54, 1956.
- Давидович Е., Мухтаров А. Страницы истории Гиссара. Душ., 1969.
- Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.
- Денисов Е. П. Глиняная печать из Туп-хоны (Дангаринский район).— ИАН ТаджССР. ООИ. 1974, № 2.
- Десятчиков Ю. М. Сатархи.— ВДИ. 1973, № 1.
- Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1—3. М., 1890—1893.
- Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан) (1950—1951 гг.).— МИА. № 37. М.—Л., 1953.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда.— МИА. № 15. М.—Л., 1950.
- Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии.— СА. 19. М.—Л., 1954.
- Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956.
- Дьяконов М. М., Мандельштам А. М. Средняя Азия в III—V вв.— Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958.
- Егишэ. О Вардане и войне армянской. Пер. акад. И. А. Орбели. Ер., 1971.
- Ерназарова Т. С. Новые монетные находки, зарегистрированные на территории Узбекистана в 1972 г.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Жуков В. Д. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе.— ИМКУ. Вып. 2, 1961.
- Жуков В. Д. Кирпич из развалин Старого Термеза.— ТАКЭ. Т. 1. Таш., 1940—1941.
- Жуков В. Д. Находка сестерция Нерона в кушанских слоях в Южном Узбекистане.— ЭВ. 13, 1960.
- Жуков В. Д. Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза.— ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945.
- Забелина Н. Н. Новые археологические находки из Гиссарской долины.— СРИКМ. Вып. 1, 1952.
- Забелина Н. Н. Обзор древнейших монет из коллекций Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР.— СРИКМ. Вып. 1, 1952.
- Забелина Н. Н. О некоторых археологических памятниках Пархарского района.— ДАН ТаджССР. Вып. 3, 1952.
- Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калан-Мир.— МИА. № 37. М.—Л., 1953.
- Завитухина М. Золотая статуэтка из Сибирской коллекции Петра I и некоторые вопросы истории коллекции.— СГЭ. 38, 1974.
- Заднепровский Ю. А. Изучение культуры кочевников Средней Азии древнего периода (от саков до тюрков).— Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.
- Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Заднепровский Ю. А., Ставиский Б. Я. Кушанское царство.—

- Очерки по истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956.
- Зеймаль Е. В. Археологические разведки в Гиссарской долине.— АРТ-58. 1961.
- Зеймаль Е. В. Даты-монограммы на монетах эллинистической Бактрии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 г. Л., 1964.
- Зеймаль Е. В. Клад римских денариев из Таджикистана.— НЭ. 3, 1962.
- Зеймаль Е. В. Кундузский клад греко-бактрийских монет.— ВДИ. 1967, № 1.
- Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
- Зеймаль Е. В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.— ИАН ТаджССР. ООИ. Вып. I (22), 1960.
- Зеймаль Е. В. Кушанское царство по нумизматическим данным (Автореф. канд. дисс.). Л., 1965.
- Зеймаль Е. В. Медный топор из кишлака Аракчин.— СРИКМ. Вып. 3, 1958.
- Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже.— ТГЭ. Т. 9, 1967.
- Зеймаль Е. В. Проблема кушанской хронологии и монеты.— Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Л., 1964.
- Зеймаль Е. В. Существовал ли бог Ашаихш? — СГЭ. 38, 1974.
- Зеймаль Е. В. Шива на монетах Великих Кушан.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 год. Л., 1963.
- Зеймаль Т. И. Античное поселение в урочищах Халкаджар.— АРТ-58, 1961.
- Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье (археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины) (Автореф. канд. дисс.). Л., 1969.
- Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе.— МКТ. Вып. 2, 1971.
- Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины.— СНВ. 10. М., 1971.
- Зеймаль Т. И. Из прошлого Вахшской долины.— Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959.
- Зеймаль Т. И. Позднекушанские слои в Южном Таджикистане.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г.— АРТ-57. 1959.
- Зеймаль Т. И. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г.— АРТ-59. 1961.
- Зеймаль Т. И. Раскопки на Кафыр-кале в Колхозабаде.— АРТ-56. 1959.
- Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В. Еще раз о месте находки Аму-Дарьинского клада.— ИАН ТаджССР. ООИ. 1962, № 1 (28).
- Зелинский А. Н. Древние крепости на Памире.— СНВ. Вып. 3, 1964.
- Зограф А. Н. Монеты «Герая». Таш., 1937.
- Зуев Ю. А. Юечжи и кушаны в свете китайских источников.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Иванов Вяч. Вс. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема.— НАА. 1967, № 3.
- Иерусалимская А. А. Западные ткани на Дальнем Востоке (эллинизм и раннее средневековье).— Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975.
- История Армении Фавстоса Бузанда. Ер., 1953.
- История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1. Таш., 1955.

- Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин.— «Вестник ирригации». Таш., 1930, № 3.
- Кастальский Б. Н. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I.— ВДИ. 1940, № 3—4.
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В. С. Соколова. М., 1963.
- Княткина Т. П. Краниологические материалы из катакомбных захоронений античного времени в Южной Туркмении.— Труды ТашГУ. Вып. 235, 1964.
- Княткина Т. П. Новые палеоантропологические материалы из раскопок в Южной Туркмении (Алтындепе) и Южном Таджикистане (Шахтепе).— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Княткина Т. П. Погребения кочевников кушанского времени на правом берегу Амударьи (Антропологические материалы).— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974.
- Княткина Т. П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным (Автореф. канд. дисс.). Душ., 1965.
- Княткина Т. П. Черепа из могильника Арук-тау (Таджикистан).— Антропологический сборник. 3. М., 1961 (ТИЭ. Нов. серия. Т. 21).
- Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967 (ТХАЭЭ. Т. 5).
- Кошеленко Г. А. Археологические исследования в Северном Афганистане.— ВИ. 1962, № 2.
- Кошеленко Г. А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э.— ВДИ. 1972, № 1.
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Кошеленко Г. А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке (на примере Индии, Гиркании, Парфии).— КСИА. 136, 1973.
- Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.
- Кошеленко Г. А. Основные проблемы изучения эллинизма и эллинистической культуры.— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока (Тезисы докладов). М., 1974.
- Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация.— СА. 1963, № 2.
- Кошеленко Г. А. [Рец. на:] A. N. Lahiri. Corpus of Indo-Greek Coins. Calcutta, 1965.— ВДИ. 1967, № 3.
- Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А. Живопись Хорезма позднеантичной эпохи.— Сообщения ВЦНИЛКР. 28. М., 1973.
- Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.
- Кругликова И. Т. Городище Емши-тепе в Северном Афганистане.— КСИА. 136, 1973.
- Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). Ч. I. М., 1975.
- Кругликова И. Т. Новые античные памятники Южной Бактрии.— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока (Тезисы докладов). М., 1974.
- Кругликова И. Т. Работы Советско-Афганской экспедиции.— Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний. Тб., 1971.
- Кругликова И. Т. Раскопки советской археологической экспедиции в Северном Афганистане.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.

- Кругликова И. Т., Саррианиди В. И. Археологические исследования Северном Афганистане.— АО-70. 1971.
- Кругликова И. Т., Саррианиди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий.— СА. 1971, № 4.
- Кругликова И. Т., Саррианиди В. И. Итоги работ Советско-Афганской археологической экспедиции.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М., 1970.
- Кругликова И. Т., Саррианиди В. И. Советские археологи в Афганистане.— ВАН. 1971, № 9.
- Кругликова И. Т., Саррианиди В. И. Советско-Афганская археологическая экспедиция.— АО-71. 1972.
- Кругликова И. Т., Саррианиди В. И. Советско-Афганская экспедиция.— АО-73. 1974.
- Кругликова И. Т., Саррианиди В. И., Пугаченкова Г. А. Советско-Афганская экспедиция.— АО-74. 1975.
- Ксенофонт. Анабасис. Под ред. акад. И. И. Голстого. М.—Л., 1951.
- Кузьмина Е. Е. Бактрия и эллинический мир до Александра.— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока (Тезисы докладов). М., 1974.
- Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии.— ВДИ. 1972, № 1.
- Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах.— КСИИМК. 64, 1956.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Лелеков Л. А. Локальные очаги эллинистической художественной культуры в Средней Азии.— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока (Тезисы докладов). М., 1974.
- Лелеков Л. А. Некоторые наблюдения над техникой монументальной живописи Средней Азии.— Сообщения ВЦНИЛКР. 29. М., 1975.
- Лившиц В. А. Древнейшие государственные образования.— ИТН, раздел главы III «Распад первобытно-общинного строя».
- Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии.— Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962.
- Лившиц В. А. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе.— Кара-тепе. IV.
- Лившиц В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе.— Кара-тепе. II.
- Лившиц В. А. Тохарская надпись на хуме.— ДАН ТаджССР. Вып. 7, 1953.
- [Лившиц В. А.] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица (Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. 2). М., 1962.
- Лившиц В. А. Cusano-Indica.— Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. М., 1967.
- Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах.— ВДИ. 1964, № 3.
- Линде Е. М. Греко-бактрийский сфинкс.— СРИКМ. Вып. 1, 1952.
- Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Литвинский Б. А. Археология Таджикистана за годы Советской власти.— СА. 1967, № 3.
- Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии.— ВДИ. 1967, № 4.
- Литвинский Б. А. Археологические работы Института истории АН ТаджССР.— АО-66. 1967.

- Литвинский Б. А. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы).— АРТ.10 (1970). М., 1973.
- Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана Советской наукой (Краткий очерк). Сталинабад, 1954.
- Литвинский Б. А. Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков.— ИТН.
- Литвинский Б. А. Буддизм и среднеазиатская цивилизация.— Индийская культура и буддизм. М., 1972.
- Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душ., 1954.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душ., 1968.
- Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972.
- Литвинский Б. А. Новые материалы по археологии Таджикистана.— КСИИМК. Вып. 55, 1954.
- Литвинский Б. А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана.— ИАН ТаджССР. ООН. 1961, Вып. 1(24).
- Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе).— КСИИМК. Вып. 64, 1956.
- Литвинский Б. А. Основные задачи и направления работ (отряда по сбору материалов для составления археологической карты ТаджССР).— АРТ-56, 1959.
- Литвинский Б. А. Поездка в райцентр Микоянабад.— АРТ-55, 1956.
- Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 году.— АРТ-54, 1956.
- Литвинский Б. А. Предметы из погребения на Сталинабадских холмах.— СРИКМ. Вып. 3, 1958.
- Литвинский Б. А. Распространение буддизма в Средней Азии.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Литвинский Б. А. Среднеазиатские народы и распространение буддизма.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Литвинский Б. А. Средняя Азия в составе Селевкидского государства.— ИТН.
- Литвинский Б. А. Социально-экономический строй древней Средней Азии.— ИТН.
- Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов).— Индия в древности. М., 1964.
- Литвинский Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал.— МКТ. Вып. 2, 1971.
- Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 году.— ДАН ТаджССР. Вып. 11, 1954.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. М., 1971.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Каменные базы колонн из Вахшской долины.— ИАН ТаджССР. ООН. 1960, Вып. 1(22).
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 году.— АРТ-61, 1964.
- Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан).— СА. 1969, № 2.
- Литвинский Б. А., Турсунов Н. О. Ленинабадский кратер и луврская ваза Сосибия (неоаттическое искусство и Средняя Азия).— ВДИ. 1971, № 3.
- Луконин В. Г. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— ВДИ. 1969, № 2.
- Луконин В. Г. Комментарий.— Фирдоуси. Шахнаме. Т. 4. М., 1969.
- Луконин В. Г. (ред.). Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Л., 1968.

- Лукогин В. Г. Культура сасанидского Ирана (Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры). М., 1969.
- Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты.— ЭВ. 18, 1967.
- Луконин В. Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе.— Кара-тепе. II.
- Луконин Б. В. История и памятники материальной культуры кушанского периода в советской литературе (Библиографический указатель).— ОНУ. 1968, № 8.
- Мандельштам А. М. Античные государства и кочевые племена в Средней Азии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Мандельштам А. М. Археологическая разведка в Чаршангинском районе.— ИАН ТССР. 1967, № 1.
- Мандельштам А. М. К вопросу об особенностях расположения памятников кочевого населения Северной Бактрии.— СРОМ. Вып. 4, 1966.
- Мандельштам А. М. К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения).— КСИА. Вып. 98, 1964.
- Мандельштам А. М. К предкушанскому чекану Бактрии.— ЭВ. 17, 1966.
- Мандельштам А. М. К хронологии медных кушанских монет.— ЭВ. 17, 1966.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.—Л., 1966 (МИА. № 136).
- Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957 (Труды АН ТаджССР. Т. 53.)
- Мандельштам А. М. Некоторые вопросы ранней истории кушан в свете археологических данных.— Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии. Л., 1968.
- Мандельштам А. М. О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.— Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975.
- Мандельштам А. М. О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане.— СА. 19, 1954.
- Мандельштам А. М. О сборнике по археологии Афганистана.— СРОМ. Вып. 4, 1966 (MDAFA. Т. 8).
- Мандельштам А. М. Об одном оболе «Герая».— ЭВ. 14, 1961.
- Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
- Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА. № 145).
- Мандельштам А. М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Мандельштам А. М. [Рец. на:] «Общественные науки в Узбекистане». 1968, № 8.— СА. 1970, № 4.
- Мандельштам А. М. [Рец. на:] R. Curiel, D. Schlumberger. Trésors monétaires d'Afghanistan.— MDAFA. Т. 14. P., 1953.— ЭВ. 12, 1958.
- Мандельштам А. М. [Рец. на:] B. Dagens, M. Le Berge et D. Schlumberger. Monuments préislamiques d'Afghanistan.— MDAFA. Т. 19. P., 1964.— ВДИ. 1966, № 2.
- Мандельштам А. М. [Рец. на:] J.-C. Gardin. Céramiques de Bactres.— MDAFA. Т. 15. P., 1957.— СА. 1959, № 2.
- Мандельштам А. М. [Рец. на:] K. Shiratory. On the Tsungling traffic route described by C. Ptolemaeus.— «Mémoires of the Research Department of Toyo Bunko». № 16. Tokyo, 1957.— ПВ. 1959, № 2.
- Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА. № 66. М.—Л., 1958.
- Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.— СНВ. 10, 1971.

- Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 19).
- Массон В. М. Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи.— «Academia Nazionale dei Lincei». № 76. Roma, 1966.
- Массон В. М. Археологические работы в Северной Бактрии.— АО-72. 1973.
- Массон В. М. Деметрий Бактрийский и завоевание Индии.— ВДИ. 1961, № 2.
- Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным.— ВДИ. 1955, № 2.
- Массон В. М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла.— ЭВ. 11, М.—Л., 1956.
- Массон В. М. Изучение кушанских памятников на юге Узбекистана.— АО-73. 1974.
- Массон В. М. К вопросу о чекане юечжийской Бактрии.— ИАН ТаджССР. ООН. Вып. 14, 1959.
- Массон В. М. Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики.— ЭВ. 20. Л., 1971.
- Массон В. М. Медная монета Канишки из Юго-Восточной Туркмении.— ЭВ. 21. Л., 1972.
- Массон В. М. Монетные находки из Таксилы.— ИАН ТаджССР. ООН. Вып. 14, 1959.
- Массон В. М. О монограммах на греко-бактрийских и индо-греческих монетах.— ЭВ. 15. М.—Л., 1963.
- Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (Перспективы исследования).— Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.
- Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА. 1967, № 3.
- Массон В. М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Массон В. М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Массон В. М. Раскопки кушанских памятников в Северной Бактрии.— АО-74. 1975.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.
- Массон В. М. Страна тысячи городов. М., 1966.
- Массон В. М. Хорезм и кушаны (некоторые вопросы хорезмийской нумизматики).— ЭВ. 17. М.—Л., 1966.
- Массон В. М. [Рец. на:] А. К. Nagain. The Indo-Greeks. Ох., 1957.— ВДИ, 1959, № 4.
- Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 1. М., 1964. [Массон М. Е.] Археологический и нумизматический рынок в Самарканде по данным отчета М. Е. Массона от 20 февраля 1924 г.— Изв. Средазкомстариса. Вып. 1. Таш., 1926.
- Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение.— ТАКЭ. Т. 1, 1940.
- Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. Л., 1934 (Таджикско-Памирская экспедиция 1933 года. Материалы экспедиции. Вып. 20).
- Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства «великих кушан».— ОНУ. 1968, № 8.
- Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан».— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Массон М. Е. К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана.— СОНАТ. 1937, № 1.
- Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг.— Изв. Средазкомстариса. Вып. 3. Таш., 1928.

- Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг.—«Научная мысль». Самарканд—Ташкент, 1930, № 1.
- Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. Таш., 1933 (Материалы Узкомстариса. Вып. 3).
- Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства.—ТЮТАКЭ. Т. 5, 1955.
- Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Таш., 1933 (Материалы Узкомстариса. Вып. 1).
- Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 года.—МЮТАКЭ. Вып. 1, 1949.
- Массон М. Е. Неопубликованные находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Таджикской ССР до 1947 года.—Сообщения ТаджФАН СССР. Вып. 7. Сталинабад, 1948.
- Массон М. Е. Новый пункт местонахождения греко-бактрийских памятников.—СОНАТ. 1936, № 1.
- Массон М. Е. Происхождение безыменного «царя царей—великого спасителя».—«Груды САГУ». Нов. серия. Вып. 11. Гуманитарные науки. Кн. 3. Таш., 1950.
- Массон М. Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.—ТАКЭ. Т. 2, 1945.
- Массон М. Е. Скульптура Айртама.—«Искусство», 1935, № 2.
- Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр. Аш., 1966 (ТЮТАКЭ. Т. 13).
- Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашка-дарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965—1966 гг.)). Таш., 1973.
- Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э.—I в. н. э.—АС. Вып. 16, 1974.
- Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников.—АС. Вып. 13, 1971.
- Мешкерис В. А. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху.—ИАН ТаджССР. ООИ. 1968, № 2(52).
- Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе.—Кара-тепе. II.
- Минорский В. Ф. Греческая переправа на Амударье.—Восточная филология. 2. Тб., 1972.
- [Моисей Хоренский.] История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эмина. М., 1893.
- Мончадская Е. А. О правителях Бактрии и Согдианы VI—IV вв. до н. э. (Из древней истории народов Средней Азии).—ТГЭ. Т. 5, 1961 (Культура и искусство народов Востока. 6).
- Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М. Г. Сарматы и Средняя Азия.—Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Мухаммед Али. Афганистан. Новый путеводитель. М., 1957.
- Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур.—ИАН ТаджССР. ООИ. 1958, № 3.
- Мухитдинов Х. Ю. Изучение погребальных памятников в Пархарском районе Таджикистана.—Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3, 1975.
- Мухитдинов Х. Ю. Разведка в Пархарском районе в 1964 г.—МКТ. Вып. 2, 1971.
- Мухитдинов Х. Ю. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанохура.—СЭ. 1973, № 5.
- Мухитдинов Х. Терракоты Саксанохура.—Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

- Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии (Автореф. канд. дисс.). Душ., 1973.
- Мухтаров А. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан).— ИАН ТаджССР. ООН, 1968, № 3.
- Мухтаров А. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан).— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Никонов А. А. От Амударьи до Гиндукуша. М., 1970.
- Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Таш., 1966.
- Нильсен В. А. Тешиктепе близ Ангора.— ИМКУ. Вып. 5, 1964.
- Обельченко О. В. Агальксайские курганы.— ИМКУ. Вып. 9, 1972.
- Обельченко О. В. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника.— КСИА. 91, 1962.
- Обельченко О. В. К вопросу о происхождении скорченных погребений в могильниках Бухарского оазиса.— ТСАГУ. Вып. 31, 1956.
- Обельченко О. В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотфы Кую-Мазарского могильника.— ТСАГУ. Вып. 1/11, 1957.
- Обельченко О. В. Курганы около селения Хазара.— ИМКУ. Вып. 4, 1963.
- Обельченко О. В. Кую-Мазарский могильник.— ТИИ АН УзССР. Вып. 8, 1956.
- Обельченко О. В. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса (Автореф. канд. дисс.). Таш., 1954.
- Обельченко О. В. Лявандакская пряжка (К истории ранних кушан).— ОНУ, 1968, № 8.
- Обельченко О. В. Лявандакский могильник.— ИМКУ. Вып. 2, 1961.
- Обельченко О. В. Миранкульские курганы.— ИМКУ. Вып. 8, 1969.
- Обельченко О. В. Могильник Акджартепе.— ИМКУ. Вып. 3, 1962.
- Обельченко О. В. Находки в скифских погребениях.— «Природа», 1975, № 4.
- Обельченко О. В. Погребения сарматского типа под Самаркандом.— СА. 1967, № 2.
- Обельченко О. В. Сазаганские курганы.— ИМКУ. Вып. 7, 1966.
- Обельченко О. В. Сакские курганы в долине Зеравшана.— Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.
- Оранский И. М. Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии (до VII—VIII вв. н. э.) — ИТН.
- Парфенов Г. В. Находки на Кулин-тепе и в его окрестностях, сделанные при строительстве Большого Гиссарского канала в 1941 г.— ИАН ТаджССР. ООН. № 14, 1957.
- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
- Пидаев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии.— Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии (Автореф. канд. дисс.). Л., 1975.
- Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Аш., 1975.
- Пилипко В. Н., Масимов И. Буддийская статуэтка из Ак-Кала (Средняя Аму-Дарья).— СА. 1969, № 3.
- Пиотровский Б. Б. Раскопки на Чингиз-тепе.— ТАКЭ. Т. 1. Таш., 1940.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1—3. М., 1963.
- Пославский И. Т. О развалинах Термеза.— «Среднеазиатский вестник». Таш., 1896, декабрь.
- Пугаченкова Г. А. Акант в архитектуре Средней Азии.— ТАН ТаджССР. Т. 120, 1960.

- Пугаченкова Г. А. Античная скульптура Узбекистана.— «Творчество». 1968, № 12.
- Пугаченкова Г. А. Археологические исследования Узбекистанской искусствоведческой экспедиции.— АО-70. 1971.
- Пугаченкова Г. А. Архитектура среднеазиатской античности.— ВДИ. 1951, № 4.
- Пугаченкова Г. А. Бактрийский и парфянский вклад в формирование Гандхарской школы.— Искусство Индии. М., 1969.
- Пугаченкова Г. А. В поисках памятников древнего искусства Средней Азии.— Наука и человечество. 1971—1972. М., 1972.
- Пугаченкова Г. А. В поисках позабытой цивилизации (от редактора).— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
- Пугаченкова Г. А. Две ступы на юге Узбекистана.— СА. 1967, № 3.
- Пугаченкова Г. А. Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии.— «Acta Antiqua». Т. 15. Fasc. 1—4. Budapest, 1967.
- Пугаченкова Г. А. Зодчество Бактрии—традиции и связи.— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока (Тезисы докладов). М., 1974.
- Пугаченкова Г. А. Из недавних открытий в Южном Узбекистане (К проблеме бактрийской городской культуры).— ПКНО-74.
- Пугаченкова Г. А. Изучение культуры бактрийских городов в Южном Узбекистане.— ВАН СССР. 1973, № 3.
- Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии.— ВДИ. 1973, № 1.
- Пугаченкова Г. А. К дискуссии о «Сотере Мегасе».— «Труды ТашГУ». Вып. 295, 1966.
- Пугаченкова Г. А. К изучению бактрийско-кушанских памятников на правом берегу Сурхан-Дарьи.— АО-69. 1970.
- Пугаченкова Г. А. К изучению памятников Северной Бактрии.— ОНУ. 1968, № 8.
- Пугаченкова Г. А. К иконографии Герая (О некоторых вопросах раннекушанской истории).— ВДИ. 1965, № 1.
- Пугаченкова Г. А. К интерпретации некоторых памятников парфянского зодчества Южного Туркменистана.— ИАН ТССР. СОН. 1973, № 1.
- Пугаченкова Г. А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана (по раскопкам в Халчаяне).— СА. 1963, № 4.
- Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана.— «Труды ТашГУ». Вып. 200, 1963.
- Пугаченкова Г. А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии.— ВДИ. 1967, № 3.
- Пугаченкова Г. А. Культура бактрийских городов в свете исследований в Южном Узбекистане.— Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 году. М., 1972.
- Пугаченкова Г. А. Кушанская скульптура на Дальверзин-тепе.— «Искусство». 1970, № 2.
- Пугаченкова Г. А. Кушанское искусство в свете новейших открытий в Северной Бактрии.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана.— Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
- Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзин-тепе.— СА. 1971, № 4.
- Пугаченкова Г. А. Новое о кушанах. Дальверзинский клад.— «Наука и жизнь». 1974, № 1.
- Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
- Пугаченкова Г. А. О культах Бактрии в свете археологии.— ВДИ. 1974, № 3.
- Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства.— ВДИ. 1966, № 2.

- Пугаченкова Г. А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана.— Новое в советской археологии. М., 1965.
- Пугаченкова Г. А. Образ Будды в античном и раннесредневековом изобразительном каноне.— Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
- Пугаченкова Г. А. Работы в Шурчинском районе Узбекистана.— АО-72. 1973.
- Пугаченкова Г. А. Работы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции.— АО-71. 1972.
- Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
- Пугаченкова Г. А. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана.— ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945.
- Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Таш., 1966.
- Пугаченкова Г. А. Ювелирные изделия Дальверзинского клада (Из открытий Узбекской искусствоведческой экспедиции 1972 года).— Советское искусствознание. 73. М., 1974.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Таш., 1960.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана (с древнейших времен до середины XIX в.). М., 1965.
- Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Исследование Дальверзин-тепе в 1972 г.— Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Пчелина Е. Г. Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе (Термез).— «Доклады и сообщения исторического факультета (МГУ)». Вып. 4. М., 1946.
- Пчелина Е. Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе.— Кара-тепе. I.
- Пьянков И. В. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э.— ВДИ. 1965, № 2.
- Пьянков И. В. Ктесий о Зороастре.— МКТ. 1, 1968.
- Пьянков И. В. Список восточных сатрапий державы Ахеменидов у Ктесия.— МКТ. Вып. 2, 1971.
- Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (Текст, перевод, примечания). Душ., 1975.
- Ранов В. А. Археологические разведки на юге Таджикистана.— АРТ-55. 1956.
- Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-Кала.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958.
- Рейсер М. Г. Афганистан. М., 1946.
- Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теории построения. Таш., 1961.
- Ремпель Л. И. Восток и Запад как историко-культурная и художественная проблема (Постановка вопроса).— Советское искусствознание. 73. М., 1974.
- Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба.— ДАН ТаджССР. Вып. 9, 1953.
- Ремпель Л. И. Изобразительный канон и стилистика форм на Среднем Востоке.— Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
- Ремпель Л. И. Историко-художественные заметки.— Вопросы изобразительного искусства Узбекистана. Таш., 1973.
- Рерих Ю. Н. Память о тохарах в Тибете.— КСИНА. № 65, 1964.
- Рерих Ю. Н. Тохарская проблема.— НАА. 1963, № 6.
- Ртвеладзе Э. В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхан-Дарьинской области.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Ртвеладзе Э. В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области.— Тезисы докладов

- сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Ртвеладзе Э. В. К обследованию древних городищ в Северной Бактрии.— АО-72. 1973.
- Ртвеладзе Э. В. Разведки в Чаганиане.— АО-74. 1975.
- Ртвеладзе Э. В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени.— СА. 1975, № 2.
- Ртвеладзе Э. В. Открытие неожиданное и долгожданное.— «Знание — сила». М., 1975, № 8.
- Ртвеладзе Э. В. Разведки в предгорьях Байсунтау.— АО-73. 1974.
- Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана.— Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.—Л., 1962.
- Сабиров К. Оборонительные сооружения кушанского времени на городище Зар-тепе.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Сабиров К. Оборонительные сооружения кушанского времени на городище Зар-тепе.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Савицкий Г. И. Древняя Бактриана по данным античных авторов (из серии «Известия античных писателей о Средней Азии»).— «Труды Самаркандского Гос. Пед. института им. А. М. Горького». Т. 2. Вып. 4, 1941.
- Салтовская Е. Д. О работах в Гиссаре в 1957 г.— АРТ-57. 1959.
- Сарианиди В. И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа (Автореф. докт. дисс.). М., 1975.
- Сарианиди В. И. Археологические исследования в Северном Афганистане в 1971 г.— Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972.
- Сарианиди В. И. Бактрия в эпоху бронзы.— СА. 1974, № 4.
- Сарианиди В. И. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана.— КСИА. 136, 1973.
- Сарианиди В. И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане.— КСИА. 132, 1972.
- Сарианиди В. И. О Великом Лазуритовом пути на Древнем Востоке.— КСИА. Вып. 114, 1968.
- Сарианиди В. И. Раскопки Тиллятепе в Северном Афганистане. Вып. 1. Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972.
- Сарианиди В. И. Становление городской жизни в Южной Бактрии.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Сарианиди В. И. Становление городской жизни Южной Бактрии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Селиванов Р. И. Природа и природные ресурсы Таджикистана. Сталинабад. 1958.
- [Себеос]. История епископа Себеоса. Перевод Ст. Малхасянца. Ер., 1939.
- Сидорова В. С. Скульптура древней Индии. М., 1971.
- Сиротенко В. Т. Введение в историю международных отношений в Европе (во второй половине IV — начале VI в.). Ч. 1. Источники. Пермь, 1973.
- Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1955.
- Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию.— Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963.
- Соколов С. Н. Духовная культура. Религия. Религиозная система зоро-

- астризма (разделы главы III «Распад первобытно-общинного строя»).— ИТН.
- Сорокин С. С. К вопросу о гуннах в Средней Азии (по археологическим данным).— ВЛГУ. 1949, № 11.
- Сорокин С. С. О хронологических формулах и значении термина «могильник».— Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
- Ставиский Б. Я. Античный мир, его традиции и элементы в истории культуры и искусства Средней Азии.— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока (Тезисы докладов). М., 1974.
- Ставиский Б. Я. Геммы — печати хионитов (К истории среднеазиатской глиптики второй половины IV — начала V в.).— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1960 год. Л., 1961.
- Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период. VI в. до н. э.— VIII в. н. э. М., 1974.
- Ставиский Б. Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.— Кара-тепе. III.
- Ставиский Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда (Погребальный обряд и представления о загробной жизни).— СРИКМ. Вып. I, 1952.
- Ставиский Б. Я. К открытиям на Кара-тепе.— «Искусство», 1972, № 7.
- Ставиский Б. Я. Капители древней Бактрии.— СА. 1972, № 2.
- Ставиский Б. Я. Кара-тепе и вопросы истории и культуры кушанской Бактрии.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Ставиский Б. Я. Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). М., 1966.
- Ставиский Б. Я. Место буддийских институтов в системе древнего города Средней Азии.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- Ставиский Б. Я. Место буддийских институтов в системе древнего города Средней Азии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Таш., 1973.
- Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии.— «Доклады по этнографии». Вып. 1(4). Л., 1965.
- Ставиский Б. Я. О датировке и происхождении эрмитажной серебряной чаши с изображением венчания царя.— СГЭ. 17, 1960.
- Ставиский Б. Я. О культурных связях древней Средней Азии с домусульманским Египтом.— Древний Восток. I. М., 1975.
- Ставиский Б. Я. О назначении айртамских рельефов.— СГЭ. 34, 1972.
- Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского государства.— ВДИ. 1961, № 1.
- Ставиский Б. Я. О периодизации истории искусства Средней Азии в древности и средневековье.— Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1973.
- Ставиский Б. Я. О характерных особенностях искусства кушанской Бактрии.— Сообщения ГМИНВ. Вып. 6. М., 1972.
- Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.— Кара-тепе. I.
- Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.— Кара-тепе. II.
- Ставиский Б. Я. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг. Предварительное сообщение.— Кара-тепе. III.
- Ставиский Б. Я. Раскопки Кара-тепе — буддийского культового центра кушанского Термеза.— АО-72. 1973.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия в кушанский период.— ИТН.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.).— ИТН.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия и ахеменидский Иран.— История Иран-

- ского государства и культуры (К 2500-летию Иранского государства). М., 1971.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия и древняя Индия (историко-культурные взаимовлияния и связи).— Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 5. Этнография. Л., 1968.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (К вопросу о международных связях в кушанский период).— Индия в древности. М., 1964.
- Ставиский Б. Я. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг.— Кара-тепе. II. Ставиский Б. Я. Хионитская гемма-печать.— СГЭ. 20, 1961.
- Ставиский Б. Я., Бердников А. Ф., Вертоградова В. В., Сергеева Л. К. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Старом Термезе.— АО-74. 1975.
- Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И. Сасаниды в правобережной Бактрии-Тохаристане в IV—V вв.— ВДИ. 1972, № 3.
- Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И., Горбунова Н. Г., Новгородова Э. А. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография. Ч. 1—2. М., 1968.
- Ставиский Б. Я., Сергеева Л. К. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг.— Кара-тепе. IV.
- Ставиский Б. Я., Сычева Н. С., Сычев В. Л., Сергеева Л. К., Вертоградова В. В. Раскопки буддийского культового центра на холме Кара-тепе в Старом Термезе.— АО-73. 1974.
- Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
- Стрелков А. С. Доисламские памятники древнего Термеза.— Культура Востока. Вып. 2. М., 1928.
- Стрелков А. С. Зурмала или Катта-гюпе около Термеза.— Культура Востока. Вып. 1. М., 1927.
- Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I.— МЮТАКЭ. Вып. 1. 1949.
- Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе. — Кара-тепе. IV.
- Сычева Н. С. Керамика нижней Сурхандарьи в кушанское время (Автореф. канд. дисс.). М., 1972.
- Сычева Н. С. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг.— Кара-тепе. IV.
- Таджикистан (в серии «Советский Союз. Географическое описание в 22 томах»). М., 1968.
- Таджикская Советская Социалистическая Республика (энциклопедический однотомник). Душ., 1974.
- Толстов С. П. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры Шака» и «эры Канишки».— ПВ. 1961, № 5.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- Толстов С. П. К вопросу о монетах «Герая».— ВДИ. 1939, № 2.
- Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии.— ВДИ. 1938, № 1.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
- Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока».— ВДИ. 1940, № 3—4.
- Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2, 1958.
- Толстов С. П., Шишкин В. А. Археология.— 25 лет советской науки в Узбекистане. Таш., 1942.
- Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.
- Трапезников Г. Е. Городище древнего Чарджоу (Амуль).— СА. 1957, № 4.
- Трапезников Г. Е. Материалы с городища древнего Чарджоу (Амуля).— СА. 1959, № 1.
- Тревер К. В. Бактрийский бронзовый фалар с изображением Диониса.— ТГЭ. Т. 5, 1961.

- Тревер К. В. Борьба Согда за свою независимость. Походы Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.).— ИНУ.
- Тревер К. В. Бронзовый фалар, найденный в Сталинабаде.— СРИКМ. Вып. 3, 1958.
- Тревер К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) (К вопросу о кушанском пантеоне).— ТГЭ. Т. 2, 1958.
- Тревер К. В. Кушанское царство (I—IV вв.).— ИНУ.
- Тревер К. В. Кушаны, хнониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв.— СА. 21. М.—Л., 1954.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940.
- Тревер К. В. Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI—IV вв. до н. э.) — ИНУ.
- Тургунов Б. А. Айртам (К проблеме античной культуры юга Узбекистана) (Автореф. канд. дисс.). Таш., 1974.
- Тургунов Б. А. Айртамский могильник.— ОНУ. 1968, № 8.
- Тургунов Б. А. Городище Айртам.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Тургунов Б. А. К изучению Айртама.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
- Тургунов Б. А. Новые данные к истории шахмат в Средней Азии.— ОНУ. 1973, № 11.
- Тургунов Б. А. Приемы фортификации античного Чаганиана.— СА. 1968, № 1.
- Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. Таш., 1950.
- Узбекистан (В серии «Советский Союз. Географическое описание в 22 томах»). М., 1968.
- Уилер М. Пламя над Персеполем (Поворотный пункт истории). М., 1972.
- Умняков И. И. Тохарская проблема.— ВДИ. 1940, № 3—4.
- Федоров М. Н., Ртвеладзе Э. В. Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг.— ЭВ. 21. Л., 1972.
- Фрай Р. Н. Наследие Ирана. М., 1972.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хакимов З. Х. Городище Кызыл-тепа.— Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 года. М., 1972.
- Халияров Х., Бычков Д., Блинные А. Сурхандарьинская область. Таш., 1974.
- Харматта Я. К интерпретации индийских надписей на керамике из Кара-тепе.— Кара-тепе. II.
- Хачикян Л. С. «История Армении» Фавстоса Бузанда (Предисловие). — Фавстос Бузанд. История Армении. Е., 1953.
- Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до р. х.— 284 г. по р. х.). Казань, 1907.
- Хенниг Р. Неизвестные земли. Т. 1. М., 1961.
- Хумбах Х. Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал.— Кара-тепе. III. Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1—2. М., 1974—1975.
- Чорев М. Я., Шульц П. Н. Новый рельеф сарматского круга.— СА. 1972, № 2.
- Чумичев Д. А. Таджикская ССР. М., 1954.
- Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза.— ТАКЭ. Т. 1. Таш., 1940.
- Шишкин В. А. «Курган» и мечеть Чор-сутун в развалинах Старого Термеза.— ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945.
- Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афраснаба.— СА. 1975, № 2. [Шлюмберже Д.] Краткое изложение концепции Д. Шлюмберже о не-средиземноморских преемниках греческого искусства.— ИАН ТажССР. ООН. 1968, № 2.
- Щетенко А. Я. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе.— Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Юркевич Э. А. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.— СА. 1965, № 4.

- Юркевич Э. А. История изучения кушанских памятников Афганистана.— СА. 1969, № 2.
- Юркевич Э. А. Кушанская культура на территории Афганистана, Пакистана и Индии (Автореф. канд. дисс.). М., 1968.
- Юркевич Э. А. Разведки в Яванском районе.— АРТ-61. 1964.
- Юсупов А. Х., Соловьев В. С. Новые археологические открытия в Яванской долине.— АРТ. 10 (1970). М., 1973.
- Юсупов Х. Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом.— Каракумские древности. Вып. 4. Аш., 1972.
- Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи.— Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

- Ahmed Sami S. Geography of Bactria in Greek Sources.— «Afghanistan». Vol. 20. № 4. Kabul, 1968.
- Allchin F. R. The Culture Sequence of Bactria.— «Afghanistan». Vol. 15. № 1. Kabul, 1960 (= «Antiquity». Vol. 30. № 123. L., 1957).
- Andreas F., Henning W. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. 2.— SPAW. 1933, № 7—9.
- Audoin R., Bernard P. Trésor de monnaies indiennes et Indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan).— «Revue numismatique». Sér. 6. T. 15—16. P., 1973—1974.
- Bagchi P. C. India and Central Asia. Calcutta, 1955.
- Bailey H. W. Indo-Iranica. III. 5. Tar-mi-ta.— BSOAS. Vol. 13, 1950.
- Bailey H. W. Kaniska.— Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1968.
- Bailey H. W. Kusanica.— BSOAS. Vol. 14, 1952.
- Banerji A. Eastern expansion of the Kushana Empire.— IHQ. Vol. 27. № 4, 1951.
- Barger E., Wright Ph. Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan.— MASI. № 64, 1941.
- Basham A. L. The Succession of the Line of Kaniska.— BSOAS. Vol. 20, 1957.
- Basham A. L. (ed.) Papers on the Date of Kaniska submitted to the Conference on the Date of Kaniska (London, 20—22 April 1960). Leiden, 1968.
- Bayer Th. Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, 1738.
- Beal S. (transl.) Chinese Accounts of India. Translated from Chinese of Hiuen Tsiang. Vol. 1. Calcutta, 1957.
- Beal S. (transl.) The Life of Hiuen-Tsiang by the Shamans Hwui Li and Yen-Tsung. L., 1888.
- Beal S. (transl.) Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World translated from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629). Vol. 1—2. L., 1906.
- Benveniste E. Inscriptions de Bactriane.— JA. T. 249, 1961.
- Bernard P. Aï Khanoum on the Oxus: a Hellenistic city in Central Asia.— «Proceedings of the British Academy». Vol. 53. L., 1967.
- Bernard P. Campagne des fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afghanistan.— CRAIBL-1970. 1970.
- Bernard P. La campagne des fouilles de 1970 à Aï Khanoum (Afghanistan).— CRAIBL-1971. 1971.
- Bernard P. Campagne des fouilles à Aï Khanoum (Afghanistan).— CRAIBL-1972. 1973.
- Bernard P. Chapiteaux corinthiens hellénistiques d'Asie Centrale découverts à Aï Khanoum.— «Syria». T. 45. Fasc. 1—2. P., 1968.
- Bernard P. Fouilles de Aï Khanoum (Afghanistan), campagnes de 1972 et 1973.— CRAIBL-1974. 1974.
- [Bernard P.] Fouilles d'Aï Khanoum. 1 (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire publié sous la direction de P. Bernard. P., 1973.
- Bernard P. Quatrième campagne de fouilles à Aï Khanoum (Bactria)— CRAIBL-1969. 1970.

- Berthelot A. L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée. P., 1930.
- Bivar A. D. H. The Kushano-Sasanian Coin Series.— JNSI. Vol. 18. 1, 1956.
- Burrow T. The Term Agisala in Two Kharosthi Inscriptions.— «Journal of the Greater India Society». Vol. 6. Calcutta, 1944.
- Bussagli M. Le peinture de l'Asie Centrale. Genève, 1963.
- Carl J. Fouilles dans le site de Shahr-i Banu et Sondages au Zaker-Tépé.— MDAFA. T. 8, P., 1959.
- Chattopadhyay B. The Age of the Kushanas. A Numismatic Study. Calcutta, 1967.
- Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou.— T'P. Sér. 2. T. 8, 1907.
- Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Wei liou.— T'P. Sér. 2. T. 6, 1905.
- Chavannes E. Voyage de Song-Yun dans l'Udyana et le Gandhara.— BEFEO. T. 3, 1903.
- Conze E. Buddhist Thought in India. L., 1962.
- Cunningham A. Coins of the Indo-Scythians. Coins of the Sakas.— NC. Ser. 3. T. 10, 1890.
- Cunningham A. Coins of the Kushans, or Great Yue-ti.— NC. Ser. 3. T. 12, 1892.
- Cunningham A. Coins of the Tochari, Kushans or Yue-ti.— NC. Ser. 3. T. 9, 1889.
- Cunningham A. Later Indo-Scythians.— NC. Ser. 3. T. 13, 1893.
- Curriel R. Inscriptions de Surkh Kotal.— JA. T. 242, 1954.
- Curriel R. Le trésor du Tépé Marenjan.— MDAFA. T. 14. P., 1953.
- Curriel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz. P., 1965 (MDAFA. T. 20).
- Curriel R., Schlumberger D. Le trésor de Mir Zakah près de Gardez.— MDAFA. T. 14. P., 1953.
- Daffina, Paolo. The Return of the Dead.— EW. Vol. 22, Nos. 1—2 (March—June 1972).
- Dagens B. Fragments de sculptures inédits.— MDAFA. T. 19. P., 1964.
- Dalton O. M. The Treasure of the Oxus (3d ed.). L., 1964.
- Droysen J. G. Geschichte des Hellenismus. Bd 1. Basel, 1952.
- Dupon-Sommer A. Une nouvelle inscription araméenne d'Asoka du Laghman (Afghanistan).— CRAIBL-1970. 1970.
- Dutt S. Buddhist Monks and Monasteries of India. L., 1962.
- [Eggermont P. H. L., Höbtijzer J.] The Moral Edicts of king Asoka with an introduction and edited by Eggermont P. H. L., Höbtijzer J. Leiden, 1962 (Textus minores. Vol. 29).
- [Fâ-hien.] A record of Buddhistic kingdoms. Being an account by the Chinese monk Fâ-hien on his travels in India and Ceylon (A. D. 399—414). N. Y., 1965.
- Fischer K. Gandharan Sculpture from Kunduz and Environs.— «Artibus Asiae». Vol. 21. № 3—4. Ascona, 1958.
- Fischer K. Neue Funde und Forschungen zur Indischen Kunst in Arachosien, Baktrien und Gandhara.— «Archäologischer Anzeiger (Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institut)». Bd 72. B., 1957.
- Fischer K. Preliminary notes on some ancient remains at Qunduz.— «Afghanistan». Vol. 16. № 1. Kabul, 1961.
- Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. T. 1. P., 1905; t. 2, 1—3, 1917, 1922, 1951.
- Foucher A. La vieille route de l'Inde: de Bactres à Taxila.— MDAFA. T. 1. P., 1942.
- Frye R. N. The Heritage of Persia. N. Y., 1963.
- Fussman G. Documents épigraphiques kouchans.— BEFEO. T. 61, 1974.
- Fussman G. Une inscription Kharosthi à Haḍḍa.— BEFEO. T. 56, 1969.
- Gardin J.-C. Céramiques de Bactres. P., 1957 (MDAFA. T. 15).

- Gardner P. The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India. L., 1886.
- Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.
- Gershevitch I. Bactrian Inscriptions and Manuscripts.—«Indo-germanische Forschungen». Bd 72. H. 1/2. B., 1967.
- Gershevitch I. [Ред. на:] Helmut Humbach. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal.—BSOAS. Vol. 26, 1963.
- Ghirshman R. Bard-e Nechandeh — centre religieux iranien.—AAH. T. 19, 1967.
- Ghirshman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Cairo, 1946 (MDAFA. T. 12).
- Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd 1—4. Wiesbaden, 1967.
- Göbl R. Die Kušān und ihre Welt in numismatischer Sicht.—ZDMG. Bd 111. H. 2. Wiesbaden, 1962.
- Göbl R. Die Münzprägung der Kušān von Vima Kadphises bis Bahram. IV.—Altheim F., Stiehl R. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main, 1957.
- Göbl R. Der Triumph des Sāsāniden Saphur über die Kaiser Gordianus, Philippus und Valerianus. Wien, 1974.
- Grünwedel A. Buddhistische Kunst in Indien. B.—Lpz., 1920.
- Hackin J. Fouilles de Kunduz.—MDAFA. T. 8. P., 1959.
- Hackin J. Nouvelles recherches archéologiques à Bégram (ancienne Kāpici). 1939—1940.—MDAFA. T. 11. P., 1954.
- Hackin J. L'Oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922—1923). Tokyo, 1932.
- Hackin J. Répartition des monnaies anciennes en Afghanistan.—JA. T. 226, 1935.
- Hackin J. Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan.—«Revue des arts asiatiques». T. 12. № 1, 1938.
- Haloun G. Zur Ue-tsi Frage.—ZDMG. Bd 91. N. F. Bd 16. 1937.
- Harmatta J. The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara Tepe.—Kapa-tenne. II.
- Harmatta J. Cusanica.—«Acta orientalia». T. 11. Budapest, 1960.
- Harmatta J. The Great Bactrian Inscription.—AAH. T. 11. Fasc. 3—4, 1964.
- Harmatta J. Minor Bactrian Inscriptions.—AAH. T. 12. Fasc. 1—2, 1965.
- Harmatta J. The Oldest Kharosthi Inscription in Inner Asia.—«Acta orientalia». T. 19. Fasc. 1. Budapest, 1966.
- Harmatta J. Zu den griechischen Inschriften des Asoka.—AAH. T. 14. Fasc. 1—2. 1966.
- Henning W. B. The Bactrian inscription.—BSOAS. Vol. 23, 1960.
- Henning W. B. Mitteliranisch.—«Handbuch der Orientalistik». 1, IV. I. Leiden — Köln, 1958.
- Henning W. B. Notes on the Inscription of Sapur I.—Jackson Memorial Volume. Bombay, 1954.
- Henning W. B. Sogdica. L., 1940.
- Henning W. B. «Surkh Kotal».—BSOAS. Vol. 18. P. 1, 1956.
- Henning W. B. Surkh Kotal und Kaniška.—ZDMG. Bd 115. H. 1. Wiesbaden, 1965.
- Henning W. B. Two manichaean magical texts.—BSOAS. Vol. 12. 1947.
- Henning W. B. Waručan-Sah.—«The Journal of the Greater India Society». Vol. 11. № 2. Calcutta, 1944.
- Henning W. B. Zoroaster: politician or witch-doctor? Ox., 1951.
- Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins.—MASI. № 38. Calcutta, 1931.
- Hirth F. The Story of Chang Kien, China's pioneer in Western Asia.—JAOS. Vol. 37. P. 2, 1917.
- Honigmann E., Maricq A. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis. Bruxelles, 1953 (Academie Royale de Belgique. Classe des lettres et des sciences morales et politiques. Mémoires. T. 47, Fasc. 4).

- Humbach H. Die aramäische Aśoka-Inschrift von Laghman-Flusses.— Indologen-Tagung 1971. Wiesbaden, 1973.
- Humbach H. Bactrian Seals.— MSS. H. 25, 1969.
- Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. T. 1—2. Wiesbaden, 1966—1967.
- Humbach H. Die Götternamen der Kušan-Münzen.— ZDMG. Bd 111. H. 2. Wiesbaden, 1962.
- Humbach H. Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal. Ein Zeugnis des jüngeren Mithraismus aus Iran. Wiesbaden, 1960.
- Humbach H. Kara Tepe — Tochi — Surkh Kotal.— MSS. H. 28. 1970.
- Humbach H. Mithra in the Kušana period.— Mithraic Studies. Manchester, 1975.
- Humbach H. Puscapura-Pesawar? — MSS. H. 23, 1968.
- Humbach H. Two Inscriptions in Graeco-Bactrian Cursive Script from Afghanistan.— EW. N. S. Vol. 17, 1967.
- Ingholt G. Gandhāran Art in Pakistan. N. Y., 1957.
- Jenkins G., Narain A. The Coin-types of the Saka-Pahlava Kings of India. Bombay, 1957.
- Kennedy J. Heraüs.— JRAS. 1913.
- Konow S. Kharoshthi Inscriptions with exception of those of Asoka.— CII. Vol. 2. Pt. 1; 1929.
- Lahiri A. N. Corpus of Indo-Greek Coins. Calcutta, 1965.
- Le Berre M., Schlumberger D. Observation sur les remparts de Bactres.— MDFA. T. 19. P., 1964.
- Lévi S. Devaputra.— JA. T. 224, 1934.
- Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968.
- Lohuizen de Leeuw J. E. The «Scythian» Period. Leiden, 1949.
- Lüders H. Mathura Inscriptions. Ed. by K. Janert. Göttingen, 1961.
- M'C Crindle J. W. Ancient India as described in Classical literature. Westminster, 1901.
- Mac Dowall D. W. The Role of Mithra among the deities of the Kušana coinage.— Mithraic Studies. Manchester, 1975.
- Mac Dowall D. W. The weight Standards of the Gold and Copper Coinage of the Kushana Dynasty from Vima Kadphises to Vasudeva.— JNSI. Vol. 22, 1960.
- Maricq A. Bactrien ou étéo-tokharien.— JA. T. 248, 1960.
- Maricq A. La grande inscription de Kaniška et l'étéo-tokharien, l'ancienne langue de la Bactriane.— JA. T. 246, 1958.
- Maricq A. Res Gestae divi Saporis.— «Syria». T. 35, 1958.
- Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānšahr. Roma, 1931.
- Marquart J. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. B., 1901 (Abhandlungen der Königl. Gessellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. H. F. Bd 3. № 2).
- Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Lpz., 1903.
- Marshall J. Taxila. Vol. 1—3. Cambridge, 1951.
- Menasce J. de. A propos d'une inscription araméenne d'Aśoka.— «Israel Oriental Studies». 2. Tel-Aviv. 1972.
- Mingana A. The Early Spread of Christianity in Central Asia and Far East: a new document.— «Bulletin of the John Rylands Library». Vol. 9. № 2. Manchester, 1925.
- Minorsky V. The Greek Crossing on the Oxus.— BSOAS. Vol. 30. Pt 1, 1967.
- Mizuno E. S. (ed.). Chaqalaq Tepe. Kyoto, 1970.
- Mizuno E. S. (ed.). Haibak and Kashmir-Smast. Kyoto, 1962.
- Monneret de Villard U. Le monete dei Kushana e l'impero Romano.— «Orientalia». N. S. Vol. 17. Fasc. 2. Roma, 1948.
- Mukherjee B. N. The Epigraphic Evidence from Kara Tepe and So-called Old Saka Era.— EW. N. S. Vol. 21. № 1—2, 1971.

- Mukherjee B. N. Ta-hsia and the Problem Concerning the Advent of Nomadic Peoples in Greek Bactria.—EW. N. S. Vol. 19. № 3—4, 1969.
- Müller T. W. K. Toxri und Kuisan (Kūsàn).—SPAW. Phil-hist. Klasse. Bd 28, 1918.
- Narain A. K. The Coin Types of the Indo-Greek Kings. Chicago, 1968.
- Narain A. K. The Date of Kaniska.—Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1968.
- Narain A. K. The Indo-Greeks. Ox., 1957 (2nd ed.—1962).
- Nöldeke T. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit des Sassanides aus dem arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879.
- Nylander C. Clamps and Chronology (Achaemenian Problems. 2).—«Iranica Antiqua». Vol. 6. Leiden, 1966.
- Olmstead A. T. E. The History of Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1959.
- Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie Central.—T'P. T. 36, 1929.
- Pelliot P. Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou.—T'P. Sér. II. T. 8, 1907.
- Pelliot P. La Théorie des Quatres Fils du Ciel.—T'P. T. 24, 1923.
- Petech L. Kashmiri and Tibetan Materials on the Date of Kaniska.—Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1968.
- Ptchelina E. G., Stavisky B. J. Remains of Buddhist Monastery of the Kushan Period in Old Termez.—«Indo-Asian Studies». Pt 1. New Delhi, 1963.
- Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans.—JRAS, 1966, № 1—2.
- Pulleyblank E. G. Chinese Evidence for the Date of Kaniska.—Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1968.
- Puri B. N. India under the Kūshānas. Bombay, 1965.
- Puri B. The Later Kushans.—Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Reinaud M. T. Relations politiques et commerciales de l'Empire Romain avec l'Asie Orientale.—JA. Ser. 6. T. 1, 1863.
- Ronka I. Ptolemaios Geographie 6, 9—21. Ostiran und Zentralasien. T. 1. Rom, 1971 (Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Reports and Memoirs. Vol. 15. 1).
- Rosenfield John M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley—Los Angeles, 1967.
- Rosenfield J. M. The Mathura School of Sculpture (Two Contributions to the Study of Kushan Chronology).—Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1968.
- Rowland B. The Art of the Central Asia. N. Y., 1974.
- Scerrato U. On a silver coin of Traianus Decius from Afghanistan.—EW. Vol. 13, 1962, № 1.
- Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer. B.—N. Y., 1971.
- Schlumberger D. Aī Khanoum, une ville hellénistique en Afghanistan.—CRAIBL-1965. 1966.
- Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de l'art grec.—«Syria». T. 37, 1960.
- Schlumberger D. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India.—«Proceedings of the British Academy». Vol. 47. L., 1961.
- Schlumberger D. L'Orient hellénisé. P., 1970.
- Schlumberger D. La prospection archéologique de Bactres.—«Syria». T. 26, 1949.
- Schlumberger D. Sur la nature des temples de Surkh Kotal.—Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Sharma G. R. (ed.) Kuṣāna Studies. Allahabad, 1968.
- Sharma G. R., Negi J. S. The Saka-Kuṣānas in the Central Gangā Valley.—Sharma G. R. (ed.) Kuṣāna Studies. Allahabad, 1968.
- Sharma G., Negi J. The Saka-Kushans in the Central Ganga Valley

- (Mainly a Review of New Data from Kausambi).—*Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. 2. М., 1975.
- Sircar D. Some Problem of Kushan and Rajput History.—*«Journal of Indian Historical Society»*. Vol. 2 (1968—1969). Calcutta, 1969.
- Smith V. A. Catalogue of the coins in the Indian Museum, Calcutta. Ox., 1906.
- Stavisky B. J. Notes on Gem-seals with Kushana Cursive Inscriptions in the Collection of the State Hermitage.—*JNSI*. Vol. 22. 1961; vol. 23, 1962.
- Stavisky B. J. The Study of Kushan Central Asia and some questions concerning the Chronology of the Kushan in Soviet Historical Science.—*Papers on the Date of Kaniska*. Leiden, 1968.
- Stavisky B. J. Two Notes on Kushan Bactria.—*Studies in Indo-Asian Art*. Vol. 1. New Delhi, 1972.
- Stavisky B. J., Bongard-Levin G. M. Central Asia in the Kushan Period (Archaeological studies by Soviet Scholars). Moscow, 1968.
- Stein A. Serindia. Vol. 1. Ox., 1921.
- Stein A. Zoroastrian deities on Indo-Scythian coins.—*«The Babylonian and Oriental Records»*. Vol. 1. L., 1887 (=«*Indian antiquary*». Vol. 17, 1888).
- Tanabe K. Kanishka I's Coins with the Buddha Image on the reverse and some references to the Art of Gandhara.—*«Orient»*. Vol. 10. Tokyo, 1974.
- Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 1—2. Cambridge, 1948.
- Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge, 1951.
- Tarn W. W. Queen Ptolemais and Apama.—*«The Classical Quarterly»*. Vol. 23. № 3—4. Ox., 1929, July—October.
- Tarn W. W. Two Seleucid studies. II. Tarmita.—*JHS*. 60, 1940.
- Tod J. An account of Grek, Parthian and Hindu Medals found in India (June 1825).—*Transactions of the Royal Asiatic Society*, 1827. L., 1828.
- Tomaschek W. Bactra, Bactrianoi, Bactriane.—*PW*. Bd 2.
- Tomaschek W. Zentralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877.
- Tosi M., Wardak R. The Fullol Hoard: A new Find from Bronze-Age Afghanistan.—*EW*. N. S. Vol. 22. 1972, № 1—2.
- Vogel J. P. La sculpture de Mathura. P., 1930 (*Ars Asiatica*. 15).
- Warder A. K. The Possible Dates of Parśva, Vasumitra (II), Caraka and Mātṛceta (Deduced from Buddhist Traditions and the History of Literature and Philosophy).—*Papers on the Date of Kaniska*. Leiden, 1968.
- Watters Th. On Juan Chwang's travels in India 629—645 A. D. L., 1904 (*Oriental Translation fund*. N. S. Vol. 14).
- Weissbach F. H. Die Keilinschriften der Achämeniden. Lpz., 1911.
- Wheeler R. E. M. Archaeology in Afghanistan.—*«Antiquity»*. Vol. 21. № 82. L., 1947.
- Wheeler R. E. M. Flames over Persepolis (Turning-point in History). N. Y., 1968.
- Wheeler R. E. M. Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955.
- Wheeler R. E. M. a. o. Arikamedu: an Indo-Roman Trading Station.—*AI*. 1946, № 2.
- Whitehead R. B. Calatogut of coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. 1. Ox., 1914.
- Wilhelm F. Kanika and Kaniska—Aśvaghōṣa and Mātṛceta (with regard to Tibetan sources).—*Papers on the Date of Kaniska*. Leiden, 1968.
- Wilson H. H. Ariana Antiqua: a descriptive Account of the Antiquities and coins of Afghanistan with a Memoir on the Buildings called Topes by Ch. Masson. L., 1841.
- Young R. S. Afghanistan reconnaissance.—*«Archaeology»*. Vol. 7, 1954, № 1.
- Young R. S. The South Wall of Bakh-Baktra.—*AJA*. Vol. 59, № 4, 1955.
- Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. Vol. 1. Leiden, 1956.
- Zürcher E. The Yüeh-chih and Kaniska in the Chinese Sources.—*Papers on the Date of Kaniska*. Leiden, 1968.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август, Октавиан 14, 19, 170
 Авниен 34
 Аврелиан 170
 Агафангел 132
 Агафокл 98, 179
 Агесилай (Агисала) 212
 Агзамходжаев Т. 177
 Адриан 171
 Аза I 19, 211
 Акэн Ж. 184
 Александр Македонский 3, 7—10, 12,
 32, 37, 89—91, 103, 143
 Альбаум Л. И. 49—51, 177, 189, 239,
 247, 248, 251, 254
 Альхамова З. А. 112
 Амихраман 216
 Аммиан Марцеллин 33, 35
 Антимах Теос 50, 98, 114, 254
 Антиох I 89, 90
 Антиох III 11
 Антоний Пий 171
 Аполлодор Артемидский 86, 96
 Аполлон 144
 Ардвисура Анахита 175
 Ардошо 28, 125, 175, 178, 192, 194,
 195
 Аристотель 144
 Арриан 32, 37, 91
 Артабан I 101
 Артаксеркс II 8
 Артасир 8
 Арташир I 131—133
 Арташир, кушаншах 136
 Артемида 161
 Аршак 158
 Аршакиды 11, 132, 137
 Астиаг 7
 Астиланзиг 216
 Атшо 175, 192, 196
 Афина 203
 Афродита Танаис 194
 Ахемениды 7—10, 75, 103, 149, 174
 Ахура Mazda (Mazda) 136, 174, 175
 Ашвины 250
 Ашока 90, 179, 180

 Бабаев А. Д. 83
 Баг Ард 178
 Багчи П. 179

 Бала 124
 Бань Гу 100, 121
 Бань Чао 20, 21
 Барджер Е. 184, 252
 Бартольд В. В. 49, 94, 169
 Бейли Х. У. 22
 Беленицкий А. М. 173
 Бенвенист Э. 201, 215
 Бернар П. 40, 144, 150, 198
 Бернштам А. Н. 167
 Бесс 8, 9, 10
 Бешем А. Л. 27
 Бивар А. Д. X. 26, 136, 138
 Бируни 22, 125
 Бичурин Н. Я. 110
 Бо-дью 27
 Бонгард-Левин Г. М. 21, 37
 Бретаницкий Л. С. 255
 Будда 23, 123, 186, 188—189, 196, 209,
 223, 230—233, 248
 Буддашира 189, 190
 Букничи Д. Д. 49, 50
 Бурзмихр 216
 Бэрроу Т. 212

 Вавилов Н. И. 77, 79, 80, 82, 130
 Ваджешка 22, 25
 Вадо 175, 192
 Вайнберг Б. И. 139
 Вайшравана 194
 Ванаспара 124
 Варахран, кушаншах 136, 138
 Вардан 133
 Вардер А. К. 22
 Васишка 21, 25, 27, 29
 Васко да Гама 14
 Васудева 26—29, 31, 129, 202, 212,
 223, 246, 250, 251, 255
 Вахшу 143, 175, 192, 223
 Веретрагна (Орлагно или Врлагно)
 174
 Вертоградова В. В. 180, 191, 221
 Виджаякирти 23
 Виктория 223
 Вильгельм Ф. 22
 Вильсон Г. 115
 Вима Кадфиз (Кадфиз II) 18—21,
 23, 26, 28, 40, 63, 83, 122, 206, 209,
 211, 214, 223, 248, 255, 256
 Витрувий 146

- Воробьева-Десятовская М. И. 220
 Воронина В. Л. 155
 Воху Мана 175
 Врлагно см. Веретрагна
 Вэй 27
 Вязьмитина М. И. 243
- Гардэн Ж. 245
 Гафуров Б. Г. 109, 174
 Гейгер В. 6
 Гелнокл 50, 59, 98, 99, 108, 112, 114, 115, 118, 119, 121, 158—160, 207, 210, 212, 243, 246, 248, 251, 254, 255
 Гелнокл II 99
 Гелнос 196, 212, 223
 «Герай» 111, 118—121, 128, 158—160, 166—168, 206—212, 214
 Геракл 144, 152, 157, 158, 161, 168, 195, 204, 209, 223, 228, 250
 Гермей 19, 120, 211
 Гермес 144
 Геродот 5, 7—9, 88
 Гершевич И. 201
 Гёбль Р. 136, 139
 Гефест 212
 Гинзбург В. В. 107
 Гиршман Р. М. 25, 196, 207
 Гиркод 251
 Гопат-шах 143
 Грюнведель А. 232
 Гулямова Э. 240, 256
 Гумилев Л. Н. 109
 Гупты 30, 138
 Гуштасп 5
 Гхосака (Гхошака) 182, 190
- Давидович Е. А. 112, 255
 Дани А. 125
 Дарий I 8
 Дарий III 9, 37
 Деметрий I, 50, 96, 97, 151, 157, 158, 195, 254, 255
 Деметрий II 96
 Денике Б. П. 253
 Денисов Е. П. 72, 73
 Десятчиков Ю. В. 109
 Дженкинс Г. 118
 Диодор Сицилийский 10, 32, 91
 Диодот 10, 11, 97, 254
 Дион Хрисостом 169
 Дионисий Периегет 34, 103
 Диоскуры 117, 159, 250
 Дрваспа 175
 Дхармамитра 89, 182, 189, 190
 Дхармананди 182, 191
 Дхармаракша 182
 Дьяконов И. М. 152
 Дьяконов М. М. 36, 61—63, 74, 163, 164, 241, 255
 Дюпон-Соммер А. 90
- Евкратид 50, 86, 96—99, 114, 116—121, 158—160, 163, 210, 212, 254, 256
 Евман 216
 Евтидем 11, 50, 96, 97, 152, 160, 254
 Егншэ 133
- Забелина Н. Н. 117, 241
 Зампаев 239
 Заратуштра (Зороастр) 5
 Зевс 151, 152, 158
 Зеймаль Е. В. 27, 28, 138, 174
 Зеймаль Т. И. 62, 65, 67, 69, 70, 74, 86, 127, 246
 Зелинский А. Н. 83
 Зограф А. Н. 159
 Зохак 208
- Иванов В. В. 25
 Иездигерд II 133, 139
- Кави Виштасп (Виштаспа) 5
 Кадфиз I см. Кудзула Кадфиз
 Кадфиз II см. Вима Кадфиз
 Кан Сэн-хуэй 169
 Каншшка 15, 16, 18, 21—23, 25—31, 39, 40, 63, 81, 123—126, 130, 174, 175, 182, 194, 196, 198, 201, 202, 206, 207, 211—216, 223, 225, 227, 229, 231, 232, 234, 236, 246, 248, 251, 252, 255, 256
 Картир 175—178, 202
 Кастальский Б. Н. 49, 50, 51, 239
 Квинт Курций Руф 32, 37
 Кесаев В. Н. 253
 Кибела 150
 Кидара 139
 Кноцзюю см. Кудзула Кадфиз
 Киней 144
 Кир Великий 7, 145
 Кирилл 214
 Клеарх 144
 Климент Александрийский 194
 Козлов П. К. 167
 Козловский В. А. 254
 Конов, Стен 23, 212
 Кошеленко Г. А. 81, 82
 Крёз 7
 Кришна 27
 Кругликова И. Т. 7, 84, 91, 249
 Ксенофонт 5
 Ктесий Книдский 5, 6
 Кубера 194
 Кудзула 118
 Кудзула Кадфиз 18—21, 26, 111, 119—122, 128, 206, 211, 214, 243
 Кузгашка 216
 Кузьмина Е. Е. 143
 Кэннингхем А. 18, 117, 118, 127

- Ле Берт М. 252
 Лиака Кузулака 118
 Лившиц В. А. 123, 152, 201, 202, 215, 216
 Литвинский Б. А. 69, 154, 155, 163, 177, 180, 197, 246
 Лохвизен де Леев И. Э. 29
 Лрувасп см. Дрваспа
 Луконин В. Г. 131—139, 246
- Манабаго 175
 Мандельштам А. М. 64, 73, 86, 103—107, 111, 112, 118, 120, 127, 128, 131, 159, 160, 163, 164, 166, 177, 241
 Мани 178, 179
 Мар-Амо 178
 Марик А. 26, 201, 215, 220
 Марин Тирский 37
 Маркварт И. 111, 112, 177
 Маршак Б. И. 139
 Массон В. М. 31, 43, 98, 114, 115, 172, 251
 Массон М. Е. 6, 31, 89, 90, 112, 134, 135, 213, 220, 243, 253
 Маурья 90
 Мах 175, 192
 Махешвара 209, 220
 Мачинский Д. А. 37, 109
 Маэс Тициан 14, 37
 Медведская И. Н. 63
 Менандр 96, 97, 179
 Менаш Ж. де 90
 Мефодий 214
 Мнай см. «Герай»
 Минорский В. Ф. 90
 Мирхонд 138
 Митра 152, 157, 175, 192, 196, 200, 216, 217, 223
 Митридат I 96, 97
 Митридат II 101
 Михраман 216
 Моисей Хоренский 132
 Мошкова М. Г. 104, 106
 Мухитдинов Х. Ю. 72, 154, 155, 166, 197, 240
 Мухтаров А. 256
- ан-Надим 179
 Нанди 28
 Нарайана 180, 220
 Нарайн А. К. 99, 118
 Нельдеке Т. 131
 Нептун 223
 Нерон 171
 Ника 119, 159, 161, 175, 204, 223, 228
 Нин 5, 75
 Нильсен В. А. 247
 Ноконзок 127, 130, 202, 216
- Обельченко О. В. 103, 106, 159, 161, 162
 Окснарт 10
 Оранский И. М. 143, 215
 Оронт 8
 Орлагно см. Веретрагна
- Паламед 212, 213, 216
 Панчика см. Кубера
 Пелльо П. 25
 Пероз, кушаншах 136
 Петич Л. 22
 Пиотровский Б. Б. 253
 Платон 98, 99
 Плиний Старший 33, 34, 103, 169
 Полибий 11
 Помпей Трог 32, 34, 86, 101
 Посейдон 175, 223
 Пославский И. Т. 181
 Птолемей Клавдий 33, 34, 36, 37, 89, 91, 92
 Пугаченкова Г. А. 39, 42—44, 51, 52, 54, 55, 73, 74, 99, 110—112, 126, 153, 160, 165, 166, 170, 171, 189, 192, 195—197, 202—206, 225—228, 239, 240, 243, 244, 246—248, 253—255
 Пури Б. Н. 4, 123, 124
 Пчелина Е. Г. 253
 Пэллиблэнк Э. Г. 27, 30, 102
- Раевский Д. С. 63
 Райт Ф. 184, 252
 Рейсер М. Г. 81
 Ремпель Л. И. 167
 Розенфилд Дж. 21—23, 29, 222
 Роксана 10, 143
 Ртвеладзе Э. В. 43, 44, 49, 51, 52, 84, 246
 Рэно М. 33
- Самудрагупта 30, 138
 Сападбиз 251
 Сарapis 174, 195, 223
 Сараниди В. И. 7, 84
 Сасаниды 38, 131—133, 135, 137—140, 175, 207
 Себеос 132
 Сейичи Мицуно 78
 Селевкиды 10—12, 97, 103
 Селена 212, 223
 Семирамида 5, 75
 Сидорова В. С. 234
 Сидорова Д. Н. 247
 Сиркар Д. 36
 Спитамен 8
 Стефан Византийский 89, 91
 Страбон 32, 36, 37, 86, 88, 91, 96, 97, 101, 102, 169
 Стрелков А. А. 253
 Сыма Цянь 17, 100, 105

Сэ 21

Сюань-цзян 35, 111, 125, 194

ат-Табари 131—133

Тарн В. В. 8, 10, 86, 89, 91, 92, 97,
101—103

Тацит 32

Тиберий 170

Тимуриды 244

Тит 212

Толстов С. П. II, 31, 36, 169

Томашек В. 6, 36, 90, 91

Тревер К. В. 9, 91, 167—169, 194

Трофимова Т. А. 107

Тургунов Б. А. 165, 166, 239, 240, 243,
244, 247

Уди 96

Унлер Р. М. 245

Учжулю Модн 167

Фавст Бузанд 132, 136

Фань Е 100, 101, 121

Фарро 125, 175, 192, 194, 196, 223

Фирдоуси 5

Фишер Кл. 184

Фортуна 175

Фраат I 101

Фрихвадев 127, 130, 202

Фусман Ж. 16, 18, 220, 221

Фуше А. 179, 232, 245

Хакимов З. А. 189, 253, 254

Харбалам 124, 127, 192, 194

Харити 194

Харишена 138

Харматта Я. 26, 138, 176, 180, 191, 213,
216, 218, 252

Харон 160

Хафизи Абру 49, 90, 94

Хванинда 175, 192, 194, 204, 223

Хеннинг В. Б. 137, 178, 201, 215

Херцфельд Э. 135

Хний см. «Герай»

Хиргоман 216

Хормизд II 138

Хормизд, кушаншах 136, 246, 251

Хосров 132, 179

Хосров II Парвиз 132

Хувишка 21, 23, 25—28, 30, 31, 125,
126, 129, 174, 175, 194—196, 201, 202,
212, 213, 216, 223, 248, 251, 252, 255

Хумбах Х. 91, 92, 216

Цюрхер Е. 22

Чжан Цянь 16, 17, 33, 38, 99, 100,
105

Чжи Лоу-цзя-чань 182

Чжи Лян 182

Чжи Цянь 182

Чжи Юе см. Чжи Цянь

Чжи Яо 182

Чингиз-хан 253

Шаванн Э. 112

Шапур I 31, 131—136, 138

Шапур II 132, 136

Шапур, кушаншах 136, 251

Шахревар 175

Шива 23, 28, 195, 209, 211, 250

Шишкин В. А. 213

Шлюмберже Д. 36, 81, 202, 222—224,
245, 252

Эвмен 10

Эратосфен 37

Юлиан 136

Юнг Р. 184, 245

Юркевич Э. А. 32, 42, 241, 245, 246

Юстин 32, 86, 96, 97, 101

Юсупов Х. 169

Якубов Ю. 59

Якубовский А. Ю. 174

Яньгаочжень 18

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абыдабад-тепе 51
 Агальк 103
 Адраспа см. Драспа
 Азия 3, 10, 12, 14, 157, 208
 Азия Глубинная 103, 106—108
 Азия Малая 8
 Азия Передняя 143
 Азия Средняя 3, 4, 8, 14—17, 31, 33,
 35, 36, 43, 44, 55, 103, 104, 106—109,
 112, 142, 149, 157, 158, 167, 170—
 174, 179, 186, 214, 227, 234, 236
 Азия Центральная 3, 12, 15, 22, 101,
 103, 214
 Азия Юго-Восточная 15
 Анр-тепе 53
 Айвадж 64, 93
 Айваджская переправа 93
 Айртам 39, 73, 93, 94, 163, 165, 166,
 184, 192, 209, 232, 233, 236, 239,
 240, 243
 Айсарн-тепе 53
 Ай-Ханум 74, 81, 82, 85, 93, 98, 144,
 145, 150—157, 163, 166, 198, 210,
 223, 225—227, 233, 234
 Ай-Ханум II 81, 82, 86, 93
 Ак-Кала 86
 Ак-Курган 52
 Ак-Курган (Б-19) 55
 Ак-тепе (Бишкентское) 128, 129
 Ак-тепе (Сурханское) 56
 Ак-тепе (ТССР) 73
 Ак-тепе (Шерабадское) 44, 52
 Актау 59, 61, 65
 Акхонзода-тепе 81
 Акча 75, 78, 248
 Акча I 78
 Акча II 78
 Александрия (бактр.) 89
 Александрия (египет.) 153
 Александрия Оксиданская 37, 89, 92
 Аман-тепе см. Катта-тепе
 Амбар-сай 239
 Амида 136
 Амударья 6, 17, 33, 34, 36—41, 45, 47,
 49, 50, 53, 59, 61, 64, 73—75, 80, 82,
 84, 90, 92—95, 98, 100, 101, 103, 105,
 106, 128, 134, 153, 165, 169, 179, 192,
 243, 253, 254
 Амуй 38, 94, 178
 Андераб 91
 Андхой 75
 Ангор 50, 51, 251
 Ангоро-Джаркурганский ирригацион-
 ный район 50, 52, 53, 251
 Ангур-тепе 81, 184, 230
 Анжир-тепе 44, 53
 Антиохия 89, 90
 Ансьи 17, 121
 Аорн 90—92
 Ара 25
 Арал-Пайгамбар 94
 Арахосия 9, 17
 Арджала-тепе 51
 Армения 8, 132, 136, 137
 Аруктау 59
 Аруктауский могильник 104, 107, 160,
 161
 Ассирия 143
 Афганистан 3, 14, 16, 19, 21, 31—33,
 35, 38—42, 46, 75, 77, 81, 111, 115,
 119, 122, 130, 131, 139, 141, 191, 220,
 223, 227
 Афраснаб 198
 Ахеменидская (Древнеперсидская)
 держава 5, 7, 9, 143
 Бабатаг 47, 59
 Баба-тепе 53
 Бабашов 104, 108, 159—161
 Баглан 6, 80, 81, 92, 126, 184, 192, 198,
 236, 252
 Багланский ирригационный район 80,
 81
 Бадахшан 6, 112, 120
 Байсун (Б-73) 56
 Байсунтау 35, 47
 Бай-тепе см. Барат-тепе
 Бактрийское (доахеменидское) цар-
 ство 5, 6
 Бактры см. Балх
 Балаам см. Боло
 Бала-Хисар (в Балхе) 244, 245
 Бала-Хисар (в Кундузе) 80, 92
 Балх 5, 25, 33, 37, 39, 75, 77—79, 88—
 92, 94, 111, 112, 119—122, 126, 131—
 133, 136—140, 142, 178—180, 183,
 192, 208, 209, 219, 220, 244, 245, 248
 Балхская долина 78, 79, 88, 94

- Балхский оазис 76, 78, 130, 248
 Балхаб 75, 77—80, 84—86, 94, 130
 Бард-и Нишанде 27
 Барат-тепе 52, 153, 166, 186
 Баригазы 169
 Барка 8
 Батырабад-тепе 53
 Бахчисарай 172
 Беграм 14, 32, 115, 116, 120, 123, 125, 126
 Безымянное 58
 Безымянное (№ 71) 55
 Безымянное (Б-72) 55
 Безымянное городище (Б-64) 54
 Безымянное поселение (Б-29) 53
 Безымянное поселение (Б-37) 53
 Безымянное поселение (Б-40) 53
 Безымянное поселение (Б-86) 51
 Безымянное поселение (№ 95) 55
 Бенарес 30, 123, 124
 Беш-копа 55
 Биразуз 52
 Бихар 29
 Бишкентская долина 45, 58, 59, 61, 64, 86, 103, 117, 127—129, 159, 171, 241
 Болдай 65, 67, 69, 129, 130
 Болдай-тепе 69
 Боло 140
 Большой Гиссарский канал 47
 Борджи Айаран 245
 Бургучи 73
 Бухара 93, 94, 102
 Бухарский оазис 103, 162
- Вавилон 7, 8
 Вавилония 7, 8
 Вардак 26
 Варанаси см. Бенарес
 Варзоб 56, 58
 Варзобское ущелье 56
 Вахан 111, 112, 120
 Вахш 59, 65, 67, 74, 89, 93, 129, 245
 Вахшская долина 45, 65, 66, 67, 69, 70, 84, 93, 142, 243
 Висла 37
 «Висячий проход» 101
 Волга 106, 172
 Восток Ближний 8, 227, 231, 234
 Восток Дальний 15
 Восток Древний 6, 236
 Восток эллинистический 36
- Гавгамелы 38
 Гаибшахид 72
 Газни 17
 Ганг 21, 29, 30, 202, 223, 234
 Гандхара 9, 19, 31, 32, 40, 46, 101, 123, 125, 126, 130, 170, 220, 229, 230, 232—234, 246
 Ганьсу 103, 105, 107
- Гаофу 17, 111, 112, 120, 131
 Гарав-кала (Яванское городище) 67, 170, 241, 245, 246
 Гаршавар 69
 Герат 137
 Гибинь 17, 101, 131
 Гилямбоб-тепе 53
 Гиндукуш 19, 30, 35, 38, 40—42, 75, 99, 115, 131, 135, 138, 139, 152, 170, 209, 211
 Гиссар 56—58
 Гиссарская долина 42, 45, 47, 56, 58, 59, 65, 115, 117, 163, 164, 241
 Гиссарский ирригационный район 57, 58
 Гиссарский хребет 35, 36, 38, 39, 41, 47, 56, 115
 Гобакли-тепе 78
 Горно-Бадахшанская автономная область 82
 Греко-Бактрийское царство 3, 11, 16, 34, 50, 72, 85—86, 90, 99, 103, 108, 109, 143, 157, 162, 179, 230
- Гу-зан 23
 Гузари-Боло 62
 Гуишун см. Кушания
 Гулабад-тепе см. Шахр-тепе
 Гулистон 59
 Гумбезлик-тепе 73
 Гяньши см. Ляньши
 Гяур-кала 198
- Дабил-Курган 45, 55
 Давань 100, 102
 Дагана 245
 Дай 111
 Дальверзин-тепе 44, 53, 54, 111, 163, 170, 184, 186, 190, 192, 196, 198, 206, 208, 220, 229, 230, 240, 246, 247
 Дангара 72
 Дангаринское плато 45, 70—72
 Дараспа см. Драпса
 Даргоидос 91
 Даргом 37
 Даршай 180, 220
 Дарья-Сафед 75, 78, 79
 Дахя (Дася) 17, 33, 38, 96, 99, 100, 110, 121, 131
 Дашти-поёни-Оксу см. Тепе-Киев-шайдн
 Дегриз-тепе 53
 Дели 30
 Дельфы 144
 Денау 54, 55, 239, 246, 254, 255
 Джалпак-тепе 51
 Джалты 54
 Джамалпур 25
 Джаман-Булак 67
 Джандавлат-тепе 53
 Джар-тепе 54

- Джар-тепе (Кундузское) 80
 Джаркурган 49—51
 Джаркурганский район 240
 Джейран-тепе 56
 Джейран-хона 239
 Джейтун 142
 Джерм 111
 Джуйбар 67, 69, 70, 74, 130
 Джуйбарская ирригационная система 69
 Дильберджин 77, 78, 91, 184, 192, 208, 248, 240
 Доккы-Юнус 63
 Днестр 37
 Домбра-тепе 53
 Дон 37, 106
 Драса 37, 90—92
 Думи 121
 Дунай 37
 Дуньхуан 25, 111
 Душанбе 3, 12, 56, 58, 59, 115, 217, 220, 240, 255
 Душанбинка 58, 59
 Душанбинское городище 58
 Душанбинский ирригационный район 57, 58
 Душанбинский могильник 58

 Евкратидия 91, 92
 Евразия 142, 143, 168
 Европа Восточная 236
 Египет 6, 7, 14, 15, 169, 172
 Емши-тепе 78, 79, 219—220

 Железные ворота 35

 Закавказье 169
 Закер-тепе 80
 Занг-тепе 51
 Зангская оросительная система 50
 Зангский канал 50, 52, 240
 Зариаспа см. Балх
 Зар-тепе 51, 184, 192, 196, 239, 241, 251
 Заргарский канал 69, 70
 Заргар-тепе 70
 Земм см. Амуть
 Зебак 111
 Зеравшан 91, 94, 103, 106, 110, 131, 159—161, 165
 Зеравшанская долина 94, 106
 Зимистан см. Саланг
 Зурмала 39, 49, 126, 183, 186, 189, 190, 254

 Игрони-Боло 73
 Икизак-тепе 53
 Илак 56, 59
 Илакский ирригационный район 57, 59

 Илан-тепе 171
 Илонли-тепе 54
 Ильты 69
 Инд 18, 30, 169, 223
 Индия 3, 4, 8, 14—16, 18—20, 22, 27, 30, 35, 37, 40, 93, 94, 97, 118, 123—125, 131, 133, 169, 170, 172, 177, 178, 180, 192, 212, 233, 234, 236, 237
 Индокитай 12
 Индостан 14, 15, 18, 30, 108, 122, 123, 169, 170, 173, 220, 229, 230
 Иран 3, 8, 108, 134, 135, 172—175, 177—179, 231
 Иран аршакидский 14, 108, 207
 Иран ахеменидский 9, 32, 143, 227
 Иран сасанидский 14, 35, 131, 132, 134, 137, 172—175, 179, 208
 Иски-тепе 70
 Исмаил-тепе 56
 Ишан-Бобо 54
 Ишан-тепе 70

 Кааба Зороастра 131, 133, 135
 Кабул 3, 12, 17, 26, 94, 112, 118, 121, 131, 138, 139, 179, 211
 Кавказ Северный 108, 160
 Казахстан 160, 236
 Калан-Заль 80, 92, 93, 252
 Калан-Мир 62, 117, 162, 167, 224, 241
 Калан-Саракамыш 67
 Калан-Турткуль 72
 Калан-Турткуль II 67
 Калан-Чильхуджраидарун 72
 Калан-Шодмон 59
 Калатсе 18
 Калькутта 116
 Каменное городище 74
 Кампир-Зухра 55
 Кампир-кала 59
 Кампир-тепе 53
 Кандагар 179
 Канишкапура 125
 Каписа см. Беграм
 Карабаг-тепе 54, 255
 Карабиль 75
 Кара-Бура 69, 70
 Кара-Кульмат 51
 Каракумы 75
 Караланг 69, 130
 Каратаг 42
 Каратагдарья 47, 55, 255, 256
 Каратагский ирригационный район 55
 Каратау 65
 Кара-тепе 4, 39, 126, 137, 138, 176, 177, 183, 186—191, 196, 198, 202, 209, 217, 218, 220, 221, 229, 231, 234, 236, 237, 254
 Караул-тепе 53, 55, 186
 Карашар 30

- Карван-Тушту 51
 Карши 91
 Каспий 169
 Катор-тепе 255
 Катта-арык 61
 Катта-Джелал 58
 Каттакумы 47, 50, 52
 Катта-Курган 91
 Катта-тепе 56
 Каун-тепе 69
 Каунский канал 69
 Каушамби 29, 30
 Кафир-кала 82, 184
 Кафир-Кала-тепе 78
 Кафирниган 47, 56, 57, 59, 61, 63—65,
 93, 118, 120, 129
 Кафыр-кала 69
 Кафыр-тепе 70
 Каш 31, 133, 134
 Кашкадарья 91, 94
 Кашкадарьинская долина 94
 Кашмир 18, 22, 25, 101, 123, 138
 Кей-Кобад-шах 62, 171, 241
 Келиф 38, 41, 45, 73, 94
 Келифская переправа 94
 Керки 37, 41
 Керкичи 45, 73, 94
 Кидаритское государство 112
 Кипр 9
 Китаб 98
 Китай 14, 30, 83, 169, 172, 182, 183,
 190, 191
 Кобадийан см. Носир-Хисров
 Кобадийанский ирригационный район
 61
 Кобадийанский оазис 61
 Кой-Турабак-тепе 54
 Коккум 104, 160
 Кокуль 74, 75, 93, 94, 155
 Кокульская переправа 93
 Кокча (Кокчадарья) 75, 81, 82, 85, 86,
 93, 111, 112, 121, 184, 192
 Кокхозабад 69, 70
 Комзар 78
 Қори-Шах-тепе 50, 52
 Красноводск 108
 Кулаглы-тепе см. Занг-тепе
 Кулуг-шах-тепе 52
 Куль-тепе 54
 Куль-тепе-Джонльма 54
 Куляб 98
 Кулябдарья 70
 Кум-тепе 70
 Кум-тепе (ТССР) 73
 Кундуз 80, 81, 91, 92, 184, 192, 220,
 252
 Кундуздарья см. Сурхаб
 Кундузская долина 79, 88, 93, 120,
 121
 Кундузо-Ханабадский ирригационный
 район 80
 Куня-байское поселение 59
 Курбан-Куса 55
 Курган-тюбе 69, 70, 84
 Курган-Тюбинское городище 69
 Курганча 55
 Кухи-Базуль 252
 Кухитанг-Тау 47
 Кухна-кала 69, 70, 243
 Кухна-Масджид 219
 Куча 23, 25, 30
 Кушания 17, 19, 110—112, 119, 120,
 122, 206, 210
 Кушанская империя 3—5, 11, 12, 14—
 19, 21—23, 26, 28—31, 33—34, 36,
 39—42, 62, 68, 95, 110, 112, 120, 122,
 125—127, 129—135, 137, 138, 141,
 158, 162, 164, 171, 174, 178—180,
 192, 206, 208, 210—214, 217, 223,
 229, 230, 234
 Кушаншахр 31, 131, 133—135, 138
 Куюмазар 103, 162, 167, 171
 Кызылсу 45, 47, 54
 Кызылсу (Сурхоб) 70—72
 Кызыл-тепе 53
 Кызылтепинский могильник 103, 160,
 161
 Лагман (афганский) 90, 179
 Лагман (Хелаверд) 69, 84
 Лагманский канал 69
 Ладак 18
 Ланка см. Шри Ланка
 Ланьши 17, 111, 121
 Лахор 115
 Леваканд 69
 Ли см. Хотан
 Лондон 12
 Лявандак 103, 160, 161
 Лянгар-ата 62, 63
 Мазар-баба 53
 Мазар-тепе (в долине Сурхандарья)
 54
 Мазар-тепе (на Пархарской равнине)
 см. Шур-тепе
 Маныч 160
 Мазари-Шериф 78
 Майда-Курган 55
 Макони-Мор 72
 Маргана 9
 Маркуран см. Мекран
 Маслахат-тепе 54
 Мат 21, 123, 202, 206, 207, 223, 229
 Матхура 21, 25, 26, 29, 30, 40, 123,
 124, 126, 234
 Меймене 75
 Меймене (Ширинтагао) 75, 78
 Мекран 131

- Мела 74, 93
 Мемлек-Кала-тепе 78
 Мерв 94, 136, 137, 178
 Месопотамия 8, 137, 227
 Мидия 7, 8, 143
 Микоянабад см. Носир-Хисров
 Минг-Тут 55
 Миран 212, 231
 Мирза-Рамазан-тепе 81
 Монголия 167
 Мукры 73
 Мунчак-тепе 64
- Навасангхарам см. Наубехар
 Нагора-тепе 58
 Набир-тепе 77
 Наинбабад 78
 Насрат-тепе 78
 Наубехар 194
 Нахри-Калон см. Катта-арык
 Нижневахшская долина 65, 67, 69, 86, 127, 129, 130, 242
 Нижнекафирниганская долина 45, 56, 59, 61, 64, 65, 93, 117, 118, 142
 Нижнекундузский ирригационный район 80
 Нижнепанджская равнина 74
 Нишапур 134
 Ноин-Ула 167, 168, 236
 Носир-Хисров 61—63, 241
 Ноубабад 58
- Обикинк 65
 Ок-Мазар 63
 Окс см. Амударья
 Оксу 72
 Орджоникидзебабад 59
 Орлиная сопка см. Ходжа Гульсуар
- Павлодарская область 160
 Пакистан 3, 19, 31, 32, 40, 130, 131, 180, 227
 Палестина 9
 Пальмира 90
 Памир 22, 35, 45, 82, 143, 220
 Памир Западный 45, 180
 Панджтар 18
 Пардагви («греческая переправа») 49, 94
 Париж 3
 Пароламисады 120
 Парфянское царство 14, 16, 108
 Парфия 17, 34, 96, 97, 108, 196, 227
 Парфина 10
 Пархар 85, 153
 Пархаро-Кулябская равнина 70, 93
 Пархарский район 72, 74
 Пархарская долина 45, 70, 71
 Пасаргады 145, 146
 Паттагиссарская переправа 94
- Пашкабура 31, 131, 133—135
 Пенджаб 30, 138
 Пенджикент 98, 142, 198
 Персеполь 146
 Персия 35
 Перседжик-депе 142
 Пешавар (Пурушапура) 22, 23, 29, 93, 125, 126, 131, 135, 182, 212
 Поволжье 106, 108, 236
 Позднескифское царство 108
 Помпеи 14
 Прешоп-тепе 78
 Приамударьинская равнина 75
 Приуралье 14, 106, 108
 Причерноморье 14, 108, 171, 172
 Пули-Хумри 80, 252
 Пультопы-тепе 73
 Пурушапура см. Пешавар
 Пушинг 72
 Пушингское тепа 72
 Пушкалавати 125
 Пяндж (Кировабаба, Сарай-Камар) 93
 Пяндж 45, 73—75, 80—82, 84, 92, 94, 95, 155, 252
- Равенна 89, 90
 Рамазан-Сала 172
 Рейн 37
 Рим 14, 168, 169, 171, 172, 211, 212
- Савринджон-тепа 54
 Саксанохур (Тепеи-Шафтолубог) 72, 85, 115, 153—156, 166, 197, 226, 234, 240
 Саланг 120
 Салар-тепа 78
 Саманган 79
 Самарканд (Мараканда, Смараканд) 37, 92, 94, 102, 103, 156
 Сангова 63
 Саозма-Кала 78, 209
 Сарай-Камар см. Пяндж
 Сарай-Камарская равнина см. Нижнепанджская равнина
 Сари-Пуль см. Дарья-Сафед
 Сарнасийский район 240
 Сарнатх 29, 30, 123
 Сасанидское государство 175, 179
 Селевкидское царство 97
 Селевкия на Тигре 171
 Серика 34
 Сидунь 111
 Симигандж 57, 59, 240
 Сина 55
 Синхала см. Цейлон
 Сирия 9, 15
 Сичкан-тепа 54
 Скифия 108
 Согд (Согдиана) 4, 7, 31, 34—37, 91

- 92, 101—103, 110, 133—135, 159, 160, 162, 163, 175, 178, 179, 198
- Согдианская пустыня 37
- Средиземноморье 8, 14, 16, 169, 171
- Среднеазиатское междуречье 94, 103, 106, 159, 236
- Сузы 9, 146
- Сурх-Котал 15, 26, 39, 81, 126, 184, 198, 201—203, 206, 207, 212, 213, 215, 216, 219, 220, 223, 229, 234, 236, 252, 253
- Сурхаб (Кундуздарья) 6, 74, 75, 80, 81, 84, 91—93, 111, 112, 126, 129, 252
- Сурхабская долина 79
- Сурхоб см. Кызылсу
- Сурхандарья (р. Сурхан) 47, 49, 50, 52—56, 84—86, 94, 111, 115, 118—120, 192, 206, 236, 243, 246, 253—255
- Сурхандарьинская (Сурханская) долина 42, 45, 47, 56, 59, 64, 65, 88, 93, 94, 142, 192, 206, 246, 251
- Сырдарья (Яксарт, Танаис) 34, 101, 102
- Таджикская ССР (Таджикистан) 3, 8, 41, 42, 55, 59, 65, 104, 105, 114, 117, 119, 153, 240, 241
- Таирсу 70, 72
- Таксила 18, 19, 115, 118, 119, 123
- Таллаган-тепе 53
- Талашкан-тепе II 52, 240
- Талимаран 51
- Тамошо-тепе 66, 67
- Танаис см. Сырдарья
- Тарагай-тепе 54
- Тарим 30
- Тахта-базар 98
- Тахти-Кувад 74, 93
- Тахти-Рустам 77, 183, 244, 245
- Ташкурган (город) 80
- Ташкурган (река и долина) 79
- Ташкурганский ирригационный район 79
- Таш-рабат 70
- Таш-рабат (ТССР) 73
- Таш-тепе 63
- Тепен-Качали см. Чирокчи-тепе
- Теморшо-тепе 81
- Тентексай 47, 53
- Тепе-Заргарон 244, 245
- Тепе-Кафе 81, 184
- Тепе-Нимлик 78
- Тепе-Сала 78
- Тепе-гозйон 58
- Тепе-Киёвшайди (Дашти-поёни-Оксу) 72
- Термез (Тармита) 38, 39, 49, 50, 52, 85, 89—92, 94, 98, 115, 119, 126, 137—139, 163, 171, 176, 177, 182—184, 186, 189, 192, 209, 220, 230, 234, 239, 241—243, 251, 253, 255
- Термез Старый 4, 47, 49, 50, 54, 73, 92, 94, 181, 183, 184, 186, 188, 213, 242, 253, 254
- Термезская переправа 94
- Термезский канал 50, 51
- Термезский оазис 85
- Термезский ирригационный район 47, 50, 52
- Тешик-тепе 51
- Топи-Рустам 39, 77, 126, 183, 244, 245
- Топраккала 78
- Топрак-кала (хорезм.) 198
- Тохаристан 3, 4, 35, 36, 40, 41, 102, 139, 173, 178
- Трансоксиана 36
- Туганак-тепе 54
- Тулхар 104, 108, 117, 128, 160, 161, 168, 236, 241
- Туп-хона (в Гиссарской долине) 44, 56, 58, 117, 163—165, 241
- Туп-хона (на Дангарском плато) 73
- Тупаланг-Сангардак 47, 54, 55
- Туран 131
- Туркестан Афганский 75
- Туркестан Восточный 20, 21, 23, 25, 30, 83, 109, 111, 172, 178, 212
- Туркменская ССР (Туркменистан, Туркмения) 41, 64, 73, 75, 104, 108
- Турфан 30
- Ту-хо-ло 33—35
- Узбекон-тепе 42, 55
- Узбекская ССР (Узбекистан) 3, 41, 55, 105, 114, 141
- Узбой 169
- Украина 108, 109
- Урал 14
- Урады-тепе 51
- Урта-Боз (Вахшская) 69, 70
- Урта-Боз (Пархарская) 71
- Урта-Боз II 70
- Утенкалинский канал 69, 70
- Файзабад 82, 111
- Файзабад-кала 74
- Файзабад-тепе 78
- Файзабадский оазис 82
- Фаяз-тепе 49, 126, 183, 186, 188—190, 192, 234, 239, 253
- Фергана 100, 102, 115, 170
- Финикия 9
- Фудиша 111, 112
- Фуллоль 6
- Хадда 191
- Хайрабад-тепе 51, 171
- Хант-Гула 256
- Хайтабад-тепе (Хайтабад) 51
- Халкаджар 67
- Халчаян 54, 111, 153, 166, 171, 202,

- 205, 206—208, 220, 223—229, 233,
239, 240, 254, 255
- Халчаянский оазис, или ирригацион-
ный район 54
- Халынчак-тепе 53
- Ханабад 80, 81
- Ханака (Чангоб) 56—59
- Ханака-тепе 54, 255
- Хан-Газа 64, 128, 129
- Хань (империя) 14
- Хатын-Рабат 73, 74, 93, 94, 184, 192,
220, 239
- Хаудаг 47, 50, 51
- Хелаверд см. Лагман
- Хисарский арк 58
- Хишт-тепе 93, 241
- Ходжа-Галтан-тепе 81
- Ходжа-Гульсуар (Орлиная сопка) 73
- Ходжа-кала 68
- Ходжа-Камар 50, 52
- Ходжа-кия (Б-21) 52
- Ходзо см. Худзяо
- Хоки-Сафед 58
- Хорезм 30, 31, 102, 131, 158, 170, 172, 198
- Хорог 83
- Хорасан 94, 131, 178
- Хотан (Ли) 23, 30
- Хуанке (Желтая река) 22
- Худзяо (Ходзо) 111, 122, 206
- Хульм (Ташкургандарья) 75, 79, 91,
93, 94, 242
- Хутгаль 120
- Хуш-Вакт-тепе 55
- Хюми 111, 112
- Цейлон (Синхала, Ланка, Шри Лан-
ка) 138
- Цзябэй 111, 112
- Цяньдунь 111, 112, 120
- Чаганиан 178
- Чалла-тепе (Б-16) 52
- Чангоб см. Ханака
- Чарджоу см. Амуль
- Чаршанга 73
- Чашме-Кайнар-тепе 81
- Челябинск 160
- Чач (Шаш) 31, 133, 135
- Черное море 169, 172
- Чжесемосунь 111, 112
- Чильчурчашма 64, 128, 129
- Чим-курган 240, 256
- Чимгалыш-тепе 63
- Чирокчи-тепе (Тепе-Качали) 67
- Чиш-тепе 78
- Чопон-ата (Б-17) 52
- Чор-гуль 67
- Чор-Гуль-тепе 72
- Чор-Гуль-тепе II 54
- Шаартуз 59, 63
- Шаартузский ирригационный район 61
- Шаит-тепе 54
- Шакалак-тепе 81
- Шам-кала 39, 81, 184, 236
- Шаньшань 30
- Шаргунь 241
- Шасалим-подша-тепе 78
- Шах 63
- Шах-джи-ки-дхери 22, 29, 125
- Шахри-Бану 79, 242
- Шахривайрон 103, 160
- Шахринау 42, 115, 236, 239, 240, 255
- Шахринауское городище 55, 92, 256
- Шах-тепе 63
- Шахр-Дарра 81
- Шахри-Фолак 39, 77, 126, 183, 244, 245
- Шахр-тепе (Гулабад-тепе) 72
- Шаш см. Чач
- Шерабадская долина 45, 47, 52
- Шерабддарья 47, 51—53, 240
- Шерабадский ирригационный район
47, 52, 53, 94
- Шиберган (город) 78, 79
- Шиберган см. Дарья-Сафед
- Шиберганский оазис 79
- Ширантагао см. Меймене
- Ширкент 47, 55
- Шор-тепе (Вахшко-Заргарское) 70
- Лор-тепе (Сурханское) 51, 237, 239, 240
- Шор-тепе (ТССР) 73
- Шри Ланка (Ланка) см. Цейлон
- Шуаньми 111
- Шубар-Курган 53
- Шур-тепе (Мазар-тепе) 72
- Шурчи 53, 246
- Шурчинский ирригационный район
53, 54
- Элам 9
- Элиманда 27
- Эфталитское царство 38
- Юньляньши см. Ланьши
- Юрогли 79
- Яван 67, 115, 156, 245
- Явано-Обикикская долина 45, 65—
68, 245
- Яванское городище 44
- Яван-су 65
- Яздан-Кельды 70
- Яллак-тепе 50, 52
- Яньфуе 111, 112
- Яксарт см. Сырдарья
- Янгуань 111
- Яркент 111
- Яхсу 70

УКАЗАТЕЛЬ НАРОДОВ И ПЛЕМЕН

- арабы 35
арахоты 97
арей 97
армяне 172
асианы 101
асии 101
- бактрийцы 7—10, 32, 33, 96, 97, 123,
151, 169, 171
- варны 91
- гирканцы 171
греки 10, 11, 16, 33, 100, 101, 151, 164,
212, 213
гунны см. хунны
- да-юечжи 17, 18, 20, 21, 27, 33—35,
38, 96, 100—103, 105, 107—112, 121,
131, 180, 182
дахи/дан 33
дранги 97
- египтяне 7
- индийцы 9, 38, 123, 194
- кангюй (канцзюй) 101
кидариты 139
китайцы 164, 172, 182
комары (хомары) 37
кушаны 18, 19, 25, 28—31, 40, 43, 72,
79, 86, 103, 121, 123, 131—140, 170,
175, 177, 178, 181, 194—196, 202,
206—208, 214, 222, 225, 229, 231,
234
- македонцы 10
мидяне 7
парфяне 19, 96, 97, 109, 196, 207
пацианы 101
персы 7, 136
- роксаланы 109
- саки 7, 8, 37, 101, 102, 107, 108
саравакы (сарауки, сакаравалы) 101
сарматы 106, 108, 109
сатархи 109
скифы 7, 101
согдийцы 7, 9, 10, 97, 101, 181
сэ 101, 102
- таджики 38
тохары 33—35, 37, 101—103, 109
туркмены 38
тюрки 132
- узбеки 38
усуни 101, 107, 108
- хиониты (хоны) 133, 136, 139, 140,
172
хорезмийцы 7
хунны (гунны) 100, 105, 108, 110,
167
- эллины см. греки
эфталиты 132, 139
- юечжи из рода Чжаову 102
- ятии 34

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Исторический фон	5
<i>Часть I. ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ</i>	32
<i>Глава 1. Географические границы Бактрии</i>	32
<i>Глава 2. Археологические памятники Бактрии кушанского периода и их географическое размещение</i>	42
А. Правобережье Амударьи	45
1. Сурхандарьинская долина	47
2. Гиссарская долина	56
3. Нижнекафирниганская и Бишкентская долины	59
4. Вахшская долина	65
5. Бассейн Таирсу — Кызылсу (Дангаринское плато и Пархарская равнина)	70
6. Отдельные памятники по правому берегу Амударьи и Пянджа	73
Б. Левобережье Амударьи	75
1. Долина р. Балхаб	75
2. Долина р. Дарья-Сафед	78
3. Долина р. Хульм	79
4. Долина р. Кундуздарья (или Сурхаб)	80
5. Долина р. Кокча	81
В. Западный Памир	82
<i>Глава 3. Историческая география Бактрии в свете археологических данных</i>	84
<i>Глава 4. Вопросы истории Бактрии накануне сложения Кушанского государства</i>	96
<i>Глава 5. Бактрия в составе Кушанского государства</i>	110
А. Бактрия как родина Кушанского государства	110
Б. Бактрия как одна из основных областей Кушанской империи	122
В. Бактрия как оплот Кушанского государства в период упадка империи	130
<i>Часть II. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ</i>	141
<i>Глава 6. Истоки культуры кушанской Бактрии и международные связи кушанской эпохи</i>	141
<i>Глава 7. Религии, культы и культовые памятники кушанской Бактрии</i>	173
<i>Глава 8. Языки и письменности кушанской Бактрии</i>	210
<i>Глава 9. Художественная культура кушанской Бактрии</i>	222
<i>Приложение 1. Находки подражаний чекану Гелиокла и Евкратиды и монет «Герая» в Бактрии</i>	239

I. Подражания чекану Гелиокла	239
II. Подражания чекану Евкратиды	241
III. Монеты «Герая»	241
<i>Приложение II. Основные археологические памятники Бактрии кушанского периода . . . . .</i>	<i>243</i>
Список сокращений	257
Библиография	259
Указатель имен	283
Указатель географических названий	287
Указатель народов и племен	294

Борис Яковлевич Ставинский

КУШАНСКАЯ БАКТРИЯ:
проблемы истории и культуры

Редактор *Н. Б. Кондырева*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художник *С. А. Литвак*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Э. С. Теплякова*.
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ 13104

Сдано в набор 1/VI 1977 г. Подписано к печати 19/X 1977 г. А-02981. Формат 60×90^{1/16}
Бум. № 1. Печ. л. 18,5. Уч-изд. л. 22,16. Тираж 2000 экз. Изд. № 3971. Зак. № 421
Цена 2 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ил. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
27	20 св.	Kaniška—Papers on the Date of Kaniška, с. 258.	Е. В. Зеймаль. Кушанское царство, с. 12.
96	5 св.	В 114 г. до н. э.	В 141 г. до н. э.
174	4 св.	округа	круга
232	2 св.	пятен	пятна
267	5 св.	Луконин Б. В.	Лунин Б. В.
296	13 св.	Ставинский	Ставиский

